

ФРИДРИХ ГОРЕНШТЕЙН

ТРИ ШЬЕСЫ

СЛОВО
WORD

**ЦЕНТР КУЛЬТУРЫ
ЭМИГРАНТОВ ИЗ СОВЕТСКОГО СОЮЗА**

CULTURAL CENTER FOR SOVIET REFUGEES

Нью-Йорк.
1988

ФРИДРИХ ГОРЕНШТЕЙН

ТРИ ПЬЕСЫ

NEW YORK

1988

Фридрих Горенштейн
ТРИ ПЬЕСЫ
Обложка и иллюстрации
художника Ильи Шенкера
Издательство "Слово"
Центра культуры эмигрантов
из Советского Союза

Friedrikh Gorenstein
TRY PYESY (Three Plays)
Cover design and illustration by
Ilya Shenker
Copyright 1988 by Friedrikh Gorenstein
All rights reserved
Library of Congress Catalog Card Number:
88-071994
Published by:
WORD (Cultural Center for Soviet Refugees)
39 East 33rd Street, Suite 9M,
New York, N.Y. 10016
Tel.: (212)684-2356

СПОРЫ О ДОСТОЕВСКОМ

Драма в двух действиях

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

- Эдемский Роман Григорьевич — литературовед, автор работы „Атеизм Достоевского“
- Жуовьян Сергей Сергеевич — литературовед, товарищ Эдемского по университету.
- Чернокотов Василий Васильевич — бывший студент университета, ныне лицо без определенных занятий.
- Хомятов Алексей Иванович — известный литератор.
- Вартаньянц Павел Дмитриевич — главный редактор издательства.
- Соскис Михаил Залманович — зам. главного редактора.
- Кугушев Олег Андреевич
- Труш Элем Анатольевич
- Петрузов Федот Тимофеевич — члены редакционного совета
- Колмакова Ольга Юрьевна
- Карабинович Зоя Константиновна
- Лобачев Георгий Исаевич
- Шмүлер-Дийсний Борис Борисович | — профессора
- Монцевич Николай Станиславович | университета
- Вера Степановна — секретарь главного редактора
- Ирина Моисеевна |
- Сашенька | — стенографистки
- Валя — буфетчица
- Иван — швейцар
- Касьяновна — уборщица.

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ

Большая комната, или, вернее, небольшой зал в старом особняке, где любят размещаться современные творческие учреждения. С высокого потолка спускается тяжелая люстра — бронза и хрусталь... Потолок и стены отделаны красным деревом. Окна закрыты спускающимися до полу шторами на кольцах. Т-образно, в стандартно-заседательском стиле составлены дорогие полированные столы. Вдоль стен мягкие стулья и полукресла. За председательским креслом стена занята под старинную полировку сделанными книжными шкафами, плотно забитыми томами БСЭ — Большой Советской Энциклопедии, а также темно-красными и темно-синими корешками Политиздата. На стене портреты Пушкина, Лермонтова, Тургенева и Горького. Со всем этим не гармонирует расположенный в углу бронированный, защитного цвета казенный шкаф — сейф. На сейфе стоит маленькая, нарядно украшенная елка.

Утро. Время предрбочее. За столом сидят две стенографистки: пожилая, с рыжими крашеными волосами на лысеющей голове — Ирина Моисеевна и тоненькая, под мальчика стриженная Сашенька. Вера Степановна — секретарь — женщина „под сорок“ раскладывает на столах бумагу и карандаши. Касьяновна — уборщица — совсем почти старушка, кончает уборку. Двигается она неторопливо, как-то вывернув локти назад и комкая тряпку обеими руками.

К а с ь я н о в н а. Новый год, а погода, как на Пасху... Тыфу, чтоб тебе, нечистому, поперек поясницы *(смеется)*.

И р и н а М о и с е е в н а. Да, да, мокрый снег с дождем, грипп... Со всем не по-новогоднему *(к секретарше)*. Верочка, мы с Сашенькой правильно сидим?

В е р а С т е п а н о в н а. Если не трудно, поближе пересядьте. Павел Дмитриевич любит, чтобы стенографистки рядом находились... Соскису, тому все равно.

К а с ь я н о в н а. Раньше все лучше было... Магазин раковых консервов на углу *(смеется)*.

В е р а С т е п а н о в н а. Каких еще там раковых консервов?

К а с ь я н о в н а. Крабы в натуре *(смеется)*.

И р и н а М о и с е е в н а. Как я перепугалась, когда распространились слухи, что Павел Дмитриевич умер... Но как же он прямо из больницы на работу? Ему бы в санаторий месяца на два.

В е р а С т е п а н о в н а. Что делать? У меня над ним власти нет. У него жена, сыновья взрослые...

И р и н а М о и с е е в н а. Как эти умные мужчины все-таки бывают глупы в личном.

Вера Степановна молча достает из ящика коробку разноцветных карандашей и, вынув несколько — красный, зеленый, коричневый, заботливо укладывает их вокруг председательского блокнота.

И р и н а М о и с е е в н а. А этот Эдемский... Я его никогда не стенографировала... Молодой автор?

В е р а С т е п а н о в н а (*раздраженно*). Этот Эдемский из пожилых вундеркиндов. Наше время — время пожилых вундеркиндов.

И р и н а М о и с е е в н а. Значит, будет скандал. А ведь после скандала всегда стенограмму требуют. Наговорят друг другу гадостей, а потом стенографистки виноваты. Помню, в прошлом году один другого безмозглой котлетой обозвал. Люди пожилые, уважаемые... Так вот потом этот уважаемый доказывал, что безмозглую котлету ему стенографистка написала...

К а с ь я н о в н а (*вытирая председательский стол*). На Пасху, помню, пойдут к покойникам на кладбище поминать... Выпьют, поругаются... Выдергивают кресты из могил и прямо этими крестами дерутся (*смеется*).

В е р а С т е п а н о в н а. Вы бы, Касьяновна, поторопились, сейчас уже народ сходиться начнет.

К а с ь я н о в н а. Бу-бу-бу, бу-бу-бу, а я с семи утра на ногах (*плачет*).

Входит Валя, буфетчица по должности и по внешнему облику. Крепкая, невысокая, короткорукая, но с некоей своеобразной женственностью, свойственной физически сильным женщинам.

В е р а С т е п а н о в н а. Валя, десять стаканов чая с лимоном, нет, даже пятнадцать.

В а л я. Сахар кусковой или прямо в чай?

В е р а С т е п а н о в н а. Кусковой на блюдечках и бутерброды с сыром.

К а с ь я н о в н а. Валя, у тебя мирмилад сегодня в буфете есть?

В а л я. Подожди, Касьяновна (*к Вере Степановне*). Я по безналичному бутерброды сегодня не могу...

Звонит телефон.

В е р а С т е п а н о в н а (*берет трубку*). Алле... Одну минуту (*кричит*)... Павел Дмитриевич, вас. (*К Вале*.) Сегодня расширенный редсовет, будут гости из университета и, может быть, даже сверху. Я сама в бухгалтерии договорюсь насчет бутербродов, ты не волнуйся.

К а с ь я н о в н а (*Вале*). Мне бы триста грамм мирмилада.

В е р а С т е п а н о в н а. Да подождите, Касьяновна.

К а с ь я н о в н а (*всхлипывая*). Ты мне не начальник. У меня Вартаньянц начальник... Бу-бу-бу, бу-бу-бу... Чтоб вы все сгорели (*выходит*).

В а л я. Давно бы Касьяновну на пенсию. Терпеть не могу хитрых и грубых старух. Когда видишь грубую старуху, так и кажется, что ей мужчины хочется.

И р и н а М о и с е е в н а. Зачем же так пошлить? Я тоже старая женщина, и вы тоже не девочка...

Входит Вартаньянц, высокий, костлявый, с желтизной в лице и в дорогом костюме, висящем на нем как на вешалке.

В е р а С т е п а н о в н а (*шепотом*). Алексей Иванович...

В а р т а н ь я н ц (*торопливо берет трубку*). Добрый день, Алексей Иванович... Вартаньянц... Да, очень рад... Ждем вас... Да, к десяти... Ну, тогда хотя бы к концу... Мы всегда вам рады... (*коротко засмеялся, некоторое время слушает молча*.) В принципе, я с вами абсолютно согласен... Тема, предложенная автором, вообще весьма обнадеживала... Буржуазное литературоведение пытается фальсифицировать наследие Достоевского в большей степени, чем всех иных авторов критического реализма вместе взятых. Да... Именно я был главным сторонником вступления с автором в договорно-финансовые отношения... Мне даже пришлось, признаюсь,

выдержать целую баталию с рядом товарищей... В частности с заместителем моим, Михаилом Залмановичем Соскисом... Я вас не отвлекаю, Алексей Иванович?.. Просто мне хотелось бы с вами посоветоваться... Положение сложное... Я знаю, что вы с интересом... Так в том-то и дело... Если бы мы имели дело с рвачом, с откровенной халтурой... Но надо признать, во многом Соскис был прав... Он сам специалист по Достоевскому, отдал этой теме пятнадцать лет своей жизни... Его сразу же насторожило... Нет, для этого мы и собираемся, чтобы отделить пшеницу от плевел... Мы вас ждем, Алексей Иванович... Я? Да, действительно немного приболел, но, наконец, кажется, выкарабкался... Спасибо... В любой момент рады вам... Всего вам доброго... *(Вешает трубку и, подняв голову, замечает стоящего на пороге бедно, неряшливо одетого человека с толстым потертым портфелем. Сразу сухо.)* Вам что, товарищ?

Человек. Моя фамилия Чернокотов... Василий Чернокотов, не слышали?

Вартаньянц. Нет. Что вам угодно?

Чернокотов. Давайте познакомимся *(подходит и протягивает руку)*. Чернокотов... Фамилия сибирская... Разбойничья... Не фамилия, а кличка... Фамилия — это закордонное слово... У нас на Руси испокон веков кличка была... Как, мол, тебя кличут? Говорят, казак Чернокот рядом с Ермаком Тимофеевичем плечом к плечу... Семейная легенда... Но Ермак Тимофеевич утонул в Иртыше, а Чернокот пробился сквозь татарские полчища и основал династию Чернокотовых.

Вартаньянц *(нехотя подав руку)*. Что вам угодно?

Чернокотов. Я без приглашения. Случайно узнал... Русскому человеку трудно отказать себе в удовольствии поговорить о Федоре Михайловиче... Тем более, в университете, который по превратности судьбы не окончил, меня, мужик, Марей звали... По облику... Годам к пятидесяти, если доживу, обязательно заведу себе темно-русую окладистую бороду *(по разговору чувствуется, что Чернокотов пьян, но пьян привычно, то есть в полном сознании, разве что более остер, ироничен и быстрее в мыслях)*.

В а р т а н ь я н ц (*раздраженно*). У нас сегодня закрытый редсовет...

Ч е р н о к о т о в. Мне Соскис Михаил Залманович разрешил... Вы меня не знаете, а Михаил Залманович меня знает... А раз знает — значит, доверяет... А раз доверяет — значит, проверяет...

В а р т а н ь я н ц (*раздраженно*). Не морочьте мне голову, молодой человек, здесь не место для шуток.

Входит Т р у ш, невысокого роста, подвижный, явно из „маленьких мужчин“.

Т р у ш. Здравствуйте, Павел Дмитриевич, с выздоровлением.

В а р т а н ь я н ц. Спасибо. Как ваше впечатление?

Т р у ш. Я высказал вам по телефону... Помните, у Достоевского — вся ошибка этих людей в том, что они видят всегда русский прогресс единственно в самооплевании.

Ч е р н о к о т о в. Это, Элем, Федор Михайлович все-таки о других говорил. Эти уже не на себя, а на нас плюют.

Т р у ш. Здравствуй, Вася, здравствуй, дорогой! Кота-то я и не заметил... Ты к нам?

Ч е р н о к о т о в. Да вот гонят...

Т р у ш. Ну, не смей меня, кто ж тебя прогнать может? И зачем? Разве что по недоразумению. (*К Вартаньянцу.*) Вы не знакомы, Павел Дмитриевич?

В а р т а н ь я н ц (*сухо*). Как будто познакомились.

Входит П е т р у з о в. Человек с лицом ответработника средней руки. Это крепкий, плотный мужчина. Здоровается за руку с Вартаньянцем и Чернокотовым.

Труш, который при появлении Петрузова отошел в сторону, обменялся с вошедшим сдержанным поклоном.

Т р у ш (*с вызовом глядя на Петрузова*). Конечно, во времена культа личности, когда Достоевский вообще был заключен гробовыми досками, как статуи в Летнем саду в Ленинграде, трудно было говорить о Федоре Михайловиче без ранее заготовленного набора формулировок, но сегодня мы его в обиду никому не дадим... Ни догматикам, ни декадентам.

Чернокотов (*со злым весельем*). Верно, Элем... Так их, ату! Не дадим себя обижать ни внешним, ни внутренним иностранцам... (*После паузы, потише.*) Какой-то французик назвал творчество Федора Михайловича мерзким, как храм Василия Блаженного...

Лобачев (*входя*). Не мерзким, а чудовищным... (*Здороваясь со всеми за руки.*) Это Мельхиор де Вогюе... Тот самый, который обнаружил в произведениях Достоевского ожесточенную борьбу с мыслью, с полнотой жизни... И дай Бог памяти, освящения идиотизма, пассивности, бездеятельности...

Труш. Сукин он сын!

Чернокотов. Именно сукин... Но важно другое, кто же эта сука... Чтоб так заявить, надо сильно ненавидеть Россию... А французики — это канареечная нация... На настоящую ненависть они не способны... Они и в ненависти развратны, как в любви... Нет, это им изнутри подсказали... Это из „наших“ кто-то...

Петрузов. Сейчас последний крик моды все на культ личности валить... А в прежние времена такие космополитические заявления о храме Василия Блаженного и в дискуссионном порядке не могли появиться.

Труш (*саркастически улыбаясь*). Тоска по покойнику с Кавказа... Он и без дискуссии храмы с лица земли сносил... Великий храм Спаса разрушил, национальную реликвию...

Петрузов. Не надо все валить в кучу. Ошибки — это ошибки, а достоинства — это достоинства. Не надо плевать только оттого, что слюна во рту накопилась.

Чернокотов. Обидно мне глядеть на вас, братья славяне... Два русских человека, а по пустякам готовы друг друга в корыте утопить.

Труш (*нервно*). Тридцать седьмой год пустяки... У тебя ж самого семью раскулачили, по миру пустили...

Чернокотов. Элемчик, дорогуша моя, нельзя же все время на одном застревать. Было да прошло. Чего только не было у нас, да прошло. Храмы рушились, города горели, жен наших насиловали, а мы вот они — живы... О вечном думать надо... А вечное для нас с вами — это Россия.

Петрузов. Хорошее у тебя лицо, Вася, становится, когда о России начинаешь говорить. Политрук у нас был в роте, убили его под Ростовом в сорок первом, на него лицом похож становишься... Только пил бы поменьше.

Чернокотов роется в портфеле, достает один из томов, весь в закладках, затем другой.

Труш. Ты что, Вася, полное собрание Достоевского с собой таскаешь?

Чернокотов. Таскаю. Полное собрание... Я теперь за городом живу... Комнатушка ничего, теплая... И электричкой полчаса... Устанешь как-нибудь, затоскуешь, или голодного червяка заморить надо, или жажду... Русская жажда, знаешь, какова? Так вот возьмешь этак наугад, раскроешь... *(читает.)* „...явятся и бесчисленные другие, все те, кто прежде так жаждали верить в русского человека, но не могли проявиться и итти против всего царившего наруже отрицания и пессимизма...“

Труш. Тебе б, Вася, на работу устроиться.

Чернокотов. Так ведь всюду „наши“. Характер менять надо... А характер у меня раз и навсегда сколочен, сибирский...

Петрузов. Позвони мне в середине той недели *(отходит к Вартаньянцу, с которым стоят и разговаривают Лобацев, Шмупер-Дийсный и Монцевич)*.

Чернокотов *(Трушу)*. Разогнаться бы с высокой горы... У нас в Сибири, знаешь, какие горы... Ребяшня любит с них... Смех, солнце светит красное — морозное, собаки лают... Хорошо... Разогнаться бы, да в эту поблескивающую очками кучу... Очки бы в разные стороны полетели, вставные челюсти...

Труш *(оглядываясь)*. Ладно тебе, Вася, что-то ты сегодня особенный...

Чернокотов. Я всегда особенный. Я всегда униженный и оскорбленный... Погляди, Федот Петрузов... Не узнать его... Изгибается в поклоне *(понизив голос)*, вот беда, наш разжиревший мужичок первым делом старается с богатыми

знатными евреями подружиться... Это и есть наше нынешнее дворянство... Помнишь, как Суворов просил произвести его в немцы... Так вот, примут тебя сейчас в евреи, значит, тебе повезло.

Т р у ш (*оглядывается, улыбается*). Ладно тебе, Вася...

С о с к и с (*седой, толстый, с крепким затылком. Входит*). Ну что, все в сборе? Здравствуйте...

Т р у ш. Самого Ымыныныка нету, Михаил Залманович. И дамы отсутствуют... Эдемский, очевидно, с дамами явится, как всегда.

Ч е р н о к о т о в (*громко*). То ли дело, Михаил Залманович, Федот Петрузов... Обратите внимание, явился точно с ударами часов на Спасской башне Кремля.

В а р т а н ь я н ц (*Чернокотову*). Остричь будете в подворотне с собутыльниками.

Ч е р н о к о т о в. Я непьющий, товарищ Вартаньянц. Это поклеп кто-то из завистников возвел.. А если что не так, извините... Я человек темный, из мужиков... Жан-Жака Руссо до половины только одолел. А к Вольтеру и вовсе еще не приступил.

В а р т а н ь я н ц (*Соскису*). Можно вас, Михаил Залманович (*берет его об руку, и они отходят в сторону, о чем-то разговаривая шепотом*).

П е т р у з о в (*Лобачеву*). Надеюсь, литгенерала нас ждать не заставят.

Л о б а ч е в. А что, ожидают кого-то из знатных?

П е т р у з о в. Хомятов должен быть, Алексей Иванович. Я даже слышал, сочинение Эдемского ему как-будто понравилось... Хотя должен признаться, и я не вовсе его отвергаю... То есть не во всем... Конечно, это не может быть принято, это бесперспективнс и в идейном смысле туманно, но как попытка обнаружить в Достоевском новые антирелигиозные демократические тенденции... Труш, тот с пеной у рта против... Но тут надо подумать...

Л о б а ч е в. Прежде всего интересна постановка вопроса. Почему Достоевский самый популярный писатель двадцатого века? И в действительности ли он самый русский из всех наших великих писателей, как изволил заметить один из шум-

ных критиков прошлого и как воспринимают ныне Достоевского на Западе...

Разговаривая, они отходят.

Чернокотов (*Трушу, негромко*). Его превосходительство Хомятов изволят прибыть... Наши знатные полуправительственные мужички, особенно из деревенских, весьма большие любители еврейских женщин... Женятся, заводят в доме еврейский уют... Обед всегда вовремя и обязательно на бархатной скатерти... Вместо водки наливочку в лафитниках. Я бывал в таких домах... Раньше, когда подавал надежды (*улыбается*). Теперь я туда не вхож... Всегда в этих домах пахнет чем-то сладким, каким-то сладким соусом... И детки с выпуклыми математическими лбами. Откуда от мужика с бычьей шеей и голубыми глазами такой приплод?.. А мужик наш двигается боком, все боком, как бы чего не раздавить, в собственной спальне ведет себя, как на закордонном дипломатическом приеме — как бы глупость не сморозить...

Труш. Ты, может, домой пойдешь, Вася? А то развезло тебя, я вижу, в духоте... Зачем пить с утра?..

Чернокотов. И ты, Элем, туда же... Я выпил, это верно, но я не пьян... Меня день и ночь та же тоска о потерянной правде мучает, которая Федора Михайловича терзала.

Труш. Я, Вася, в том смысле, что ты сам себе очень навредишь.

Чернокотов. Это верно... Мстить они умеют. Мстят хитро и жестоко... Но и мы ведь не из чурбана вырезаны... Мы арийцы, как любил повторять Федор Михайлович... Мы тоже в жизни ориентируемся...

Соскис (*подходя*). Все спорит молодежь... Я когда думаю о молодежи, всегда вспоминаю Шиллера... У него при перечислении действующих лиц дан исчерпывающий анализ молодости... Сказано: молодые люди, потом — разбойники.

Труш. У Шиллера сказано — развратные молодые люди, потом — разбойники.

Чернокотов. Михаил Залманович, русский человек, как бы на него ни клеветали, ненавидит разврат. Но он не

верит и в зарубежную католическую добродетель... В мировой литературе нет более пылкой и прекрасной женщины, чем бледненькая Соня Мармеладова... Нет более целомудренной... Помните, Михаил Залманович, мое сочинение на втором курсе... За полгода до отчисления.

С о с к и с. Оно, кажется, называлось „Соня Мармеладова — Венера петербургская“. Ну и влетело же мне тогда за вас, теперь уже можно признаться.

Ч е р н о к о т о в. Вам, Михаил Залманович, вообще за меня достается... По-моему, и сейчас Вартаньянц обо мне вам выговаривал.

С о с к и с. Да, но я обещал, что вы будете вести себя прилично... Вы талантливый человек, Вася. К чему вам эта скандальная репутация?

Ч е р н о к о т о в. Ах, Михаил Залманович, под скандальной репутацией у нас понимают, как заметил Федор Михайлович, давнишний исторический испуг наш перед дерзкой мыслью о возможности русской самостоятельности... Вопрос непростой, но разрешимый. Если бы все, кто нам противостоит, напоминали бы вас, Михаил Залманович... Помните, у Достоевского похороны „общечеловека“? Вы мне доктора Гинденбурга напоминаете, святого общечеловека. Помните, как его всем городом в последний путь?.. И он лежал в гробу в стареньком вицмундире. Старым платком была обвязана его голова, эта „милая голова“, как пишет Федор Михайлович. Вспомнишь, просто до слез...

С о с к и с. Вы мне льстите... Лесть, или, лучше сказать, снисходительность, не всегда порок, но чаще всего добродетель, особенно в молодые годы. Жан-Жак Руссо... *(Смеется.)*

Ч е р н о к о т о в. Вы, Михаил Залманович, передвижная энциклопедия — и большая и малая... А как Ревекка Семеновна, как девочки?

С о с к и с. Спасибо... Мы вас недавно вспоминали. Вам бы опять попытаться в университет. Я хоть и не работаю теперь там, но мог бы помочь... Главное, Вася, вам жизнь наладить, тогда озлобление пройдет.

Ч е р н о к о т о в. Для того чтобы исчезло озлобление, не-

обходимо счастье... А русскому думающему человеку очень трудно быть сегодня счастливым...

С о с к и с. Опять двадцать пять...

Ч е р н о к о т о в. Вернее, сорок восемь...

Т р у ш. Явились наконец (*кивком показывает на вошедших Эдемского, Жуовьяна, Колмакову и Карабинович*).

С о с к и с (*Эдемскому, сердито*). Мы вас ждем уже полчаса... Весь редсовет в полном составе.

К о л м а к о в а. Это я виновата, он за мной заехал, а у меня мама болеет. Задержались.

К а р а б и н о в и ч. Не надо скандалить до начала полемики, дорогой Михаил Залманович... Простите и полюбите нас и помилуйте.

С о с к и с. Вас я всегда готов прощать и миловать, дорогая Зоя Константиновна. (*К Жуовьяну*): А вы по какому поводу?

Э д е м с к и й. Это мой товарищ по университету, литературовед. Я хотел бы, чтобы он присутствовал на обсуждении.

К а р а б и н о в и ч. Михаил Залманович, Сережа Жуовьян хоть и с крайностями, но в остальном очень милый и толковый человек... Я настолько в том уверена, что говорю об этом в его присутствии.

С о с к и с. Жуовьян... Что-то припоминаю... Даже помню вас... Это вы...

Ж у о в ь я н. Нет, нет...

С о с к и с. Что?

Ж у о в ь я н. Вы ошибаетесь... Я не армянин, а русский... Вернее, дед мой — обрусевший бельгиец...

С о с к и с (*смотрит некоторое время на Жуовьяна*). Только ради Бога без крайностей, о которых Зоя Константиновна говорила...

Э д е м с к и й (*Жуовьяну, тихо*). Сережа, и черный кот здесь... Работать он сюда устроился, что ли?..

Ж у о в ь я н. Я слышал, он под следствием находился, по делу о каком-то рукописном издании славянофилов... Но вряд ли что-нибудь серьезное, иначе его Вартастьянц не пригласил бы...

Эдемский. Это не Вартастьянц... Это Соскис, пожалуй, пригласил...

Колмакова (*наклонившись, тихо Эдемскому*). Рома, с минуты на минуту должен приехать Хомятов.

Эдемский (*раздраженно*). Ну, и что?..

Колмакова. Станный ты, это наш единственный шанс...

Чернокотов (*тихо*). И Жидовьян здесь... Я с ним на первом курсе дрался...

Труш. Тише ты, Вася, не шуми.

Чернокотов. Да черт с ним... Бесовье биробиджанское... Посмотри лучше, какая девочка сидит, только сейчас заметил... Бледненькая, ясноглазая, лишь волосы не русые, а темные... А может, и у Сонечки Мармеладовой волосы были не русые, а темные... Это от татар у нас... А бледность лица и ясные глаза — северное... Наше... Посмотри, вон она, Венера Петербургская...

Труш. Это стенографистка.

Чернокотов. Всего-навсего... Но я хочу с ней рядом сесть...

Труш. Перестань дурить... Чуть у нас сердечная невинность, сразу мы дурим... Здравствуйте, Сонечка...

Сашенька. Меня Саша зовут.

Чернокотов. Явное недоразумение. Ваши родители не читали Достоевского. Но вы в этом не виновны... Как сказано — в убийстве отца невиновен... Да... Можно рядом с вами?

Сашенька. Садитесь, мне все равно.

Ирина Моисеевна. Только не мешайте ей работать.

Чернокотов. Вы ее опекунша?

Труш. Хватит тебе, Вася.

Чернокотов (*Ирине Моисеевне*). Мешать я ей не буду, но разрешите мне изредка на нее молча поглядывать. (*К Сашеньке*.) Вы не возражаете?

Сашенька. Смотрите, мне-то что...

Чернокотов. Я буду смотреть на вас с ожиданием... По-собачьи... У собаки всегда ожидание во взгляде...

В а р т а н ь я н ц. Будем начинать, товарищи... Пожалуйста, Михаил Залманович...

С о с к и с. Товарищи, нам предстоит обсудить работу Романа Эдемского „Атеизм Достоевского“...

Т р у ш. И подзаголовок...

С о с к и с. Что?

Т р у ш. Я говорю, подзаголовок также весьма важен: „Духовные поиски, или научный психоанализ“.

С о с к и с. Да, именно, с подобным подзаголовком... Слово предоставляется редактору Ольге Юрьевне Колмаковой.

Т р у ш. Извините, Михаил Залманович, и вы, Ольга Юрьевна, хоть это и в нарушение распорядка, я бы все-таки попросил слова для короткой реплики.

С о с к и с. Ну, что ж... Поскольку обсуждение у нас сегодня вообще необычное... Только коротко, Элем...

Т р у ш. Считаю своим долгом заявить — уже само наименование этого сочинения, не говоря о его подзаголовке, дает повод обвинить Р. Эдемского в том, что он упростил идейную проблематику Достоевского, в лучшем случае не разобравшись в ней и оказавшись в положении некоего персонажа Крылова...

Ч е р н о к о т о в. Публично критикующего слона.

Ж у о в ь я н. Только без заборной полемики...

Т р у ш. Я не тот персонаж имел в виду, товарищ не понял...

С о с к и с. Просьба не выкрикивать с места и не перебивать.

Ч е р н о к о т о в. Правильно!

Т р у ш. В недобрые времена культа личности, когда наш русский гений Федор Михайлович Достоевский был лакейски распят на кресте догматических формулировок эрудитами типа Степана Тимофеевича Верховенского...

Ж у о в ь я н. Это исключительно по социальной и литературной безграмотности.

С о с к и с. Повторяю, просьба, с мест не выкрикивать.

П е т р у з о в. К вашему сведению, в тридцатые и сороковые годы Достоевский издавался огромными тиражами

наряду с другими представителями критического реализма. Так что я в какой-то степени согласен с Жуовьяном... Перегибы, конечно, были. По безграмотности кое-кто Достоевского отталкивал тогда.

С о с к и с. До чего ж неорганизованный народ.

Ч е р н о к о т о в. А вы, Михаил Залманович, не нервничайте...

П е т р у з о в. Интересно, что враги поняли Достоевского раньше, чем друзья. Французские националисты-католики, например, прямо заявляли, что Достоевский проповедует большевизм... Не социализм даже, не социал-демократию, а именно большевизм...

В а р т а н ь я н ц. Товарищи, просьба не отвлекаться от темы.

Ч е р н о к о т о в. Поскольку Достоевский бессмертен, будем считать, что он ныне заживо реабилитирован (*смеется. К Сашеньке*). Вот так мы умеем посторонних смешить... Друг друга по зубам... Вон оно русское решение вопросов.

С а ш е н ь к а. Перестаньте мне мешать (*к Трушу*). Простите, повторите, пожалуйста, фамилию.

Ч е р н о к о т о в. Верховенский Степан Тимофеевич... Это из „Бесов“.

Т р у ш. Так как всякое мое слово вызывает возражения некоторых лиц, я позволю себе прочитать первую страницу сочинения Эдемского... Первоисточник.

К о л м а к о в а. Все присутствующие здесь читали... И с вашей стороны это уже не реплика, а выступление.

Т р у ш. Во-первых, читали не все. А во-вторых, если и читали, то давно... Редсовет дважды переносился... Неплохо бы освежить в памяти... Итак, читаю: „Сегодня Достоевский заслоняет собой всю великую российскую литературу девятнадцатого века, не вбирает в себя, не венчает, а именно заслоняет, как тень. Ему удастся заслонить даже Толстого. Еще в большей степени самого Пушкина. Только Чехову, как это ни странно на первый взгляд, удастся протиснуться и встать рядом. Все же остальное почитается, но отодвинуто. Или, что хуже того, вся российская литература девятнадцато-

го века ныне воспринимается под углом зрения Достоевского и через Достоевского. И у нас и на Западе". Конец цитаты... Казалось бы, радоваться надо и благодарить, что интерес к Достоевскому пробудил на Западе интерес к русской литературе. Ан нет, и здесь недовольство...

М о н ц е в и ч (*старичок с профессорской внешностью и аппетитными губами гурмана*). М-да... Хе... Фи... Эп... эп... Очень верное наблюдение... Я в том смысле, что согласен с автором, а не с его оппонентом. Студенты всегда охотнее занимаются Достоевским... А Гончаров, например, или Фет... Тут пробелы неуспеваемости... Это... Хе... Фи... Эп... Тут верное наблюдение.

Ш м у л е р-Д и с н ы й (*лекторским говорком, в котором чувствуется привычка не выступать, а подводить итог*). У меня вообще только в юности был любимый писатель... В зрелости у меня любимого писателя не стало. Сегодня мне нужен Толстой, завтра Фет, потом Пушкин, в пятницу Достоевский, а в субботу опять тот же Фет.

Открывается дверь и появляется запыхавшийся **К у г у ш е в**.

К у г у ш е в (*молодой человек, одетый модно и с достатком, при русской бородке и усиках и чем-то напоминающий Чернокотова по облику*). Прошу прощения за опоздание. Общий поклон.

С о с к и с. Вы так редко ходите к нам на редсоветы, Олег Андреевич, что мы о вас уже забывать начали.

К у г у ш е в (*разводит руками*). Все дела, Михаил Залманович... Я и сегодня был занят... Но Достоевский... И, наконец, работа достаточно своеобразна.

Т р у ш. По крайней мере, шумна.

В а р т а н ь я н ц. Олег Андреевич, товарищи... Работа нам предстоит трудная. Давайте не отвлекаться.

Т р у ш. Я кончаю (*заглядывает в рукопись, листает*). Это все пропустим, это общие места... Вот он, гвоздь сезона, как говорит газета „Советский спорт“ (*цитирует*). „В последнее время, то есть где-то с начала века, Запад все время норовит назначить России „русского гения“... Но если возвы-

шение Достоевского, ставшее неизбежным после всемирной подмены духовных поисков научным психоанализом, носит все же трагический характер, то подобные же явления в наше время напоминают уже фарс..." Выходит, русского гения Достоевского нет... Есть некий Достоевский, доставленный с Запада в plombированном вагоне...

К о л м а к о в а. Только не надо передергивать.

Т р у ш. А про нынешний фарс... На кого это намекается, против кого выпад?..

В а р т а н ь я н ц (*поспешно и сердито*). Давайте не заниматься дрызгами, Элем Анатольевич, вы меня извините... И если Запад пытается присоединить к Достоевскому нынешних литературных оборотней, то давайте не будем этому способствовать...

К а р а б и н о в и ч. И давайте все-таки обойдемся без домыслов. Раз вы взялись читать текст, читайте его без комментариев.

Т р у ш. Без комментариев текст читается диктором. А поскольку дикция у меня недостаточно хороша, то я уж как-нибудь так... по-своему...

Ч е р н о к о т о в. Правильно, Элем.. Вы согласны, Сашенька?

И р и н а М о и с е е в н а. Товарищ, не мешайте работать.

Т р у ш. Достоевский как художник — величайший гуманист всех времен и народов — выстрадал право быть совестью униженных и угнетенных... И потому исказить Достоевского в угоду собственной корысти, по меньшей мере, кощунственно.

С о с к и с. Вы кончили, Элем Анатольевич?

Т р у ш. В общих чертах... Но я еще буду выступать.

С о с к и с. Пожалуйста, Ольга Юрьевна.

К о л м а к о в а. Я помню, с каким интересом было встречено появление данного автора у нас... То есть я имею в виду его замысел. Он был тогда единодушно одобрен.

Т р у ш. Не надо гиперболизировать. И я, и Михаил Залманович Соскис с самого начала видели в этом грубую вульгаризацию.

К о л м а к о в а. Во всяком случае, большинство было за.

И Лобачев Георгий Исаевич, и Петрузов Федот Тимофеевич, и Кугушев Олег Андреевич, и вот Зоя Константиновна, да и сам Павел Дмитриевич Вартаньянц...

В а р т а н ь я н ц. Извините, уважаемая Ольга Юрьевна, давайте будем говорить не о том, что было, а о том, что есть.

Ч е р н о к о т о в. Правильно.

Т р у ш. Ладно тебе, Вася...

К о л м а к о в а. Так что же есть, если уж так прямо ставить вопрос... Есть, на мой взгляд, талантливая, хоть и спорная работа, исследующая новые, неисследованные области творчества Достоевского.

Т р у ш. Это исследование имеет своим предтечей исследование одной француженки об угловых домах, в которых жил Достоевский. Достоевский, мол, стремился нанять комнату всегда в угловом доме... Этому посвящена целая монография... В угловых домах человек, мол, не чувствует себя в ряду, у него впечатление разъединения... Угловой дом как символ духовной свободы (*смех*).

К о л м а к о в а. Я не вижу у нашего автора ничего общего с этой, действительно, нелепой теорией. Эдемский прикасается к глубинам трагизма в мыслях Достоевского.

Т р у ш. Правильнее было бы сказать „к истокам“, по крайней мере, это по-русски...

К а р а б и н о в и ч. Пора прекратить все выкрики с мест.

К о л м а к о в а. Иван Карамазов и Раскольников, как правильно заметил автор, две основные фигуры творчества Достоевского. Это по-настоящему глубокие и цельные атеистические фигуры... Это фигуры, напрочь отрицающие Бога...

Ч е р н о к о т о в. Автор-то заметил... А вы сами что заметили?

В а р т а н ь я н ц. Я в последний раз вас предупреждаю, Чернокотов.

Ч е р н о к о т о в. Ведь я не один с места... Здесь творческая полемика. Почему же ко мне такое отношение?

Т р у ш. Ладно, тише, Вася...

К о л м а к о в а. Достоевский пришел к атеизму не из

изучения философских воззрений, а, главным образом, само-наблюдением. Он пришел к атеизму не разумом, а наощупь. В этом его сила и в этом его слабость.

Т р у ш. Во время культа личности нам внушали, что Пушкин декабрист, а Герцен марксист. Теперь новое открытие: Достоевский — диалектический материалист... Чуть ли не заотделом пропаганды и агитации.

Ж у о в ь я н. Судить о всякой работе нужно по самой работе, а не по тому, как она понята даже и теми, кто ее положительно оценивает.

К о л м а к о в а. Я считаю, что мое понимание во многом близко авторскому, за исключением частных, по которым я с автором не согласна... Я, например, не согласна, что главная тайна человека вне человека... Это и туманно и неверно. Однако в целом я считаю работу интересной и „за“ обеими руками.

Э д е м с к и й. Но ведь это не частность, а основа основ... Это, может быть, ключ к моему пониманию творчества Достоевского... В человеке или вне человека главная тайна... Русские мальчики, это любимое выражение Достоевского, русские мальчики в грязных трактирах, решающие мировые божеские вопросы.

Ч е р н о к о т о в. Именно русские мальчики... В том-то и дело, что русские...

Э д е м с к и й. Им не терпится оставить дела человеческие, которые для них — будни, и заняться божескими... Тем не менее, я не могу согласиться с Бердяевым в том, что Толстой обращен к устоявшемуся прошлому, в то время как Достоевский — к невидимому грядущему... Достоевский постигает тайну Божью через тайну человеческую, утверждает Бердяев... Но доступна ли ему тайна человеческая? Доступна ли она художнику, который, по собственному выражению Бердяева, был начисто лишен дара перевоплощения, ибо для того, кто лишен дара перевоплощения, не только грядущее, но и нынешнее возможно только в лабораторной колбе... Явление же в наши дни многих его пророчеств не более, чем оптический обман, рассеивающийся при более внимательном и вдумчивом рассмотрении.

Петрузов. Не во всем я согласен, но насчет пророчеств верно. Это не более, чем пасквилы типа „Бесы“. И недавно Максим Горький...

Соскис. Оставим в покое авторитет Алексея Максимовича... Давайте все-таки не перебивать автора... Выслушаем до конца, чтобы решить дальнейшее.

Эдемский. И еще более важно, можно ли всерьез говорить о пророчествах художника, который не ощущал двупольность человеческого существа, прекрасно переданных немецким философом Яковом Беме. Достоевский единственный из значительных русских литераторов девятнадцатого века, кому была недоступна женская судьба... Ощущая одно лишь мужское начало и будучи начисто лишен доступа к началу женскому, он неизбежно должен был прийти к антихристианской теме свободы как основного вопроса человеческого бытия и к преступлению без наказания Раскольникова. Только ощущение в личности обоих начал, мужского и женского, дает любовь. Однополярная личность жаждет только свободы, а высшее проявление свободы есть убийство... Двупольность личности чувствовал Толстой... Однополярность же ведет к преступлению без наказания... *(Шум, оживление.)* Убийство есть стандартное преступление в человеческой истории еще со времен Каина, но Раскольников совершил качественно новое убийство и стремился к качественно новой свободе, убийство двадцатого века, основанное не на личном эмоциональном порыве, то есть на том единственном, что если не оправдывает, то хотя бы объясняет убийство, а убийство, основанное на личном теоретическом доктринерстве, убийство, которое сперва совершается в теории, а затем осуществляется на практике, оно становится особенно понятным в свете того ультиматума, который предъявляет Иван Христу, а через него Богу: если нет бессмертия — значит, мировой процесс не имеет смысла... А если нет смысла — значит, все позволено, ибо единственное, что твердо видит личность в своем будущем, — это свою могилу... Эта мысль часто являлась людям в виде соблазна и в прошлом, но в двадцатом веке эта мысль стала во главе угла *(Эдемский говорит все более торопливо и воз-*

бужденно). Двадцатый век — это век однополюсности человеческого существа, отделение друг от друга мужского и женского начала, что привело к бурному развитию наук и оскудению моральных ценностей.

Т р у ш. Это Достоевский-то научный писатель?!

Э д е м с к и й. Достоевский есть всестороннее воплощение идеального ревизионизма... Об этом позднее и подробнее, но суть ревизионизма в том, что он проклинаяет и отвергает нечто, опираясь на отвергаемое и проклинаяемое... Достоевский это вторжение научных методов мышления в духовное... Недаром Достоевским восхищались знаменитые ученые Эйнштейн, Фрейд... Творчество Достоевского — это, действительно, рождение душ двадцатого века. Но душ вне плоти... Душ, выраженных не через характер, а через идею...

К у г у ш е в. Вы хотите сказать, через типаж, а не через характер... Но, может, это не Достоевский отменил характер... Может, проблемы, которых касался Достоевский, требовали не характера, а типажа... Может быть, наше время, а Достоевский отражал под масками девятнадцатого века именно наше время, даже не начало двадцатого века, а именно ваше время, может быть. наше время заменило характер типажем, и в этом художественное прозрение Достоевского... Коллективное, массовое существование даже крайнему индивидуалисту вместо характера оставляет только типаж. А типаж не требует плоти.

Э д е м с к и й. С этим я отчасти могу согласиться.

К у г у ш е в. Что значит „отчасти“?

Э д е м с к и й. Отчасти — это значит, что при однополюсности человека характер не требуется... Суть его может быть выявлена и без участия плоти.

К у г у ш е в. Но тому, кто дошел до пределов отчаяния, ни к чему плоть... Достоевский не видит иного пути спасения, как отказ личности от самого себя... Человек никогда не бывает ближе к Богу, чем тогда, когда он доходит до пределов отчаяния.

Э д е м с к и й. Да, но это бог потребителя и неудачника... Это бог индивидуалиста... Индивидуалист подходит к такому богу всегда как вымогатель... Человек наиболее близок к

подлинному Богу, когда он менее всего думает о нем, трудясь для земли, а не для себя.

К у г у ш е в. Но лишь от запутавшегося человека можно ждать вопля о помощи: „Господи, к кому же нам идти... У тебя глаголы жизни вечной...” Лишь будучи выброшен из человеческого общества, Раскольников встретился с Евангелием.

Э д е м с к и й. При взаимном милосердии неба и человека небо доступно даже и преступнику... Вы же, следуя Достоевскому, доказываете, что по-настоящему небо доступно только преступнику...

К у г у ш е в. Есть, конечно, известная запутанность, ее допускал и Достоевский... Культура предлагает обычно прямые пути... Но пути извилистые и есть пути гения.

Ж о в ь я н. Это цитата?

К у г у ш е в. Да, но чья, не помню.

В а р т а н ь я н ц. Позвольте мне все-таки вмешаться в ваш богословский спор... Несмотря на то, что Михаил Залманович просил не прерывать автора, я теперь жалею, что не сделал этого, хоть всегда уважал мнение Михаила Залмановича... А вы, Олег Андреевич... Странно, странно, вот уж не ожидал.

С о с к и с. А я не жалею, что дали автору высказаться... Пора, наконец, поставить точки над „и”.

Т р у ш. Во-первых, явное противоречие. Сперва автор отказывает Достоевскому в пророческом даре, а затем говорит, что некоторые пророчества все-таки сбылись в двадцатом веке.

Э д е м с к и й. Сбылись некоторые его не сознательные, а бессознательные пророчества... Те, которые как раз противоречили его сознательному мировоззрению.

Л о б а ч е в. Так чаще всего и бывает.

Э д е м с к и й. Но Достоевский весьма редко бывает бессознателен. Даже мистика его научна.

В а р т а н ь я н ц. Я все-таки продолжу свою мысль. До выступления автора было нелегко, но после его выступления стало еще хуже. Вы знаете, что я в отличие от Михаила Залмановича Соскиса был одним из сторонников установления с

автором договорно-финансовых отношений. Приходится публично признать, что автор не оправдал наших надежд.

К а р а б и н о в и ч. В этой нервной обстановке, Павел Дмитриевич, при наличии, мягко выражаясь, нетактичного поведения со стороны некоторых лиц, автор, естественно, мог высказать ряд непродуманных, весьма спорных мыслей. Но ведь и вы, Павел Дмитриевич, и Алексей Иванович Хомятов, с которым я говорила по телефону и который обещал присутствовать сегодня, но, к сожалению...

В а р т а н ь я н ц. Извините за то, что перебиваю вас, Зоя Константиновна, не к сожалению, а к счастью... Если бы Алексей Иванович услышал данное высказывание автора... Во-первых, бердяевщина... Выкапывание политических и литературных трупов...

К а р а б и н о в и ч. Но автор спорит с Бердяевым...

В а р т а н ь я н ц. Не во всем... А там, где он спорит, становится еще хуже... Там является мистицизм, дуализм, Беме, Фрейд... В общем, у автора известный хаос в голове...

К о л м а к о в а. О Фрейде он упоминает также в отрицательном смысле.

В а р т а н ь я н ц. Ольга Юрьевна, мы ведь тоже кое-что знаем и кое в чем разбираемся... Его нелепая концепция о мужском и женском начале типично фрейдистская.

К а р а б и н о в и ч. Но ведь пафос работы не в том... Да, высшим аргументом нравственных исканий и антитез в романах Достоевского была религия. Но это было не официальное церковное христианство, а христианство „Нагорной проповеди“, по существу, чуждое мистицизма, по существу, антирелигиозное, атеистическое... Об этом и говорил Алексей Иванович.

Э д е м с к и й. Достоевский совершенно не понимал „Нагорной проповеди“... Что же касается Зигмунда Фрейда, то в науке и медицине его достижения бесспорны... Это не что иное, как механизация и научное освоение духовной тайны, разумеется, в самой незначительной ее части... Фрейдизм — это сознательная жертва... Жертва недоступного для практического применения духовного целого, бесконечного и необъят-

ного, ради каждодневного частного, пригодного для использования и врачевания... Пригодного к практической жизни... Повторяю, в науке такая жертва оправдана и плодотворна, но в сфере духовного она хоть и приводит к временным успехам и открытиям, к освоению духовного посредством психоанализа, но при более внимательном и продолжительном рассмотрении открытия эти оказываются ничем иным как попыткой материализации и заземления высшего и небесного...

С о с к и с (*улыбнувшись*). Странная формулировка... Станный упрек Федору Михайловичу... Вот видите, Зоя Константиновна, вы пытаетесь все это нам приукрасить, а сам объект ваших стараний все тут же разрушает... Сизифов труд.

К о л м а к о в а (*тихо, Эдемскому*). Замолчи. (*К Жуовьяну*.) Сережа, возьми его за руку и дерни крепко. Пусть молчит. И так напортил хуже любого врага.

К а р а б и н о в и ч. Дело не в том, что сейчас в этой обстановке выкрикивает с места автор. Человек он сложный, многих он раздражает. Но я хотела бы сказать, что Хомятов, Алексей Иванович, совершенно верно подметил...

Звонит телефон.

В а р т а н ь я н ц. Простите... Вера Степановна, возьмите трубку.

В е р а С т е п а н о в н а (*приоткрыв дверь*). Вас, Павел Дмитриевич, Бэла Николаевна.

В а р т а н ь я н ц (*морщась, берет трубку*). Да... Хорошо... Бэлочка, у нас сейчас совещание... Таблетки я принял... Позвони позже... Бэлочка, я не могу сейчас с тобой говорить... Всего... (*Вешает трубку. Карабинович.*) Прошу вас...

К а р а б и н о в и ч. Алексей Иванович Хомятов совершенно правильно подметил, и я с ним совершенно согласна, что Эдемский в лучших своих местах касается темы, затронутой самим Федором Михайловичем Достоевским в набросках „Социализм и христианство“: потеря человеком непосредственных ощущений при полном сознании — вот источник трагедии. И Раскольников, и Версиров, и Иван Карамазов, и Человек из подполья именно таковы. Мне только непонятно,

почему автор в полемическом задоре, что ли, отказывается от собственных воззрений.

Ж у о в ь я н. Автор от своих воззрений не отказывается, ибо потеря непосредственных ощущений при полном сознании и есть потеря Бога без приобретения чего-нибудь взамен. Сама жизнь такого человека скорее напоминает научный эксперимент, а не таинство... Таковы все герои Достоевского...

Л о б а ч е в. Но подход ваш здесь предвзят и односторонен. Я это говорю несмотря на то, что не только не перечеркиваю работу, но считаю ее во многом плодотворной и приветствую, если не крайние ее выводы, то, во всяком случае, сам факт ее появления... Насколько я помню статью „Социализм и христианство“, там сказано примерно так: „Если б не было указано человеку в этом состоянии цели, то он бы сошел с ума всем человечеством“. Значит, утверждение потери Достоевским Бога без чего-нибудь взамен несерьезно.

В а р т а н ь я н ц. Давайте все-таки поговорим о термине „Бог“.

Т р у ш (*саркастически улыбаясь*). Павел Дмитриевич, не думаю, что кто-либо сидящий здесь, вкладывает в термин „Бог“ иное понятие, чем указано в кратком словаре по философии... Бог — это термин, расположенный в алфавитном порядке между термином „Благо“ и термином „Буржуазия“.

Ч е р н о к о т о в. Это все не русские слова... У нас не „Бог“, а „Господь“... Я надеюсь, Сашенька, что вы термин „бог“ пишете с маленькой буквы?

С а ш е н ь к а. Не мешайте работать, прошу вас.

Ч е р н о к о т о в. Молчу, молчу... Молчу и испаряюсь...

Ж у о в ь я н. Когда я говорю о потере Достоевским Бога без приобретения чего-либо взамен, то имею в виду цели равнозначной... В огненных словах Ивана ощущается подспудно удивление и возмущение бесполезностью для смертной человеческой личности проповедей Христа... Личностью Христа Достоевский хоть временами, но восхищался, проповедями же Христа — никогда... Религиозные споры Достоевского вообще производят несерьезное впечатление. Недаром „Вели-

кий Инквизитор” не диалог, а монолог... Да и может ли быть спор между апокалипсическим человеком Иваном, самым глубоким и искренним характером Достоевского, и самым неинтересным и малохудожественным образом Достоевского — Алешей... Два одинаковых выкрика Алеши о неверии в Бога сначала инквизитора, потом его создателя Ивана, вот и вся его ценность... Два выкрика, оставшихся фактически без ответа, это прямая материализация безмолвных ночных выкриков Достоевского самому себе... Два выкрика и два юношеских поцелуя. Один устами безмолвного, а, значит, кастрированного Христа, ибо основа Христа — это слово, а не дело и не распятие. Другой устами впадающего в малохудожественную риторику Алеши... Я говорю несколько хаотично, но раз уж коснулся, давайте и другие случаи вспомним. У меня записано *(он торопливо порылся в бумагах)*. Вот разговор Ставрогина с Шатовым из „Бесов”... „В то время, как вы насаждали в моем сердце Бога и родину, вы отравили сердце этого несчастного, этого маньяка Кириллова ядом”... Здесь, собственно, ценно стоящие рядом „Бог” и „родина”... Прошу заметить... И далее: „Вы атеист? — спрашивает Шатов Ставрогина... Да... А тогда?.. Точно так же, как и тогда”. Атеист, насаждающий Бога. Кто же этот Бог? Что же этот Бог... И далее говорит Шатов: „Вы помните выражение ваше: атеист не может быть русским, атеист тотчас же перестает быть русским”. То есть понятие „атеист” и понятие „антипатриот” совпадают... Здесь не о религиозном, а о национальном речь... Далее, ставшая уже в известной степени хрестоматийной фраза о том, что лучше остаться с Христом, чем с истиной, если истина вне Христа... Кто же этот Христос? Вернее, что же этот Христос? И о какой же безусловно мировой истине идет речь? Несколькими строками ниже об этом уже прямо сказано... Отрицание общего Бога, цель народа в искании своего Бога, национальное богоискательство, отрицание общего понятия о добре и зле, утверждение своего национального понятия о добре и зле не в некоей таинственной мистической форме, а в прямой лозунговой, чуть ли не митинговой... Достоевский вообще гораздо более целен и более ясен, чем его

пытаются представить почитатели, особенно такие, как Ме-режковский и Розанов.

С о с к и с. А как же такие почитатели, как Альберт Эйнштейн, для которого глубина Великого Инквизитора дала, по его словам, больше, чем математика Гаусса.

Ж у о в ь я н. Эйнштейн был естественник. Вряд ли такой дошедший до конца разум, как Эйнштейн, способен быть авторитетом в вопросах нравственности. Не в бытовом, конечно, смысле нравственных... Высокая нравственность не терпит разума, дошедшего до конца. Это уже буддийская нравственность, нравственность расчленения и перегноя... Достоевский художественен, когда он целен, а не расщеплен... Когда он целен, то иногда интересен, хоть и нелюбим мной. Когда же он расщеплен, то и нелюбим и всегда неинтересен.

Т р у ш. Наконец-то важное признание, вы Достоевского не любите.

Ч е р н о к о т о в (*со злобой*). Какая там нелюбовь... это, Элем, черная ненависть к нашему русскому гению.

Ж у о в ь я н. Я Достоевского не люблю и не считаю это преступлением. Так же как не любил, даже ненавидел его архирусский писатель Бунин. Да и вряд ли его мог любить, в конечном итоге, а не в текущих взаимоотношениях и эмоциональных моментах, любой из святых литераторов девятнадцатого века.

Л о б а ч е в. А чтение Толстым „Карамазовых“ в день смерти, на смертном ложе?

Ж у о в ь я н. Признак предсмертного душевного хаоса.

Л о б а ч е в. Ну, от вас я ожидал более удачного аргумента. И что вообще это за странные категории в определении такого высокого, чуть ли не природного явления, как Достоевский... Люблю — не люблю...

Ж у о в ь я н. Да, я не люблю Достоевского той несерьезной, может быть, с высоких позиций, но дорогой мне, домашней любовью, как я люблю, например, Пушкина... Помимо высокой любви к Пушкину, у меня есть к нему любовь домашняя, личная... А Достоевского я домашней этой любовью не люблю, но он бывает мне интересен, особенно не в мистич-

ные его моменты. Это мистицизм политический, то, что в средневековье противостояло религии. Мистицизм Достоевского, как всегда, есть следствие отчаяния, чаще всего — отчаяние перед грядущей могилой. Тогда и возникает неприязнь, даже ненависть к натуральному материализму... К комьям земли, к кладбищенским соловьям, к мгновенному обесцениванию своего тела, которое еще недавно было так дорого всем близким и любящим... Для сознательного, потерявшего непосредственное ощущение апокалипсичного человека мысль о смерти ужаснее пытки раскаленным железом... Такую мысль без религиозного чувства выдержать невозможно. Тут уж невольно предъявишь ультиматум и Богу, и Христу... Попытаешься стать Наполеоном, чтобы отомстить Богу за начиненный смертью, как пирог яблоками, Божий мир...

В а р т а н ь я н ц (*нервно Жуовьяну*). Либо говорите по существу, либо не занимайте дорогое нам время (*к Ирине Моисеевне*). Это выступление можно не стенографировать, товарищ не член редсовета...

И р и н а М о и с е е в н а (*Сашеньке*). Эту страницу вычеркните.

Ж у о в ь я н. Я все-таки закончу, хоть и не под стенограмму... Итак, Шатов — Ставрогин... Мечта о создании русским народом своего Бога... Мечта о русской религии... Наполеоновская мечта... Не только петербургского Наполеона — Раскольникова, но также несбывшаяся мечта парижского Наполеона... Мечта увидеть себя с алкораном на белом коне... Мечта о превращении России в новую Палестину, а Петербурга, вернее Москвы — в Новый Иерусалим... Мечта о новом русском Христе, который русскую землю обойдет, благословляя..

Ч е р н о к о т о в. Хватит здесь вести семитскую пропаганду (*силится встать, но его удерживает Труш*). Залман, то есть Михаил Залманович, вы уж вмешайтесь... По-интернациональному.

П е т р у з о в (*наклонившись к Чернокотову*). Перестань, Вася... Ты ставишь Соскиса в неловкое положение.

Ж у о в ь я н (*указывая пальцем на Чернокотова*). Вот оно наяву — трактирное словоблудие.

С о с к и с (*Жуовьяну*). Прекратите грубить... Вам разрешили присутствовать здесь по просьбе вашего товарища, не подводите его. Мы ведь можем прервать редсовет, основной более чем достаточно.

К о л м а к о в а (*Жуовьяну*). Садитесь, Сережа.

П е т р у з о в (*Чернокотову*). Уймись, Вася.

Ч е р н о к о т о в (*которого явно развезло в духоте*). Я не только интернационалист, но даже унтер-националист и обер-националист (*смеется*). (*Петрузов безнадежно машет рукой*.)

К у г у ш е в. Разрешите мне.

Ж у о в ь я н. Но я еще не кончил.

К у г у ш е в. У меня пока не выступление, а вопрос к вам... Совсе не желая перечеркнуть всего вами сказанного, я хочу спросить, почему вы отказываете Достоевскому в праве мечтать о создании русским народом своей идеи или своего Бога, употребим этот удобный термин, так же, как в свое время создали свою идею Бога древние греки или древние евреи?

Ч е р н о к о т о в. Ну, старикам везде у нас почет... Молодым везде у нас дорога... Милости просим... А русский человек пусть скот пасет...

Т р у ш. Давай выйдем, Вася, проветримся.

Ч е р н о к о т о в. Я молчу... Все... Глух и нем... Вернее, нем, но не глух, мотаю на ус.

Ж у о в ь я н. Достоевский прямо заявляет, что если бы перед ним возник выбор — атеизм и социализм или римское католичество, то он бы выбрал атеизм и социализм... Идея же римского католичества была совершенно ясна Достоевскому, и я не могу согласиться с теми, кто пытается доказать, будто Достоевский понимал ее превратно... Идея католичества — это преобладание религиозного над национальным. Это наибольшее приближение в христианстве юдаистической идеи, в которой религия на века не то что подавила, но даже подменила национальную жизнь целого народа.

Ч е р н о к о т о в. Подлейшая идея... Биробиджанская идея...

П е т р у з о в. Тише, Вася...

Ж у о в ь я н. Достоевский к моменту написания „Преступления и наказания“, не говоря уже о „Бесах“ и тем более о „Братьях Карамазовых“, уяснил для себя окончательно, что религиозное начало в крайности своей полностью отрицает национальное начало и наоборот... Вот, собственно, основа, хоть и невидимая ясно, его идейных споров... Конфликт Великого Инквизитора, пафос утопии Версилова... Это отрицание религиозного Христа и утверждение Христа национального, русского.

К у г у ш е в. Но разве не через национальное каждый народ приходит к всемирному?

Ж у о в ь я н. Но это всегда происходило через упадок национального... Через отделение силы от мессианской идеи (*роясь в бумагах*). У меня вот записано: „Если великий народ не верует, что в нем одна истина (именно в одном, и именно исключительно), если не верует, что он один способен, призван всех воскресить и спасти своею истиной, то он тотчас же обращается в этнографический материал, а не в великий народ. Истинный великий народ никогда не может примириться с второстепенной ролью в человечестве... Единый народ-богоносец — это русский народ!“ Иными словами, дилемма Раскольникова — „тварь я дрожащая, или власть имею“ в общенациональном масштабе... И попытка добиться мессианства силой... А рядом вся та же навязчивая идея из романа в роман... Ни в одном из сочинений великой русской литературы девятнадцатого века не ставится так и не ставится столько раз вопрос о Боге: „Я хотел бы лишь узнать, спрашивает Ставрогин Шатова, веруете вы сами в Бога или нет. — Я верую в Россию, я верую в ее православие, я верую в тело Христово... Я верую, что новое пришествие совершится в России... Я верую, — залепетал в иступлении Шатов. — А в Бога, в Бога? — Я... Я буду веровать в Бога...“ Вот и весь ответ в духе юношеской риторики Алеши, в духе митинговой морали старца Зосимы... Ясно, что не Бог спасет от страсти к мучительству, от сладострастия к деткам, от преступления и зла в самых недрах души... Не религиозный, а национальный Христос спасет... Тут уж кончается богоискательство и начинается богостроительство...

К у г у ш е в. Вы все-таки не ответили, почему, пройдя даже этот, согласен, хоть и ужасный, даже ошибочный, но самостоятельный духовный путь, нельзя прийти к общему и новому всемирному... Разве не через грех открывается истина... Чем ночь темней, тем ярче звезды...

Ж у о в ь я н. Религиозная истина открывается через религиозный грех, а национальное — через национальное... Религиозный и национальный пути противоположны... Достоевский всем своим творчеством, кроме „Бедных людей“, когда он ходил еще в „гоголевской шинели“, отрицал религиозный путь и утверждал национальный... Это, собственно, основная мысль работы Эдемского, как я понимаю.

П е т р у з о в. В этом положительная идейно-творческая сторона работы... Но сколько хаоса, сколько хаоса...

В а р т а н ь я н ц. В том-то и дело... В работе Эдемского есть положительные моменты, поэтому я был за договорно-финансовые отношения, но надо отделить пшеницу от плевел. Мне кажется, во многом он ломится в открытую дверь.

К у г у ш е в. Но если религиозный путь отрицает путь национальный и наоборот, то где же выход?

Ж у о в ь я н. А если жизнь отрицает смерть, а смерть — жизнь, то где выход?

Э д е м с к и й (*Жуовьяну*). Это, Сережа, не совсем так... Приемлемый выход без крайностей и научно-политического мистицизма дан в Нагорной проповеди... Приемлемый выход во взаимоотношении религиозного и национального... Но Достоевский, да и не только он, главное в Нагорной проповеди отрицал. Главное-то в ней не заповеди — ни древние, ни новые, — главное, общий дух, без которых эти заповеди бесполезны. Главное в примирении противоположных начал, в равновесии между законом и любовью... Собственно древние заповеди „Не убий, не укради“ террорист Раскольников походя перечеркнул.

Т р у ш. Неважно что, важно, чтоб пооригинальней... На вербе груши растут...

С о с к и с. Давайте все-таки уйдем от теологических споров... В свое время я, как известно, долгое время ходил в

космополитах... И поводом к этому, толчком послужила моя работа, написанная в тысяча девятьсот сорок восьмом году, которая называлась „Европеец Достоевский“. Разумеется, у Достоевского было немало заблуждений, это знает каждый школьник, но отдавать нашего великого русского гения целиком в распоряжение этих заблуждений, делать их главными в творчестве Достоевского, основой его мировосприятия, это, пожалуй, пришлось бы по вкусу именно сильным людям, недобрых времен космополитизма.

Петрузов. Правильно, Миша... Коснуться хотя бы патриотизма Достоевского...

Соскис. Это, я бы сказал, вторая дурная тенденция в работе Эдемского... Сейчас вообще стало модным ругать, так называемых, славянофилов... Чуть какая-нибудь русская деталь, воспевание, например, старого от дедов-прадедов самовара, семейной реликвии, которая, естественно, дороже телевизора, или босоногого деревенского детства — сразу ярлык „славянофильство“.

Чернокотов. Михаил Залманович, как я вас все-таки люблю...

Труш. Тише, Вася (*Соскису*). Статья нашего уважаемого литератора Хомятова в уважаемом органе печати, на мой взгляд, тоже грешит в этом смысле...

Вартаньянц. Статья Алексея Ивановича Хомятова абсолютно правильна и своевременна... Под увлечением, так сказать, закопченными дедовскими дымоходами нехорошие, несоциалистические, шовинистические идейки проскальзывают... И пора прекратить бесполезную демагогию, которую кое-кто пытается развязать... Вы меня извините, но я не могу удержаться от резкости, так уж надоели эти намеки... Живем среди сплошных подтекстов и намеков (*закашлялся, вынул платок, вытер губы*).

Чернокотов. Раньше Хомятов пел о сталинских стройках, а теперь ругает славянофилов... Это, извините, по-французски — гешефт, а по-русски — свинство.

Вартаньянц (*вспылив и побазровев*). Мальчишка...

Я... То есть мы требуем, чтобы вы немедленно покинули редсовет... Мы требуем...

Чернокотов. „Мы“ в хлеву стоит...

Вартаньянц *(затрясся и так закричал, что Вера Степановна в испуге открыла дверь)*. Вон!

Чернокотов *(со злобой)*. Не пугай... Мы, сибирские, не пужливые... Подумаешь, лавочка... Эдемский с дамами... Вера, Абраша, Любовь...

Вартаньянц. Вон... Антисоветчину здесь проповедуешь...

Общий шум.

Колмакова. Какой мерзавец...

Жуовьян *(с ненавистью)*. Моя б воля, я б его на собственных кишках повесил...

Чернокотов. А ты в меня семитскую атомную бомбу кинь.

Вартаньянц *(Жуовьяну)*. И вы тоже... Как вас... Оба, оба покиньте редсовет...

Вера Степановна *(Чернокотову и Жуовьяну)*. Перестаньте хулиганить, молодые люди *(к Вартаньянцу)*. Может, швейцара снизу позвать, Иван сегодня дежурит, он их выведет...

Соскис. Надо всегда соблюдать золотое правило, никаких посторонних.

Чернокотов. Михаил Залманович, а что я такого... Ведь не свинья я сказал, а свинство... А хоть бы и свинья... Помните, у Федора Михайловича — „Полписьма одного лица“. И неужели в слове „свинья“ такой магический смысл, что каждый норовит принять его на свой счет?..

Петрузов. Выйди, Вася, а то я тебя выведу... Не срывай редсовет... Как тебе не стыдно...

Труш. Пойдем, Вася *(берет его об руку. Тот уходит с Трушем, пошатываясь... Жуовьян тоже уходит... В дверях Жуовьян и Чернокотов сталкиваются, смотрят друг на друга с ненавистью и незаметно толкают друг друга локтями и брыкают ногами)*.

Л о б а ч е в. Сколько ненависти...

В а р т а н ь я н ц. Откуда эти чернокотовы?.. Откуда они берутся в наше время?.. Сколько лет как классовые противоречия давно ликвидированы...

П е т р у з о в. Да Чернокотов, Павел Дмитриевич, в психиатричке два раза лежал... Стоит ли обращать внимание... Больной человек

В а р т а н ь я н ц. Перед посторонними людьми неудобно. Пригласили профессуру... Вот Борис Борисович сидит и думает, ну и заведение.

Ш м у л е р - Д и й с н ы й. В крикливое время мы живем, Павел Дмитриевич, что поделаешь... Однако, мне кажется, что с самого начала редсовет пошел по неверному пути... Мне кажется, вообще реферат не готов к обсуждению... Меня поражает дилетантизм автора реферата... Его попытка изобрести велосипед в вопросах, фундаментально разработанных и нашим и зарубежным литературоведением... Да если б автор внимательно прочитал работы хотя бы присутствующего здесь Соскиса, Михаила Залмановича... „Европеец Достоевский“ прекрасно... И последняя работа – „Трагическая вина героев Достоевского“... Весьма непростая, вызвавшая критику в печати, и я не могу с ней во всем согласиться, но тем не менее...

Открывается дверь и на подносах Валя-буфетчица и Касьяновна вносят чай и бутерброды.

Ш м у л е р - Д и й с н ы й *(жуя бутерброд с ветчиной)*. Для нас, советских людей, Достоевский прежде всего возмутитель сытого, самодовольного обывательства, не прощающий ни Богу, ни черту плохо скроенную человеческую жизнь.

Э д е м с к и й *(жуя бутерброд с любительской колбасой)*. Мстящий человеку за плохо скроенную Богом жизнь... *(торопливо проглатывает мешающий говорить бутерброд)*. Достаточно вспомнить хрестоматийную антибиблейскую слезиночку ребеночка... Идеализация невинных деточек всегда сопутствовала ненависти к людям вообще...

Осторожно входит Х о м я т о в, солидный, немолодой уже мужчина вельможного вида с холеным, но добрым лицом, в котором, однако, угадывается и способность к сильным порывам и твердости почти безжалостной. Следом за ним проскальзывает Труш, вернувшийся после вывода им Чернокотова. Хомятов молча кивает Вартаньянцу и делает ему знак рукой не прерывать заседания. Садится в уголке на принесенный ему Верой Степановной стул. Колмакова и Карабинович оживленно, но тихо шепчутся.

Э д е м с к и й *(не заметив вошедших, продолжает)*. Только человек, твердо не верящий в Бога, а под Богом понимается смысл мира, только человек, отвергший в „Великом Инквизиторе“ второе пришествие религиозного Христа, подменив его тем самым в идеале Христом национальным, для которого мир — это Россия, и страдания человека — это страдания русского человека, все же остальное лишь этнографический материал, мешающий этому русскому миру, либо помогающий ему, только такой человек мог сознательно использовать для разрушения старого религиозного общечеловеческого мира, мира библейского Иова, бунт человеческой личности, стремящейся к материализации свободы.

К у г у ш е в. Но ведь свобода у Достоевского губит... Доводит до преступления, деятельная, активная свобода Раскольникова и Петра Верховенского, губит демоническая свобода Кириллова и Ивана Карамазова... С другой же стороны, Достоевский против принуждения, против внешних регулирующих законов... Человек не органнй штифтик... Гармония не может быть принудительная... И выбор новой идеи не может быть внешним, без испытания внутренней свободой... Я категорически не согласен с Эдемским, что „Великий Инквизитор“ есть некая проповедь национального в противовес религиозному.

К о л м а к о в а. Он так прямолинейно не утверждает.

Э д е м с к и й. Нет, утверждаю... И если угодно, прямолинейно утверждаю... Я не могу согласиться с теми, кто воспринимает Достоевского как таинственного писателя... Тайну вокруг него возвели последователи и толкователи... Особенно Бердяев, Розанов, Мережковский... Про зарубеж-

ных толкователей я уж не говорю... Достоевский, наименее таинственный из всех заметных писателей девятнадцатого века... Вернее, он не более таинственен, чем учебник по современной физике, его можно изучить, затратив усилия... Пушкин же на первый взгляд как будто букварь, но никакими усилиями его не одолеть до конца... Он не усилий требует...

Т р у ш. Слава Богу, хоть заметным Федора Михайловича признали наконец.

Э д е м с к и й. В чем Достоевский действительно гениален, так это в журналистике... Это, может быть, единственный в мире гениальный журналист... Что же касается литературы, она в противовес журналистике требует не ясности, а тайны... Не недомолвок, а творческой тайны... Я далеко не всегда понимаю, чем на меня воздействуют Пушкин, Гоголь, Толстой... Достоевский всегда ясен и в силе и в слабости... Искренности, а значит, художественности... нет художественности, а значит, искренности он достигает в разрушении старого божьего мира, и искренни у него атеисты и разрушители библейской морали... И, наоборот, малокровны, риторичны, надуманы его созидатели... Алеша, Зосима, женщины, наконец... Судьба женщины ему недоступна... Это один из немногих русских литераторов, которому недоступна судьба женщины... Опора всякого человеческого созидания — образы Чистой Девы и Святой Матери... Образы эти отсутствуют у Достоевского, по крайней мере, в его художественной половине... Женщины его не имеют ни собственной судьбы, ни собственного облика, они лишь момент в судьбе мужчины... Тут я согласен с Бердяевым, с человеком, к Достоевскому пристрастным, по-юношески влюбленным, которого менее всего можно в нелюбви к Достоевскому упрекнуть... Да и вообще, обладая столь высоким талантом в разрушении божьего мира, Достоевский не сумел создать ни одной святой страницы... Его активный националистический атеизм помешал ему сделать то, чего добился Чехов благодаря своему лиричному, пассивному атеизму... Здесь созидание в добром, утешающем цинизме... Слабость утешает и сеет добро... Все там будем... Нет, Достоевский на это согласен не был... Только всемирное величие

России могло заменить ему бессмертие... Чехову же заменяла вполне бессмертие мягкая, добрая насмешка над могилой — чужой и собственной... Мягкая насмешка, венчающая подчас самые горькие мысли... (*Эдемский устало сел.*)

К о л м а к о в а (*незаметно пожав ему руку, шепотом*). Я наблюдала за Алексеем Ивановичем, он, кажется, тобой удовлетворен. Я так боялась, что ты лишнее сболтнешь, вроде чеховского цинизма или чеховской насмешки над могилой... Но это мелочь...

Э д е м с к и й. Ах, оставь... Вечно ты Бог знает о чем.

К у г у ш е в (*Эдемскому*). Я не буду говорить с вами о главном... Тут нет и не может быть у нас контакта... Но коснемся частностей... В ваших выступлениях...

Т р у ш. Вернее, выпадах...

К у г у ш е в. В ваших выступлениях вы упорно не касаетесь образа князя Мышкина... А между тем, если вы уж поставили на вершину всякого творчества так называемые „святые страницы“, то „Идиот“ самое, может быть, любимое, самое свободное создание Федора Михайловича, наименее связанное с волнениями текущей действительности, как бы небесный свет, освещающий трагическое бытие Раскольникова и Карамазовых.

Э д е м с к и й (*отхлебнув холодного чая, хрипло*). Князь Мышкин первоначально назван был князь Христос... Но если есть образ наиболее чуждый Христу, то это образ Мышкина... Достоевский так и не сумел создать идеал человека, которому ничто человеческое не было бы чуждо... Мышкину все человеческое чуждо... Он никогда бы не проклял безвинную смоковницу... Никогда б не сказал в усталости физической и душевной одному из тех многочисленных униженных и оскорбленных, которые обращались с просьбами-требованиями к Христу... „Род скверный и развратный, доколе буду с вами, доколе терпеть вас...“ Оно и неудивительно, ибо, по сути, Достоевский стремился к буддистскому, а не христианскому идеалу... Достижение любви путем отказа от себя как личности — это буддизм. А назвать буддистский образ князя Мышкина Христом, значит не понимать ни библейских, ни

евангельских истин, состоящих в противоположном... В достижении любви, сохраняя себя как личность, которой ничто человеческое не чуждо... По направлению Мышкин – это буддистский, а не христианский образ, но по художественному наполнению в нем нет даже и буддистской полноценности и полнокровия... Здесь сказывается несостоятельность всех европейских буддистов, сознательных или несознательных... Отказаться от себя и жить жизнью созерцательной они не способны, а любить, будучи собой, не могут... Все сводится к соединению несовместимого, то есть к ублюдочности и беснованию... В частности, образ Мышкина – это образ тихого беснования...

Ш м у л е р - Д и й с н ы й. Мы опять крайне уклонились от сути.

П е т р у з о в. Мне тоже кажется, что мы давно уже за пределами добра и зла.

В а р т а н ь я н ц (улыбнувшись). Вот Алексей Иванович, может, несколько слов скажет.

Х о м я т о в. Нет, нет... Я еще в ритм не вошел... Я слушаю.

М о н ц е в и ч. Я, пожалуй... Если не возражаете... Хэ... фи... эп... эп... У каждого свой Достоевский, но есть и общий... Это живая боль за Человека с большой буквы, такой Достоевский заставляет биться сердца и сжиматься кулаки. Такой Достоевский шагает сегодня рядом с нами в борьбе за прогресс, за победу света и разума... В „Преступлении и наказании“ Раскольников перекликается с теми, кто сегодня проповедует антикоммуникабельность... Писатель отвергает эту ницшеанскую философию... Родиону Романовичу Раскольникову помогает самозабвенная любовь Сони...

Э д е м с к и й. Да не раскаивается он.

М о н ц е в и ч. То есть как... Хэ... фи... эп... эп... А землю целует... На коленях перед народом...

Э д е м с к и й. Землю целует, а не кается. Он не для того землю поцеловал, что раскаялся, а наоборот, чтобы хоть этим возбудить в себе раскаяние...

К у г у ш е в. Дело не в раскаянии, раскаяния, дейст-

вительно, нет. Дело в мучениях, в невозможности раскаянием облегчить мучения...

Э д е м с к и й. Уж не совесть ли мучает? Ведь по Достоевскому, не закон и не общество, а лишь собственная совесть имеет право на казнь...

К у г у ш е в. Да, Федор Михайлович считал человека существом ответственным, не имеющим право перекладывать вину за свое преступление ни на общество, ни на обстоятельства... Безответственность личности есть унижение личности...

П е т р у з о в. Не могу согласиться. Именно атмосфера жизни, тогдашней действительности, царской крепостнической России калечила души, внушала им ложные идеи сверхчеловека.

К у г у ш е в. Или вспомним „Вечный муж“, сочинение, которое некоторые специалисты у нас и на Западе считают самым глубоким и ярким у Достоевского. Это, конечно, слишком, хоть и произведение, действительно, достойное и охватить его легче просто по объему. Мужа мучит именно неспособность к ревности, а через страдания ревности странная любовь к любовнику жены.

Э д е м с к и й. Синтетика... Рукотворная мистика...

К у г у ш е в. Что?

Э д е м с к и й. Наглядная модель человеческого подсознания из поролона, капрона и прочих современных материалов... Тогда это было открытием века, но теперь это не более чем химия...

К у г у ш е в. Химия... А вспомните, как Вечный муж грел тарелочки для любовника...

С о с к и с. Замечательная эта способность Достоевского, когда он увлекает нас в темные глубины психологии, уточнять все до малейшей реалистической детали... Этот реализм детали, дабы сделать реалистическую фантастику...

Л о б а ч е в. Да позвольте, но ведь это обыкновенное ремесло, а не открытие, оно любому литератору известно.

С о с к и с. Ремесло начинается с мастера. Достоевский

сделал это всеобщим достоянием... Конечно, как натура противоречивая, я бы сказал — трагически противоречивая...

Э д е м с к и й. Еще раз повторяю, Достоевский гораздо более цельная натура, чем его стараются представить... Сейчас, по прошествии ста лет, ясно то, что не всегда до конца осознавал сам Достоевский. Ясен тупик Раскольникова и выход из этого тупика, предлагаемый Достоевским... Трагедия и мучения Раскольникова в том, что он нарушил религиозные заповеди „Не убий, не укради“, создав свое доктринерское оправдание внутри старой религиозной идеи. Выход же из трагедии Раскольникова, который подсказывает всем своим творчеством Достоевский, — это разрушение религиозных заповедей, стоя на путях национальных... Это уже двадцатый век, и это одна из причин популярности Достоевского в двадцатом веке.

М о н ц е в и ч. Но позвольте... Хе... фи... эп... эп... Как правильно было замечено, бытовой сор, частное и местное, вот куда вас заносит... А шекспириальность философской партитуры, так сказать, выделение чистого продукта национальной мысли... Да, я не исключаю, да, Достоевский — художник, хотел он этого или не хотел, вскрыл иллюзорность религиозных обоснований братства, поставил вопрос о новых связях. Однако Раскольникова спасает любовь, вера в человека... Да, Достоевский низвергал идолов (выражение Герцена), развенчивал призраки (выражение Белинского и Щедрина).

Э д е м с к и й. Обоих сразу?

С о с к и с. Просьба уважать все-таки оппонента...

М о н ц е в и ч. ...Очищая общественное сознание от обветшалых, переживших себя... хе... фи... эп... эп... понятий. Мечта Достоевского-проповедника о втором пришествии, об обновленном христианстве испарилась под жаркими лучами художественного гения. Достоевского-творца, ибо высшим законом для гения есть правда. С неопровержимой силой эстетической логики показал он крушение миссии Мышкина-Христа, который не высвободил красоту из-под власти денег, не спас Настасью Филипповну, не удержал

от нравственного падения Аглаю, не просветил темную душу Рогожина... Хе... фи... эп... Не вынул из его руки ножа убийцы.

Э д е м с к и й. Точно таким же провалом оканчивается и последующее явление князя Мышкина народу, хоть костюмированное в средневековое одеяние и перенесенное в Испанию... Не в небесной любви, а в тихом земном своем бесновании целует князь Мышкин Великого Инквизитора в ответ на его атеистические проповеди... Ибо князь Мышкин, князь Христос, весьма близок Ставрогину и Раскольникову. Для него превыше всего не любовь, а свобода. Для Раскольникова свобода человеческих страстей, для Мышкина — свобода от человеческих страстей. Христос — богочеловек, Мышкин — не Бог и не человек. Достоевский был последователен, заявляя, что нет ничего страшнее для человека свободы... Но здесь следует добавить, что он страшился свободы в мире, основанном на религиозных началах, которые не воспринимал... Этому миру он возвратил свой билет... Только национальное богоискательство, по его мнению, способно вернуть свободу русскому человеку.

К у г у ш е в. Да, Достоевский принадлежал к эпохе катастрофического мироощущения... Русская душа вообще способна дойти до упоения гибелью... Помните прекрасные слова Андрея Белого: „Исчезни в пространстве, исчезни, Россия, Россия моя...“ В этом русская вечность и величие...

П е т р у з о в. И вы туда же... В бердяевщину...

Х о м я т о в. Разрешите, Павел Дмитриевич...

В а р т а н ь я н ц (*торопливо*). Да, пожалуйста...

Х о м я т о в. Я не собирался выступать, но высказывания товарища... Вот...

В а р т а н ь я н ц. Кугушева.

Х о м я т о в. Высказывания товарища Кугушева заставили меня высказаться... Одной из неотложных задач марксистско-ленинской критики является выбивать великодержавный шовинизм из всех участков литературного фронта, срывать с него маску там, где он боится принять открытый бой, раскрывать его отдельные выступления, как мо-

менты законченной системы великодержавных взглядов в литературной критике... В этом смысле мне гораздо ближе пафос работы товарища Эдемского, подчеркиваю, общий пафос, а не целый ряд положений, которые я считаю ошибочными. Однако критика ошибок должна быть всегда с правильных позиций. Гениальность Федора Михайловича Достоевского, как известно, недискуссионна, но в то же время мы не можем, не должны молчать, когда сегодня как за рубежом, так и у нас, превозносятся и оправдываются его великодержавные устремления. Выступление же товарища Кугушева напомнило мне пресловутые теориейки... Славянофильские теориейки...

Т р у ш . Да он не о том говорил...

В а р т а н ь я н ц . Тихо, товарищ Труш...

Х о м я т о в . Нет, извините меня, товарищ, о том. Идеология великодержавного шовинизма скрещивается с разнообразными теориями от буржуазного эклектизма до троцкизма... Я думаю, что пора уже покончить с либерализмом в данном вопросе, пора уже крепко ударить по рукам... Ударить тех, кто угрожает социалистическому интернационализму...

Т р у ш *(вскочив)*. Только не надо угрожать и не надо употреблять терминологию времен культа личности...

В а р т а н ь я н ц . Товарищ Труш, призываю вас к порядку...

Т р у ш . А я не желаю здесь находиться... Среди людей, которые всякую патриотическую мысль о России подвергают гонениям и улюлюканию... Которые позволяют себе поднять руку на русского национального гения...

Выходит, хлопнув дверью.

Ш м у л е р - Д и й с н ы й . Вот он, современный нигилизм.

Л о б а ч е в . Если он ушел вовсе, то это плохо, но если он ушел в буфет, то это полбеда...

К о л м а к о в а *(тихо, Эдемскому)*. Все идет хорошо... Вартаньянц, видишь, как изменился к тебе... Я же говорила,

главное, чтоб был Хомятов... Это Зое скажи спасибо, она его привела...

Эдемский (*раздраженно*). Да оставь меня, Ольга...

Соскис. Скандал за скандалом... Такой же редсовет я помню в тысяча девятьсот пятьдесят шестом году... Причем, казалось бы, по совершенно апробированной теме... Кажется, что-то о Чернышевском.

Хомятов. С подобными личностями пора бы кончать либеральничать. Я говорил об этом на последнем пленуме.

Кугушев. Если я не так выразился или не так был понят, то прошу прощения... В целом я не разделяю взгляды Труша на работу Эдемского, и это автору и членам редсовета известно.

Петрузов. Да, в работе Эдемского есть немало положительного...

Лобачев. По крайней мере своеобразно... Наше литературоведение в большинстве ведь скучно, не поэтично, а здесь счастливое исключение...

Колмакова (*переглянувшись с Карабинович, к Эдемскому*). Слышишь, Рома... На сто восемьдесят градусов все.

Эдемский (*нервно*). Я сейчас, кажется, тоже встану и уйду...

Колмакова. Только попробуй.

Вартаньянц (*миролюбиво, Эдемскому*). Вы что-то хотели сказать?

Карабинович (*торопливо*). Нет, это мы с Эдемским тут между собой...

Монцевич. Разрешите, я закончу. Страсти страстями, а дело... хе... фи... эп... делом. Я согласен с автором и считаю своевременным поиски богостроительных и богоискательных моментов в творчестве Достоевского... Они могут под своеобразным ракурсом многое объяснить. Упомянутый здесь Бердяев, а также Мережковский, Ясперс, Минский берут за основу изучения действительности... Эп... Прошу прощения... Сартр и Ясперс... Берут за основу переживания личность, изолированную об общества... Даже такие ува-

жаемые нами люди, как Горький и Луначарский, не избежали заблуждений. Вспомним проповедь Луначарского о том, что Христа следует рассматривать не как Бога, а как революционного вождя и первого коммуниста. Вождя пролетариата Галилеи... Горький в ответ на анкету о религии в журнале „Меркюре де Франсе“ определял религию как чувство связи с прошлым и грядущим. В своем труде „Панидеал“ Гольдцарфель изображает чувство тоски как важнейший стимул сознательной деятельности человека... Тоской он называл стремление людей к идеалу. Тоска создает психическую энергию высокого потенциала, который якобы носит религиозный характер. Если же, учитывая это все, обратиться к творчеству Федора Михайловича Достоевского, разумеется, не смешивая вульгарно при этом личность творца с личностью человека... Хе... эп... фи... Даже А. С. Пушкин в этом плане выглядит не очень хорошо...

Э д е м с к и й (*вскочил*). Пушкин тяжело расплатился за свои грехи... Пророк всегда тяжело платит за грехи... и грехи пророка открыты и молоды... Нет в них тайного мучительного срама пожилого греховодника... Есть мучение, но нет надрыва... Надрыв — это уже не духовное, он уже медицинским законам подчиняется... В надрыве обман, даже хитрость...

М о н ц е в и ч. Речь идет о схожей концепции... Хе... фи... эп... Я хотел заметить, что плоскость, в которой творчество Федора Михайловича Достоевского препарируется уважаемым автором, а также настойчивые устремления уважаемого автора в направлении... В направлении построения схожей теории...

Ползет занавес.

ДЕЙСТВИЕ ВТОРОЕ

Основную часть сцены занимает буфет. Стойка-холодильник, где выставлены холодные закуски. Поблескивает хромированная касса

и цилиндр кипятильника. За окном яркий снежный день. В углу дверь в буфет. За дверьми видна часть комнаты для курения, вход в которую завешен полвотдернутыми портьерами. В пустом буфете за одним из столиков сидит Ч е р н о к о т о в, перед ним тарелка с сардельками, бутылка нарзана и пустая рюмка. В а л я сидит рядом с ним, подперев щеку рукой.

Ч е р н о к о т о в (*движения его еще более размашисты и хмельны*). Хорошо ты сидишь сейчас передо мной, Валюша, и смотришь на меня хорошо... С жалостью... На святой Руси только так смотреть могут... Так деревенские бабы на пропащих смотрят.

В а л я (*утирая слезы*). Зачем ты, Вася, с начальством ругаешься, ведь пропадешь.

Ч е р н о к о т о в. А в начальстве у нас сейчас на святой Руси, Валюша, бундовцы... И их подпевалы... Союз угнетателей... Когда татарва народ резала триста лет, и то легче было...

В а л я (*испуганно оглядываясь*). Пропадешь ты, Вася, за язык свой скандальный... Ведь уже привлекали тебя...

Ч е р н о к о т о в. Чекизм-кегебизм... Это которые одного на зарплату берут, другого на паек... Это не страшно... Я психически ненормальный... У меня справка есть... Ку-ка-ре-ку...

В а л я. Тише ты...

Ч е р н о к о т о в. А ты еще меня рюмочкой подкупи, тогда молчать буду (*пытается ее обнять*).

В а л я. Оставь... У нас спиртные напитки подавать запрещено, у нас издательство, а не пивная... Пусть тебе Верка подает.

Ч е р н о к о т о в. Ревнуешь... Так хорошо сидела по-бабы, по-деревенски... Смотрела на меня, как на пропащенького, прямо до слез... И вот ревнуешь... Это по-еврейски... Русская женщина — это не то, русская женщина — это Сонечка.

В а л я. Какая я еврейка? Ты что такое болтаешь?

Ч е р н о к о т о в. А если ты русская, тогда слушай. Помнишь, как Сонечка уже на каторге, потом, после болезни...

в тюремном госпитале, как он увидел ее в окно... Она стояла и чего-то ждала...

В а л я. Придут они к тебе на каторгу, жди... И Верка, и Сонька эта твоя... Ты вон бледный какой, больной какой... Язвой, наверно, желудочной болеешь... Доведут тебя эти Верки да Соньки...

Ч е р н о к о т о в. Эх, Валюша, Валюша... Ты про Достоевского хоть слышала? Про русского нашего писателя?

В а л я. Это который для детей пишет?

Ч е р н о к о т о в (*усмехается*). Верно, для деток... Для чистых душой русских деток он пишет... А когда суешься в это грязными жидовскими лапами... Странное дело, среди специалистов по Достоевскому много жидов, среди литературоведов.

В а л я (*оглядываясь*). Тише, Вася. Соскис может войти, услышит...

Ч е р н о к о т о в. А Михаил Залманович интернационалист... Ты его не бойся... Ты слушай, я тебя почитаю. (*Он роется в портфеле, достает один из томов весь в закладках, читает.*) „Они были одни, их никто не видел. Конвойный в ту пору отворотился. Как это случилось, он сам не знал, но вдруг что-то как бы подхватило его и как бы бросило к ее ногам. Он плакал и обнимал ее колени (*Чернокотов незаметно вытирает слезы*). В первое мгновение она ужасно испугалась, и все лицо ее как бы помертвело. Она вскочила с места и, задрожав, смотрела на него. Но тотчас же, в тот же миг она все поняла. В глазах ее засветилось бесконечное счастье, она поняла и для нее уже не было сомнений, что он любит, бесконечно любит ее, и что настала же, наконец, эта минута”.

В а л я. А они что, до того расходиться хотели?

Ч е р н о к о т о в. Корова ты, Валюша (*смеется*). Дай я тебя поцелую...

В а л я (*отталкивая*). А сам-то ты кто... Чужое ешь, чужое пьешь (*Чернокотов смеется*). Много ты понимаешь в отношениях... Я в самом конце войны совсем молоденькой с контуженным моряком сошлась. Бил меня, оскорблял.

Мама моя еще жива была, говорит — расходишься... Я ему — разойдемся, Степа. А он к ногам кинется, колени обхватит... Вот так, не поднимаясь с колен, всю исцелует... Он в плену в Германии разврату обучился... Но недолго он меня мучил... В сорок шестом его, как бывшего пленного, арестовали, и по сей день я о нем ничего не знаю.

Чернокотов. Эх, Валюша... Дай-ка лучше я тебе о русских деточках почитаю... Может, детки торговую душу твою примут... *(Роется в портфеле, достает то один, то другой том.)* Вот мальчик у Христа на елке... Или вот страдания совсем маленьких русских деток *(читает)*: „Жид четырех-летнему мальчику сначала все пальчики обрезал на обеих ручках, а потом распял на стене гвоздиками“.

Валя. Фу, ужасы какие... Да как же такие ужасы печатают... Теперь ведь на евреев плохо говорить запрещают... В газетах пишут — все едины, что татария, что чучмек...

Чернокотов *(смеется)*. Федор Михайлович мракобес был, реакционер *(смеется)*.

Валя. Ужасы какие...

Чернокотов. Ужасы... Марфа ты вологодская... Ты вот послушай *(читает)*: „Это хорошо. Я иногда думаю, что сама распяла. Он висит и стонет, а я сяду против него и буду ананасный компот есть“.

Валя. Тьфу, ужасы... Это кто же такое говорит? Тоже еврейка?

Чернокотов *(с внезапной тоской)*. Нет, это русская девочка... Лиза Хохлакова, четырнадцати лет... Это русская девочка... Это маленькая частичка нашего страдания... Оскорбленная душа.

Валя. Я это страдание знаю. Оно мне как пять пальцев известно... Старшая моя, горе мое, от Степана которая, Ларка моя... В пятнадцать лет сядет и плачет... Чего плачешь, говорю? То стыдить ее начинаю, то конфеты даю, причесываю. Она ведь у меня лицом красивая. Хочу, говорит, мама, сама чего не знаю... Или чтоб меня кто-нибудь на части разорвал, или чтоб я кого-нибудь искусала... А в шестнадцать лет от племянника моего ребеночка родила мертвого... Зато млад-

шенькая моя умница, младшенькую мою я в достатке воспитаю. Жилы из себя вытяну, а воспитаю.

Чернокотов *(смеется)*. Это какая же младшенькая? Не от меня ли?

Валя. Да пошел ты... Светочка. От законного моего мужа... Хороший был человек... Бухгалтер...

Чернокотов *(смеется)*. Так ведь он тебя бросил.

Валя. А какая я ему жена... Я уж покалеченная... Раз уж с тобой путалась, что уж с меня...

Чернокотов *(вдруг озлобившись, став серьезным)*. Много ты обо мне понимаешь... Я, может, на весь мир, на всю Россию...

Валя. Пьяный ты, Вася... Иди домой, только мешаешь. А ведь перерыв скоро... Я еще кофе не вскипятила... Ведь одна сегодня. Подсобница болеет, а Касьяновну работать не заставишь. Копченой рыбки требует. *(Звонит телефон, Валя берет трубку.)* Буфет слушает. Кто это? Ах это ты, миленькая? А мы только что с одним дядей о тебе говорили. Ты что делаешь? Ручи помыла перед обедом, тетю Надю слушаешься? Солнышко, ты мне стишочек скажи. Ты говори, а я повторять буду, а то дядя не верит, как ты умеешь... Дядя Вася... Помнишь, он к нам приходил?.. Ну-ка стишочек, который тебя мама научила... Я сижу на вишенке... Нет, ты правильно говори, не дурачься... Я сижу на вишенке, не могу накушаться, дядя Ленин говорит, маму надо слушаться... *(Чернокотов смеется.)* Молодец... Дяде Васе очень нравится...

Чернокотов *(смеется)*. Передай... Очень... Приду... Ох, не могу... Дядя Ленин говорит, маму надо слушаться... Передай Светочке, гостинец принесу...

Входит нервной быстрой походкой Труш.

Труш *(нервно)*. Я искал тебя, Вася... Как-то сразу не понял, что ты в буфете...

Чернокотов *(смеется)*. Я сижу на вишенке, не могу накушаться... Хорошие стихи... Наверно, Кушнерович сочинил... Он детскими стишками тоже балуется.

Т р у ш *(нервно)*. Перестань дурачиться, Вася. Когда на глазах у нас публично распинают дух и тело Федора Достоевского... Да, не только дух, но и тело...

Ч е р н о к о т о в. А что нам, русским, еще остается в своем отечестве, как не дурачиться... Я хотел их там прямо в бога душу мать... Так ты ведь — перестань, Вася, не дури, Вася, пойдем, Вася...

Т р у ш. В бога душу их не проймешь... *(Понизив голос)*. Написать надо. Они ведь пишут, и мы напишем... Сейчас не времена культа личности... В конце-то концов памятники культуры охраняются государством. Камни, полуразвалины, а тут живой русский гений... То, что происходит под крылышком Хомятова, ничто иное, как святотатство, осквернение святыни...

Ч е р н о к о т о в. Куда напишешь, Элем... Я вот, например, мечтаю журнал основать... Русский журнал... „Русский мир“ называться должен... Ни одного псевдонима печатать не буду.

Т р у ш. Вася, оставь фантазии, вернись к реальности... Найдем, куда писать... Эдемский и его компания думают, что Хомятов Бога за бороду схватил... Это он при Сталине Бога за бороду держал... Сейчас не сорок восьмой год...

Ч е р н о к о т о в *(смеется)*. Давай договоримся о термине „бог“. Я лично „господь“ предпочитаю... Бог — это не по-русски...

Т р у ш. Подписи соберем... Я подпишу, ты, Петрузов...

Ч е р н о к о т о в. Федот? Никогда... У него со знатными богатыми евреями мир... Стерва он...

Т р у ш. Стерва-то стерва... Сталинист... Но на безрыбье и его можно использовать.

Ч е р н о к о т о в. Да не подпишет он... Я-то знаю, на что он способен. Выдать он меня не выдаст, но подписать не подпишет... Ему среди одних русских фамилий находиться страшно... Славянофилом заклемят и заработок отнимут...

Т р у ш. А мы интернационал соберем... Соскис подпишет... Через Соскиса стенограмму добудем... Размножим... Студентам в университете дадим... И Илюша подпишет...

А у Илюши связи и здесь, и за рубежом... Ты видел последние иллюстрации Илюши к Достоевскому и Мельникову-Печерскому?

Чернокотов. Русские иллюстрации... Этнография... Русский север Илюша сердцем чувствует... Я юг не люблю... Юг — это грязь, чернота... Евреи, хохлы, цыгане, молдаване... Ярмарка... На севере жиру поменьше, тучности нет, запахи не так остры... Там все камнем, да водой, да соснами... Все не съестным пахнет... Там паразитам интереса нет... Там и жива еще Русь — деревянная, голубоглазая, льняная... Мы, Элем, все лето там провели... Русская молодежь... Весело... Больше всего художники молодые... На плотках катались... Хором как закричим бывало: „Да здравствует русский пророк Илья!“... Давай еще по маленькой, Элем... Валюша, дай нам по маленькой...

Валя. Некогда мне с вами... И спиртное не положено здесь...

Чернокотов. А ты в виде исключения...

Труш. Ладно, дай нам, Валя, по одной, без сдачи...

Подходит к буфетной стойке и протягивет деньги

Валя (*сердито*). Пропадешь с вами (*достает бутылку из-под стойки и наливает две рюмки*).

Труш. Раз уж пьем с тобой, Вася, так давай за Достоевского. Его обвиняют в том, что он слепо любил Россию... Да, это романтическая любовь... Любовь Ромео к своей девяностомиллионной Джульетте... Или сколько их там русских народится, — добавляет Достоевский... Но разве такая любовь нуждается в бытовом зрении... Вот чего они в злобе своей не понимают...

Чернокотов. Люблю я тебя, Элем (*чокаются, выпивают, жуют сардельки*). Вспомнил я... Еще одного для интернационала тебе представляю... Для подписи... Лебеденков Федор Соломонович... Этот подпишет... Говорят, он при заполнении анкеты в графе „национальность“ написал — „русский писатель“ (*оба смеются*).

Входит М о н ц е в и ч, останавливается у буфетной стойки, поглаживает холеную седую бородку.

Т р у ш. Кончилось уже?

М о н ц е в и ч. Я чуть раньше... Хе... фи... эп... Но сейчас начнется перерыв... Что?

Ч е р н о к о т о в. Тридцать восемь...

М о н ц е в и ч. Как?

Ч е р н о к о т о в. Ничего, профессор, вам почудилось...

М о н ц е в и ч. Ах, простите... Хе... фи... эп...

Т р у ш (*тихо Чернокотову*). Пойдем в курилку, поговорим...

Они встают и выходят. Чернокотов тяжело волочит портфель с томами Достоевского.

В а л я. Кофе сейчас закипит, есть горячие сардельки с макаронами, пирожки с мясом, пирожки с повидлом, нарзан...

М о н ц е в и ч. Нарзанчику, пожалуйста... Хе... фи... эп... И вот еще (*оглядывается, замечает, что один, и в тот момент, когда Валя наклоняется, чтоб достать из ящика бутылку нарзана, он совершенно не профессорским, молодым студенческим движением подхватывает ее за бедра*).

В а л я (*резко выпрямившись*). Чего?

М о н ц е в и ч. Хе... фи... эп... Пирожок с мясом, пирожок с повидлом... нарзан... и если можно, горяченького...

Слышен шум, входят Л о б а ч е в, С о с к и с, К о л м а к о в а, К а р а б и н о в и ч, Ш м у л е р - Д и й с н ы й, П е т р у з о в, еще какие-то люди, очевидно, с других этажей. Все торопливо устремляются к стойке и выстраиваются в очередь. Тогда же появляется К а с ь я н о в н а, протискивается вперед.

К а с ь я н о в н а. Валя, мне триста граммов мирмилада.

В а л я (*сердито*). Всегда ты, Касьяновна, в перерыв... Некогда мне сейчас с тобой.

К а с ь я н о в н а. А чтоб вы все сгорели... (*отходит*).

Входит Э д е м с к и й, которого держит об руку К у г у ш е в.
Прохаживаясь по буфету, они продолжают разговор.

К у г у ш е в. Помните заветную мечту Достоевского превратиться в семипудовую купчиху, ставящую Богу свечку. Это не ирония... Это крик измученного человека... Измученного своим собственным пророческим даром... Желанием ослепить себя... Он жаждал добра... Это был добрый человек... Но духовное зрение его было источником его мучений... Жизнь с адом в груди... А клейкие листочки, а синее небо, любимая женщина — это счастливый удел семипудовых...

Э д е м с к и й. Достоевский обладал не столько острым, сколько патологическим зрением...

К у г у ш е в. Патологическим, в смысле — творческим...

Э д е м с к и й. Хорошо, назовем это творческим... Он формировал из реальных предметов химеры... Он соединял ясно и глубоко видимый им результат одного явления с ясно и глубоко видимым им истоком совершенно иного явления и наоборот... Он усаживал кроны одних деревьев на корни совершенно иных...

К у г у ш е в. Но это как раз признак апокалипсического зрения... В апокалипсическое время — это самый плодотворный подход. Вспомните апокалипсическую фигуру Шатова, одного из наиболее любимых героев Достоевского, в которого он вложил свои мысли, повторенные в „Дневнике писателя“... Соединение в одном лице крайнего революционного радикализма с радикализмом черносотенным...

Э д е м с к и й. Здесь опять пример бессознательного пророчества, идущего вразрез с мировоззрением. Это ценно, ибо бессознательного у Достоевского очень мало. Предвидение главной социальной борьбы не меж оппозицией и официальной, а внутри оппозиции — вот о чем „Бесы“. Это вовсе не антиреволюционная книга, это книга о борьбе меж собой двух революций, меж которыми сходство по полярной противоположности... Это борьба между социалистическим атеизмом и национальным атеизмом. В этой

борьбе Достоевский стал, не задумываясь, на сторону национального атеизма, ибо он мог понять, и достаточно глубоко, те или иные характеры революционеров, но он совершенно не понимал характер революции.

К у г у ш е в. Но как же можно понимать революционеров и не понимать революции?

Э д е м с к и й. Весьма часто так и бывает. Те, кто слишком глубоко и односторонне углубляется в характер революционеров, совершенно упускают характер революции... Революционеров формирует сознательное начало, революцию, если это, действительно, революция, а не бунт, — революцию формирует начало бессознательное, органическое... Революционеры могут быть оторваны от народа, революция — никогда.

К у г у ш е в. Я так и не могу понять до конца столь распространенный термин „народ“.

Э д е м с к и й. По-моему, народ — это то, что на данном этапе исторического развития олицетворяет национальную идею... А национальная идея России испокон веков была — внешнее движение, своеобразное экспансия-бегство... Экспансия угнетенных... Начало империи положили мужики, бежавшие в разные стороны от боярского кнута... Революция спасла национальную идею, находящуюся к концу девятнадцатого века на краю гибели, она спасла, улучшила, видоизменила, усилила, но в национальном все-таки русле, ту, если не в идеологических формулировках, то в природной своей основе Россию, к которой привык мир и которую любил Достоевский... Эмигранты всех мастей и времен, которые плачут о прошлом России, погубленном некой навязанной извне Петрами Верховенскими революцией ничего не поняли в происходящем... Революция не отменила, а укрепила и усовершенствовала прошлое России... Отмените основную национальную идею, господа, откажитесь от нее, и тогда вы можете утверждать, что революция в России была антинациональной, совершенной инородцами... Нет, не белая гвардия спасла единую и неделимую... Не история, а география может подтвердить справедливую органи-

ку октябрьской революции... Революция не была принесена с Запада, с Запада явились лишь революционеры, революция же выросла из недр русской истории.

К у г у ш е в. Ох, уж эти вулканические русские недра... Значит, вы считаете, что консерватор Достоевский принял бы революцию со всеми ее неизбежными крайностями?

Э д е м с к и й. Не только революцию, но даже и сталинизм... Вернее, сталинизм скорее, чем революцию... Его на первых порах могло отпугнуть только полное подчинение личности идее... Однако когда бы он понял, что речь идет о национальной идее, то принял бы происходящее и даже одобрил... Он отрицал жертву личности идее религиозной, но принимал эту жертву идее национальной...

Продолжая разговор, они уходят в глубину буфета, лавируя между столиками и не замечая окружающих. Входят **Х о м я т о в**, **В а р т а н ь я н ц**, **З о я** **К а р а б и н о в и ч** и **П е т р у з о в**.

В а р т а н ь я н ц (*Хомятову*). Алексей Иванович, вы курицу с рисом не прочь? Я сейчас Валю предупрежу.

Х о м я т о в. Но я вижу на столиках народ одни сардельки ест... Не густо...

В а р т а н ь я н ц. Кухни ведь у нас нет, все фонды не утвердим... (*К Вале.*) Валюша, подай три (*смотрит на Петрузова*), нет, четыре порции... И нарзану... (*Хомятову.*) Тут у нас смежная комнатуха... Пожалуйста...

П е т р у з о в (*подняв кверху палец*). Литература пра-матерь всякого конкретно-образного искусства, она в меньшей степени, но тоже влияет даже на абстрактно-образное искусство — музыку...

Они проходят в дверь за буфетной стойкой.

Т р у ш (*Чернокотову*). Петрузов директорский обед зарабатывает...

Ч е р н о к о т о в (*добродушно*). У тебя с Федотом идейные разногласия по вопросу о культе личности, а мне он

дворняжку нашу русскую, деревенскую напоминает... У деревенской дворняжки своя смекалка, она от бездомности перед чужаком хвостом виляет, кусок выпрашивает, но как только у нее свой деревенский хозяин появится, приютит, она сразу чужака за ляжку цап!

Л о б а ч е в и С о с к и с с подносами, на которых сардельки и нарзан, пробираются к столикам.

Л о б а ч е в (*Соскису*). У меня давно уже замысел, вернее, желание, может быть, и дикое на первый взгляд, написать о последних минутах жизни великих литераторов... Заключите договор на эту тему? (*Садится за свободный столик.*)

С о с к и с (*садится рядом*). Последние минуты у всякого человека, черт бы их побрал, своеобразны. Есть такой еврейский анекдот... Впрочем, не сейчас... Не люблю рассказывать анекдоты в буфете (*смеется*).

Л о б а ч е в. Не могу с вами согласиться. Последние минуты обычной, неталантливой жизни либо скучны, либо по-бытовому ужасны... Скандальны, я бы сказал... Иное дело, конец талантливой жизни... Мне кажется, для литературоведа он дает своеобразный ключ к анализу творчества... Гюго воскликнул перед концом: „Я вижу черный свет...“ Это ли не вершина романтизма... А вспомните смерть Чехова... Ему стало трудно дышать, и дежурившего у постели студента отправили в соседнюю комнату за кислородной подушкой... „Не надо, — сказал Антон Павлович, — пока он вернется, я уже умру...“ Это были его последние слова, и разве в них не квинтэссенция всего чеховского творчества... Разве эта фраза не украсила бы „Чайку“... А Достоевский, которого пытались представить внутренне разобщенным, мятущимся... Он умер спокойно... По внешнему облику смерти Чехова и Достоевского даже подобны... Когда жена прочла Федору Михайловичу строки из Евангелия... Помните, Иисус говорит Иоанну — не удерживай, мне надо креститься от тебя... „Ты слышишь, не удерживай, — сказал

Достоевский жене, — значит, я умру...” Однако, если у Чехова в подтексте была поэтическая горькая скорбь, то у Достоевского был пересиливший страх, не лишенный сладости научный интерес, любопытство... Да, да, да... Очевидцы говорят, что Достоевский лежал в гробу с лицом спокойным, но несколько искаженным любопытством... Он жил с интересом и умер с интересом... Чехову загадка жизни была страшна, и он старался не прикасаться или ее вышучивать, Достоевскому загадка жизни была не только страшна, но и любопытна. Он жил с интересом и умер с интересом... Из всех знаменитых литераторов это, безусловно, самый экспериментирующий научный мозг... Смерть свою он воспринял как последний научный опыт... Он умер, словно отправился узнавать о себе окончательную истину — „тварь я дрожащая или власть имею”...

С о с к и с. А вы, дорогой мой, оказывается, тоже склонны к декадансу в литературоведении... Заключи с вами договор, кто его знает, такое наворотите... *(Смеется.)*

Л о б а ч е в. Но согласитесь, что литературоведение наше крайне скучно и непозитично.

С о с к и с. Вы уже о том говорили... Есть такой еврейский анекдот... Муж заметил своего приятеля, выходящим из подъезда своего дома... То есть из подъезда того дома, где жил он, Хаим... *(начинает, давясь смехом)* с женой Сарой... Впрочем, не сейчас... *(смеется)*. Кушайте сардельки...

Ч е р н о к о т о в *(Трушу)*. Прохаживаются... *(указывает пальцами на Эдемского и Кугушева)*. Подружился Иван с куриной лапкой... Олег-то... Этот русской жалобы не подпишет... Эх, размял бы я косточки...

Т р у ш. Тише, Вася... С умом надо...

Ш м у л е р - Д и й с н ы й *(сидя за столиком, Монцевичу)*. В Сочи в ресторане есть блюдо „Закуска мельника”... Бронбойная... *(смеется)*. Сало, огурцы, честок, какая-то жуткая трава... Проглотишь, пока по кишкам идет — ничего, а как до желудка дойдет, человек падает *(смеется)*.

М о н ц е в и ч. А я люблю острое. Мне уже шестьдесят лет, а желудок, как хронометр. Это без преувеличений...

Мне кажется, вообще все наши беды от преувеличений... Хе... фи... эп... эп... Вот и здесь, на редсовете... Почти каждый выступающий преувеличивает... Поэтому... Хе... фи... Скандальная ситуация...

Ш м у л е р - Д и й с н ы й. Я говорил об этом Вартаньянцу...

М о н ц е в и ч. Помню, в молодости был у меня приятель. Девушки доставались ему тяжелым трудом, но он делал вид, что получает их легко... *(жует сардельку)*. Буфет отвратительный, кормят здесь — хуже некуда... Единственное сочное блюдо — сама буфетчица... А... хе... фи... эп... эп...

Ш м у л е р - Д и й с н ы й. Как много еще в вас жизненных соков... Завидую вам *(смеется)*.

М о н ц е в и ч. Что?.. А.. фи... эп... Ха-ха-ха... *(смеется)*.

К а с ь я н о в н а *(у буфетной стойки)*. Мне триста граммов мирмилада.

В а л я *(разливая кофе)*. Подожди, Касьяновна...

К а с ь я н о в н а. Чтоб вы все сгорели... *(отходит)*.

В а р т а н ь я н ц *(выходя из задней комнаты и подходя к буфету)*. Валя, три порции салата... То есть четыре...

Ч е р н о к о т о в *(Трушу)*. Это он Федота не учел... Федот все время между ног болтается *(смеется)*.

В а р т а н ь я н ц *(Колмаковой)*. Ольга Юрьевна, пойдемте с нами... *(Вале.)* Пять порций салата и курица с рисом.

К о л м а к о в а. Нет, спасибо, я, может быть, позже, минут через пять *(смотрит в дальний угол, где Эдемский беседует с Кугушевым)*.

Л о б а ч е в *(Соскису)*. А Вартаньянц выглядит ужасно... На заседании я как-то не разглядел.

С о с к и с *(наклонившись, тихо)*. Ему месяца два осталось... Ну, три, от силы... Это, кстати, к вашему разговору о последних минутах неталантливой жизни...

Л о б а ч е в. Что вы... Рак?

С о с к и с. Рак... Убийца века... Разрезали и зашили... Опухоль дала метастазы... В общем — конец...

Л о б а ч е в. А он знает?

С о с к и с. Трудно сказать... Конечно, от него скрыли, но,

возможно, он догадывается... Психология смертельно больного ведь тоже загадка...

Л о б а ч е в. Догадывается, но не верит... Я бы тоже не верил до конца... Нет страшной смерти, чем от неизлечимой болезни... Это смерть на дыбе, под пыткой... А застенком служит твоя собственная спальня...

С о с к и с. У меня был приятель, страшно смерти боялся... Бывало, заговорит со мной — как это я, Миша, умирать буду... Вообразить не могу... Наверно я за минуту до смерти с ума сойду... И ничего, с ума не сошел. Умер не хуже других (*смеется, жуя сардельку*).

Входит **Ж у о в ь я н.**

К о л м а к о в а (*обрадованно*). Сережа, хорошо, что ты вернулся, я думала домой поехать.

Ж у о в ь я н. Где Рома? Я ведь говорил, эта разноцветная банда его раздавит.

К о л м а к о в а. Значит, ошибся. У нас все в порядке, Хомятов здесь.

Ж у о в ь я н. Ну и что, что это меняет?

К о л м а к о в а. Странные вы ребята, и ты, и твой приятель. Пока мы с Зоей добились, чтобы Хомятов позвонил Вартаньянцу... Мы этим делом до редсовета начали заниматься.

Ж у о в ь я н. В том-то и дело.

К о л м а к о в а. Но ведь добились... Он специально приехал... В общем, в этих делах вы оба ничего не смыслите... Сейчас речь о том, чтобы помочь Ромке... Чтобы приняли работу хотя бы как вариант... Если работу задавят, Ромке будет плохо... Это клеймо, с которым ему никуда не сунуться... И вообще, надо погромщиков поставить на место... Сейчас не сорок восьмой год... В общем, надо Рому представить Хомятову.

Ж у о в ь я н. Да не станет он искать покровителей, особенно через женщин. Ведь еще Чацкий заклеил: „Я езжу к женщинам, да только не за этим“.

К о л м а к о в а. Ах, ребята, ребята... Некогда мне объясняться, скоро перерыв кончится. Пойди Кугушева отвлеку... Кугушев в него вцепился, никак не наговорятся... Ну, прошу тебя, Сережа, если ты Ромке друг... Ведь мы с Зоей специально старались...

Ж у о в ь я н. Ладно, попробую (*идет в угол, где беседуют Кугушев и Эдемский*).

Э д е м с к и й. У Достоевского женщины вызывают или сладострастие или жалость, эта любовь изначально осуждена на гибель, в ней нет светоносности. „Я вас истреблю“, — говорит Версилон Екатерине Николаевне... Помните, в „Подростке“... Бездна здесь тут необычная... Не безответная любовь... Нет, тут физиология... Тут однопольность... Замкнутость мужского начала... Неспособность к соединению, к цельности. Под ликом любви все та же алчная свобода индивидуалиста. Идеал Содомский... Все то же беснование...

К у г у ш е в. Как раз наоборот... В царстве Карамазовых загублена человеческая свобода, возвращенная лишь Алеше через Христа...

Э д е м с к и й. Вот здесь и ошибка... Здесь риторика и публицистик, подобная псевдораскаюнию Раскольникова в коленях у Сони... Помните, там на берегу... Псевдовоскресение... Даже по пластике описание этого воскресения скорее на эпилептический припадок похоже. Это не добро, а личина добра, хотя, может, и искренне, но только в тот момент... Припадки добра и доброты после ясного, цельного художественного злодейства...

Ж у о в ь я н (*подходя*). Я краем уха услышал... Это, верно, насчет личины добра... Сегодня главное в борьбе со злом — сорвать с него маску добродетели... Обнаженное зло, раскрытое зло, может, и сильней свирепствует, но зато быстрее гибнет, как скорпион в собственном яде... Трагедия мира не в существовании зла, а в чересполосице добра и зла... Зло, сражающееся со злом, не ослабляет, а усиливает друг друга...

Э д е м с к и й. Простите, вы не знакомы? Это мой товарищ Сергей Жуовьян...

К у г у ш е в. Очень приятно... Так о чем вы?

Э д е м с к и й. Изредка, правда, являются мальчики кровавые в глазах в виде изнасилованной и утопившейся девочки, например... Помните, у Свидригайлова...

Ж у о в ь я н. Да что Свидригайлов... Помните разговор Достоевского с Тургеневым?.. Покаяние Достоевского Тургеневу, которое Тургенев не принял... Нарушил христианскую заповедь, высший христианский закон, как он понимался Достоевским... Достоевский ведь ожидал слезы, покаяние, поцелуи, а вышло — холод и аристократическая брезгливость... Я мерзок, сказал Достоевский, но вы еще более мерзки... И с тех пор они враги...

Э д е м с к и й. Но это так, припадочек... Здесь раскаяние как припадочек... но спасение только в недоступном идеале семипудовой купчихи, ставящей Богу свечку. А поскольку это третье решение недоступно, поскольку налицо дилемма — тварь дрожащая или власть, то вот она, ясная, чуть ли не в лозунги уложенная, антибиблейская идеология (*он раскрыл папку, порылся в бумагах и прочел*): „Преступление? Какое преступление! — вскричал он вдруг в каком-то внезапном бешенстве... То, что я убил гадкую, зловредную вошь, старушку-процентщицу, никому не нужную, которую убить — сорок грехов простится, которая из бедных сок высасывала... и это преступление?“ — „Брат, брат, что ты говоришь, но ведь ты кровь пролил, — в отчаянии вскричала Дуня...“ — „Которую все проливают, — подхватил он чуть ли не в испуге, — которая льется и всегда лилась на свете, как водопад, которую льют, как шампанское, и за которую венчают в Капитолии...“ И это говорится в самом конце, накануне раскаяния... Это художественно цельно сформулировано незадолго до малохудожественного риторического „воскресения“... Это ли не двадцатый век, это ли не из современных газет слова, это ли не классовый идеологический терроризм?

Ж у о в ь я н. Но не извне, а из глубин своего тела первоначально извлеченный. Это Иван Карамазов, богоборец и националистический атеист... Из чужих рук и в готовом виде,

в виде лозунгов это позднее Смердяковы получают. Здесь же идеология терроризма вся телом рождена, выбросом адреналина из мозгового слоя надпочечников в кровь... Здесь литературовед без помощи медицины все-таки обойтись не может.

К у г у ш е в. Вы имеете в виду своеобразие формирования личности писателя?

Ж у о в ь я н. Хотя бы... Здесь перейдена та грань, где без анализа личности невозможно... Ведь ни у кого из великих русских писателей отец не совершал низкие сексуальные извращения над матерью на глазах у ребенка, приведшие к первому приступу эпилепсии... Ни у кого отец не был линчеван толпой дворни, мучительной смертью, оттого, что мужские органы его были раздавлены камнями, за насилие и разврат над деревенскими девочками... Нет, здесь литературоведу без медицины не обойтись... Здесь не обычная неврология, а психопатия... А вспомните четырехлетнего ребеночка, которому жид пальчики обрезал, а потом на стенке гвоздиками распял... Такой образ чернилами не напишешь... Тут даже крови недостаточно и желчи... Тут сперма нужна... Тут фрейдистский антисемитизм... Тут через антисемитизм раскрепощение полового напора...

К у г у ш е в. Но ведь на том гноище, каким залиты страницы Достоевского, из этого гноища-то и вырастает чудное созерцание судеб человека на земле.

Ж у о в ь я н. Из этого гноища вырастает пряный, острый, опиумный цветок личной свободы, а не святой женственный цветок любви.

К у г у ш е в. Да, Достоевский был против навязанной извне любви и гармонии... Он видел к ним путь только через страдание и личную свободу.

Ж у о в ь я н. Пути любви и пути свободы противоположны... Абсолютная любовь есть полная несвобода.

Э д е м с к и й. Но примирение этих двух начал дано в Нагорной проповеди, в кажущемся противоречии древнего закона и евангельской любви... Достоевский ошибочно вкладывал в свободу духовный смысл... Любовь есть понятие

духовное, свобода же понятие телесное, сопричастное к преступлению и закону... Справедливая свобода есть иллюзия, всякая справедливая свобода должна быть иллюзией, рожденной и ограниченной справедливым законом... Индивидуальная материализация свободы ведет к ее исчезновению через зло.

К у г у ш е в. И все-таки, невзирая на свою большую судьбу, он был добр... Просто по-человечески добр.

Ж у о в ь я н. В высоком смысле, в понятии, венчающем это явление, добр он не был... Но расчувствоваться мог весьма легко и искренне в текущие моменты... И все это обязательно по-немецки, со слезой... В доброте своей он русский менее всего, покоя в его доброте нет. Если в злобе есть у него русское самозабвенье, то в доброте он менее всего русский...

К о л м а к о в а *(подходя)*. Я вижу, ребята, вы увлеклись. Но подумайте и о сардельках.

К у г у ш е в. Да, верно *(улыбнувшись)*. Вот вам и женское начало... Итог всякого спора — и простого, и сложного — доступен только женщине... *(Идет к буфетной стойке.)*

К о л м а к о в а *(Эдемскому)*. Можно тебя, Рома...

Э д е м с к и й *(отходя вместе с ней)*. Ну что еще?

К о л м а к о в а *(нервно)*. Что еще... как еще... Почему ты так груб?

Э д е м с к и й. Ну, начинается...

К о л м а к о в а *(задрожавшим голосом)*. Как ты несправедлив...

Э д е м с к и й. Я ведь знаю, чего ты хочешь. Ты хочешь, чтобы я пошел поклониться в ножки этому либеральному вельможе... Искал у него защиты...

К о л м а к о в а. Ну черт с тобой, на тебя лично мне наплевать, но твоя работа... Нельзя позволить, чтобы погромщики и черносотенцы затоптали ее... Сейчас не сорок восьмой год...

Из задней комнаты появляются Хомятов, Вартаньянц, Карабинович и Петрузов.

Петрузов (Хомятову). Карл Маркс сказал: если вы на вершине государства играете на скрипке, то можно ли удивляться, что стоящие внизу пляшут... Нельзя преувеличивать, но нельзя и пренебрегать ролью личности...

Колмакова (хватает Эдемского и почти насильно подводит его к Хомятову). Алексей Иванович, разрешите представить вам автора работы...

Карабинович. Это тот самый Эдемский, о котором я говорила... Упрямый и талантливый...

Хомятов (улыбаясь). Как же, как же, слышал... Знакомился с вашей работой... Впечатляет... Хотя и не без греха (смеется). Конечно, я не против гипотез и легенд в литературоведении, но считаю, что духовная жизнь такого художника, как Достоевский, гораздо шире...

Карабинович. Но главное ведь в пафосе работы... В ее основе...

Хомятов. Да, с основой я согласен... Как ни велика амплитуда колебаний Достоевского, тем не менее он ставил перед людьми разлагающегося общества идеал русского социализма, который был все-таки заимствован в школе Белинского, Герцена, Петрашевского, в учениях утопического социализма, а не в церкви... В этом смысле постановка вопроса об атеизме Достоевского весьма своевременна.

Эдемский. Я ставил вопрос не в этом смысле...

Карабинович. Спорщик... Спорщик до мозга костей...

Хомятов (улыбаясь, похлопывая Эдемского по плечу). Молод, смел, неистов... Я тоже в молодости пытался доказать всем и все... Классиков отвергал... Все ругал, кроме, конечно, советской власти...

Петрузов. Вспомнилась мне сейчас одна история... Был у меня приятель, кстати, по национальности еврей... Человек видный из себя, заслуженный... храбрый, но тоже спорщик... В войну направляли его на строительство какого-то крупного завода в тыл, а он ни в какую, только на фронт рвется... Чего только с ним ни делали — ни в какую... Нако-

нец, сообщают ему — вызывает вас товарищ Сталин. Является он в кабинет, Сталин сидит за столом и пишет, не поднимая головы. Пять минут проходит, десять проходит, пятнадцать, полчаса проходит, Сталин пишет, а приятель мой Яков стоит навтыжку... Наконец Сталин поднял голову и сказал: „Тыл — опора фронта!“ — „Слушаюсь“, — отвечает Яков. Кругом повернулся и в тот же день поехал на выполнение задания *(начинает смеяться, но, заметив, что кругом молчат, тоже замолкает. Неловкая пауза)*.

С о с к и с *(подходя)*. Все спорят молодые люди. Я, Алексей Иванович, в этом случае всегда Шиллера вспоминаю. Молодые люди — потом разбойники...

Х о м я т о в. Как же... Это Франц Моор говорит...

Э д е м с к и й. Нет, это ремарка при перечислении действующих лиц... Но там сказано — развратные молодые люди...

Х о м я т о в. Вот в том-то и дело...

В а р т а н ь я н ц. Я всегда был за установление с автором договорно-финансовых отношений... Однако, на мой взгляд, следует еще поработать... Избавиться от бердяевщины, от некоторого налета фрейдизма... От детских болезней... У талантливого человека это все равно что корь или коклюш...

Х о м я т о в. Да, поработать еще следует... Прежде всего надо помнить, что Ариадниной нитью для всякого объективного суждения о Достоевском может быть только история *(к Эдемскому)*. Рад был с вами познакомиться...

Э д е м с к и й. Я тоже... Спасибо за внимание... *(Отходит к буфету. Хомятов, Вартаньянц, Карабинович и Колмакова выходят.)*

Ч е р н о к о т о в *(сидя с Трушем за столиком)*. Вон они, коршуны, тело русское клевать собрались... А главный-то обер-иуда... Зойка Карабинович, говорят, его любовница... С женой еврейкой нашего мужичка пополам делят...

Т р у ш. Тише, Вася, захмелел ты... Напрасно две рюмки подряд выпил...

Ч е р н о к о т о в. Опять тише... Все тише... Все в своем отечестве тише... Русские мы или не русские...

Т р у ш. С умом надо...

Чернокотов. С умом... Все с умом... А ум — это не русское слово... По-русски сердцем жить надо (*замечает Сашеньку, которая с Ириной Моисеевной и Жуовьяном сидят за столиком*). Нравится мне эта девочка... Сонечка Мармеладова... Бледненькая... Так бы и расцеловал все пальчики...

Труш. Жениться тебе надо, Вася...

Чернокотов. Жениться... Сейчас в основном смешанные браки... Интернационал в постели...

Петрузов подходит и садится за столик к Чернокотову и Трушу.

Петрузов. Все ругаешься, Вася...

Чернокотов. А ты, Федот, аксиому номер один знаешь?

Петрузов. Какую аксиому?

Чернокотов. Если от головы в ее затылочной части опуститься на восемьдесят—девяносто сантиметров, то обязательно обнаружишь задницу (*смеется, Труш тоже смеется*).

Петрузов (*сердито*). Напрасно ты, Вася, грубостью спасаешься... Я ведь тебя насквозь вижу... И живешь из-за угла... Если русский в России из-за угла живет, это, знаешь, не по-русски и не по-советски. Я давно с тобой хотел поговорить...

Труш (*с вызовом*). Я, что ли, мешаю?

Петрузов. Мешаешь... Прошное наше потом и кровью залито, а ты на этот пот, на кровь русскую дорожную грязь...

Труш. России русское прошлое дорого, а не тридцать лет сталинизма да триста лет татарщины...

Чернокотов (*наклонившись*). Хорошо еще, что евреев при татарщине не было на Руси... Двойной оккупации Русь бы не выдержала...

Петрузов. Все не по делу, Вася, говоришь... Все в антисоветизм уклоняешься... Дурно кончишь на этой дорожке...

Чернокотов. Надоели мне старые термины, Федот... Мне что советизм, что антисоветизм, что говядина... Третья сила нужна... Сейчас в газетах пишут о третьем мире... Рос-

сии тоже свой третий мир нужен... Я, может, общество имени Федора Достоевского основать хочу... Русского патриота Достоевского...

Петрузов *(оглядываясь)*. Болтаешь сам чего не знаешь... Попадешь с тобой под семьдесят первую статью *(отходит и присоединяется к Кугушеву, о чем-то с ним заговорив)*.

Труш. У тебя голова есть?

Чернокотов. Он меня не продаст... И бумагу нашу подпишет... Я был неправ, я теперь понял... Я Федота понял, это русская деревенская дворняжка... Давай еще по одной *(разливает незаметно и доликает в рюмки нарзан)*.

Моңцевич *(Шмулер-Дийсному)*. Мне недавно пришлось быть на симпозиуме в Белграде... Да... Хе... фи... эп... Весьма напоминает по направлению данный редсовет... Югославия — страна замечательная, но славянство... Стоит сорваться с точки опоры... Мне один товарищ так и сказал...

Шмулер-Дийсный. Да, я недавно в Варшаве тоже столкнулся... Там, правда, свои проблемы, особый ракурс, который до сих пор не выветрился... Сто лет назад Достоевский писал о том, что Польша является главным конкурентом России на руководство в славянском мире... Представьте, к моему удивлению, я столкнулся с подобными элементами... Разумеется, в завуалированной форме... С первого раза и не подумаешь... А на какую тему был белградский симпозиум?

Моңцевич. Дело не в теме... Дело в том, что там частности... хе... фи... эп... возобладали... Явились разговоры о революционности неохристианства, о том, что бессмертие делает равными не только живых, но и мертвых, а это дополняет Маркса... И так далее... Договорились до того, что бессмертие реально на том, мол, основании, что человек боится смерти *(смеется)*. В общем, покойники всех стран, соединяйтесь!

Шмулер-Дийсный. Весьма научно *(тоже смеется)*. Знаете, в Польше, несмотря на новый путь развития, по-прежнему силен дух католицизма... Матки Боски... И это в самом

неожиданном является... Один католик, кстати, махровый антисемит, извлек на свет тезис, например, о том, что если коммунизм есть исторический факт, то он угоден Богу... Весьма научно... Старые песенки на новый лад (*смеется*). И конечно же, образ Христа как первого революционера... Это стало стандартом... И еще один любопытный момент: после соприкосновения с Польшей многие стороны Достоевского более ощутимы. В восприятии Достоевским мира есть элементы польской психологии... Купорос... Едкость... Это не русское... Гоголь язвительен по-иному, холода в его язвительности нет...

М о н ц е в и ч. Ну, предки Достоевского из села Достоево... Это Западная Белоруссия... Так что география подтверждает...

Чернокотов, уже некоторое время прислушивавшийся и приглядывавшийся то к столику Монцевича и Шмулер-Дийсного, то к столику, где сидит со стенографистками Жуовьян, воспользовавшись тем, что Труш отвлекся каким-то разговором с Лобачевым, встал, двинулся было в сторону Сашеньки, но, уловив некую фразу со стороны Монцевича, круто повернул в его сторону.

Ч е р н о к о т о в. Прошу прощения, представиться хочу... Чернокотов Василий, потомок казака Чернокота, который рядом с Ермаком Тимофеевичем, покорителем Сибири...

М о н ц е в и ч. Хе... фи... пи... Вы о чем?

Ч е р н о к о т о в. О чем... О многом... Вы вот Достоевского у России отнять хотите, к полякам его прописать, а известно вам, например, что православные чистилища не признают в отличие от католиков... Наша русская горькая история сделала для нас мучения ада смешными... Ад нам страшен только скукой, а не мучениями... Это закопченная деревенская банька с пауками, в которой безвыходно сидеть надо и которой Свидригайлов испугался... Вечности в баньке... Вечность — это ведь очень долго... Это у Достоевского точно подмечено — „банька с пауками“.

Ш м у л е р - Д и й с н ы й. Вы об образе из „Преступления и наказания“ говорите, молодой человек?

Чернокотов (с усмешкой). Точно. (Садится за столик).

Шмупер-Дийсный. Извините, как вас там... Не знаю, объясняли ли вам ваши родители, что вот так вести себя неучтиво... Вмешиваться в чужой разговор, и вообще...

Чернокотов. Я сирота... Воспитывала меня, в основном, общественность и комсомол... Может, и допустили какие-нибудь ошибки... Согласен, признаю... Еще один вопрос и удаляюсь... Кто был Иисус Христос по крови?

Шмупер-Дийсный. Прекратите хулиганить, вас выведут...

Труш (торопливо подойдя). Извините, он выпил. Пойдем, Вася...

Чернокотов. Нет, подожди (кричит). В Иисусе Христе не было ни капли семитской крови... Я утверждаю это категорически и научно обоснованно... Согласно древним рукописям... Это вам не Карл Маркс...

Жуовьян. Я совершенно согласен с Чернокотовым... В Иване Христе семитской крови нет... Он родился в Рязани, где окончил церковно-приходское училище.

Ирина Моисеевна (Жуовьяну). Не надо связываться с хулиганом.

Чернокотов (Ирине Моисеевне). Я, тетенька Бася, не хулиган... Я русский молодой человек. Хотел бы пригласить на вальс русскую девушку Сонечку Мармеладову (с силой отталкивает удерживающего его Труша и подходит к столику). Сонечка, можно вас на вальс?.. Вы не смотрите, что музыка не играет, она у меня в сердце звучит... А не хотите полюбить, то хотя бы пожалейте... Вы ведь русская, а на Руси любят несчастеньких... И Федор Михайлович любил.

Сашенька. Отстаньте.

Чернокотов. И это весь ваш ответ, Сонечка?

Сашенька. Отстаньте, прошу вас...

Жуовьян (поднимаясь и становясь перед Чернокотовым). Сказано тебе — отстань... (толкает Чернокотова, тот едва удерживается на ногах. Услыша шум, заглядывают любопытные).

К о л м а к о в а (*испуганно*). Что здесь? Пьяная драка? (*К Эдемскому*). Ты не вмешивайся, работу погубишь, они только и ждут повода...

Э д е м с к и й (*раздраженно*). Чего ты хочешь?

К о л м а к о в а. Ну черт с тобой, пропади пропадом...

Ч е р н о к о т о в. Береги свое лицо от удара в морду (*толкает Жуовьяна так, что тот едва удерживается на ногах, чуть не сбив вбежавшего Соскиса*).

С о с к и с (*испуганно*). Что такое? (*К Жуовьяну*.) Немедленно прекратите безобразничать, к вам будут приняты меры... (*К Чернокотову*.) Успокойся, Василий... Домой тебе надо... Элем, дай я с ним поговорю... Вот так у нас... Умеют наши интеллигентики затравить талантливого деревенского парня... Василий, послушайте, вы ведь неглупый человек, зачем вы губите свое будущее?

На шум входят Хомятов, Вартаньянц и Карабинович.

Х о м я т о в. Что здесь происходит?

К а р а б и н о в и ч. Этот тип с самого начала явился редсовет срывать.

В а р т а н ь я н ц. К нам он никакого отношения не имеет, с редсовета его выставили, так вот снова явился.

Х о м я т о в. А что это за личность?

К а р а б и н о в и ч. Чернокотов, бывший студент университета... Исключен за национализм и неуспеваемость...

Х о м я т о в. Пора кончать либерализм по отношению к таким...

Ч е р н о к о т о в (*вырываясь из рук Труша и Петрузова*). Кончать со мной хочешь? Ты, мужичок, на семитских бульонах растолстевший... Ух, ненавижу... Мучители России... Прав Достоевский, прав... Потому и псов своих на него травите... От жидовства смердит на Руси...

Х о м я т о в (*покраснев*). Да его в тюрьму... Антисоветчик... Мерзавец... (*Грозит пальцем*.) Я тобой займусь, антисоветское отродье... Сволочь... Товарищ Вартаньянц, сейчас немедленно составим протокол...

В а р т а н ь я н ц. Безусловно, совершенно согласен...

П е т р у з о в. Он не в себе, товарищ Хомятов... Болен он... Смотрите, дрожит весь...

Х о м я т о в. Ничего, я его вылечу... Упеку куда Макара телят не гонял...

Ч е р н о к о т о в. Упеки, упеки, бундовец... *(Хватает стул с металлическими ножками, поднимает его над головой.)* А ну, подходи... Ух, ненавижу...

В а р т а н ь я н ц *(с испуганным лицом)*. Вера Степановна, где Иван?

В е р а С т е п а н о в н а *(с испуганным лицом)*. Я уже послала за ним...

Ч е р н о к о т о в *(в злом веселье, вращая стулом)*. Подходите, твари дрожащие... Я вот он... Я перешагнул... Преступил... Я власть имею... В рожи ваши семитские я кричу, русский я... Какое счастье быть русским во всеуслышание...

П е т р у з о в. В психиатричке дважды он уже лежал... Болен он, приступ у него...

В а л я *(от буфетной стойки)*. Уймись, Василий... Прощения проси... Ведь пропадешь...

Ч е р н о к о т о в. Я сижу на вишенке, не могу накушаться, дядя Ленин говорит, маму надо слушаться... *(хохочет)*.

К а р а б и н о в и ч *(Хомятову, тихо)*. Пятнадцать сутками он не должен отделаться, слышишь, Алеша...

Х о м я т о в *(с ненавистью)*. Это типичная идеологическая диверсия...

Т р у ш. Да погоди, Вася, дай что скажу...

Ч е р н о к о т о в *(вращая стулом)*. Не подходи, никто не подходи... *(ударом стула сбрасывает с ближайших столиков посуду)*.

К а с ь я н о в н а. Фараон, чего посуду бьешь... Чего сорешь, чтоб ты сгорел...

В а р т а н ь я н ц *(раздраженно)*. Да где же в конце концов Иван?

Х о м я т о в *(зло)*. Что Иван... Милицию почему до сих пор не вызвали?

В а л я *(со слезами)*. Вася, Михаил Залманович с тобой говорить хочет...

Ч е р н о к о т о в. Это большой друг русского народа... Милости просим...

С о с к и с. Вася, перестань стулом размахивать, я говорить с тобой хочу...

Ч е р н о к о т о в. А на каком языке, Михаил Залманович... Я ведь по-еврейски говорить не умею *(замахнулся стулом, так что Соскис едва успел отскочить и уронил очки)*.

П е т р у з о в. Что ж ты делаешь, негодяй... Михаила Залмановича чуть не ударил...

Ч е р н о к о т о в *(напевает)*. Залмановича чуть не ударил, Соскиса чуть не ударил...

П е т р у з о в *(Хомятову)*. Вот видите, не в себе он...

Х о м я т о в *(зло)*. Ничего, мы этим славянофильствующим антисоветчикам мозги вправим...

В е р а С т е п а н о в н а. Иван идет...

Входит И в а н. Это высокий широкоплечий мужчина с деревенским лицом.

В а р т а н ь я н ц *(сердито)*. Иван, где же ты ходишь?

И в а н. Прошу извинения, за папиросами отлучился... А кого вывести надо?

Ч е р н о к о т о в. Меня, колхозник... *(Внезапно изо всех сил ударяет Ивана стулом, попадает по плечу)*.

И в а н *(скривившись от боли)*. Ох, ядрено сало...

Общий крик. Смятение.

Х о м я т о в. До каких пор это безобразие будет продолжаться, где милиция?

И в а н *(потирая руку)*. Не беспокойтесь, гражданин начальник. Мы его без милиции возьмем...

Ч е р н о к о т о в *(в нем произошло новое изменение, исчезла хулиганская веселость, явился бешеный гнев)*. Что, колхозный активист... Распнешь Россию, мать старуху за краюху хлеба... Раскулачишь... *(и он плюнул Ивану в лицо)*.

Снова взрыв всеобщего возмущения.

Петрузов (*Чернокотову*). Ты что, дурак, мерзавец... Ты кому плюешь... Мужику русскому плюешь...

Иван. Ничего, я утрюсь... (*Изловчившись, ударяет ногой в живот Чернокотова, тот согнулся от боли. Заголосила Валя*).

Вартаньянц. Иван... Ты... Так не надо...

В этот момент Чернокотов изо всех сил ударил Ивана стулом по голове.

Чернокотов (*дрожа от ненависти*). Что, сволочь... Такие в матросских бушлатах царя в проруби топили... Вместе с евреями... Царь-отец детям своим ладонями глаза закрывал... Кровопийцы.

Далее все наблюдают за происходящим, как бы оцепенев. Иван вскакивает с окровавленным лицом, бросается к Чернокотову. Чернокотов еще несколько раз ударяет Ивана, но тому наконец удается повалить Чернокотова, и он начинает бить и топтать его ногами. И тут из Чернокотова вырывается невесть откуда взявшийся, ибо разговаривал и кричал он низким, прокуренным и пропитым голосом, невесть откуда взявшийся, совсем почти детский, мальчишеский крик, звонкий и долгий... Первой опомнилась Валя, она бросилась и вцепилась в Ивана.

Подбежали и Труш с Петрузовым.

Труш (*к Ивану*). Ты что, сукин сын... Ты человека убиваешь... Ты человека...

Чернокотов лежит неподвижно, Иван стоит, тяжело дыша, в разорванной рубашке, утирая с лица кровь.

Вартаньянц (*бледный, с отвисшей челюстью*). Ты, Иван, иди... Иди к себе, Иван...

Валя и Петрузов поднимают Чернокотова, ноги его подгибаются, лицо заплыло от побоев. Вдруг громко заплакала Сашенька.

Чернокотов (*с трудом повернув голову*). Уведите девочку. пусть не смотрит.

В а р т а н ь я н ц (*растерянно*). Кто бы мог подумать... Иван... Тихий вроде бы человек... Надо принять меры...

Т р у ш (*подойдя твердой походкой, зло*). Вам не удастся, Павел Дмитриевич, свалить вину на стрелочника... Это вы велели Ивану избить Чернокотова...

В а р т а н ь я н ц (*испуганно*). Что вы такое говорите, Элем Анатольевич...

Т р у ш. Вам не удастся... Здесь под крылышком Хомятова... (*Поворачивается к Хомятову.*) Мы напишем, мы обратимся к общественности... Сейчас не сталинские времена... Вы устроили здесь подлое судилище над русским гением... Над Федором Михайловичем Достоевским... Волны грязи и пошлости накатывались на это святое для каждого русского человека имя... А когда это вызвало законное возмущение, вы воспользовались человеческими слабостями нездорового человека и сталинскими методами... Да... Пытки возрождать хотите...

Х о м я т о в. Вы думайте, что говорите, молодой человек... Вы уже давно совершеннолетний, будете отвечать за свои слова...

Т р у ш. Нэ пугайте, не страшно... Мы весь свой испуг в прошлом оставили...

П е т р у з о в. При чем тут Сталин, при Сталине никогда бы такое не случилось...

Ж у о в ь я н. Это верно... Тогда в литературных учреждениях никогда не избивали... Это уже беспорядок...

Х о м я т о в (*Жуовьяну*). А вы, молодой человек, тоже поменьше болтайте... Вами тоже следует заняться... Выяснить, что вы за птица и каким идеологическим зерном питаетесь...

К а р а б и н о в и ч (*Хомятову*). Пойдемте, Алексей Иванович... (*Выходят.*)

С о с к и с (*Вартаньянцу*). Видите, как хорошо, что я не вызвал милицию... Ситуация сложная... Лучше всего тихо с ней покончить (*к Чернокотову*). Ну как ты, Вася?

Чернокотов. В груди жжет... Пить хочется...

Соскис. Ты талантливый парень, Вася... Тебе работать надо...

Петрузов. Так я же ему предлагаю работу...

Соскис. Вот Федот предлагает... И я помогу... Любят наши интеллигентики деревенского парня затравить... А ты, Вася, повод даешь... Безобразно ты себя вел, между нами говоря...

Валя. Пойдем, Вася, в заднюю комнату... Я тебе лицо спиртом промою... Лучше всякой „скорой помощи“... Скотина, как парня побил... *(Кривясь от боли и опираясь на Валю, Чернокотов уходит.)*

Соскис *(Вартаньянцу)*. Ивана надо немедленно уволить... Он нас когда-нибудь очень подведет... Помните, в прошлом месяце он старика в спину толкнул...

Вартаньянц. Да, да... Конечно...

Монцевич. Так состоится ли после этого... Хе... фи... эп... апокалипсического перерыва вторая половина редсовета?..

Вартаньянц. Немного подождите... Прошу вас... Сейчас выяснится... Какое ужасное ЧП... Михаил Залманович *(он берет Соскиса под руку и они отходят, тихо разговаривая)*.

Жуовьян садится рядом с молча сидящими Колмаковой и Эдемским.

Эдемский *(тихо)*. Я, Сережа, сейчас снова сон свой вспомнил... Помнишь, про черта, полностью на черта Достоевского не похожего и даже черта Достоевского отвергающего... Помнишь черта Достоевского?

Жуовьян. Того веселого неопрятного господинчика в потертом фраке... Интеллектуала...

Колмакова. Ты так мне свой сон и не рассказал... Сереже рассказал, а мне нет *(ежится)*. Меня озноб трясет... Какой ужас... Посмотри, какие у меня руки холодные *(прикасается ладонью к щеке Эдемского)*.

Эдемский. Была оттепель, беспокойная ночь, дождь

пополам со снегом... Дождь в декабре... Заснул я поздно. Снится, иду я где-то, где уже не помню, вижу играют собаки между собою, и чудится среди них то ли крупный козел, то ли свинья, то ли некое непонятное существо, тоже с ними играет... Однако страха не испытываю и приглядываюсь к их игре с удовольствием. Я люблю, когда животные между собой играют... И тут замечаю, не козел это и не свинья, а все-таки собака... Вернее, пес... Это слово более к месту... Ростом с крупного козла, шелудив, клочья серой длинной шерсти на нем, грязен он и голоден, завалившийся живот, рахитичные лапы, большая голова — то ли собачья, то ли волчья... Продолговатая... Огромные глаза, серые, мокрые... Сливы водянистые — вот какие глаза... Но разрез глаз не поперек морды, как обычно, а вдоль... Я подошел ближе, собака остановилась, играть бросила, повернула ко мне голову и смотрит недобро, но без видимой злобы. Холод, вот что там во взгляде... Глаза серые, но это не цвет живого серого глаза, а серость воды в дурной день... Однако я не пугаюсь, а как обычно, когда вижу большую, опасную собаку, поворачиваюсь и ухожу. И только проснувшись, понял — это бес.

Ж у о в ь я н. Бес — понятие весьма переменное. Идея Бога так же переменна, но по-иному... Пока сменяется одна идея Бога, успевает смениться десяток бесовских идей.

К о л м а к о в а (*по-прежнему дрожа*). Какая разница между Богом и идеей Бога?

Ж у о в ь я н. Идея Бога рукотворна.

К о л м а к о в а (*дрожа*). А идея беса? По Достоевскому, дьявол поселяется не в низших, а в высших сферах человеческой психики. Он — интеллект.

Ж у о в ь я н. Я не согласен... Интеллект может служить дьяволу, но только лишь как коллаборационист.

Э д е м с к и й. Это все оттого, что Достоевский не понял злую силу физического голода, силу его напора и созидания. Та часть интеллекта, которая дьявольски искушает, находится лишь в трусливом услужении у первородного физического голода, могущество которого в его несчастье...

К о л м а к о в а. Фу, за разговорами и успокоилась... Эта история так меня напугала... Какая жестокость...

Ж у о в ь я н. Вот она трагедия... И здесь негодяй неуязвим... Совершая зло и несправедливость по отношению к негодяю, мы его морально реабилитируем... Вот аспект христианской заповеди, видимой ясно в двадцатом веке... Но что же делать? Иными словами, справедливое возмездие, заставляющее негодяя страдать, придает ему человечность и лик Божий, которого он недостоин... Иисус не жалел негодяя, бьющего тебя по щеке, он хотел его покарать более страшной мезтью, лишив права страдать и тем самым обнаружить лик Божий... Но нам в текущей жизни как покарать негодяя, не заставляя его при этом страдать? Вот подлинная проблема гуманизма девятнадцатого века, которую мы получили в наследство неразгаданной.

Э д е м с к и й. И это несмотря на то, что этой проблемой мучился мессия русской литературы и все его апостолы.

К о л м а к о в а *(которая заметила Карабинович, делающую ей какие-то знаки)*. Пойдемте, ребята, в коридор, погуляем, душно здесь.

Э д е м с к и й. Несмотря на то, что этой проблемой мучился мессия Александр и апостолы Михаил, Николай, Лев, Федор, Антон...

К о л м а к о в а. Вы забыли Ивана... Вот Тургеневым бы тебе, Ромка, заняться с твоими способностями.

Ж у о в ь я н. Раздача литчинов для энциклопедии... А Федора я все же из апостолов исключил.

К о л м а к о в а. *(раздраженно)*. Но Достоевский первый на обозримом нами и близком нам отрезке цивилизации расщепил человеческую душу, и с этим ничего не поделаешь... Он совершил в литературе то, что Кюри совершил в физике... Или Нильс Бор, в общем, не помню...

Ж у о в ь я н. Да не расщеплял он души... Как говорится, не было этого... Он первый заговорил о том, о чем ранее принято было молчать, хоть оно с давних времен известно если не всем, то многим. Он первый превратил в проблему и в материал для исследования физиологические отходы

души... Ведь у души, как и у тела есть свои физиологические отходы, и физиологические отходы души точно так же не терпят публичности, как и физиологические отходы тела... Но, безусловно, эта интимность многих тяготит, особенно в бездуховные времена, ибо единственно где нормальный человек не тщеславен, это в пороках как зависящих от него, так и не зависящих... Именно нормальный, здоровый человек... Творчество Достоевского называют больным, но подавляющее число его поклонников люди клинически здоровые, с хорошим аппетитом... Истинно больному человеку Достоевский вообще чужд и ненужен... Особенно тяготится интимностью порока демократическое общество, где силы раскрепощены от проблем тоталитарного подавления личности государством... Ясно, что того, кто придаст интимности физиологических отходов души хотя бы литературную легальность, такое демократическое общество в свои бездуховные времена увенчает лавровым венком гения... Вот откуда венок Европы на азиатской скуластой голове Достоевского...

К о л м а к о в а (*заметив, что Карабинович по-прежнему делает ей знаки и уже открыто машет рукой*). Пойдемте все-таки, ребята в коридор, погуляем... Слишком уж здесь душно... Обратите внимание на просьбу дамы... (*Колмакова, Эдемский и Жуовьян уходят.*)

Возле курительной комнаты останавливаются Хомятов и Карабинович.

Х о м я т о в. О подобных национал-шовинистических тенденциях к нам поступает немало сигналов... Под невинным предлогом анализа наследия прошлого пытаются реабилитировать такие личности, как Бердяев, Катков, Мережковский, Суворин... То цитаткой, то сравнением... Пытаются подобные манипуляции проделать и с классикой... Особенно с Достоевским... Подать его под собственным ракурсом... И вот, пожалуйста, спор перерос в открытую антисоветчину и даже в безобразную хулиганскую драку...

К о л м а к о в а. Какие хулиганы? Это, Алеша, просто погромщики... Особенно этот... Чернокотов...

Х о м я т о в. Да, Зоя, согласен... Я теперь вспомнил, Чернокотов... Кажется, эта фамилия у нас уже проходила... Он привлекался по делу о каком-то рукописном славянофильском журнальчике...

К а р а б и н о в и ч. И вышел сухим из воды?

Х о м я т о в. Ну не совсем сухим... Сборник, который они готовили к изданию, зарезан как славянофильский... Признаюсь, это я приложил руку... А подобный безобразный случай дает новый материал... Это хорошо... что я лично присутствовал... *(смотрит на часы)*. У меня через пятнадцать минут серьезная встреча с одним товарищем, я обязательно коснусь.

К а р а б и н о в и ч. Как? Разве ты уезжаешь? Ты не будешь на второй половине редсовета?

Х о м я т о в. Дела, Зоя. Весь этот скандал, все это отняло время... Но я поговорил с Вартастьянцем, моя точка зрения ему известна, работа хоть и спорная, но написана с известной новизной...

К а р а б и н о в и ч. Не юли, Алеша... Ты такой большой, такой всесоюзный... фронтовик... От орденов парадный пиджак трещит... Стыдно, когда ты, как мальчишка, неправду говоришь... Уличной шпаны испугался...

Х о м я т о в *(раздраженно)*. Шпаны, шпаны... Это сложнее, чем ты думаешь... Тебе легко говорить, ты лицо безответственное... С одной стороны, тенденции славянофильские, национал-шовинистические, они подлежат осуждению, тут двух мнений быть не может, но ведь противостоит им тоже не наша точка зрения... Не мысль о том, что человек есть высшая ценность посястороннего мира, и в этом смысле проявляются сильные и слабые стороны творчества Достоевского... Противостоит космополитичность суждений, утверждение о том, что персонажи Достоевского есть плоды каких-то сублимаций их творца... Какие-то комплексы, фрейдизм... И будем прямо говорить, в некоторых местах действительно неуважение к личности русского гения...

К а р а б и н о в и ч. Но ведь талант автора не подлежит сомнению, ведь это твои слова... А если ты уйдешь, Соскис

и компания Эдемского задавят, не дадут существовать не только здесь, но и в других местах.

Х о м я т о в. А что я могу сделать... Ты думаешь, я Геркулес или член Политбюро... И в конце-то концов, почему я должен рисковать ради человека, который ко мне относится с неуважением. Разговаривал он со мной дерзко, и этот приятель его... Этот Жуовьян...

К а р а б и н о в и ч. Речь идет об Эдемском, а не о Жуовьяне. Жуовьян — личность, действительно, безответственная, здесь ты прав... Крикливая личность...

Х о м я т о в. Слава Богу, хоть в одном ты со мной, наконец, согласилась... Не понимаю, Зоя, зачем тебе тратить силы и здоровье на этих нигилистов... Тут, конечно, женская неудовлетворенность (*хочет ее обнять*).

К а р а б и н о в и ч. Перестань, Алеша... Обнимай Эсфирь.

Х о м я т о в. Ревнуешь... Эсфирь тоже ревнует. Но, во-первых, она жена, а во-вторых, она древних южных кровей... Мы же, русские, молодая нация... Мы ребячья нация... Нам все игра..

К а р а б и н о в и ч. Не сейчас, Алеша. В другой раз об этом... Алеша, помоги талантливому парню, прошу тебя... Вспомни, как много было в русской литературе случаев, когда вовремя поддержанный талант освобождался от наносного, расцветал, приносил богатства незаменимые и невозполнимые для русской культуры... Наверно он как бытовая личность раздражает, но в конце концов...

Х о м я т о в. Ты не влюблена ли в его бытовую личность, моя девочка (*улыбается*). У русской культуры от собственных талантов полки трещат, ставить уже некуда.

К а р а б и н о в и ч. Какой ты сегодня неприятный, циничный...

Х о м я т о в. Я всегда циничен, когда беспокоен... И скажу тебе честно, Зоя, я мало чего могу сейчас сделать. Положение мое как будто и высокое, выше, чем раньше, но раньше я мог больше сделать.

К а р а б и н о в и ч. Когда это раньше, при Сталине?

Х о м я т о в. Да, тогда... Не надо все в прошлом подвергать осмеянию и свисту... Это не творческая позиция...

К а р а б и н о в и ч. Понимаю... Раньше были снижения цен на мотоциклы и мотороллеры...

Х о м я т о в. Общественная ирония... Вы ведь все по слухам, по пристрастиям... Много было дурного. Я, может быть, значительно больше знаю о дурном, чем ты, но много было и хорошего... Еще до Двадцатого съезда я одним из первых осудил прошлое, в том числе и свое прошлое. Но теперь, когда начинаешь задумываться...

К а р а б и н о в и ч. О чем?

Х о м я т о в. По крайней мере я знал, как действовать... Где небо, а где земля... Где право, а где лево... И что надо для того, чтобы помочь человеку... Во время космополитизма я многим помогал и словом и деньгами... И ни разу я не получил анонимки, где было сказано, что я антипатриот, предатель русского народа и покровитель жидов... За прошлый месяц я получил пять анонимок... Пять (*он показывает пять пальцев*). Такого при Сталине быть не могло... Анонимщики давно б были за решеткой...

К а р а б и н о в и ч. Да, тогда все было более централизовано.

Х о м я т о в. Представляешь, Эсфирь совсем сна лишилась... Она боится, что какая-нибудь анонимка попадет в руки ребятам. Старший мой, Андрей, увлекается старинной русской иконописью, собирает старые иконы... И вдруг прочтет, что его отец предатель русского народа... Ты вот смотришь на меня и думаешь: вельможа, трус, консерватор, сталинист, а ведь я тоже каждодневно в тревоге оглядываюсь по сторонам... Вы любите говорить о возрождении общества... Но ведь возрождается и реакционное вольнодумство... Раньше оно лакействовало перед сильной властью, стараясь исподтишка толкнуть ее в нужном направлении, но сейчас оно тоже от контроля освободилось, оно тоже хочет говорить в полный голос и дышать полной грудью... В России либеральный нигилизм есть троянский конь черносотенного нигилизма... Умеренный консерватизм — вот наша надежда...

К а р а б и н о в и ч. Так у тебя тоже доктрина?

Х о м я т о в. Не у меня, а у нас... К счастью, таких, как я, еще достаточно в России.

К а р а б и н о в и ч. Теория логичная, но одна маленькая неувязка. Вы никогда не задумывались, кто сидит в вашем чреве?

Х о м я т о в. Если они и сидят в нашем чреве, то по крайней мере связаны порядком и субординацией... В оппозиции же свобода излияния.

К а р а б и н о в и ч. А тебе не кажется, что при субординации возможно продвижение из чрева по служебной лестнице?..

Х о м я т о в. А это уж позволь нам позаботиться... Старикам... Консерваторам... Помнишь, как Пушкин опасался чрезмерного продвижения по служебной лестнице молодежи... Мы ведь тоже кое-что знаем, читаем классиков... Споры нет, Эдемский — талант, но ведь если сегодня помочь ему, завтра надо помочь Чернокотову... Говорят, он тоже талант... По-своему, конечно... Нет, Зоя, хватит оттепелей. Мы — северная страна... Умеренный мороз нам на пользу... Дышится легче, снегом все покрыто, чисто, свято... Люблю русскую зиму, люблю русский лес зимой... Эсфирь с ребятами после Нового года едут на школьные каникулы в Прибалтику, а мы с тобой на лыжах махнем... В Брянские леса... Я там в войну много попетлял... Партизанский край... Чудные места... Мяса зажарим на углях... А об Эдемском подумаем, только пусть он ведет себя потише. Пыль осядет от скандала, тогда, может, в периферийном издательстве... Ну, я пойду... Не хочу никого видеть... Скажешь Вартаньянцу — срочный звонок с верхов... Я слышал, он неизлечимо болен?

К а р а б и н о в и ч. Рак легких...

Х о м я т о в. Что ты... И такая служебная активность у неизлечимо больного...

К а р а б и н о в и ч. Все мы неизлечимо больны с момента рождения. Однако суетимся совсем в других направлениях.

Х о м я т о в. Да, жаль, что нас не будет через двести лет... Посмотреть бы на мир, на Россию, какими они станут без нас?.. Хотя, какой там через двести, через пятьдесят лет,

через тридцать нас уже не будет... А что такое тридцать лет? Рукой подать... Как там сказано — „если нет бессмертия, мировой процесс не имеет смысла...“ А раз так, все позволено: режь, руби, насилуй... Ницшеанство...

К а р а б и н о в и ч. Но ведь автор против этого и восстает.

Х о м я т о в. Восстает-то он восстает, но впадает в другую крайность... Нет, Зоя, вряд ли это пройдет и в периферийном издательстве... Посоветуй автору переменить тему... Ну, я побежал *(целует ее в щеку)*.

К а р а б и н о в и ч. Если бы, переменив тему, можно было бы перепрыгнуть через свою могилу и пойти дальше.

Х о м я т о в. Это экзистенциализм, Зоя... Это Европа... Это не для русского желудка.

К а р а б и н о в и ч. А как твои статьи против русофилов?

Х о м я т о в. Я не русофил, смешно даже об этом... И не тебе об этом... Ты-то меня знаешь... Но вот, например, в работе твоего любимца Эдемского приведены прекрасные слова французского критика Вогюз об одном из литераторов: „Такое перо, как ваше, защищает Францию, как шпага...“ О ком из нас можно с уверенностью сказать, что наше перо защищает Россию, как шпага?

К а р а б и н о в и ч. А тебе не кажется, что русский меч должен прокладывать путь русскому плугу?..

Х о м я т о в. Что? Шуточки... И почему это мы с некоторых пор должны вечно оправдываться в своей любви к отечеству?.. Что за мода пошла... Эсфирь права... Русским не обязательно быть от рождения. Это шовинизм, национализм... Русским может стать всякий, полюбив Россию, как самого себя *(вдруг всплыв)*, или любите Россию, или убирайтесь к чертовой матери! *(Идет к дверям, стуча ногами, на пороге останавливается.)* Я не менее вашего ценю литературную честность... Что за монополия с вашей стороны на литературную честность... *(Выходит.)*

К а р а б и н о в и ч *(тихо)*. Эк его прорвало... Взбесился с поборота... Впрочем, завтра придет мириться и извиняться... Это с ним уже бывало, и по тому же поводу. *(Уходит.)*

Некоторое время у курительной комнаты и в буфете пусто, только Касьяновна возится, убирая со столов пустую грязную посуду и окурки.

К а с ь я н о в н а. Мое дело в комнатах подмести да буфет убрать... А тут кровища... Чтоб вы сгорели...

Петрузов и Труш выводят из задней комнаты Чернокотова с забинтованной головой и пластырями на лице. Следом идет Валя.

В а л я. Ну как ты, Вася?

Ч е р н о к о т о в (*с трудом шевеля губами сквозь бинты*). Ничего... Отдышался, отсиделся, отстучал донскую дробь на барабане... (*Силится улыбнуться*).

В а л я. И как только он тебе ребра не поломал...

Ч е р н о к о т о в. А у меня секрет (*скривился от боли, передохнул*), мужицкий... Народное средство... Русского мужика давно б заporоли, если б не средство от дедов, прадедов... Как бить начинают, он донскую дробь... Брюшным воздухом, луком да кислым хлебом... Необъяснимое медициной укрепление организма происходит... Хоть до крови секи...

В а л я (*смеется*). Ну тебя, Вася... Бесстыдник ты...

П е т р у з о в (*смеется*). В здоровом теле здоровый дух... Русская живучесть.

Т р у ш (*зло*). Я с них не слезу... Вся эта банда от мала до велика... От Хомятова до швейцара... Мало они народ мучили, раскулачивали, в тюрьмах гноили...

Ч е р н о к о т о в (*кривясь от боли и прикасаясь к бинтам*). А Иван этот... Рожа лакейская... Как увидел, нахлынуло на меня... Такие, думаю, раскулачивали... И когда царских детишек в проруби топили, такие в матросских бушлатах вместе с евреями их ручки ото льда отдирали... Царь-отец сам детишкам глаза руками закрывал...

П е т р у з о в. Опять тебя в антисоветчину потянуло... Да пошел ты... (*Выходит.*)

Т р у ш. Болтаешь при этом сталинисте...

Ч е р н о к о т о в. Ничего... Это русская деревенская дворняжка... Он хозяина ищет... Сегодня я еще кусок ему бросить могу... Но послезавтра...

В а л я. А вон Касьяновна... При Касьяновне зачем...

Ч е р н о к о т о в. А Касьяновна глухая, не донесет.

К а с ь я н о в н а. Чтоб вы сами оглохли. *(Выходит.)*

Т р у ш. Сейчас такси найдем... Я тебя, Вася, домой пове-
зу... Ты не храбрись, у тебя, может, ребра поломаны.

Ч е р н о к о т о в. А портфель мой где?.. С Федором Ми-
хайловичем портфель...

В а л я. Да вон он за стойкой *(берет за стойкой пухлый
портфель и ставит возле Чернокотова)*.

Ч е р н о к о т о в *(подмигивая и дергая головой)*. Мне че-
кизм-кегебизм не страшен. Я психически ненормальный...
Кукуреку...

В а л я *(утирая слезы)*. Деньги-то у тебя есть, обедать есть
на что?

Ч е р н о к о т о в. Хлеб да соль, да сало недорого стоят...
Хлеб да сало — вот тебе и весь русский ресторан... Куриных
блюдов в нем не подают...

Входит Соскис.

С о с к и с. Ну как, Вася?

Ч е р н о к о т о в. Спасибо, ничего, Михаил Залманович.

С о с к и с. Ну ты, Вася, тоже... Ведешь себя безобразно,
между нами говоря... Парень ты талантливый, откровенно те-
бе заявляю, как и раньше заявлял... По-народному талант-
лив, от земли. Зачем же тебе этот интеллигентский книж-
ный нигилизм?.. Ох, Вася, Вася, смотри у меня, Вася *(он
шутливо погрозил ему пальцем)*.

Т р у ш. Как парня избили, как в концлагере... Воспользо-
вались человеческими слабостями...

С о с к и с. Да я уж высказал свое возмущение... Думаю,
это будет иметь самые серьезные последствия...

Т р у ш. Пойдем, Вася, я тебя провожу...

С о с к и с. Вот вас, Элем Анатольевич, я попросил бы ос-
таться... Мы быстро закончим... Проголосовать надо, чтоб ре-
шение в стенограмме было закреплено...

Т р у ш. Нет уж... Я покинул заседание и в присутствии

Хомятова находится там не желаю... Он думает, что ему все позволено. Но сейчас не времена культа личности... Сейчас Федора Михайловича гробовыми досками не заколотишь...

С о с к и с. Подождите, подождите, Элем, не горячитесь... Во-первых, Хомятов не член нашего редсовета и присутствовал неофициально. Во-вторых, он уехал и на второй половине присутствовать не будет...

Ч е р н о к о т о в *(со злым весельем)*. Сбежал, сбежал литературный генерал...

С о с к и с *(продолжает)*. А в-третьих, в конце концов сейчас действительно не сорок восьмой год, не времена космополитизма, и вряд ли окрик сверху может заставить нас принять работу, фальсифицирующую и искажающую облик и творчество русского национального гения.

Т р у ш. Это такая подлость, Михаил Залманович... Позволить, чтобы мучительные парадоксы Достоевского стали объектом спекуляции неких, с позволения сказать, толкователей...

Ч е р н о к о т о в. Дерьма вонючего *(поморщившись, прикасается к бинтам)*.

С о с к и с. Тебе, Вася, пора с площадными выкриками распротиться... Повод даешь разного рода интеллигентам... Я не менее твоего возмущен и Достоевский мне не менее твоего дорог. Но ведь время каменных топоров миновало.

Т р у ш. А иногда жаль, что миновало...

С о с к и с *(разводит руками)*. Что поделаешь, Элем Анатольевич... Но, думаю, мы без каменных топоров сумеем защитить от фальсификаторов дорогое нам наследие Достоевского...

Т р у ш. Горьковские тенденции... Максимиचा... Их бы волю, они бы Достоевского попросту сожгли.

Ч е р н о к о т о в. Это уж вон оно вам, русский кукиш в потолок *(показывает кукиш)*.

С о с к и с. Надо беспокоиться, чтоб Эдемскому ход не только к нам, но и в другие места был закрыт... И никакие дамы, и никакие звонки сверху ему не помогут.

Чернокотов. Приятно, Михаил Залманович, радостно даже... Сейчас даже и среди русских по рождению не часто встретишь патриотов России...

Труш. Ты, Вася, езжай, болтай поменьше. Валентина, может, ты его проводишь?

Валя. Это можно... Я мигом *(уходит в заднюю комнату и возвращается в расстегнутом пальто с платком в руках)*. Пойдем, Вася.

Труш. Врача к тебе вызвать надо...

Чернокотов. Да что я... Вы здесь Федора Михайловича в обиду не давайте... Где мой портфель?

Валя. Я понесу, на тебе ведь живого места нет... Как побили парня, скоты бесстыжие.

Чернокотов кивнул Соскису и Трушу, обнял Валю за шею и, хромя, ушел с ней.

Труш. Путаный он все-таки человек... Боюсь, плохо кончит... Уже и под следствием был и в психбольнице...

Соскис. Народный талант... Есенинское детство за плечами... Пастух... Приехал в Москву с деревянным сундуком... Но знаете, как у нас умеют, интеллигентское высокомерие... Таких, как Эдемский, — на передний план, шепчутся, подмигивают, в рукописях читают... Ах, ох... А деревенского парня в шею... Так, в общем-то, что мы имеем, как говорят в Одессе... Вартаньянц колебался, но теперь он против... Он теперь против, может быть, сильнее, чем мы оба вместе взятых... Так... Шмулер-Дийсный уехал, но оставил записку, что он против... Монцевич против... "За" будут обе дамы... Петрузов против... Лобачев — неизвестно... Кугушев... Этот больше всего спорит с Эдемским, но, как ни странно, он может быть „за“... Он ведь примерно год назад тоже представил нам договорную работу о Достоевском, которая была отвергнута. Конечно, без скандала... Помните?

Труш. Ну, сравнивать нельзя... Работа была спорной, но с позиций глубокого уважения к Достоевскому... Ка-

жется, она называлась „Пушкинская речь Достоевского“. В ней было много весьма любопытного... Анализ аскетизма, чистоты, высшего духовного примирения со страданием... Анализ „про“ и „контра“ русской души.

С о с к и с. Ох, молодежь... Сперва молодые люди, потом разбойники... Все вас не туда... Все вас в глубины мрака... А ведь главное — это поэтический мир невиданной новизны и смелости, о котором верно писал Томас Манн, анализируя творчество Достоевского... Впрочем, времени мало, не будем отвлекаться... Так что Кугушев может быть и „за“... А к Кугушеву прислушивается Петрузов...

Т р у ш. Федот не посмеет... Да и Кугушев, думаю, будет против.

С о с к и с. Надо брать худший вариант... Но даже худший вариант в нашу пользу (*смотрит на часы*). Пойдемте, скоро начинаем. Думаю, это займет не больше десяти минут.

Входят Эдемский и Жуовьян. Обмениваются с Трушем и Соскисом враждебными взглядами и садятся за столик.

Ж у о в ь я н. А буфет не работает, что ли?

С о с к и с (*Эдемскому, сухо*). Мы сейчас начинаем.

Э д е м с к и й. Хорошо, я приду.

Соскис и Труш уходят.

Ж у о в ь я н. Какая гадина... Типичная личность, рожденная в стойле... У него в боковом кармане уже и гвозди позвякивают, чтоб распять тебя...

Э д е м с к и й (*усмехнувшись*). Тайна Голгофы... Правда, распятая на кресте, никого не насилует... Ее можно только свободно обличать или принимать...

Ж у о в ь я н. Если бы все так просто... На кресте распинают ведь не только Христа, но и Антихриста... Я мечтаю написать работу под названием „Распятие Антихриста“... Что, ты не согласен? Тогда будь уж логичен, прими „слезиночку“ из „Великого Инквизитора“... Прими атеистическую мысль

Версилова о том, что много гордых людей любили Бога, чтоб не любить род людской... Прими, наконец, слезы самого апостола Федора, когда Белинский при нем ругал Христа... Слезы эти ведь на недоразумении основаны... Не понял Достоевский, о чем речь... Белинский ведь ругал чужого Христа, из Назарета, а Достоевский по русскому Христу плакал, из Курска или Вологды... Прими также поцелуй, которым наделил апостол Федор Мессию русской литературы Александра во время открытия ему памятника в тысяча восемьсот восьмидесятом году... Не знаю, как тебе, а мне поцелуй этот слишком напоминает тот евангельский, после тайной вечери, отвергнувший и Христа и Бога.

Э д е м с к и й. Достоевский не отверг Бога, тогда б его атеизм был малоинтересен... Достоевский родился без Бога, и в этом причина современности его нынешних художественных завоеваний и причина порабощения им духовной жизни двадцатого века... Иван Карамазов отказывается любить мир Божий бесплатно и бескорыстно, выгоду же и прибыль ищет самую высокую, выше чего и не бывает для человека — высшая прибыль отсутствие страданий, беря за предельные страдания — детские страдания.

Ж у о в ь я н. Но ведь и Толстой, помнишь: „Я ничего не хочу, я желал бы только не страдать“. Такое доведенное до крайности понимание Христа.

Э д е м с к и й. Нет, здесь другое... Тут просьба... Достоевский же стремится к страданию, чтобы доказать через него ущербность Божьего мира. Тут снова атеизм. Иное дело Иов... „И отвечал Сатана Господу и сказал: разве даром богобоязнен Иов...“ Нет, оказывается, даром, без корысти богобоязнен человек из земли Уц... Бескорыстия в любви, не бытового, а высокого, космического бескорыстия не принял Иван... Билет свой вернул... Не любовь, а ее антипод свобода — его идеал... А свобода никогда не бывает бескорыстной...

Входят Карабинович и Колмакова.

К о л м а к о в а. Что ж вы здесь сидите, ребята, вас ждут...

Ж у о в ь я н. Ну, меня вряд ли... И Ромке, по-моему, идти туда бесполезно...

Э д е м с к и й. Хомятов ушел?

К а р а б и н о в и ч. У Алексея Ивановича дела... Но он поговорил с Вартаньянцем... Сделал что в его силах.

Ж у о в ь я н. В последнее время у ихнего брата с капитанских мостиков все торжественные юбилеи, да торжественные похороны... Насчет похорон я согласен, повод есть, а вот для торжественных юбилеев...

К а р а б и н о в и ч (*сердито вскинув голову*). Некоторые до седых волос сохраняют бескомпромиссность, излишнюю категоричность и узость суждений, что характерно для подростков и юношей... Это психический инфантилизм... Юношеская психика в тридцать пять лет, это, извините, смешно (*выходит, сердито стуча ногами*).

Ж у о в ь я н. Обиделась за своего...

К о л м а к о в а (*сердито*). Как это непорядочно... Ради вас Зоя пошла на какие-то компромиссы... Чего ей стоило уговорить Хомятова приехать...

Ж у о в ь я н. Оставь, Оля... Можно, конечно, вести себя инфантильно, тут она права, но не все же время...

Замолкают и некоторое время сидят молча.

Э д е м с к и й (*как бы с середины*). Талант, а тем более гений, по своей органике несет в себе элемент безбожия, и верующему человеку всегда приходится с трудом, а иногда и с мукой преодолевать это естественное свойство таланта...

Ж у о в ь я н. Это проблема сознательного и бессознательного.

Э д е м с к и й. Да... В сознательные идеологические моменты своего творчества преодолеть такое никогда не удастся, а только в бессознательные... Достоевский, в отличие от Пушкина, Гоголя и даже Толстого, писатель, в коем бессознательный элемент хоть и присутствует, но крайне ничтожен... Достоевский — писатель идеологический, классовый,

почти в революционном понимании классов общества... Его понимание народа как только низшего слоя, занимающегося физическим трудом, его соблазн народопоклонства, все это идеологически и сознательно... Толстой если и соблазнялся, то личностью в народе. Достоевский же — низшим классом как единым божеским небесным существом... Потому в толстовском „Утре помещика“ серьезнее, чем в „Бесах“, показ революционных сил России...

Ж у о в ь я н. Кстати, о народном характере... Даже самые ярые последователи Достоевского, стоит зайти о том речь, выдвигают немедленно и в первую очередь дачное ребячье впечатление писателя — мужика Марья... Маленький эскизик, более ничего... И при таком понимании народной жизни — слепое преклонение перед ней на уровне идолопоклонства.

Э д е м с к и й. И прибавь к тому сатиру... Смех по сути своей атеистичен, и первыми сознательными атеистами были сатирики... В Библии, где имеются атеистические места, поскольку в Библии все имеется наперед заданное и существующее, в Библии присутствует и сатирическое начало, Евангелие же самая серьезная и несмешная книга в европейской культуре... Может, еще и по этой причине, помимо прочих, сатирик Достоевский в „Великом Инквизиторе“ вместо недоступного ему Иисуса Христа вывел загримированного и переодетого князя Мышкина, вывел и переселил в шестнадцатое столетие, в Севилью, князя Мышкина, личность, которой, в отличие от евангельского Иисуса, все человеческое чуждо, да и, более того, всю поэму о втором пришествии густо наперчил сатирой в духе Вольтера и энциклопедистов как в отдельных выражениях типа „воздух лавром и лимоном пахнет“, так и в общем направлении, отчего простодушный Алеша время от времени восклицает, слушая брата, через которого Инквизитор проповедует: „Я не понимаю, он иронизирует, смеется?“ На что Иван с серьезом, на который способен опытейший сатирик, отвечает: „Нимало... Все от чистого сердца“.

К о л м а к о в а. Все-таки приятно, ребята, что вы вместе. Слушаешь вас не то что с интересом, с восторгом... Но

под стенограмму это говорить не стоит... Там восторгов не будет.

Ж у о в ь я н. Зачем тогда вообще... И зачем тогда в частности...

К о л м а к о в а. Не надо только изображать из себя Донкишотов... И все будет хорошо... В наше время даже и пещер нет, где можно питаться сушеными кузнечиками и акридами.

Входит Вартаньянц.

В а р т а н ь я н ц (*сердито*). Друзья мои молодые, что это за несерьезный и нетактичный подход к редсовету... Мы уже пятнадцать минут вас ждем, а вы в буфете...

К о л м а к о в а. Мы сейчас, Павел Дмитриевич... В принципе, позиция каждого из нас ясна. Алексей Иванович Хомятов, который, к сожалению, вынужден был уехать по делам, совершенно верно подытожил общее направление...

В а р т а н ь я н ц. При всем моем уважении к Алексею Ивановичу итоги подводить должен все-таки редсовет... Это порядок не желательный, а обязательный. Хотя много было сказано правильного, ничто не явилось такого, что могло бы повести автора в нужном направлении, и сам автор нам в этом несколько не помог. Шел спор сугубо теоретический.

К о л м а к о в а. Но ведь подавляющее большинство, за исключением открытых недоброжелателей, говорило о таланте автора... Что же касается этого пьяного хулигана и его тайных покровителей...

В а р т а н ь я н ц. Не будем касаться скандала... Речь сейчас идет о работе... Для того чтобы она имела перспективу, недостаточно только констатировать талантливость. Разумеется, работа проделана серьезная, а это означает в переводе на деловой язык, что аванс остается в пользу автора при всех условиях.

Э д е м с к и й (*махнув рукой*). Я не ради денег, ради денег я бы писал репризы в цирк.

В а р т а н ь я н ц (*сразу побагровев*). Что вы машете рукой, молодой человек... Жене своей дома махать будете...

Эдемский. Я холост.

Колмакова. Замолчи, Ромка...

Вартаньянц *(еще сильнее побагровев)*. Что за наглость, точно мы вам в чем-то обязаны *(начинает кашлять)*. Что за самодовольство в молодые годы... Что за злобность и нигилизм... Что за... *(Кашляет, закатив глаза, положив руку на горло, трясясь всем телом.)*

Бегает Вера Степановна, входит торопливо Касьяновна. Вера Степановна быстро нащупывает коробочку в левом кармане, достает таблетку, кладет ее в посеревшие губы Вартаньянца. Тот проглатывает. Вместе с Колмаковой они усаживают Вартаньянца на стул. Вартаньянц сидит некоторое время молча, бледный. Тишина.

Касьяновна *(тихо вздыхая)*. Ох, горе, горе...

Вера Степановна. Я вызову машину... Домой вас...

Вартаньянц *(тихо)*. Не надо... Остаточные явления. Бывало по десять раз в день, а теперь два-три раза в неделю. *(Встает, идет к выходу, вытирая рот платком.)*

Вера Степановна. Ну, слава Богу!

Колмакова *(негромко)*. Подождите, Павел Дмитриевич... Вместе пойдем *(к Эдемскому)*. Пойдемте, Роман Григорьевич.

Эдемский *(Жуовьяну)*. Сережа, ты меня в скверике... Я недолго...

Жуовьян *(усмехнувшись)*. И у пессимизма должна быть своя этика...

Все, кроме Жуовьяна и Касьяновны, выходят.

Касьяновна *(убирает, ворчит)*. Наломали, набросали, накурили... И чуть чего, руками ругаются...

Жуовьян. Это правильно... Человек человеку — волк, товарищ и друг...

Касьяновна. Ты-то чего здесь... Мне пол мокрой тряпкой протирать...

Жуовьян. Я сейчас уйду, мать... Но ты не гони меня, я сам уйду. Когда человека гонят, это значит — перечеркивают

его личность... По кантовской этике, подозревать в каждом человеке личность, значит уважать его, даже когда человек сам свою личность не сознает.

К а с ь я н о в н а. Ты чего мне говоришь, ты девкам пойди скажи *(смеется)*.

Ж у о в ь я н. Смирись, гордый человек! — выкрикнуть в центре толпы — значит, совершенно не понимать, что такое смирение... Смирение есть одиночество... В присутствии других человек более горд, чем в одиночестве... Достоевского же трудно представить себе в стороне от общества... Вот уж кого в одиночестве не представишь... Это личность общественная, личность двадцатого века...

К а с ь я н о в н а *(отложив тряпку и глядя на Жуовьяна с насмешкой)*. Ты чего, не русский?

Ж у о в ь я н. Нет, почему же, я русский... Но прадед мой был бельгийцем... Настоящая моя фамилия не Жуовьян, а Жюовьян... Не „у“, а „ю“.

К а с ь я н о в н а. А что ты хочешь, если ты чем-нибудь недоволен, к начальству обращайся... Тут же они все недавно были, а ты молчал... Вартастьянц, Соскис...

Ж у о в ь я н. Я, мать, вызубрил несколько истин так сильно, что вообразил их своими. Истины же эти не могут быть ничьими, ни Шекспира, ни Канта... Они слишком бесспорны, чтоб кому-либо принадлежать.

К а с ь я н о в н а. Ах, ты о жизни своей мне, что ли, рассказать хочешь... Мать-то, отец у тебя есть? Братья, сестры?

Ж у о в ь я н *(после паузы)*. Была у меня и мать... Вы не удивляйтесь... Вы разрешите мне здесь поговорить... Если вовремя от слов не освободишься, они каменеют в груди... Начинается бессонница... *(Роется в бумагах, которые достает из папки.)* Я об идее непорочного зачатия... Идея непорочного зачатия чужда идее страдания, свободы и наслаждения... Идея Чистой Девы и Абсолютной Матери есть женская бессознательная, то есть за пределами человеческого сознания... Достоевскому же были доступны только научные, сознательные, мужские, однопольные идеи... Идеи Рас-

кольникова и Ивана Карамазова... Лишь изредка и не в главном он впадал в бессознательное... Вся фантастика, романтика и даже иррациональный мистицизм Достоевского, не говоря уже о его идеологии, построены по строгим химическим сознательным законам... Даже падение худосочного Алеши на землю носит скорее медицинский, чем таинственно необъяснимый, бессознательный характер... Человеческую же душу Достоевский материализует, подчиняя ее химическим законам... Дикарь открыл идею Бога, безусловно, в звездную ночь... Но, конечно же, то были не Иван Карамазов и Раскольников... В диком состоянии Иван Карамазов и Раскольников вообще невозможны, имея в виду первобытную дикость... Первобытная дикость — это все-таки начало, а у тех, чьи способности только отрицательные, собственного начала нет... Они во вторую очередь всегда являются... Вспомните „Карамазовых“: „Если русскому школьнику дать атлас звездного неба, то он его тотчас же по-своему переделает“. Наблюдение верное, но, как часто у Достоевского, из верного наблюдения неверный вывод. Хорошо ли это и нет ли здесь главной беды... Здесь не донкихотство, просим не путать... Дон-Кихот — личность пусть и печальная, упрекающая жизнь, но гармоничная, созидательная... Здесь же, в этих русских школьниках, в школьные годы Роди Раскольников и Вани Карамазова уже агармония... Гордыня, но при ясном аналитическом цепком разуме... Нет, они даже и в школьные годы не настолько безумны и не настолько глупы, чтобы не понимать, что звездное небо карандашиком не перечеркнешь... Оно над тобой и вне тебя... Но хотя бы на бумажке, да свое небо, хоть на бумажке, да по-своему в нем звезды расставлены, по-русски... Но были и иные, к сожалению, чаще из логичных публицистов, чем из поэтов... Хотя были и поэты... Они всегда знали, где зарыта гибель России и кто в этом месте упрямо копает... Они знали, что Россию сохранит живое небо, а не то, что из строптивости и гордости рисовал на бумажке русский школьник Федя Достоевский... Трактирный полемист...

К а с ь я н о в н а (*глядя с тревогой и удивлением*). Худо

тебе, что ли, сынок, может, воды тебе дать... Ишь побледнел...

Ж у о в ь я н (словно очнувшись). Я пойду, мать...

К а с ь я н о в н а. Ты мирмиладу, может, хочешь... От сладкого голова болеть перестает (достает кулек и протягивает ему).

Ж у о в ь я н. Это уже просто с твоей стороны, мать, сатирический прием в духе Вольтера. Как только Вольтеру не хватало аргументов, он высовывал язык, и оппонент его таким образом был уничтожен... Достоевский также не был чужд подобному... Что поделаешь, великие сатирики... Да еще без гоголевских поэтических неясностей... Идеологические сатирики...

К а с ь я н о в н а (обиженно). Не хочешь — не надо (кладет кулек и берет швабру, наматывает на нее тряпку).

Слышен шум, доносящийся из зала, где идет редсовет... Пауза...

Выходит Эдемский.

Ж у о в ь я н. Быстро же тебя выгнали...

Э д е м с к и й (смотрит некоторое время на Жуовьяна, достает рукопись, листает ее). Фома Неверующий хотел пальцем проверить раны на теле Иисуса и только тогда поверить в его Воскресение... Другие ученики поверили, но Фома захотел увидеть раны от гвоздей и вложить пальцы в эти раны и в рану на ребрах... И, подставив раны свои под чужие пальцы, Иисус ответил Фоме: „Ты поверил потому, что увидел меня, блаженны не видевшие и уверовавшие...“. Фома Неверующий, прозванный Близнаец, был первым эмпириокритицизмом нашей цивилизации, основавшим свою философию на критическом опыте. К последователям апостола Фомы, получившим распространение, и это весьма характерно, к концу девятнадцатого: — началу двадцатого века, относятся, например, Аверениус и Мах... Их взгляды, обильно взошедшие особенно среди научной интеллигенции, неопровержимы, если исходить из опытного понятия о мире... Но разве опровержимы взгляды Родиона Раскольникова о своем праве на пролитие крови, которую льют, как шампанское, на войнах

и за которую венчают в Капитолии, если исходить из тех же эмпирических, естественных понятий... Разве все вокруг знаменитой „слезиночки ребеночка“ не научная опытная модель справедливости, построенная внутри мира, составленного из однородных химических веществ, мира, где, чтобы уверовать в Правду, надо вложить пальцы в раны этой страдающей за род людской Правды, мира, опирающегося на личный опыт, как на фундамент, мира, где униженные и оскорбленные рассматриваются как наиболее пригодный органический материал для предельных экспериментов над душой, конечный продукт которых является обнаружением зла и преступления даже в недрах любви к людям... Все живое и художественно полноценное в творчестве Достоевского от „человека из подполья“ к Версиллову, Шатову и далее, к Ивану Карамазову, все живое и каждое из них по-разному и в разные моменты своего апокалиптического бытия требовало от Правды позволить им вложить пальцы свои в раны ее, чтобы убедиться наощупь в телесности этой Правды... А если Правда бестелесна, тогда все позволено, вплоть до права личности на пролитие крови... Но телесную Правду даже наощупь Достоевский так и не обнаружил в художественные моменты своего творчества... Толстой верил, что человеческая жизнь участвует в круговороте органической жизни на равных правах с травой и животными... Достоевский отвергал этот общий круговорот... Он требовал от человеческой жизни самоцели и самоконструкции... Но человеческая личность, которую всю свою творческую жизнь конструировал Достоевский, лежит на иных, противоположных путях, Достоевскому недоступных... Неуважение Достоевского к нерукотворным путям „твари дрожащей“ и поиски рукотворных путей „власть имеющих“ есть результат его отчаяния перед мировым процессом... Однако в отличие от Фридриха Ницше, Достоевский даже свое отчаяние подчинил научному любопытству, и потому конечные выводы его всегда мертвые, неподвижные, нечеловеческие, не от Святой Девы, а от химической реторты... Нерукотворный путь личности, по крайней мере, ближе к „твари дрожащей“ не по

результатам, а по природному лону... Но Достоевский отверг этот путь и потребовал прямых доказательств от Бога и Христа... Именно потому Достоевский был и еще некоторое время пребудет духовным вождем двадцатого века... Это упрек всем и никому... Все мы в большей или меньшей степени соблазнялись Достоевским... Ибо первым, кого встречает ныне незрелый, но желающий приобщиться к духовному человек двадцатого века, — это Достоевский... Впрочем, Достоевским соблазнялись не только начинавшие жить духовной жизнью, им соблазнялись и личности, стоявшие в центре духовного творчества, ибо соблазн Достоевским есть одна из духовных болезней двадцатого века... Слепо одержимый Россией, Достоевский при жизни своей, в девятнадцатом веке, не был принят ею в качестве духовного вождя, и подлинное возвышение его началось среди потребительской цивилизации Запада в момент вступления ее в эпоху катастрофических процессов... Анрэ Жид общал в начале двадцатых годов о Достоевском (*долго листает работу, потом читает*). „Именно он вершина... Там берут начало самые водные реки, способные в настоящее время утолить ту жажду, которой томится Европа...“ Тут нужны цитаты из Анрэ Жида... Без них, к сожалению, не обойтись... К сожалению, потому что всегда скучно цитировать малоталантливого автора, но в данном случае это необходимо для объяснения „европейской жажды“... Вот говорит его персонаж, романист, писатель, западный психоаналитик (*листает бумаги*). Это в работу не вошло, это черновик, но весьма кстати. Итак, писатель: „Речь идет о молодом человеке, из которого я хочу сделать преступника“. — „В этом я не вижу ничего трудного“, — отвечает его собеседник, который за три страницы до этого эпигонски повторил деяние Раскольникова, выбросив своего случайного спутника из окна вагона, повторил в ситуации и душевном состоянии, лишь фарсово повторяющей ситуацию и душевное состояние Раскольникова... Впрочем, психоанализ в литературе всегда ведет к фарсу, фарс заложен и в самом Раскольникове, но скрыт глубоко в недрах подсозна-

ния, здесь же вульгарный фрейдизм... Но вернемся к цитатам. Андрэ Жид невыносим без цитат, он все объясняет и за себя и за своих оппонентов... „...Обосновать преступление нетрудно“, — заявляет декадентствующий преступник. „Разумеется... Но именно этого я и не хочу... Я не хочу обосновывать преступление, мне достаточно обосновать преступника... Да, я хочу, чтобы преступление он совершил бескорыстно, чтоб он пожелал совершить ничем не обоснованное преступление. Возьмем его совсем еще юношей... Я хочу, чтоб изящество его природы сказалось в том, что его поступки по большей части игра, и что выгоде он обычно предпочитает удовольствие... Преступление не вызвано ни страстью, ни нуждой...“ Нетрудно заметить, что мысли эти отличаются от мыслей Раскольникова тем же, чем отличается современный массовый вульгарный автомобиль от своего знаменитого прародителя, то есть техническим усовершенствованием, природа которого была predetermined в самой изначальной конструкции... Исчез громадный кузов — наивная идея... У Раскольникова — идея овладеть деньгами процентщицы, чтоб стать с помощью денег добродетелем человечества... Осталась лишь обтекаемая динамичная материальная основа конструкции — „червь я дрожащий, или власть имею...“ Бескорыстное преступление — игра, научный опыт... Устами Андрэ Жида митингово четко сформулирована идеология западного психоанализа двадцатого века, а предел психоанализа — анализ бескорыстного преступления. Это не что иное, как разврат мыслей и чувств, разумеется, если таковой анализ совершается не в области медицины, а в области духовной... Разврат есть результат пресыщения... Преступление же лишь на первый взгляд происходит от избытка... В действительности же — от недостатка и недоступности того, что завещано человеку и что вне человека. Когда потеряно зрение, осязание, обоняние и слух, ищешь пятого иррационального ощущения, вступаешь в разговор с чертом... Так случайно ли именно Достоевский стал пророком и идолом ослепших и оглохших в своем стремлении к безудержной свободе... Прочтите несложного Анд-

рэ Жида и поймете сложного Достоевского... Истинно, идо-
лы, бойтесь искренних идолопоклонников...

Ж у о в ь я н. Раскольников, по крайней мере, страдал,
не от раскаяния, конечно. Сам не знаю, отчего, но страдал.
Лафкадио, этот приобретший европейский лоск Смердя-
ков, читая в газете заметку об убитом им человеке, возму-
щается литературным стилем, которым заметка написана...
Путь от преступления по идее до преступления бескорыст-
ного завершен...

Э д е м с к и й. А вот и исповедь... Раскаяние: „Несчаст-
ное дитя, как вы могли это сделать?“ — „Почему я знаю.
Я сделал это очень быстро, пока мне хотелось“. — „Что вы
имели против Флериссуара, этого достойного человека,
таких прекрасных качеств?“ — „Я не знаю. У него был жал-
кий вид... Как вы хотите, чтобы я вам объяснил то, что я сам
не могу объяснить...“ И все-таки воскресение совершается.
Подслушавшая этот разговор дочь графа жертвует преступ-
нику свою девственность ради воскресения его души... Но
при чем тут Достоевский, можно спросить... Все приведенное
выше из сочинения под кокетливым названием „Подземель-
я Ватикана“, свидетельствует только о том, что Андрэ
Жид плохой литератор. Это, конечно, так. Но вопрос в дру-
гом. Отношение Запада к русской культуре всегда было
несколько „столичным“, покровительствующим, впрочем,
иногда и не без оснований. Вспомним упреки в подража-
нии, адресованные библейскому гению Пушкина... У раз-
ных литераторов на Западе была разная судьба... Лермон-
товым почти пренебрегли, Тургенева чтили и принимали,
Толстого читали и даже кое-что у него заимствовали, во
второй половине века начали учиться у Чехова и даже по-
любили его, но той любовью, какой любят любимого пре-
подавателя лица, которому гимназистки шлют любовные
записочки... Но ни перед кем „столичный“ Запад не уни-
зился в таком неистовом почтении и подражании, как пе-
ред Достоевским, ни к кому не шел он так на поклон, ни-
кого не слушал он с таким вниманием... Какую же всемир-
ную бездуховность воплотил в себе этот обрусевший поляк?

Почему тщеславный нигилист Ницше, отрицавший всех и вся, вплоть до Иисуса Христа, заявлял, что „только Достоевскому удалось научить меня в области психологии“... Андрэ Жид был плохой литератор, но это был человек „высшего света“ в западной культуре начала века, ему можно отказать в таланте, но нельзя отказать в цепком уме... Как же он позволил себе, он, человек столь цинично заостренного ума, совершенно сознательно рабски подражать идеям и сюжету „Преступления и наказания“?.. К провинциалу Пушкину в подражатели он бы никогда не подрядился, особенно так публично... Так можно подражать только пророку, сказавшему не просто новое слово, а то слово, которого давно ждали и искали, но никак не могли найти или не осмеливались найти... Практичный в обиходе Запад давно уже стал непрактичен в идеях, даже собственных, в то время как непрактичная в обиходе Россия в идеях оказалась весьма практична... Практическую бытовую смелость в обращении с всемирными бездонными идеями, вот какое вызревшее к двадцатому веку в России чувство воплотил в своих идейных романах Достоевский. Западу нужен был незрелый практик с другой планеты, романтический, наивный доктринер, а так смело распоряжаться скоплением идей и теоретических доктрин крайнего всемирного масштаба, как распоряжался ими Достоевский, мог только человек с практической хваткой полкового лекаря... Но ведь Достоевский начинал не с всемирных идейных романов... Он начинал не как „всемирный гений“, а как талантливый российский литератор... И, может быть, стоит вернуться к размышлениям о Достоевском, освистанного Андрэ Жидом...

Ж у о в ь я н. Это тот самый Андрэ Жид, который заявлял: с одной лишь наблюдательностью и с таким даром вымысла, если сочетать только чувствительность, то можно стать Гоголем, но нельзя возвыситься до Достоевского...

Э д е м с к и й. Итак, освистанного Андрэ Жидом наивно-го консерватора от литературы, выходца из девятнадцатого века виконта де Вогюз. „Бедные люди“, „Записки из Мертвого дома“, „Преступление и наказание“... После этого, счи-

тал Вогуз, художественный талант Достоевского перестал расти, и он занялся идеями, „которые, как он думал, у него были“.

Ж у о в ь я н. Причем слом этот произошел где-то в середине „Преступления и наказания“... Утверждают, что в „Бедных людях“ Достоевский недостаточно самостоятелен, но этот недостаток, естественный для молодого человека, вполне искупается внутренней одухотворенностью и живым еще гоголевским соучастием к слабым мира сего... „Записки из Мертвого дома“ хороши подлинностью восприятия на естественном, доступном литератору уровне, без натуги... Это еще талант, увлеченный делом, а не стремлением вознестись над самим собой, стать не тем, что ты есть, а гораздо более себя и значительней... „Преступление и наказание“ — такое уже наметилось, но все-таки художественность еще побеждает, особенно за счет первой части... Идейная какофония уже в полной мере существует, но в целом воспринимается не самостоятельно, а как некий музыкальный фон... Художественные открытия еще присутствуют на том уровне, на каком они предъявляются серьезному литератору... Однако далее худшие тенденции „Преступления и наказания“ получают свое развитие, возможно, это связано с внутренним ощущением литератором своей художественной исчерпанности и опустошенности... Эти тенденции и рождают серию „мировых“ романов, принесших Достоевскому титул гения. Но могут сказать, в „мировых“ романах Достоевского встречаются нарицательные характеры... Однако нарицательный характер не обязательно должен быть рожден художником... В периоды общественных движений его даже чаще не столько воссоздает, сколько разглядывает в жизни острый глаз фельетониста-сатирика... Если бедный чиновник Акакий Акакиевич Башмачкин, как, впрочем, и дальний родственник его Макар Деушкин, рождены в творческом таинственном акте, то Смердяков все-таки увиден в жизни ясным глазом фельетониста... Творческого движения вперед от уже достигнутого в „мировых“ романах Достоевского нет. В лучшем случае цепкость и острота

фельетониста... И в ответ на стандартный упрек в скольжении по поверхности проблематики Достоевского можно ответить — вы ищете и находите глубину там, где ее нет и где она только чудится... Раскольников можно упрекать в непорядочном и неразумном доктринерстве, но видно, что он сам двигает своими руками и ногами почти до конца... До „воскресения"... Но „воскресению" отводится всего несколько страничек в конце... В последующих мировых романах руки и ноги множества персонажей иногда остроумно, а иногда и неостроумно дергаются за ниточки... Особенно этим грешит в основных своих чертах „Идиот", роман наиболее немецкий по общему облику, и это несмотря на наличие в нем Рогожина в смазанных дегтем сапогах и с ножиком за голенищем... Русский образованный националист конца века, проклиная Европу, особенно Францию, единственно кого выделял, так это Германию, даже назидательно пытаюсь отучить простонародье от слова „немчура"... Германию, у которой он, по выражению Максима Горького, „учился философствовать, но не выучился работать"... Естественно, создавая свое идеальное сочинение, Достоевский потянулся, может быть, на этот раз даже бессознательно, к немецкому идеалу, обильно политому сладкими слезами, которые, и в этом разница, в перерывах от дела льют под „Айн кухель бир" немецкие производители... О, эти немецкие слезы, совершенно девичьи легкие слезы на мясных щеках немецких бургеров... Эти трогательные истории про Лизхен и Карлхен... Только на первый взгляд современный психоанализ далек от них... Их объединяет общее и главное — внутренний холод и синтетическая плоть, которая выглядит часто гораздо более привлекательно и совершенно, чем плоть живая...

Э д е м с к и й. Но в двадцатый век, век новых энергий, новых материалов и новых идей, наступление в литературе научно-психологического романа неотвратимо... Старик Вогюэ со своим, по определению Андрэ Жида, „салонным сознанием" сдан в литературную богадельню, и Запад вернул Достоевского России всемирным пророком и идеологом

нового сознания, весьма опасного для молодых полуазиатских, легко поддающихся экспериментам, душ... Тот, кто не верит направляющим общим идеям, тот творит идеи сам в массовом количестве... Он творит идеи собственноручно, и потому не может испытывать к ним уважения, не видя в них высшей тайны, а одну лишь продукцию... Достоевский не уважал ни идею жизни, ни идею смерти, ни даже подлинную идею такого близкого ему существа, как Россия, которую он воспринимал метафизически... Впрочем, Достоевский и сам ощущал свой путь: „Я никогда не могу потерять рассудок и никогда не могу поверить идее“, — с горечью восклицает Ставрогин в своем предсмертном письме, венчающем роман „Бесы“... В этой краткой горькой фразе кредо жизни, душевная исповедь и полный литературно-критический самоанализ Достоевского... Ибо лгать в предсмертных письмах, хоть и в русле достоевщины, но все-таки не в живой и полнокровной ее части, а на ее наиболее эпигонствующей и вульгарной периферии. Двадцатый век был не только научным, но и вопреки ожиданиям националистическим... Это своеобразное, кажется, никогда ранее не встречавшееся сочетание отняло у культуры самые зрелые ее силы и сделало ее разорванной... Культура, лишенная сплошного развития, всегда склонна к соблазнам... Один из наиболее опасных соблазнов, особенно в мучительный век, есть соблазн достичь счастья через страдание... Это краеугольный камень духовного творчества Достоевского, особенно периода „мировых“ романов. Но такие разные личности, как российский писатель Гоголь, как библейский Иов и как Иисус из Назарета, отвергали подобный фрейдистский медицинский способ — достичь через страдание самоуспокоения... Для каждого из них страдание было не способом для достижения счастья, а духовной обязанностью перед тем, что вне их и над ними... Они начисто отвергали в страдании индивидуализм... Нет, не тому они учили нас и не туда звали... Достоевский возвысился на некоем „буме“ психоанализа, завладевшего культурой двадцатого века... Учиться у него легче, чем у Гоголя или даже Турген-

нева, подражать проще, соблазняться его идеями заманчиво и льстит самолюбию, ибо всякий несовершенен... Достоевский — это вершина культуры, приобретшей многое, но потерявшей лишь одно — святость, нечто консервативное, не динамичное, не обтекаемое и даже, с точки зрения бунтующей личности, смешное... Но такая культура рано или поздно обречена на самоистребление, согласно метафизической системе, предтечи Фридриха Ницше, самоубийцы Кириллова из романа „Бесы”... Ибо то, что в ней господствует, более уязвимо и непрочно, чем то, что в ней подавлено и гонимо...

Некоторое время Эдемский и Жуовьян устало, в изнеможении смотрят друг на друга, потом молча выходят.

К а с ь я н о в н а. Бу-бу-бу... Накурили, набросали... Чтоб вам сгореть. *(Начинает уборку.)*

З а н а в е с

Москва, 1973.

БЕРДИЧЕВ

Драма в трех действиях, восьми картинах, 92 скандалах

Teya Shenker

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

Рахиль Капцан, урожденная Луцкая

Рузя ее дочери

Люся

Марик ее внуки, сыновья Рузи

Гарик

Вилля, ее племянник

Злата, ее старшая сестра, портниха, живет с ней в одной
квартире

Сумер, ее брат, заведующий швейной артелью

Миля Тайбер, муж Рузи, фотограф на заводе "Прогресс"

Броня Михайловна Тайбер, его мать

Григорий Хаимович Тайбер, его отец

Быля Шнеур, двоюродная сестра Луцких

Йойна Шнеур, ее муж, работает в лагере военнопленных,
заведует буфетами на железной дороге

Пынчик Петр Соломонович. (майор), двоюродный брат Луцких

Б р о н ф е н м а х е р, сосед Луцких по дому
 Б е б а, его жена
 М а к а р Е в г е н ь е в и ч, сосед Луцких по дому, сапожник-
 кустарь
 Д у н я, его жена
 Л у ш а, мать-одиночка, уборщица во дворе Луцких
 С т а с ь к а, молодая украинская полька, живет в доме Луцких
 К о л ь к а Д р ы б ч и к   дворовые мальчишки
 В и т ь к а Л а у н д я
 С е р г е й Б о й к о
 Ф а н я Б о й к о, его жена   соседи Луцких по дому
 З о я, их дочь
 Б о р и с М а к з а н и к, заводской поэт
 П о л к о в н и к М а м а т ю к, герой освобождения Бердичева,
 позже отставник
 П о л к о в н и к Д е л е в, Герой Советского Союза, позже
 отставник
 В ш и в о л д и н а, жена полковника
 О в е ч к и с А в н е р Э ф р а и м о в и ч   московские евреи
 О в е ч к и с В е р а Э ф р а и м о в н а

Картины 1-я и 2-я происходят в один день лета 1945 года, 3-я
 и последующие картины происходят в разные годы, начиная с 1946
 и кончая серединой 70-х годов.

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ

Картина 1-я

Квартира в доме из серого кирпича с пузатыми железными балконами,
 который выстроил еще до революции местный бердичевский богач
 доктор Шренцис. Большая комната, очевидно, в прежние времена,
 при старых хозяевах, — столовая. Под высоким потолком вдоль стен
 лепной орнамент, довольно аляповатый, из каких-то цветочков и пти-
 чек, сейчас, к тому же, пыльный и грязный. Высокая, до потолка,
 кафельная печь также покрыта цветным орнаментом. Окна кажутся
 узкими от полуторной высоты. В окна видно разросшееся дерево
 и электрический столб, на котором железная шляпа-абажур без лам-

почки. Далее — узкий булыжный переулок, пустырь, огражденный колючей проволокой, крыши одноэтажных домов, несколько обгорелых развалин и на горизонте упирающийся в небо силуэт красивой водонапорной башни, расположенной в центре города.

Посреди комнаты стоит старый, но крепкий дубовый стол, покрытый клеенкой, несколько старых стульев и свежеструганых табуретов, очевидно, чтобы дополнить стулья, которых мало для живущей здесь семьи. Вдоль стены буфет с чашками, старый книжный шкаф и платяной шкаф. Все явно из разных гарнитуров, сборное. На буфете гипсовый бюст Ленина и два кувшинчика, из которых торчат красные бумажные цветы. На стене, над продавленным диваном, — некогда хорошей кожи, ныне же ободранной — висит портрет Сталина. Высокие белые двери ведут в другую комнату, там видна железная кровать и над ней коврик базарной живописи "Утро в сосновом бору".

По комнате шумно и тяжело ходит Рахиль, женщина лет сорока, в лице, фигуре и жестах которой чувствуется нечто лошадиное. Крепкими своими руками она хватается стоящие на подоконнике банки с вареньем и бутылки с наливкой, встряхивает их, нюхает, заглядывает внутрь, пробует. При этом губы ее постоянно шевелятся, а глаза быстро, по-охотничьи, смотрят на Вилю, бледного подростка, который делает вид, что не замечает метаний Рахили и, сжав ладонями уши, читает у стола книгу. Рахиль не может затеять шумный скандал, поскольку в соседней комнате сестра ее Злата примеряет платье своей заказчице Вшиволдиной, жене полковника. Злата — маленькая, со скрюченными пальцами, оттопыренными губками, к которым всегда что-нибудь прилеплено: нитка, шелуха семечки, хлебные крошки... Злоте под 50, у нее плоскостопие, ходит она, осторожно ставя ноги, как по льду.

Злата (*напевает, делая наметки*). Тира-ра-рой... Птичечка, пой...

Вшиволдина. Зинаида Павловна, под рукой немного тянет.

Злата. Меня зовут Злата Абрамовна.

Вшиволдина. А мне больше нравится Зинаида Павловна... Вы согласны? (*Смеется*).

Злата. (*тоже смеется*). Пожалуйста... Пусть будет Зинаида Павловна... Тира-ра-рой, птичечка, пой... Тут будет встречная складка. Снимется, подрежется. Я вам сделаю комплимент: я люблю, иногда у заказчицы хорошая фигура...

Рахиль (*тихо, как бы про себя*). Суют ложки... Ложки суют... Пробуют, пробуют... Нэр мы квыкцех... Получают

удовольствие... Мои дети никогда не берут чужое... *(Замечает, что из бутылки особенно много выпито)*. Виля, Виля, Виля...

В и л я. *(тихо)*. Сама ты воровка...

Р а х и л ь *(словно обрадовавшись, тихо)*. Я воровка? Чтоб ты лежал и гнил, если я воровка. *(Поднимает правую руку)*. От так, как я держу руку, я тебе войду в лицо...

В и л я. На... *(дает ей дулю)*.

З л о т а. Тира-ра-рой, птичка, пой... *(Вшиволдиной)*. Подождите, я возьму сейчас нитки для наметки *(выходит в столовую, тихо)* Боже мой, ведь стыдно перед человеком...

Р а х и л ь. Ты молчи... Вот сейчас ты схватишься за свои косичечки... Сейчас начнешь танцевать перделемешку...

З л о т а. *(хватается за лицо)*. Боже мой... *(Уходит.)*

В и л я. На... *(дает Рахили дулю)*.

Р а х и л ь. Чтоб ты опух, так было бы хорошо... *(Ходит, встряхивает банки и бутылки.)* Суют ложки... Пробуют... Так было бы хорошо... Так было бы хорошо... *(Ругательства она произносит про себя, только шевеля губами, а вслух повторяет: „Так было бы хорошо“.)*

З л о т а. Мадам Вшиволдина, пройдите к зеркалу. *(Вшиволдина входит в столовую и начинает вертеться перед зеркалом)*.

Р а х и л ь *(к Вшиволдиной)*. Ну, как товарищ полковник? Что-то я его не видела на партконференции.

В ш и в о л д и н а. Он уехал в Западную Белоруссию, там у брата неприятности. Полюбил девушку, а родители против: за коммуниста замуж не пойдет. Они всех русских там называют коммунистами.

Р а х и л ь. Да, что я не понимаю: политика партии ив национальный вопрос? Вы с какого года в партии, товарищ Вшиволдина?

В ш и в о л д и н а. С сорок третьего.

Р а х и л ь. Так вы еще молодой коммунист. Если сейчас мы имеем сорок пятый, то вы имеете стаж два года. Ну, тоже не плохо. А я, слава Богу, в партии с 28-го года. Мой муж — тоже член партии, убит на фронт. Вот я вам сейчас покажу *(достает из буфета старую, туго набитую бумагами сумку,*

вытаскивает несколько бумаг). Вот написано: пал смертью храбрых в районе города Изюм.

В ш и в о л д и н а. Это под Харьковом... Да, там в сорок третьем жуть что творилось.

Р а х и л ь. Жуть, а? Так он должен был туда попасть (*начинает плакать*). Я осталась с двумя сиротами. Младшая, Люся, скоро должна придти из школы, отличница, а старшая, Рузя, учится в техникуме... И вот, племянник (*показывает на Виллю*), круглый сирота, моей покойной сестры сын, а эта моя сестра еле ходит (*показывает на Злоту*).

В ш и в о л д и н а. Не расстраивайтесь, у многих на войне погибли родные. Что ж сделаешь...

Р а х и л ь (*всхлипывает*). Бердичев освободили зимой 44-го года, а летом я с детьми уже была здесь. Я приехала по вызову горкома партии, как старый коммунист. Мой муж тоже был коммунист, работник типографии... Вот у меня ключи здесь в сумке, видите? Этот ключ от буфета, а этот от шкафа, которые я оставила здесь в 41-м году... Я знаю, где мои вещи, где моя мебель... Моя мебель в селе Быстрик... Рассказывают, что молочница, которая нам носила молоко, приехала с подводой и забрала всю мою мебель. Ей она понравилась. Но что, я пойду в Быстрик, чтоб мне голову сняли? Вот эта вся мебель, вот этот стол, кровать, буфет, стулья, диван — это все мне органы НКВД дали. Сначала меня горком направил завстоловой НКВД. А теперь меня направили на укрепление кадров в райпотребсоюз. К чему я это говорю, товарищ Вшиволдина? Здесь за стеной живет некий Бронфенмахер из горкомхоза, который только хочет ходить через моя кухня... Что вы скажете, товарищ Вшиволдина, он имеет право устроить себе черный ход через моя кухня и носить через меня свои помои? В землю головой чтоб он уже ходил... На костылях чтоб он ходил... Что, я не знаю, родители его были большие спекулянты, их в 30-м году раскулачили.

З л о т а. Зачем ты так говоришь? Его отец был простой сапожник. Я очень правильная... Я Доня с правдой...

В ш и в о л д и н а (*смеется*) А кто такая Доня?

З л о т а. Это была такая революционерка. Она всегда любила говорить правда. Так ее звали Доня с правдой.

Р а х и л ь. Вот она вам скажет... Революционерка Доня была? Сионистка Доня была. А у Бронфенмахера дядя тоже был сионист, он в 20-м году уехал в Палестину... Если я за этого Бронфенмахера возьмусь, так ему станет темно и горько... Я к Свиначу зайду... Со мной нельзя начинать... Он мне будет носить помой через моя кухня. Я его сделаю с болотом наравне... Рахиль Луцкая кое-кто еще знает в Бердичеве... Я по мужу Капцан, но меня в городе знают как Луцкая...

В ш и в о л д и н а. Не надо ругаться *(к Злоте)*, так когда следующая примерка, Зинаида Павловна?

З л о т а. Зайдите через три дня.

Р а х и л ь. Со мной нельзя начинать. Меня кое-кто в городе Бердичеве знает. Вот, пожалуйста, товарищ Вшиволдина *(достает из сумки бумажку, читает)*, „Мандат номер четыреста тринадцать. Капцан Р. А. дійсно является делегатом четырнадцатой районной конференции Бердичевского району вид первичной организации райспоживспилки з правом ухвального голосу... Вы понимаете по-украински?.. Я делегат районной конференции от райпотребсоюза с правом совещательного голоса... Так этот Бронфенмахер будет носить через меня свои помой...

Вшиволдина переодевается в соседней комнате.

Р а х и л ь. Всего доброго, товарищ Вшиволдина. *(Злота идет проводить, слышно, как хлопнули двери.)* Злота, ты хорошо закрыла двери? Гоем снизу придут что-нибудь украсть, а ты потом скажешь, что ты не виновата.

З л о т а *(к Виле)*. Ну, она от меня рвет куски... Я не могу выдержать... Если б я не была больная, я б уехала куда-нибудь *(плачет)* к чужим людям.

Р а х и л ь. Если б баба имела яйца... Вот сейчас придет Сумер или Быля со своим животом *(надувает щеки и показывает какой у Были живот)*, так ты на меня наговоришь...

З л о т а *(плачет)*. Сумер наш брат единственный, а Быля наша двоюродная сестра... Я к ней ничего не имею... Она

моя заказчица, дает мне заработать на хлеб *(говорит и давится от слез)*.

Рахиль. Ша, сумасшедшая... Сразу она начинает писать глазами... Сразу она танцует перделемешка. Ты знаешь, Виля, что такое танцевать перделемешка? Это когда истерика... Ты ж понимаешь, Виля, я хочу ей плохого... А ведь можно прожить тихо, мирно... Я с моими детьми, Злота с тобой, Сумер со своей семьей. кто в нас еще остался?

Виля *(Рахили)*. Заткнись!

Рахиль *(к Злоте)*. Ну, что ты скажешь? Ты ж говоришь, что только ты опекун... Хороший племянничек... *(к Виле)* Болячка на тебя... Я сварила немножко варенья для своих детей, немножко наливки на свои копейки, чтоб иногда немного к чаю, так он сует ложки в банки... Но нельзя говорить... Злота говорит, что это хорошо...

Виля. Чтоб ты так жила...

Рахиль. Чтоб я таки так жила... Болячка тебе в лицо... Такой железный парень, а вынести ведро с помоями некому... *(Сердито стуча ногами, выходит на кухню, слышно, как она гремит ведром, как хлопают входные двери. Кричит)*. Злота, прислушайся... Гоем придут, украдут кастрюли или моя телогрейка, а потом ты скажешь, что ты не виновата.

Злота *(к Виле)*. Зачем ты ей говоришь "заткнись"?

Виля. А что, я ей буду молчать?

Злота. Если б Рахиль все не заносила домой, нам было бы плохо... Но у нее такой характер, она нервная...

Виля. Она все заносит домой? А ты знаешь, когда она идет получать хлеб по карточкам на себя и на нас, так она часть нашего хлеба перекладывает себе...

Злота *(смеется)*. Я вижу, что-то нам не хватает. А они трое кушают, и им еще остается.

Виля *(сердито)*. Я вчера пошел за ней в булочную и заметил.

Злота *(смеется)*. Нам только на завтрак и на обед хватает, а они и на ужин хлеб имеют... Но она такая ловкая...

Виля. Я ей скажу, что она воровка...

Злота *(испуганно)*. Ой, я не могу выдержать...

Виля *(передразнивает)*. Не могу выдержать... Ой, вей...

И вечно у тебя на губе что-то висит. Сними нитку с губы, смотри противно.

З л о т а *(плачет)*. Это за все хорошее, что я ему сделала.. Я такая больная... Помни, Виля, помни...

В и л я. На... *(дает ей дулю)*.

З л о т а *(плачет)*. Гыдейнк... Помни... Ты меня будешь искать в каждом уголочке... Чтоб мне этот час хорошо прошел... *(Слышно, как хлопает входная дверь, гремит ведро. Злата вытирает глаза, прикладывает палец к губам.)* Ша, тихо...

Р а х и л ь *(врывается с красным лицом, с вытаращенными глазами)*. Ой, быстрее... Прячь, прячь... Всюду журналы мод раскиданы, всюду нитки, катушки... Виля, закрой машину рядом...

З л о т а. Рухл, не бросай, ты мне все выкройки порвешь...

Р а х и л ь *(тяжело дышит)*. Злата, быстрее... Тут во двор один зашел... Луша снизу говорит, что это фининспектор. Когда-нибудь я останусь с моими детьми из-за тебя несчастной. Придут и опишут мою мебель. Все гоем снизу знают, что здесь живет портниха.

З л о т а *(бледная)*. Ой, я мертвая...

Р а х и л ь *(кричит)*. Когда-нибудь я стану из-за тебя несчастная с моими детьми! Виля, собирай быстрее журналы... Когда-нибудь я возьму все выкройки и все журналы и сожгу их...

З л о т а *(плачет)*. Это мой заработок, на что мне жить?

Р а х и л ь *(кричит)*. Иди в артель, как все! Ты не хочешь работать на государство.

З л о т а *(садится на стул)*. Ой, мне плохо... Я больная...

Р а х и л ь. Я тоже больная, и все-таки я поднимаю на складе мешки и ящики...

З л о т а *(держится за сердце)*. Ой, мне плохо...

Р а х и л ь. Злата, ты делаешь уже свои номерочки? *(К Виле.)* Что ты скажешь, Виля, я хочу ей плохого?.. Боже спаси... Я снесла ведро, мне Луша снизу говорит: Рахиль Абрамовна, тут во двор зашел один, так, кажется, это фининспектор... Сидит и стонет, как квочка... Если плохо, принимают лекарство... Хочешь немножко варенья?.. Виля, пойдй набери два ста-

кана воды себе и Злоте, с вареньем очень вкусно... Какой ты хочешь варенье: вишневое или клубничное?

З л о т а (*плачет, к Виля*). Я имею от нее отрезанные годы...

Р а х и л ь. Сумасшедшая... Ты думаешь, почему эти гоем снизу не присылают сюда фининспектора? Слышишь, Виля, они б давно сюда прислали, но здесь во дворе Макар Евгеньевич делает сапоги, он член партии, но он кустарь. А Дуня, его жена, вяжет на базар кофты. Они знают, что если гоем ко мне пришлют фининспектора, так я к ним пришлю фининспектора. Это ты их боишься, я их не боюсь. (*Слышен стук в дверь.*) Ой, это Люся идет из школы... Мне чтоб было за ее кости...

Быстро идет в переднюю и возвращается с двумя девочками лет двенадцати-тринадцати. **Л ю с я** — темноглазая, но на Рахиль не похожа, а вторая девочка — бледная и беленькая.

Л ю с я. Мама, можно Зоя у нас побудет, у них дома никого нет...

Р а х и л ь (*недовольно*). Пусть будет... Что ты имела сегодня за отметки?

З о я. У Люси сегодня по алгебре 5, по географии 4.

Р а х и л ь. А у тебя?

З о я. Меня сегодня не вызывали.

Р а х и л ь (*к Люсе*). Может Рузю подождем, чтобы вместе пообедать? Она скоро должна прийти из техникум.

Л ю с я. Нет, мамка, мы голодные.

Выходят с Зоей на балкон.

Р а х и л ь (*ворчит*). Мы голодные... Разве это заметно. (*К Злоте*). Фаня специально присылает сюда свою девочку, чтоб она у нас питалась... Это та еще Фаничка... Живет с гоем... Она из веселых и глухих... Ей говорили — сядь, она ложилась...

З л о т а (*испуганно*). Ша, тихо. Зоя ведь услышит.

Р а х и л ь. Пусть слышит. Мне кисло в заднице... Виля, будешь тоже обедать?

З л о т а. Зачем ему обедать, что у него своего обеда нет?

Р а х и л ь. Не хочешь, так не надо... Мне кисло в заднице...

В и л я *(к Рахили)*. Закрой пасть...

Р а х и л ь. Сам закрой пасть... *(К Злоте)*. Что ты скажешь? Закрой пасть... Чтоб ты опух...

З л о т а. Боже мой, боже мои, смотри, какие проклятья...

Люся и Зоя выходят с балкона, хохоча и хлопая в ладоши.

Л ю с я и З о я *(вместе, хлопая в ладоши друг друга)*. Сим-сим-сима, мать моя Маша, к всем, к всем примерам, мой сыночек пионером...

Л ю с я. Виля, давай с нами...

В и л я. Да ну...

З о я. Он смущается *(смеется)*.

Л ю с я и З о я *(вместе)*. Работница-ница, всесоюзница-ница, синеглазница-ница. Пионеры мы! *(Обе одновременно делают пионерский салют)* .;

З л о т а. Слушай-но, слушай-но, как они красиво поют *(смеется)*.

Р а х и л ь *(к Зое)*. Папа больше не бьет мама?

З л о т а. Ах, в моей жизни... Что ты спрашиваешь?

Р а х и л ь. А что я спрашиваю?

З о я *(всхлипывает)*. Я пойду...

Р а х и л ь. Сплошные сумасшедшие.

Л ю с я. Мама, а ну тебя...

В и л я *(Рахили)*. Ты дура...

Р а х и л ь. Ты дурак... От так, как я держу руку, так я тебе войду в лицо *(кричит громко и визгливо)*. От так как я держу руку, я тебе войду в лицо... От так я дам от себя...

З л о т а *(кричит)*. Боже мой, Боже мой! *(Хватается руками за волосы)*.

Л ю с я. Мама, перестань, мама... *(Уводит Рахиль в соседнюю комнату.)*

Р а х и л ь *(из соседней комнаты)*. Он мне будет говорить дура, заткнись, воровка... Болячка ему в мозги...

З л о т а *(Виле)*. Зачем ты ей говоришь — дура?

В и л я *(Злоте)*. Ты тоже дура... На... *(дает ей дулю, хватая книгу и выбегает.)*

З о я. Тетя Рахиль, он уже ушел.

Р а х и л ь *(выходит из соседней комнаты. Сквозь слезы)*.
Чтоб он подавился... Без ног, чтоб он остался...

З л о т а. Боже мой, Боже мой, зачем ты его так прокли-
наешь?

Р а х и л ь *(Злоте)*. Уйди, чтоб тебя не видать... Вы мою
жизнь погубили. Если б я жила отдельно с моими детьми, все
было бы иначе... Уйди, чтоб тебе не видать...

З л о т а *(тихо)*. Почему я не умерла... Сестра моя умер-
ла, а я живу... *(Уходит в соседнюю комнату)*.

Л ю с я. Не плачь, мама. *(Целует Рахиль)*.

З о я. Успокойтесь, тетя Рахиль.

Р а х и л ь *(всхлипывая)*. Дети, сейчас я вам дам хороший
суп с мука и говяжий жир... Зоя, ты любишь погрызть кост-
точка? Мяса нет, но косточка хорошая, с хрящиками... Садитесь,
дети. *(Слышен стук.)* О, как раз Рузя вовремя...

Идет открывать, слышны в передней разговоры, и она возвращается
со своим братом С у м е р о м и второй дочерью Р у з в ь. Сумер лет
пятидесяти пяти, с оттопыренными ушами. В его лице тоже есть нечто
лошадиное, как и у Рахили, но это не рабочая лошадь, а веселый,
худой жеребец. Нижняя губа толще верхней, типичные губы едкого
насмешника. Рузя похожа на Рахиль, но семнадцать лет придают выта-
раченным черным глазам и припухлым губам какую-то наивную
привлекательность

З л о т а. Смотри-но... Где вы встречались?

С у м е р. Какая разница... Я вижу, идет красивая девоч-
ка... Рузя, почему ты такая шейне мейделе? *(Хватает ее
за руку)*. Такую красивую девочку надо щупать... Щупай,
щупай... *(Рузя хохочет.)*

Р а х и л ь *(смеется)*. Сумасшедший...

С у м е р. Щупай, щупай... *(смеется.)*

Р а х и л ь. Ну, Сумер, что ты скажешь, где взять хорошего
жениха?

З л о т а. А я говорю, ей еще рано замуж... Рузя должна
учиться, окончить техникум... Во... Я очень правильная...
Я Доня с правдой...

Р а х и л ь (*Сумеру*). Что ты скажешь на эту Доню с правдой? Красивая Доня с правдой... Сумер, я имею от нее отрезанные годы...

З л о т а. Да, да... Всегда она на меня наговаривает перед людьми...

Р а х и л ь. Сумер, я имею от нее отрезанные годы... Если я ее выдерживаю, так мне надо дать звание Героя Советского Союза, как полковнику Делеву... Ты знаешь Делева?

С у м е р. А что я не знаю Делева? У него нет глаза...

Л ю с я. Мама — Герой Советского Союза. (*Смеется.*)

Р а х и л ь. Да, я — Герой Советского Союза, если я от нее выдерживаю.

С у м е р (*смеется*). Злота, зачем ты трогаешь Рухеле?

З л о т а. Ты такой же, как она... Вы думаете, что оба умные, а я дура...

Р а х и л ь. Слышишь, Сумер, ты ж меня знаешь. Если я сказала, так это сказано. Виля не такой плохой, как она его делает плохим. Ему ничего нельзя сказать. Недавно дети пришли, Люся и вот ее подруга Зоя. Это Фани Бойко дочка. Ты знаешь Фаню?

С у м е р. А что же, я не знаю Фаню, которая замужем за гоем?

Р а х и л ь. Так я говорю, Виля, садись обедать с нами. Он мне отвечает — ты дура, заткнись...

З л о т а. Ты можешь свести эту стену с той стеной.

Р а х и л ь. Чтоб я так была здорова.

Р у з я. Мама, ты виновата сама. Надо один раз ударить, а ты только говоришь.

З л о т а. Пусть того ударит гром, кто Вилю ударит.

С у м е р (*смеется*). Злота, зачем ты ругаешь Рухеле? Ну, я пойду. У вас здесь кричат...

Р а х и л ь. Подожди, Сумер, ты ж только что зашел. Сядь-но, расскажи, что нового, как Зина?

С у м е р. Зина любит деньги... А в квартире у меня так грязно, так воняет... Моя жена неряха, ты ж это знаешь... Что тебе еще рассказать. (*Нюхает*). Рухеле, ты ведь такая хозяйка, почему у тебя воняет?

Рахиль *(нюхает)*. Злата, ты ела редьку *(смеется)*.

Злата. Ну я не могу выдержать *(плачет)*. Всегда она на меня наговаривает.

Рахиль. Злата, чтоб ты мне была здорова, ты ела редьку... Люся, натри-но палец...

Люся смеется, натирает палец, сжимает руку в кулак.

Люся. Зоя, тащи. *(Зоя вытаскивает один палец.)* Теперь Рузя, тащи...

Злата *(давится от слез)*. Вы меня будете искать в каждом уголочке...

Рахиль. Ну, Сумер, так от нее можно выдержать? *(Вытаскивает из Люсиного кулака палец, выпачканный в штукатурке.)*

Люся *(смеется)*. Это не Злата, это мама. *(Рахиль смеется.)*

Злата. Ну, так ты видишь? *(Тоже начинает смеяться.)*

Рахиль *(Сумеру)*. А ведь можно прожить тихо, мирно... Сколько нас осталось. Мой муж погиб, твой сын погиб, наша сестра умерла, наш младший брат Шлойма погиб, папа и мама умерли в Средней Азии... Сколько нас осталось... Вокруг одни враги... Вот тут за стеной живет Бронфенмахер... Ты знаешь Бронфенмахера?

Сумер. А что, я не знаю Бронфенмахера из Горкомхоза?

Рахиль. Так он хочет только ходить через моя кухня. Вот тут есть дверь. Раньше это была общая квартира, жил один хозяин, здесь сам Шренцис когда-то жил, а теперь мы эту дверь замуровали. Что ты скажешь, он будет носить через меня помои... Я ему голову сниму... Это Йойны Шнеура товарищ Былиного мужа...

Злата. Она только хочет, чтоб я ругалась с Былей.

Рахиль. Если Йойна работает в лагерь военнопленных по снабжению, так он думает, что большой человек... А она дует от себя, она у себя очень большая. Всегда она водит знакомство только с докторами. Вот так она ходит и дует

от себя (*кривит лицо, надувает щеки, выпячивает живот, ходит и дует.*) -

З л о т а. Вы оба любите смеяться над людьми, а я нет.

Слышен стук в дверь.

Р а х и л ь. Сегодня веселый день, дверь не закрывается.

Идет открывать, входит **Ф а н я** (соседка Рахили и Злоты).

Ф а н я. Здравствуйте. Моя Зоя у вас? Зоя, идем домой.

З о я. Я еще хочу побыть у Люси.

Ф а н я. Папа уже лег спать, не бойся.

Р а х и л ь. Ну, посиди, Фаня...

Ф а н я. Ой, мне стыдно перед людьми, смотрите, какой у меня под глазом синяк... Вэй из мане юрен...

Р а х и л ь. Ой, вэй з мир... Ну, подай в суд, чего ты молчишь... Что значит, он тебя бьет... Это ж не царский режим сейчас...

Ф а н я (*плачет*). Ой, Рахилечка, у меня двое детей от этого голя... И во время оккупации он нас не выдал, спрятал меня с детьми...

С у м е р. Где ж он вас мог спрятать?

Ф а н я. Сумер Абрамович, он нас в село отвез... Под Реей... Тридцать километров от Бердичева. Там у него поп родственник. Сергей достал бумаги, что я украинка и дети украинцы. Всю оккупацию прятал. А теперь напьется, бьет меня, кричит мне — жидовка, и детям тоже кричит — хитрые жи-ды...

Р а х и л ь. Как тебе нравится, Сумер, такое горе... Так это хоть пьяный гой. А тут за стеной живет еврей, так ему могут глаза вылезти... Фаня, ты знаешь Бронфенмахера?

Ф а н я. А что же, я не знаю Исака Исаевича? И Бебу?

Р а х и л ь. Это та еще Бебочка. Я помню, как она одевала большую шляпу и выходила на бульвар...

З л о т а. Зачем на людей наговаривать?

Р а х и л ь. Злота, дай чтоб от тебя отдохнули уши... Это ты его боишься... Он мне говорит, если ему не разрешить по-

хорошему носить через нас помои, он ломает стену... А я говорю, а ну, попробуй, Бронфенмахер, я хочу видеть *(сильный удар на кухне.)* Ой, что это! *(Бежит на кухню и возвращается громко крича.)* Ой, Бронфенмахер ломает стену... Ой, ой, ой...

Люся начинает плакать, Злота хватается за сердце и садится на стул.

Ф а н я. Зоя, пойдем домой *(они уходят)*.

Р а х и л ь. Уходите, все уходите. Сумер, что ты стоишь с открытым ртом. Брат называется, мужчина.

С у м е р. У вас здесь всегда кричат. *(Уходит.)*

Р а х и л ь. Я сама себя буду защищать. Я сейчас возьму топор. Я этому сионисту горло перережу.

Р у з я. Тише, мама, он уже перестал ломать.

Р а х и л ь *(громко кричит и плачет)*. Я ему голову сломаю. Я осталась без мужа, с сиротами, а он будет ломать стену мне. Кто там вошел? Фаня ушла и за ней не закрыли дверь, я одна должна за всем следить.

Входит Б р о н ф е н м а х е р и его жена Б е б а. Оба под стать друг другу, низенького роста, цепкие, с сердитыми, решительными лицами.

Б р о н ф е н м а х е р *(Рахили)*. Луцкая, тебя все в городе знают как скандалистку, но советский закон тебе не позволяют нарушать... Я старый чекист...

Р а х и л ь. Чтоб тебе глаза вылезли, какой ты чекист. Ты гнилой спекулянт и ты говоришь про советский закон. Ты хочешь носить через моя кухня помои. Мой муж убит на фронт...

Б е б а *(высовывается из-за спины Бронфенмахера)*. Эйжа, но твой муж убит...

Р а х и л ь *(к Бебе)*. Она радуется, что мой муж убит... Темно и горько, чтоб тебе стало, как мне сейчас.

Б е б а. Я тебе сейчас наплюю в лицо.

Р а х и л ь. Кровью чтоб ты плевала...

Б е б а. Поцелуй мэня знаешь куда...

Р а х и л ь. Чтоб тебя туда чиряки целовали... Нарывы

чтоб тебя туда целовали... Чтоб ты опухла... Чтоб ты лежала и гнила... Немая и слепая чтоб ты стала... Болячка тебе в мозги... Чтоб тебе каждая косточка болела...

Б р о н ф е н м а х е р. Не отвечай ей, Беба... Луцкая, ты эту квартиру вообще занимаешь незаконно... Думаешь, мы не знаем, что в 44-м году ты без ордера сорвала замок и вселилась сюда. Здесь должен жить бухгалтер Горкомхоза Харик, у него восемь детей...

Р а х и л ь. Выйди, а то я сейчас возьму топор и дам тебе по голове... Я зайду к Свинарцу в горком партии, так тебе будет темно в глазах... Ты сионист... Твой дядя живет в Палестину...

Б е б а. Чтоб тебе так дышалось, какая это правда.

Б р о н ф е н м а х е р. Тише, Беба (*указывает на входящего с книгами в руках Вилю.*) А где твой родственник? У меня в Палестине нет близких родственников, если надо я это докажу. А где твой родственник?

Р а х и л ь. Мой муж убит на фронте, сын Сумера тоже убит, и мой младший брат Шлойма убит... Я член партии с 28-го года, а ты сморкач, спекулянт, твоих родителей раскулачили...

Б е б а. Чтоб тебе так дышалось, какая это правда...

Б р о н ф е н м а х е р. Тише, Беба... Я спрашиваю, где отец этого парня? Он арестован как троцкист...

З л о т а (*хватается за лицо*). Ой, взй...

Р а х и л ь. Тихо... Ты только, Злота, не пугайся... Виля, ты не бойся... Бронфенмахер, это наш ребенок... Это мой ребенок, такой же, как Рузя и Люся... Ты понял, Бронфенмахер... Дядя этого ребенка убит под Харьковом за Советскую власть... А если ты еще скажешь слово, Бронфенмахер, так как я держу руку, я тебе войду в лицо...

Б е б а (*Бронфенмахеру*). С кем ты разговариваешь, Исачок... Это же базарная баба...

Р а х и л ь. А ты блядуга...

З л о т а. Ой, Боже мой...

Б е б а. А ты курва...

З л о т а. Ой, Боже мой...

Б р о н ф е н м а х е р. Ладно, идем, Беба, идем. Мы с ней поговорим в другом месте...

Б е б а (*Рахили*). Ты, воровка, думаешь, я не помню, какая у тебя была растрата в Торгсине в 25-м году...

Р а х и л ь. А твоя мать была из веселых, еще при Николае...

Б е б а (*визгливо*). Чтоб вы все сдохли!

Р а х и л ь. Вы через моя кухня помои не будете носить... На костылях вы ходить будете... Дерево должно упасть на вас и убить обоих, или покалечить... Машина должна наехать и разрезать вас на кусочки...

Б е б а. Со своей рубашкой чтоб ты ругалась... С рубашкой чтоб ты ругалась...

П о д к р и к и и п л а ч п о л з е т з а н а в е с

Картина 2-я

Двор дома, в котором живет Рахиль с семьей. Вдоль всего второго этажа тянется деревянная веранда-балкон. На веранду ведет деревянная крутая винтообразная лестница. Напротив двухэтажного дома каменный флигель, сложенный из такого серого кирпича. П-образно к дому и флигелю деревянные сараи. У сарая возится Л у ш а, складывает дрова. Под верандой, у одной из дверей первого этажа, сидит С т а с ь к а, молодая украинская полька, и играет на аккордеоне модный мотив из немецкого фильма. На деревянных ступеньках флигеля сидят М а к а р Е в г е н ь е в и ч, его жена Д у н я, К о л ь к а по кличке Дрыбчик, В и т ь к а, по кличке Лаун дя, и играют в карты. Макар Евгеньевич вида степенного, состоятельного, с золотыми зубами во рту. Дуня, жена его, выглядит старше его, круглолица, одета в капот. У Луши вид крестьянки, недавно приехавшей в город. Колька и Витька — обычные послевоенные подростки-хулиганы, в военных обносках. Стаська, модная девушка 45-го года, из тех, кто допоздна шатается по бульвару. Со второго этажа, из квартиры Рахили, слышны крики и плач.

С т а с ь к а (*смеется*). Жиды дерутся...

Л у ш а (*возясь с дровами, устало*). Хотя б они поубивали друг друга.

Д у н я (*смеется*). Что тебе, Луша, евреи в борщ наплевали?

Л у ш а *(мрачно)*. Работать на них надо. Пусть бы сами дрова свои потаскали. Весь второй этаж евреи заняли, а снизу мы живем.

С т а с ь к а *(смеется)*. Ничего, война начнется, опять они в Ташкент побегут и все свое барахло нам оставят.

К о л ь к а - Д р ы б ч и к. Анекдот слышали? Встречаются трое. Один говорит: я лоцман. Другой говорит: я боцман. А третьему нечем похвастать, он говорит: а я Кацман. *(Смеется)*.

М а к а р Е в г е н ь е в и ч. Ты брось эти анекдоты, ходи лучше с козырей... Дуня, у тебя сколько карт осталось?

Д у н я. По одной не ошибешься.

В и т ь к а *(к Кольке)*. Дрыбчик...

К о л ь к а. А?

В и т ь к а. На...

К о л ь к а. Жуй два *(смеется)*. Я тебя купил, Лаундя...

В и т ь к а. Дрыбчик...

К о л ь к а. Ты меня, Лаундя, не купишь.

В и т ь к а. Таких дешевых не покупают, их даром дают *(смеется)*. Я тебя купил...

С т а с ь к а. Лаундя, если я не там и не здесь, то где я?

В и т ь к а. У коровы в трещине.

С т а с ь к а. Заткни языком, чтоб я не вылезла *(смеется)*. Я тебя купила...

В и т ь к а *(сердито)*. А ты прости тут, прости там *(крестится)*, прости, Господи, нам...

С т а с ь к а. Смотри, Лаундя, Костя Кошенок тебе твой глаз на твою задницу натянет...

В и т ь к а. А я скажу Косте, что к тебе литер ходит... Мы сегодня вечером в парк идем военных бить, поймаем на танц-площадке тебя с твоим литером...

М а к а р Е в г е н ь е в и ч. Ох, ребята, дадут вам по пять лет и пошлют на Донбасс шахты восстанавливать... *(К Дуне.)* Так не ходят... У вас черва козырь, а не крест...

Д у н я. Стаська, ты их не слушай, выходи за лейтенанта...

С т а с ь к а *(поет и играет на аккордеоне)*. Завлекала, завлекала и тебя я завлеку. Не таких я завлекала, с револьвером на боку...

В и т ь к а. Завлечешь... Пиской по морде получишь, мойкой по глазам.

С т а с ь к а *(смеется, поет)*. Оцем, дроцем, двадцать восемь, от а зекел бейнер, аз дер тоте кишт ды моме, даф ныт высен кейнер...

Д у н я *(смеется)*. Что это значит?

С т а с ь к а. Отцем, дроцем, двадцать восемь, вот мешок костей... когда папа целует маму, так никто не должен знать...

К о л ь к а. Крепко ты по-жидовски говоришь.

С т а с ь к а *(смеется)*. А может, я жидовка? К жиду богатому в жены попрошусь, как вареник в масле буду... *(Поет.)* С неба звездочка упала и другая котится, полюбила лейтенанта и майора хочется...

По лестнице вниз спускаются Фаня и Зоя.

Л у ш а. Фаня, иди-ка сюда... Что там за крик?

Ф а н я *(смеется)*. Бронфенмахер хочет через кухню Луцких себе черный ход сделать.

Д у н я. А кто это так кричит? Рахилия?

Ф а н я *(смеется)*. И Рахилия и Беба. Та ей говорит, ты воровка, а та ей говорит, ты спекулянтка

Л у ш а. Чего ты туда ходишь, Фаня? Тебя в войну Сергей спас, когда всех евреев в ямы на аэродром гнали? Спас?

Ф а н я. А я разве говорю, что нет...

Л у ш а. Ты ему должна быть благодарна до конца жизни, а ты к евреям своим ходишь и жалуешься на него.

Ф а н я. Ой, чтоб я так жила, что я на него ничего не говорю. Зоя учится в одном классе с Рахилиной дочкой... Я ей говорю, чего ты туда ходишь? Папа из-за тебя меня ругает, что я тебя туда посылаю... И Рахиль думает, что я ее посылаю, чтоб она там кушала. Нужна нам их еврейская еда... Я зашла, чтоб Зою забрать. Чтоб ты не смела больше туда ходить, Зоя... После школы сразу домой... Думаете, я не помню, Луша, когда я до войны вышла замуж за Сережу, он был веселый такой, молодой, такой футболист, так все евреи говорили на меня, что я проститутка... Таки правильно говорят: спасай Россию, бей жидов...

Луша переглядывается со Стаськой и Дуней, смеются.

Макар Евгеньевич (*подавляя улыбку*). Иди, Фаня, тебя Сергей ждет. Он тут интересовался, куда ты пошла.

Фаня и Зоя входят в одну из дверей на первом этаже. Мимо сараев с помойным ведром проходит Борис Макзаник. Это парень-перерос-ток с обезьяньим лицом. Сверху по лестнице спускается Виля.

Виля. Борис Макзаник нас заметил и, в гроб сходя, благословил...

Макзаник (*широко улыбаясь*). Привет... В Цесека не хочешь? В центральный ср... понял? Сра... Комитет... Ну, в уборную хочешь? Пошли вместе.

Виля. Нет, не хочу... А как дела на литературном фронте?

Макзаник. Хочешь, почитаю.

Стаська. Виля, это у вас ругаются?

Виля. У нас.

Стаська. Что ж они ругаются. Клопов бы лучше давили.

Макзаник (*Виле*). Пошли немного пройдемся (*отходят*). Тебе Стаська нравится?

Виля. Так она ведь старая. Ей уже девятнадцать, а может, и двадцать.

Макзаник. Зато какие у нее ягодички... Ну, пойдем сегодня на бульвар.

Виля. Неохота... Лучше здесь почитаем.

Макзаник (*ставит на землю помойное ведро*).

Старинный город Петроград

Теперь прозвали Ленинград,

Построен был еще Петром,

Как много балов было в нем...

Ты чего? Смеешься?

Виля. Нет, продолжай, просто закашлялся...

Макзаник. Воспета Пушкиным Нева,

Была красива и стройна.

Но теперь река Нева

Лучше, чем была тогда...

Колька, подкравшись, бьет Макзаника под зад. Макзаник, схватив ведро, удирает.

В и л я (*удирает, кричит испуганно*). Мама!

М а к а р Е в г е н ь е в и ч (*скрывая улыбку*). А ну, Коля, перестань...

К о л ь к а (*хохоча*). Так я ж Вилю не трогаю. Иди сюда, Виля, садись с нами в карты...

В и т ь к а. Он говорил, что он хусский... Ты хусский?

В и л я. Я хотел сказать, что я русский еврей, но русский я успел сказать, а еврей не успел, потому что меня срочно домой позвали...

В и т ь к а (*хохоча*). Его домой позвали...

В и л я. Нет, правда... Есть бухарские евреи в Средней Азии, есть грузинские — на Кавказе, а я русский... Хотя вообще-то я наполовину... Моя мать из Польши... А отец тоже не совсем ясно кто... Я был в детдоме, так меня эти евреи взяли на воспитание... Я ведь на еврея не похож...

М а к з а н и к (*проходя мимо с пустым ведром*). Только все евреи похожи на тебя...

В и л я. А ты, Бора, выйди из мора, чтоб тебе ручки и ножки обсохли, а животик я тебе вытру сама...

М а к з а н и к. Сам жид, а на другого говоришь.

К о л ь к а (*приподнимается*). Оторвись!

Макзаник удирает, гремя ведром. Все смеются.

В и л я (*к Кольке*). Дай закурить.

К о л ь к а. Сам стрельнул...

В и л я. Ну дай бенек потянуть...

Колька дает окурок. Виля курит. Слышен новый взрыв криков и плача.

Д у н я. И не устанут.

Л у ш а. Нет, это уже не там, это не у Рахили. Это Сергей Бойко опять Фаню бьет.

Из дверей на нижнем этаже, откуда слышны крики и плач, показы-

вается Сергей Б о й к о. Он в майке, спортивных шароварах и босой. Похмельное лицо его искажено злобой, волосы всклокочены. Садится рядом с Макаром Евгеньевичем.

С е р г е й. Беркоград проклятый. Бердичев – еврейская столица...

М а к а р Е в г е н ь е в и ч. Сергей, зачем жену бьешь? Нехорошо.

С е р г е й. Разве жидовка может быть женой... Бегает к своим жидам наверх на меня жаловаться...

Л у ш а. Что ж ты ее, Сергей, от немцев спас? Зачем прятал?

С е р г е й. Так это другое дело. У меня от нее дети. А детям мать нужна, потому и прятал... Ух, Беркоград проклятый...

М а к а р Е в г е н ь е в и ч *(улыбается)*. Так говорят, Бердичев скоро переименуют... Горсовет уже прошение подал в Киев, в Верховный Совет... Черняховск, вроде бы, будет. В честь погибшего генерала Черняховского, а кто говорит в честь генерала Ватутина... Есть слухи, что в честь Котовского назовут, который здесь, на Лысой горе, долго находился, там его казармы были... Или в честь Щорса... Здесь ведь музей Щорса есть... Или, говорят, в честь Богдана Хмельницкого, который Бердичев от поляков освобождал...

С е р г е й. Да бросьте вы, Макар Евгеньевич, ну какой русский генерал или полководец согласится дать свое имя Бердичеву... А который погиб, семья не допустит... Как был он Беркоград, так и останется Беркоградом.

М а к а р Е в г е н ь е в и ч. Может найдется... Если не генерал, так полковник.

С е р г е й. Какой полковник?

М а к а р Е в г е н ь е в и ч *(улыбается)*. Маматюк... Герой освобождения Бердичева, командир танкового полка Бердичевской дивизии... Не Бердичев теперь будет называться, а город Маматюк...

С е р г е й. И то лучше, хоть не по-жидовски... Откуда? Из Маматюка... Ничего *(смеется)*.

М а к а р Е в г е н ь е в и ч *(улыбается)*. Тише... Разве

не видишь, вон он идет, полковник Маматюк... Я еще издали его заметил и вспомнил.

Через двор проходит, гремя орденами и медалями, полковник Маматюк. Останавливается, подходит к Виле и вырывает у него из рук дымящийся окурок.

М а м а т ю к (*Виле*). Сопляк... Разве за это я всевал на фронте, чтоб такие сопляки курили... (*К Сергею*). Ты отец его?

С е р г е й (*обиженно*). Ну какой я ему отец, товарищ полковник? Бойко моя фамилия. А разве он обликом похож на Бойко?

М а м а т ю к (*Виле*). А где твой отец, говнюк?

В и л я (*опустив голову, покраснев, тихо*). Погиб на фронте...

М а м а т ю к. А разве за это погиб твой отец, чтоб ты теперь курил? Ты в каком классе?

В и л я (*опустив голову, тихо*). В седьмом.

М а м а т ю к. А кто у вас военрук?

В и л я. Степин...

М а м а т ю к. Знаю его... Только надо говорить: майор Степин... Ну-ка, встань, повтори...

М а к а р Е в г е н ь е в и ч (*Виле*). Встань, с полковником говоришь...

В и л я (*встает*). Майор Степин.

М а м а т ю к. Посмотрим, чему тебя научил майор... Ну-ка, вложи пять пальцев в рот и скажи: солдат, дай пороху и шинель... Вот так вложи (*показывает*).

Виля вкладывает пальцы и произносит глухо фразу. Полковник бьет его по уху.

М а м а т ю к (*смеется*). Куряга... Где твоя военная хитрость? Тебя любой противник обманет... Ты ж мне сказал: солдай, дай по уху и сильней... В следующий раз увижу, что ты куришь, не так еще дам...

Уходит, гремя орденами и медалями. Все смотрят ему вслед. Колька и Витька смеются.

С е р г е й. Полковник-то он полковник, а зачем рукам болю дает. Это не положено.

М а к а р Е в г е н ь е в и ч. Да он контуженный. Он когда комендантом города был, солдат лупил. За это его и сняли.

Д у н я *(Виле)*. Больно тебе?

В и л я. Нет...

Л у ш а. Как нет, ухо распухло... Пойди к Рахиле, пусть мокрое полотенце приложит.

В и л я. Да мне не больно *(начинает плакать)*.

В и т ь к а. Заревел... Ты ж хусский... Хусские никогда не плачут...

С е р г е й *(Витьке)*. Брось ты... Он не от боли плачет, он от обиды плачет.

К о л я *(Виле)*. Послунявь пальцы и помажь ухо...

Д у н я. Иди домой, Виля.

К о л ь к а. Куда домой? Вон литер к Стаське идет... Дай ему, Виля, чтоб он к нам во двор не ходил, и ухо сразу пройдет...

Во двор входит лейтенант, оглядывается, улыбается Стаське.

М а к а р Е в г е н ь е в и ч. Бросьте, ребята, драку здесь устраивать. Идите в парк драться.

В и т ь к а *(Виле)*. Ты ж хусский, что ж боишься?

Виля встает, подходит к лейтенанту, ударяет его сзади ногой и убегает.

Л е й т е н а н т. Ах, гаденьш, убью...

Вдруг в руках у Кольки появляется ружейный шомпол, а у Витьки кирпич. Лейтенант подбегает к молодому деревцу и вырывает его с корнем.

Л у ш а. Стаська, пусти его в дом...

С т а с ь к а. Зачем он мне нужен, чтоб они мне окна побили... *(Уходит и запирает двери.)*

С е р г е й. Пойду с Фаней мириться, а то еще и мне дадут. *(Уходит.)*

К о л ь к а *(лейтенанту)*. Оторвись!

На веранде показываются Рахиль и Злота. Рахиль упирается локтями в перила, Злота подносит ладошку ко лбу козырьком, прикрываясь от солнца, чтоб лучше видеть.

Рахиль. Гоем шлугензех...

Злота. Что такой?

Рахиль. Гоем дерутся...

Колька (*лейтенанту*). Оторвись!

Злота. Вус эйст оторвись? Что значит, оторвись?

Рахиль. Оторвись — эр зол авейген... Чтоб он ушел.

Злота. Ну так пусть он-таки уйдет... Пусть он уйдет, так они тоже уйдут...

Рахиль. Ты какая-то малоумная... Как же он уйдет, если они дерутся?..

Злота. Чуть что, она мне говорит — малоумная... Чуть что, она делает меня с болотом наравне...

Рахиль. Ша, Злота... Ой, вэй, там же Виля...

Злота. Виля? Я не могу жить...

Рахиль (*кричит*). Виля, иди сюда... Я тебе морду побью, если ты сейчас не пойдешь домой.

Виля. Оторвись!

Рахиль (*Злоте*). Ну, при гоем он мне говорит: оторвись... Язык чтоб ему отсох...

Витька (*лейтенанту*). Оторвись!

Лейтенант (*озверев*). Под хрен ударю!

Злота. Что он сказал? Хрон?

Рахиль (*смеется*). Ты таки малоумная. Оц а клоц, ын зи а сойхер...

Лейтенант и преследующие его Витька и Колька убегают за сарай.

Рахиль (*кричит*). Виля, ты туда не иди!

Дуня. Рахиль, не бойся, он возле нас.

На веранду выходит Люся.

Люся. Мама, что здесь такое?

Рахиль. Люсинька, зайди в квартира. Может, должны бросить камень.

Дуня. Вот хулиганы... Рахиль, иди сюда.

Рахиль. Это к Стаське приходили? Надо написать в милицию.

Макар Евгеньевич. Попересажают их скоро и отправят на Донбасс шахты восстанавливать.

Злота (Рахили). Пошли Вилю домой.

Рахиль. Как я его пошлю, если он мне говорит: оторвись! (Спускается вниз.) Ну, Дуня, ты слышала, как я ругалась с Бронфенмахером? Он хочет пробить стенку, устроить себе дверь ко мне на кухню и носить через меня помои... Что ты скажешь, он имеет право?

Дуня. Тебе нужен в дом мужчина.

Рахиль. Но где я возьму мужчину, Дуня? Мне сорок лет. Молодой на мне не женится, а старый зачем мне? Чтоб он, извините за выражение, мне в кровати навонял...

Дуня (смеется). Но у тебя ведь в доме молодая невеста.

Рахиль. Где же взять хороший жених? Ты же знаешь, Дуня, Рузечка у меня не тяжелая на голове... Я имею в виду, что это мой ребенок. (Всхлипывает.) Я осталась с детьми в тридцать семь лет. Я член партии с двадцать восьмого года. Мой муж погиб на фронт... Так теперь этот подлец Бронфенмахер хочет носить через моя кухня помои...

Дуня. Ты Тайберов знаешь?

Рахиль. А что я не знаю Тайберов? Они жили до войны в нашем доме по Белопольской... Вы жили на первый этаж, я на второй этаж, а они жили над аптекой... Они из Одесс, но перед войной приехали в Бердичев.

Макар Евгеньевич. Совершенно верно, они одеситы.

Рахиль. Отец фотограф.

Макар Евгеньевич. Совершенно верно.

Рахиль. У них было двое сыновей — Миля и Пуля... Миля перед войной женился, а Пуля я не знаю где теперь.

Дуня. Пуля пропал в войну... Он же на русского похож. Говорят, его в Германию отправили, и где он неизвестно.

А Миля с женой развелся... Бывает неудача... Парень хороший, не раненый. Он в войну на Урале работал. По специальности тоже фотограф, как отец. С отцом вместе в фотографии работают они на Лысой горе в воинской части. Там они имеют неплохо.

Макар Евгеньевич. Каждый солдат на фотокарточку денег не пожалеет. По себе помню.

Рахиль. Но ведь моей Рузичке семнадцать лет.

Дуня. А Миле тридцать один. В самый раз. Ты знаешь, сколько у Тайберов есть денег? Если взять нас всех на вес и поставить мешок с их деньгами, так мешок перевесит.

Рахиль. Ой, что тебе сказать, Дуня. Если б я удачно выдала Рузичку замуж, мне бы стало светло в глазах.

Луша выходит с ребенком на руках.

Луша *(к Рахили)*. Рахиль Абрамовна, дрова я сложила.

Рахиль. Ну, зайдешь, Лушенька, я тебе заплачу... Ну-ка дай мне твоя лялька... *(Берет ребенка.)* Как его зовут?

Луша. Тина...

Рахиль *(улыбается)*. Тиночка... Агу, агу... Ой, пока эти дети вырастают... Я помню как я была беременна Рузей, как вчера это было, а уже семнадцать лет... Мэйлэ... Ладно... Помню, как я сидела на балкон, выпила стакан молока, мне стало плохо, и Капцан, это мой покойный муж, отвез меня в роддом... Ой взй з мир... Тиночка, агу, агу... Луша, но это не от немца? А то как я держу ее на руках, вот так я ее брошу на землю...

Луша. Что вы, Рахиль Абрамовна... Тут один наш русский работал в комендатуре истопником...

Рахиль *(улыбается)*. Тиночка, агу, агу...

Дуня. Так Рахиль, что мне Тайберу сказать?

Макар Евгеньевич. А что говорить? Я считаю, пусть познакомятся молодые.

Рахиль *(вздыхает)*. Пусть познакомятся, в добрый час...

Злота *(кричит с веранды)*. Рухл, мясо на мясорубку делать?

Рахиль (*отдает ребенка Луше*). Вот она мне кричит... (*поднимается на веранду.*) Малоумная, вус шрайсте? Что ты кричишь? Гоем должны знать, что у нас есть дома мясо?

Злата (*хватается за лицо*). Боже мой, Боже мой, она пьет мою кровь... (*Уходит.*)

Рахиль (*сердито про себя*). Злоте-хухем... Злотаумница... Кричит на весь двор... Гоем должны знать, что у нас есть дома мясо... У меня они бы знали, что в заднице темно, больше ничего... (*Уходит.*)

Из-за сараев показывается Витька, весь в крови.

Витька (*смеется*). Я уже получил (*прикасается к волосам и показывает Макару Евгеньевичу красную, окровавленную ладонь: Смеется.*) Макар Евгеньевич, я уже получил...

Занавес

Картина 3-я

В большой комнате накрыт стол в духе роскоши 46-го года. Стоят эмалированные блюда с оладьями из черной муки, тарелка тюльки, несколько банок американского сгущенного молока, жареные котлеты горкой на блюде посреди стола, картошка в мундире, рыбные консервы, бутылки сидра и бутылка спирта. У окна обновка — тумбочка с выдвигаемыми ящиками, на ней приемник с проигрывателем "Рекорд". В углу елка, украшенная бумажными цветами и ватой. За столом Рахиль, Сумер, его жена Зина, Пынчик — крепкий низенький майор в орденах и медалях, Дуня, Макар Евгеньевич, Рузя, Миля, его мать Броня Михайловна Тайбер, его отец Григорий Хаимович Тайбер, Люся, Виля. Злата ходит по кухне, гремит посудой, иногда показывается в дверях.

Григорий Хаимович (*весело*). Давайте выпьем еще (*чокается с Дуней*).

Макар Евгеньевич (*смеется, грозит пальцем*). Григорий Хаимович, здесь муж присутствует. Броня Михайловна, вы заметили? Тут будут две свадьбы: Миля с Рузей и Григорий Хаимович с моей Дуней.

Броня Михайловна (*смеется*). Ничего, я ему раз-

решаю. А я к сыну перееду и буду жить у Рахили Абрамовны.

Рахиль. Пожалуйста. Мне никто не тяжелый на голове.

Дуня (*смеется*). Люблю одесских евреев, они веселые.

Рахиль. Бердичевские евреи тоже веселые. (*Берет тюльку, начинает ее медленно жевать. К Виле.*) Возьми тюльку.

Виля (*тихо*). Не хочу.

Рахиль. Не хочешь, так не надо.

Григорий Хаимович (*с красным лицом, поет*)
Лоз лыбен ховер Сталин, ай-яй-яй-яй, ай...

Миля (*парень с бритым футбольным затылком*). Э, батя, так не пойдет. Где больше двух, говорят вслух (*к майору*). Правильно, Петр Соломонович? Где больше двух, говорят вслух. А тут за столом две нации.

Григорий Хаимович. Но это еврейская песня о Сталине.

Пынчик. Не Сталин, а товарищ Сталин...

Макар Евгеньевич. Раз еврейская песня, значит надо петь по-еврейски. У нас все нации равны. А ты, Миля, переводи мне.

Рахиль. Я эта песня тоже знаю, мы ее учили в клубе "Безбожник"... Ой вэй з мир... (*показывает на Рвзю.*) Ее покойный отец так хорошо танцевал, но когда я с ним познакомилась, я сказала: ты не будешь ходить в кружок, там слишком много девушек (*смеется*). Ой, вэй з мир... Такой отец у нее был.

Рүзя. Ай, мама, перестань, нашла время.

Григорий Хаимович. Лоз лыбен ховер Сталин, ай-яй-яй-яй, ай...

Рахиль (*подхватывает*). Фар дем лыбен, фар дем наем, ай-яй-яй-яй...

Миля (*переводит*). Пусть живет товарищ Сталин, ай-яй-яй-яй, ай. За жизнь за новую, ай, яй-яй-яй...

Рахиль. Фар Октябрь революци, ай-яй-яй-яй, ай. Фар дер Сталинс конституци, ай-яй-яй-яй...

Миля. За Октябрьскую революцию, за Сталинскую Конституцию...

Сумер (*в такт поющим*). Лах, лах, лахес... Лах, лах, лахес...

Д у н я. А это что за песня?

С у м е р. Это еще при Николае, когда я служил, вся рота пела, а я кричал: лах, лах, лахес... Мне унтер разрешил, потому что я иудейского вероисповедания и не могу петь русская песня. Тогда не говорили еврей, но иудейского вероисповедания.

М а к а р Е в г е н ь е в и ч. Так это ведь еврейская песня.

С у м е р. Еврейская? Я ее не знаю. *(Смеется.)* Я знаю одну хорошую еврейскую песню про неряшливую жену.

Р а х и л ь. У меня брат очень веселый... Он хойзекмахер... Он большой насмешник.

З и н а. Но когда над кем-то надо смеяться, когда над ним смеются, он не любит. Сейчас я вам расскажу про мой муж. Когда я с ним иду в кино и только тушат свет, чтоб пустить картина, он сразу засыпает. Недавно он во сне раздел в кино галоши и забыл их там.

С у м е р *(Зине)*. Ты лучше расскажи, как ты прятала мои папиросы... Она не хочет, чтоб я курил, так я спрятал папиросы в ее туфли, и она не могла найти *(смеется)*.

М а к а р Е в г е н ь е в и ч. Товарищ майор, скажите тост, а то народ заскучал.

Р а х и л ь. Пынчик, скажи тост, чтоб мы все были здоровы...

М а к а р Е в г е н ь е в и ч. Тосты нельзя подсказывать со стороны.

Р а х и л ь. Мы не со стороны. Он майор, но для нас он Пынчик. Это наш двоюродный брат из местечка Чуднов. Ой, Боже мой, там всех его родных убили, а он был на фронт и остался живой. Ты помнишь тетю Элька, Пынчик?

П ы н ч и к. А что же я не помню тетю Эльку... Колхозница, передовик.

Р а х и л ь. Ой, какая она была колхозница... Чуть что, она председателю колхоза кричала — ты мэне з Эльки не скынеш... Она только по-украински говорила и по-еврейски. По-русски она говорить не умела... Вот Злота ее хорошо помнит... Злота, чего ты там на кухне сидишь? *(К Рузе.)* Рузичка, чего ты молчишь?

Б р о н я М и х а й л о в н а. Она показывает свою скромность.

Г р и г о р и й Х а и м о в и ч. Молчаливая жена, это клад. *(К Миле.)* Мой сын, тебе повезло.

М и л я. Мне всегда везет... Знаете анекдот... Арон, ты играешь на трамбон? Я нет, но мой брат, да... Что да? Тоже не играет. *(Смеется.)*

Д у н я. Люблю одесситов.

М а к а р Е в г е н ь е в и ч *(запевает, все подхватывают, кроме Сумера)*. Если на празднике с нами встречается несколько старых друзей, все, что нам дорого, припоминается, песня звучит веселей.

Р а х и л ь *(у двери, тихо)*. Злота, куда ты несешь котлеты? Ведь есть на столе.

З л о т а. Это твои котлеты, а это мои котлеты.

Р а х и л ь. Вей з мир... Ведь стыдно перед людьми... Болячка на тебя, ведь перед людьми стыдно.

П ы н ч и к *(поет)*. Встанем, товарищи, выпьем за Сталина, за богатырский народ, выпьем за армию нашу могучую, выпьем за доблестный флот...

Р а х и л ь. Я совсем забыла одеть свои медали... В прошлый месяц меня вызвали в военкомат и вручили две медали: "За Победу над Германией" и "За доблестный труд" *(достает из ящика медали.)* Всю войну я работала в пехотном училище. Я мыла на кухне такие котлы. Каждый котел как гора. Но зато мои дети имели лишний кусок каши.

Л ю с я. Мама, дай я тебе одену медали *(цепляет медали на платье Рахили, смеется, целует Рахиль)*.

Р а х и л ь *(смеется)*. Ну, Сумер, что ты скажешь? Ну, Пынчик... Ну, дети... Вы думаете, что ваша мама какой-нибудь елд... Какой-нибудь дурак... Ну, Сумер, что ты скажешь?

С у м е р. Я скажу, что я уже забыл, ты никогда не будешь знать.

Р а х и л ь. Что мне надо, я знаю, а что мне не надо, я не хочу знать. Правильно я говорю, Пынчик? Ты ж майор, был на фронт, живешь в Риге...

П ы н ч и к *(с красным от спирта лицом поет)*. Выпьем за

тех, кто командовал ротами, кто погибал на снегу, кто в Ленинград пробирался болотами, в горло вгрызаясь врагу...

З л о т а *(ставит перед Вилей котлеты)*. Кушай, Виля...

И вот, пей ситро.

В и л я. Не хочу.

Р а х и л ь *(Злоте, тихо)*. Хорошо он тебе сказал, я довольна. *(Сумеру.)* Она ему дает котлеты, он ей говорит: не хочу...

В и л я *(тихо)*. Заткнись.

Р а х и л ь. Чтоб тебе рот вывернуло.

М и л я *(Рахили)*. Теща, может, вы к нам подойдете... А то вы где-то ходите... Сядьте рядом со мной и Рузичкой...

П ы н ч и к *(встает)*. Товарищи! Уже месяц, как первый послевоенный 1946 год вступил на нашу советскую землю. И так радостно, что сейчас именно создается счастливая послевоенная семья. За это мы воевали, за это, Рузя, погиб твой отец, за это я имею пять ранений... Рузя и Миля, за ваше здоровье!

М а к а р Е в г е н ь е в и ч. Горько!

(Миля и Рузя целуются.)

Р а х и л ь. Ой взй з мир *(плачет)*

Д у н я. Ничего, материнские слезы святые.

Р а х и л ь *(сквозь слезы)*. Ой, Дуня, мне так тяжело на сердце. Если б ее отец дожил... Мне так тяжело...

Д у н я. Ничего, тяжело, да приятно... Своя ноша — дитя...

М а к а р Е в г е н ь е в и ч. Горько! *(Миля и Рузя целуются.)*

В и л я *(исподтишка)*. Борька! *(Миля и Рузя целуются.)*
Борька! *(Миля и Рузя целуются.)*

Р а х и л ь *(тихо)*. Болячка на тебя... Мы шрайт „горько!“, а он кричит „Борька“...

В и л я *(смеется)*. Я Борьку Макзаника зову... Борька! *(Миля и Рузя целуются.)*

Люся что-то говорит на ухо Рахили.

Р а х и л ь. Сейчас моя младшая дочка Люся, чтоб мне было за ее кости, устроит концерт.

Л ю с я (*поет*). Эх, чиш, чиш, чиш, ну-ка, Люся, начинай... Над страную вьются флаги, украшают дали, нам зажиточную жизнь дал товарищ Сталин...

Р а х и л ь (*аплодирует*). Мне за тебя, как она хорошо поет.

З и н а. А мама цветет. Ничего, хорошая невеста растет. Двери от женихов не будут закрываться.

Д у н я. Хорошая у тебя тюлька, Рахиль Абрамовна. И спирт хороший.

Р а х и л ь. У меня все есть, я умею угостить. Я когда работала в столовой НКВД, так начальник НКВД, товарищ Сниткин, очень любил, когда я накрывала на стол. Я ставила всегда много тарелок. Пусть на тарелке дуля была, но много тарелок (*смеется*). Вот здесь за стеной живут некие Бронфенмахеры, так прошлым летом они хотели пробить на мою кухню стенку и ходить через меня с помойными ведрами... Но я им дала помойные ведра...

Р у з я. Ой, мама, к чему ты это сейчас говоришь...

Р а х и л ь. Я знаю, к чему, моя доченька. Ты только теперь выходишь замуж, а я знаю, почем фунт лиха.

М и л я (*Рахили*). Действительно, мама, непонятно, что вы имеете в виду. Причем тут Бронфенмахер? Мало ли плохих людей на свете, так причем тут мы, правда, Рузя (*смеется*).

Р а х и л ь. Я в том смысле, что когда мы были молодые, у нас была компания. Был этот Бронфенмахер и Капцан, Рузичкин отец, работник типографии и Велвел Файнгелерент и Зюня Фарштейндикер... Я всех помню. Так эта Беба меня так ревновала к Бронфенмахеру (*смеется*), а теперь она говорит: эйжа, но твой муж убит (*плачет*).

Р у з я (*сердито*). Мама, перестань.

М и л я. Действительно. На свадьбе полагается рассказывать анекдоты, а не вспоминать неприятности.

З и н а. Сейчас я вам расскажу анекдот про мой муж Сумер. Когда он идет со мной в кино, он всегда спит. Потом на экране выстрелили, он проснулся... Сумер, про что карти-

на? Он говорит: Мы гейт арайн, мы шлуфцех ойс, мы тит а шис, мы гейт аройс *(смеется)*.

М и л я *(смеется)*. Вы поняли, Макар Евгеньевич? Про что картина? Заходят, выспятся, когда выстрелят, тогда выходят...

С у м е р. А я вам сейчас про моя жена Зина спою еврейскую песню... От ци гехопт ды олте шкробес, ын ыз авек цым тотен аф дым шобес... От а ид а вабеле, отер гройсе цурес, аз зи ыз ашинкерын, тейг зи аф капурес...

М и л я *(смеется)*. Вы поняли, Макар Евгеньевич? Она схватила старые туфли и побежала к отцу своему на субботу и припев: имеет еврей женушку, так имеет он большое горе, когда она неряха, она годится только, чтоб ее выбросить... Вернее, чтоб принести ее в жертву... Ну, тут непереводимо... В общем, она никуда не годится. Я правильно перевожу, дядя Сумер?

С у м е р *(смеется)*. Правильно, правильно.

М а к а р Е в г е н ь е в и ч. А вы эту еврейскую песню знаете: Ой, разменяйте вы мне сорок миллионов и дайте мне билетик на Бердичев *(смеется)*. Я ведь среди евреев вырос.

Г р и г о р и й Х а и м о в и ч *(поет и стучит вилкой по металлической тарелке с блинами)*. Их бын гефурен кын Одесс, лечын ды мазолис. Чай пила, закусила тейглех мыт фасолис...

М и л я *(смеется)*. Вы поняли, что мой папа поет, Макар Евгеньевич? Я поехал в Одессу лечить свои мозоли, чай пыла, закусила галушки с фасолью.

Д у н я. Люблю одесских евреев *(хохочет)*.

С у м е р. Злота, дай мне твою котлету... Я котлету Рухеле кушать не хочу.

Р а х и л ь *(Миле)*. Ты знаешь, сколько Сумер и Зина уже живут вместе? С 23-го года. А какой у них был сын Изя, золото, а не сын, такой мальчик... Ой, убили на фронт... *(Плачет)*.

Р у з я *(сердито)*. Мама, перестань... У меня свадьба или похороны? Что ты меня оплакиваешь...

М и л я. Ты, Рузя, тоже неправа. Это мы виноваты, что маме на нашей свадьбе грустно. У нас в Одессе всегда на свадьбе рассказывают анекдоты.

С у м е р. В 23-м году я имел свой магазин, как поворачивают на Житомирскую, на углу. Как заходят в переулок, сразу стоит дом. Так было раскулачивание. Так пришли босые шкуцем... Босые жлоба из села и один говорит другому: это твой размер, Иван? — одевай. А это твой, Степан? — одевай. А это твой, Мыкыта?.. У меня висели в магазине хорошие кожаные куртки, так они все надели на себя.

Р а х и л ь. Ай, Сумер, ты еще не изжил психика капиталиста. Но Советская власть ведь дала тебе работу. Ты заведующий в артель. Правильно я говорю, Пынчик? Вот Пынчик при Советская власть сделался большой человек, майор. Он живет в Риге. А кем был его отец до революции? Бедняк. Ты, Сумер, помнишь, что в двадцать третьем году содержал магазин от вещи, но ты не помнишь, как наша мама лышу-лэм, покойная мама поставила сколько раз в печку горшки с водой, потому что варить ей было нечего и было стыдно перед соседями, что ей нечего варить. Так она ставила горшки с водой, чтобы соседи думали, что у нас что-то варится.

З л о т а. Таки до революции были бедные и были богатые.

С у м е р. А при Советской власти разве нет бедных и богатых? *(Смеется)*. Я одно знаю, что в 23-м году меня хорошо поломали. Пришли босые жлоба...

Р а х и л ь. Сумер, если ты так будешь говорить, Макар Евгеньевич подумает, что ты большой контрреволюционер. Что ты враг народа. Тебе надо горе?

С у м е р. У Макара Евгеньевича отец до революции держал извоз, гужевой транспорт. Что я не помню?

М а к а р Е в г е н ь е в и ч *(с красным от спирта лицом)*. После революции я всех лошадей Советской власти передал, а сам в Первой конной служил. Стрелять я не любил, а вот ближний бой я любил... Рубка *(кричит)*. Шашки наголо!

З л о т а. Ой, вэй з мир... Я спугалась..

Р а х и л ь. Злота, человек же рассказывает, что ж ты кричишь: „вэй з мир“.

М а к а р Е в г е н ь е в и ч. А лучше всего атака с каза-

чьими пиками наперевес. Только надо уметь колоть, иначе руку собственная пика поломает. Как пустешь пику вперед и чуть приподнимешь, белополяк летит через тебя...

З л о т а (*кушает котлету*). Я помню, как в пятнадцатом году, в гастроном у Суры Кац на Поперечной улице была забастовка. Рабочие хотели иметь больше зарплату и ходили с плакатами из дикта...

Б р о н я **М и х а й л о в н а**. Это я тоже помню. Говорили, что Сура Кац спросила, почему они бастуют? Ей говорят: у них нет хлеба. Нет хлеба, так пусть кушают булочки (*смеется*).

Р а х и л ь. Что ты говоришь про Суру Кац? Это капиталистка. Но у нас есть двоюродная сестра Быля, так она даже не пришла к Рузичке на свадьбу. Так не надо.

З л о т а. Ай, Рухл, я не люблю, когда так говорят. Она беременная на последнем месяце.

П ы н ч и к. Я был у них, она скоро должна рожать.

З л о т а. Я к ней ничего не имею. И к Йойне я ничего не имею.

Р а х и л ь. Быля думает, что если ее Йойна работает в лагере военнопленных по снабжению, так она большой человек. Чего она к нам придет, мы же не доктора. Она только с докторами имеет дело. Слышите, Макар Евгеньевич, она очень большая у себя. Она дует от себя. А кто она такая? Клейнштытэлдыке... Она местечковая...

М а к а р **Е в г е н ь е в и ч**. Да, есть такие люди. Как говорится у нас, у русских: „Не дай Бог с хама пана“.

З л о т а. Она очень хорошая. Я Доня с правдой...

Р а х и л ь. Злота, не говори с полным ртом.

З л о т а (*Сумеру, тихо*). Ну, она рвет от меня куски.

С у м е р. Кушай, Злота, кушай.

М и л я (*смеется*). Рузичка мне рассказала очень смешной анекдот. Рузя, ну, расскажи всем!

Р у з я. Ай, всем я не могу...

Г р и г о р и й **Х а и м о в и ч**. Ну, расскажи, Рузя... А после анекдота еще выпьем.

Р у з я. В общем, один еврей пошел в баню...

Д у н я *(смеется)*. Уже смешно...

Р у з я *(говорит медленно, глядя перед собой)*. В общем, он приходит... И ищет свою жилетку... Нет, он сначала помылся, оделся, пришел домой... Его спрашивают, где жилетка. Он говорит: я не знаю. Тогда его спрашивают, где ты был? Он говорит: в бане...

С у м е р. Ну, дым шпыц... конец...

М и л я. Что вы ее подгоняете, дядя Сумер...

М а к а р Е в г е н ь е в и ч. Это один набожный еврей, раввин, приходит домой и кричит: разве это дом, это бардак... Ой, я вспомнил, где забыл свой зонтик *(смех)*.

Р у з я. Нет, когда еврей этот одевался после бани, он одел жилетку на голое тело. А сверху рубашку. И приходит домой. Его спрашивают: где ты был? В бане...

С у м е р. Ну, дым шпыц... конец...

З л о т а. Я тоже знаю анекдот... Это еще до войны, когда Молотов встретился с Гитлер, так Молотов запел: "Страна моя...", тогда Гитлер сзади его выставил ему язык и запел: "Москва моя..." *(Смеется.)*

П ы н ч и к. И все-таки не Гитлер в Москве, а мы в Берлине.

Р а х и л ь. Злата, ты что пьяная? Ди быст шикер? Что за анекдоты ты рассказываешь?

З л о т а. Ну, я не могу... Она всегда хочет быть надо мной хозяйкой... У нас был сосед, так он очень смешно рассказывал этот анекдот.

М и л я. А кто по национальности был этот сосед?

З л о т а. Что? Он был парикмахер.

Р а х и л ь. Она совсем глухая.

З л о т а. Почему я глухая?

М и л я *(смеется)*. Действительно, почему она глухая? Она очень правильно ответила на мой вопрос. Я ее спросил, какой он национальности, она говорит — парикмахер...

Р у з я. Я вспомнила... Этот еврей, когда пошел опять в баню, он нашел свою жилетку. Она была одета на голое тело под рубашкой. Но в баню он пошел только через год.

М и л я. Нет, Рузичка, вот я закончу. Один еврей потерял

жилетку, а нашел ее только через год... Почему? Потому что он надел ее на голое тело, а через год, когда пошел опять в баню, так он ее нашел.

Г р и г о р и й Х а и м о в и ч. А этот анекдот вы знаете? Хотя это не анекдот, а загадка... штейт эйнер ун флвйшн ын ун бейнер. Мы титт а кик, ыз ныту кэйнер...

М и л я (смеется). Макар Евгеньевич, вы поняли? Стоит один без мяса и костей, когда посмотрят, так никого нет. Что это? Я вам сейчас задам русскую загадку, так вы поймете еврейскую. Разрешите загадку и решите вопрос, что стреляет в пятку, а попадает в нос... *(Смеется.)* Вы поняли, без мяса и костей, но это чувствуешь носом. *(Смеется.)*

Л ю с я. Рузя, давай лучше про Хаима и Хайку.

Р а х и л ь (Люсе). Ой, чтоб мне было за тебя, моя сладкая девочка...

Р у з я. Ты начни.

Л ю с я. Хаим и Хайка сидели на дах. И объяснялись в любях. Хаим, ты меня любишь?

Р у з я. Обязательно.

Л ю с я. Хаим, я красивая?

Р у з я. Очаровательно.

Л ю с я. Давай же поженимся.

Р у з я. Сиди и не гавкай, как собака *(смех, аплодисменты)*.

Р а х и л ь. Ой, чтоб то, что должно быть вам на одном пальчике, мне было на всем теле.

З и н а. Ын ды моме квелт... Мама радуется...

З л о т а. Ну, она мама... Слава Богу, что дожили Рузю выдать замуж.

М и л я. Давайте танцевать.

Р а х и л ь. Вот я сейчас включу проигрыватель.

М и л я. Поставьте какой-нибудь вальс.

Р а х и л ь (Рузе, тихо). Рузя, но он тебе нравится?

Р у з я. Ничего паренек...

М и л я. Поставьте "Темная ночь"...

В и л я (поет). В темную ночь по Бердичеву страшно ходить, потому что разденут тебя до последних штанишек...

Пынчик (*Виле, строго*). Только не надо глупить... Эта песня помогала нам воевать... Мальчишка...

Рахиль. Ой, Пынчик, что я от него имею. Он мне кричит – заткнись, кричит – дура, кричит – оторвись...

Злота. Ай, Рахиль, я не люблю эти разговоры.

Рахиль. Вот так она его всегда защищает.

Пынчик. Я б его отправил в ФЗУ. Пусть научится труду, приобретет специальность токаря или слесаря.

Злота (*сердито*). Пусть ваши дети будут слесари, а Виля еще будет большой человек, большой врач или большой профессор, как его отец. Люди еще лопнут, глядя на него!

Рахиль. Пынчик, ты ж майор, у тебя столько орденов и ты ничего не можешь сказать... Так что я могу сказать, если у меня только две медали. (*Смеется.*) Я у него не имею авторитет.

Пынчик. Если б это был мой сын, я б его научил труду. Еврей должен трудиться в два раза лучше русского, тогда его будут уважать.

Сумер. Почему в два раза лучше, у нас же равноправие.

Миля. Включите, Рахиль Абрамовна, проигрыватель. Рахиль включает, ставит пластинку. Звучит "Темная ночь". Миля и Рузя танцуют. Макар Евгеньевич танцует с Дуней.

Люся (*Виле*). Пойдем потанцуем.

Виля. Не хочу.

Рахиль (*тихо*). Ох, этот шмок... Люсинька, пригласи Григория Хаимовича. Я надеюсь, Броня Михайловна не будет ревновать (*смеется*).

Григорий Хаимович. С такой красивой девочкой я танцевал последний раз сорок лет назад.

Люся и Григорий Хаимович танцуют. Григорий Хаимович спотыкается.

Сумер (*тихо*). Он умеет танцевать наравне со мной.

Пынчик (*Рахили*). Прошу...

Рахиль. Ой, я уже все забыла (*танцуют*). Ничего... Что ты думаешь, Пынчик, я всегда была такая... Я когда шла тан-

цевать с Капцаном, так все смотрели. Почему ты думаешь Люся так хорошо танцует, чтоб мне было за ее кости? Это папа ее хорошо танцевал. *(Стук в дверь.)* Ой, кто это?

З л о т а. Ой, это кажется ко мне заказчица...

Р а х и л ь *(кричит)*. Что значит заказчица, что ты не могла ей назначить на другой день? У Рузички свадьба, где ж ты ей будешь мерить?

З л о т а. Я никому не назначала, но может человек перепутать. *(Стук в дверь сильнее.)* Сейчас я открою, я посмотрю. *(Уходит.)*

Р а х и л ь. Ой, я имею от нее с ее заказчицами отрезанные годы. Когда-нибудь придет фининспектор и сделает меня несчастной. Перепишет всю мебель. *(В передней крик Злота.)* Ой, что такое, Злота... Вэй з мир...

Рахиль бежит к дверям, но раньше чем она успела подбежать, в дверь входит Сергей Бойко. Вид его страшен. Несмотря на мороз, он в одних трусах, длинных до колен, на нем нет даже майки. К голой своей груди он прижимает грудного младенца, закутанного в одеяло, и при этом постоянно монотонно кивает головой. Немая сцена.

П ы н ч и к. Это кто такой?

Р а х и л ь. Ах ты, сукин сын... Вот так как я держу руку, я тебе войду в лицо. Это один пьяница снизу... Ах ты, сукин сын, что ты ко мне пришел? Что тебе от меня надо? Это тут внизу живет Фаня, еврейка, так она замуж за этим пьяниц... Как он ее бьет, кричит ей "жидовка"... Ах ты, сукин сын, уйди, чтоб тебе не видать... И ребенок с собой принес... А где Фаня? Во время войны он ее прятал от немцев, а теперь он ей кричит: "жидовка"...

Р у з я: Эту Фаню тоже надо гнать... Она к нам приходит, жалуется на него, а потом идет вниз и кричит, что мы жида...

М и л я. Я его сейчас вытащу за шиворот.

М а к а р Е в г е н ь е в и ч. Так у него же шиворота нет, он же голый... Что, Сергей, до чертиков допился? Он, наверно, Фаню пришел искать. Здесь Фани нет, иди домой, Сергей, проспись... Чего ты головой все время киваешь, как контуженный?

Д у н я. Надо забрать у него ребенка, а то уронит. Ах, бесстыжий, в одних трусах по морозу бегать. Чего молчишь? Давай ребенка... Здесь Фани нету...

Сергей, продолжая кивать головой, отдает Дуне ребенка.

С е р г е й *(заикаясь)*. Тетя Дуня, Макар Евгеньевич, Рахиль Абрамовна... Фаня повесилась... Я просыпаюсь, она висит... Я Мишку взял и сюда пошел...

Р а х и л ь *(кричит)*. Ой, ой, ой!

Общий крик и замешательство.

Д у н я. Когда повесилась? Побежали, может спасти можно?

С е р г е й *(кивает все время головой)*. Нет... Холодная уже... Синяя...

С е р г е й. Зоя у Луши ночевала. Она не знает еще... Ой, она без матери не сможет... *(Кивает головой)*.

М а к а р Е в г е н ь е в и ч. Побежали быстрее, может, спасем... „Скорую“ надо...

С е р г е й *(плачет)*. Нет, синяя уже...

Д у н я. Пойдем, Сергей, пойдем...

Макар Евгеньевич, Сергей и Дуня с ребенком на руках уходят

П ы н ч и к. Я пойду, может, помочь надо...

Р а х и л ь. Пынчик, чтоб ты мне был здоров, без тебя обойдется... Так это должно было случиться в день Рузичкиной свадьбы. *(Плачет)*.

З л о т а *(плачет)*. Такая хорошая женщина была Фаня, такая молодая, такая красивая. Я ее помню совсем девочкой. При немцах выжила, а теперь повесилась. Боже мой, Боже мой, такая хорошая женщина. Она мне всегда говорила: здрастье, как ваше здоровье, тетя Злота...

Р а х и л ь. Так это должно было случиться на свадьбу моей Рузи. *(С улицы слышны крики и плач)*. Ой, Боже мой, Боже мой, это Зоя плачет. Раньше этот гой кричал Фане жи-

довская морда, а теперь он прибежал голый... Чтoб его убило деревом...

З л о т а (*плачет*). Зачем ты его проклинаешь? Он гой, но он отец двух детей. Он их теперь должен воспитывать. Боже мой, Боже мой, эта Фаня стоит мне перед глазами.

Р а х и л ь. Ой, майн мозел... Мое счастье... Люся, выключи пластинка, поломается проигрыватель.

М и л я (*Рахили*). Успокойтесь, мама, ничего нельзя поделать... Тем более, говорят, что покойник — это к добру... Значит, мы с Рузичкой будем счастливы...

З а н а в е с .

ДЕЙСТВИЕ ВТОРОЕ

Картина 4-я

В большой комнате сделаны перестановки. У окна стоит старая швейная машина с ножным приводом, перенесенная из спальни. Здесь же две железные койки, отчего комната стала теснее. Из спальни видна спинка новой никелированной кровати с шишечками. Исчезла тумбочка со стоящим на ней приемником "Рекорд", очевидно перенесенная в спальню. За столом сидят Виля и Люся и играют шашками в чапаевцев, то есть щелчком по своей шашке стараются вышибить с доски шашку противника. Рядом за столом сидит Сумер в зимнем пальто, в ушанке и спит, опустив голову на грудь. Тут же сидит Рахиль. Перед зеркалом Злота примеряет платье Быле, своей двоюродной сестре, черноволосой женщине лет 35-ти.

З л о т а (*поет*). Тира-ра-рой... Птичечка, пой... Тут будет встречная складка...

Р а х и л ь. Быля, ты ж меня знаешь, если я говорю, так это сказано. Рузя должна была избавиться от этого одесского вора еще два года назад... Чтoб ему сохла и болела каждая косточка...

З л о т а. Ай, Рухл, перестань проклинать...

Р а х и л ь. Вот, Быля, защитник. Если б не этот защитник, моя дочка давно б от него избавилась.

З л о т а (*сердито*). Это ты хотела, чтобы Рузя вышла замуж, я была против. Я сказала, Рузя должна кончить техникум.

Б ы л я. Злотка, не нервничай, Злотка...

Р а х и л ь. Кончать техникум... Разве это заметно, кончать техникум...

З л о т а. Да... Я очень правильная... Я Доня с правдой... Рузе тогда было семнадцать лет, а ты сказала, я не имею откуда ее содержать *(плачет)*.

Б ы л я. Злотка, не нервничай, Злотка...

Р а х и л ь. Быля, ты же знаешь, если я сказала, так это сказала. Ты Злоту не слушай. Рузя не хотел учиться, она имела одни двойки. Если б она хотела учиться, я б нашла, откуда ее содержать. Я б ела кусок хлеба с водой. *(Плачет.)*

Б ы л я. Рахилька, что можно сделать, Рахилька... Это еще не самое плохое... У людей бывает такое горе... Возьмите ваших соседей, Бронфенмахеров...

З л о т а. Ой, я не могу выдержать. Когда пришли и сказали, что на них наехала машин и разрешила Беба на кусочки, а Бронфенмахер лежит в больнице, я три дня плакала. *(Плачет)*. Как раз на первое мая... А уже декабрь...

Р а х и л ь. Ой, вэй з мир, Беба уже восемь месяцев лежит в земле... Я Беба и Бронфенмахера знала с 1926 года...

З л о т а *(кричит Рахили)*. Это ты их прокляла... Я Доня с правдой...

Р а х и л ь. Ну, Быля, так от нее можно выдержать... Если б моя сестра могла на меня сказать, что я Гитлер, так она бы это сказала... Тут два года назад, как раз на Рузичкиной свадьбе, в недобрый час повесилась Фаня Бойко... Так, если б Злота могла сказать, что я ее повесила, она б сказала.

Б ы л я. Да, я слышала, в городе говорили, в городе... Он ее прятал при немцах, не выдал ее, а потом он ее бил и кричал ей "жидовская морда", он ей кричал... Я слышала...

З л о т а. Ой, эта Фаня стоит мне перед глазами... И как этот гой прибежал поздно вечером голый по снегу и плакал...

Р а х и л ь. Вот так Миля должен бегать... Только без моей Рузи. Моя Рузя пусть будет жива и здорова, а Миля должен танцевать перделемешка...

З л о т а. Ах, ну она его ненавидит...

Л ю с я *(смеется)*. Сумер, перестань храпеть.

Рахиль. Это называется, что он пришел в гости к сестрам... Раньше этого не было. Вот так, Быля, он приходит иногда в семь часов утра, иногда вечером, когда у него есть время. Так одетый сядет, выпится у стола и уходит. Сумер, перестань храпеть...

Злота (*подходит и трогает Сумера за плечо*). Сумер, разденься, ляжь на диван. Ты же выйдешь на улицу и поступишься.

Сумер (*просыпается и кричит сердито*). Идите вы обе к черным годам... Чего вы меня трогаете...

Злота. Ой, взй з мир...

Рахиль. Вот вы имеете еще одного сумасшедшего.

Сумер. Если б этот сумасшедший не кормил вас в Средней Азии, вы бы все сдохли с голоду. Я их нашел в чайхана, когда их привезли. Они все сидели закутанные в тряпки, в старые одеяла. (*Смеется*).

Виля (*нервно кричит*). Ты и твоя Зина во время войны жрали булочки и шоколад.

Злота. Ша, Виля, ты не кричи...

Виля (*Злоте*). Сама заткнись...

Рахиль. Что ты скажешь, Быля... Хорошо, я рада... (*К Виле.*) Ты, сморкач, вот так как я держу руку, так я тебе войду в лицо.

Злота. Ша, Рахиль... Чуть что — я тебе дам, я тебе дам...

Рахиль. Ну, раз так, пусть он тебе сядет на голову, я ничего не скажу.

Виля разбрасывает шашки и идет на кухню, слышно, как он одевается.
Злота идет вслед.

Злота. Куда ты идешь, надо ведь ужинать.

Виля. Не твое дело, куда надо, туда иду. (*Выходит.*)

Рахиль. Пусть он идет, станет голодным, придет... Это второй Милечка растет... Несчастливая женщина, которая попадет к нему в руки...

Злота. Про своих детей так говори. Виля еще будет большой человек. Люди еще лопнут, глядя на него.

Быля. Здесь таки сумасшедший дом, здесь таки...

С у м е р. И они еще меня называют сумасшедшим. Я еще плохой. Если б я не кормил их в Средней Азии, они б все подошли с голоду.

Р а х и л ь *(Сумеру)*. Азой... Ты нас кормил? Быля, когда Злота была больная, он не дал ни копейки...

С у м е р. А кто ей купил швейную машинку? *(К Злоте.)* Кто тебе купил швейную машину... Человек должен сам себе зарабатывать...

На улице слышен смех, топот, два голоса, мужской и женский, затянули песню: "Наливайте мне да кружечку чаю, до свидания, да я въезжаю... И-и-и-и, да и ха-ха-ха, до свидания, да я въезжаю..."

Р а х и л ь *(смотрит в окно)*. Это Сергей Бойко со Стаськой... А, реформа на вас... Чтоб из десяти стал один...

На улице Бойко поет: "Азохен вэй, сказал еврей, куплю штаны за пять рублей".

Р а х и л ь. Как тебе нравится... Еврей азохен вэй *(становится на стул и кричит в форточку)*. Ты Гитлер, Гитлер!

С улицы слышен смех, и Стаська запела: "Оцен-дроцен, двадцать восемь, от а зекел бейнер..."

З л о т а *(Рахили)*. Что ты ему говоришь, Гитлер? Если ты ему скажешь, Гитлер, он тебе скажет жид.

Р а х и л ь. Ничего, это ты их боишься, а я их не боюсь... Реформа на них... Тут снизу живет Стаська, полячка, так она говорит по-еврейски... Я не люблю, когда гой говорит по-еврейски.

Б ы л я. Злотка, через три дня на примерку, через три дня?

З л о т а. Через три дня... Пока их нет, переоденься в спальне...

Р а х и л ь. Боже паси... Быля, чтоб ты мне была здорова, лучше на кухне переоденься. Потом Милечка скажет, что мы у него что-то взяли.

З л о т а. С тех пор, как они здесь живут, моим заказчицам негде переодеваться.

Б ы л я. А где они теперь?

Р а х и л ь. Они пошли в гости к его родителям. К Броне Михайловне и Григорию Хаимовичу. Дурное известие на их обоих: и на Броню Михайловну и на Григория Хаимовича... Плохой сон на них обоих... С тех пор, как была свадьба, уже два года назад, они, может, раза три здесь были... Очень хорошо... Как я на него не могу смотреть, так я на их лица не могу смотреть. Я их ненавижу, как паука на стене.

Б ы л я. Уже два года, уже два... Время летит... Моей Мэ-рочке уже полтора года... Тут как раз Пынчик был из Риги, когда я рожала...

Р а х и л ь. Боже паси, Быля, такого зятя, как Миля.

Б ы л я *(улыбается)*. Ну, пока Мэрочка вырастет, мне чтоб было за ее кости.

Р а х и л ь. Моя Рузя сама виновата. Когда я ее спросила: Рузя, но он тебе нравится, она мне ответила: ничего паренек... На Миля она говорит: ничего паренек... На Миля... Чтоб сейчас, когда он возвращается от своей мамы, пусть поломают обе ноги...

З л о т а. Ах, смотри на эти проклятия... Я была против их свадьба, а теперь я считаю, надо все сделать, чтоб было хорошо. Рузя скоро должна рожать, у ребенка должен быть отец. Мало в нашей семье сирот? *(Плачет.)*

Б ы л я. Злотка, не нервничай, Злотка. *(Уходит на кухню переодеваться. Злота идет за ней, вытирая глаза.)*

Р а х и л ь. Чуть что, она писяет глазами. *(К Сумеру, показывает на Люсю.)* Зато эта у меня тихая сладкая девочка. *(Целует Люсю.)*

С у м е р. Люся — вылитый Капцан из типографии, его не слышно было.

Р а х и л ь. У меня был муж — золото. Так надо было, чтоб его убило на фронт. *(Плачет.)* Если б он был жив, Рузичка никогда б не попала в плохие руки. Он имел бронь, так он сказал: я коммунист, я должен идти на фронт... Ах, Сумер, ты же помнишь, Капцан был хороший, но все годы я, а не он вела дом, я всегда больше зарабатывала. Что он имел — зарплата из типографии.

С у м е р. Давай-ка я пойду. У вас здесь кричат...

Р а х и л ь. Сиди, Сумер, ты ж только что зашел. Я хочу с тобой поговорить (*понизив голос*). Я при Быле не хочу говорить, будет знать весь город, она же сплетница.

Б ы л я (*заглядывает*). До свиданья, Рахиль, до свиданья, Сумер.

Р а х и л ь (*Быле*). Иди здоровая... Привет Йойне...

Б ы л я. Спасибо. (*Уходит.*)

Р а х и л ь. Как тебе нравится, Сумер, какая она большая у себя. Ходит и дует от себя.

З л о т а. Она всегда любит наговаривать на людей. Быля очень хорошая, я к ней ничего не имею.

С у м е р (*смеется*). Как раз попасть к Рухеле в рот...

Р а х и л ь. Беспokoйся про свой рот, беспokoйся... Конечно, мой муж лежит в земле, а она мадам Шнеур. Вся крупа и вся мука, и все жиры, и все, что есть хорошего в лагере военнопленных, так это у них дома. А сейчас, когда лагерь военнопленных ликвидируют, Йойна, говорят, получает назначение на вокзал, начальником ресторана. И буфеты у него будут по всей линии до Казатина. Там уже он будет иметь...

С у м е р (*смеется*). Рухеле, ты всегда завидовала чужим деньгам.

Р а х и л ь. Боже паси. Я завидовала только чужому счастью. Так с этим Милей, с этим негодяем меня должно было так поломать.

С у м е р. Мне пора идти. Если ты это мне хотела сказать, так это я уже слышал.

Р а х и л ь. Ах, брат называется. Ни о чем с ним нельзя посоветоваться.

З л о т а. Что-то Вили долго нет, я уже беспокоюсь.

Р а х и л ь. Никуда не денется твое сокровище, не волнуйся. Он еще тебе и мне сегодня даст пару дуль и скажет: дура, заткнись.

З л о т а. Ничего... Он хороший, только он слишком быстрый... Если б его мать и отец были живы, все было б по-другому... Я б жила с ними в Киев (*плачет*).

Р а х и л ь. Злота, дай чтоб отдохнули от тебя уши... Су-

мер, я имею от нее отрезанные годы.

С у м е р. Так ты будешь говорить, или я уйду.

Р а х и л ь. Ты помнишь, что я рассказывала тебе про мое несчастье, что залезли в магазин ко мне и украли продукты?

С у м е р. Ну, помню. Так ты же говорила, что уже все в порядке.

Р а х и л ь. Подожди, что я тебе скажу. У меня не может быть беспорядка... Что я воровка? Если мне надо что-нибудь взять, так они у меня могут знать, что темно в заднице (*смеется*). Перед реформа был как раз партактив по поводу работа с населением во время реформы... Так ты ж понимаешь, что на партактив завезли те еще продукты... Так залезли и взяли водка, колбаса, вино... Сахар не взяли, сукно тоже не взяли...

С у м е р. А воров поймали?

Р а х и л ь. Нет, их пока не поймали... Ничего... Мы закрылись на переучет... Пошел Фрум, ты знаешь Фрума?

С у м е р. А что, я не знаю Фрума? Мы еще были пацаны, так я его знал... Мы с ним писали в одну ямку (*смеется*).

З л о т а. Ты и Рахиль — два грубияна.

Р а х и л ь. Все у нее грубияны, только она хорошая.

С у м е р. Ты будешь рассказывать, или я пойду...

Р а х и л ь. Пошел Фрум, чтоб он ходил в последний раз, чтоб на него наехала машина и разрезала на кусочки, пошел Фрум и привел ОБХСС.

С у м е р. Ну он же обязан как заведующий.

Р а х и л ь. Ты слушай дальше. В тот день, когда было воровство, я торговала шестьдесят тысяч рублей. Ты же знаешь товарный учет. Деньги должны равняться товару.

С у м е р. Ну, дым шпыц... Конец.

Р а х и л ь. Когда Фрум, чтоб он ходил на костылях, привел ОБХСС, так мне говорят: сколько денег украли? Я говорю, деньги не взяли... Как вы знаете? Вот они... Я говорю — вот они... Вот деньги... А я взяла в тот вечер деньги домой и все дети у меня вместе со мной считали деньги... И Люся, и Виля, и Рузя... Вот здесь, за этим столом. Они думали, что деньги украли, а деньги есть.

С у м е р. Старые деньги?

Р а х и л ь. Конечно, старые... Это ж было перед реформой. А я ж не имела права столько торговать перед реформой. Была инструкция — перед реформой не торговать. Но если секретарь горкома Свинарец, и секретарь райкома, и прокурор, и работники горсовета набирали товар в долг на базе в течение длительного времени, и промтовары, и продукты, так они постарались перед реформой отдать долг старыми деньгами, чтоб не отдавать новыми... Ты меня понимаешь? Ой, Сумер, что я имела... Мильмана арестовали, это да.

С у м е р. Про Мильмана я знаю, он имеет четыре года.

Р а х и л ь. Но ко мне они прицепиться не смогли... Они ко мне прицепятся... Чтоб к их заднице черяки прицепились...

С у м е р. Так ведь хорошо.

Р а х и л ь. Подожди... На прошлой неделе меня вызывают в райком... Ты Комара знаешь, инструктора райкома партии?

С у м е р. Что я не знаю Комара? Он у нас в артели шил себе пальто, так он заказал из хорошего сукна, а заплатил за третий сорт.

Р а х и л ь. Болячки на него, чтоб он лежал парализованный... Так он меня вызывает и говорит мне: товарищ Капцан, у нас есть сведения, что вы получили из Америки от родственников пять посылок... Я ему говорю, товарищ Комар... Он меня перебивает: я не Комар, а Комар, ударение на о. Я про себя думаю, чтоб тебя уже гром ударил. Это я думаю, а говорю: товарищ Комар, я никаких посылок из Америки не получала. Я там никого не имею. Я только имею коммунистическое сердце... Хорошо я ему сказала?

С у м е р *(смеется)*. Почему нет? Ты хорошо сказала...

Р а х и л ь. Я говорю, здесь возле базара живет семья Капцан, но ко мне они никакого отношения не имеют, однофамильцы. Это они, наверно, получили посылки, вы проверьте. И что ты думаешь, это, действительно, так оно и есть. Почта дала в райком неправильные сведения. Фамилию назвала правильно, а имя-отчество перепутала.

Стук в дверь.

З л о т а. Это Виля идет, слава Богу.

Р а х и л ь. Ша, Злота, не спеши так. Я всегда боюсь, что она упадет.

З л о т а (*возвращается*). Это не Виля, это Бронфенмахер.

Р а х и л ь (*тихо*). Вот ты имеешь гостя в задницу.

Входит Бронфенмахер на костылях.

Б р о н ф е н м а х е р. Добрый вечер.

Р а х и л ь. Ой, когда я вижу его на костылях, я не могу жить. Я ж его знаю с двадцать пятого года, я его отца помню, они тогда жили на Малой Юридике. Хороший был еврей, красивый... Бронфенмахер, дай я помогу тебе сесть. (*Помогает ему, тот осторожно садится, ставит рядом костыли.*)

Б р о н ф е н м а х е р. Ничего... Гурнышт... Это оно есть... Азой идыс... Ну так, когда снимут гипс, я буду хромать... Но плохо тому, кто лежит в земле (*плачет*).

Р а х и л ь. Ой, взй з мир (*плачет*).

З л о т а. Беба стоит мне перед глазами (*плачет*).

С у м е р. Так ты на больничном, Бронфенмахер?

Б р о н ф е н м а х е р (*вытирает глаза платком*). Я совсем ушел из горкомхоза. Человек нужен, пока он здоров.

Р а х и л ь. У каждого свое горе... Ты хоть знаешь, на тебя и на Беба, пусть земля ей будет пух, наехала машина, а моя Рузя... Ой, Боже мой... Так она должна была попасть в руки этих Тайберов...

Б р о н ф е н м а х е р. Что я Тайберов не знаю... Это одесские воры... Они перед войной переехали в Бердичев, потому что на отца в Одессе готовилось дело.

Р а х и л ь. Воры хоть должны иметь деньги... Мне говорили, что у них много денег... Где же эти деньги? Раньше они работали на Лысой Горе в воинской части, теперь их оттуда выгнали... Так Миля пошел фотографом на завод "Прогресс", а сделалась реформа, так их деньги стали вообще извините за выражение...

Б р о н ф е н м а х е р. Ничего, пусть развяжут чулок, у них еще должны быть золотые пятерки от Николая... Как тебе нравится, Сумер, у Тайберов нету денег. Не смешите

меня... Другое дело, что это большие копеечники.

Рахиль. Ой, если б только копеечники *(плачет)*. Моя дочь не успела...

Бронфенмахер. Ты сама виновата. У меня для Рузи был хороший жених, товарищ моего сына, тоже инженер... Рузя жила бы в Москве.

Рахиль. Кто же знал, Бронфенмахер, что такое получится... Разве человек хочет себе плохо *(плачет)*.

Бронфенмахер. Зачем тебе было спешить с замужеством Рузи?

Злата. Рузя вышла замуж в семнадцать лет *(плачет)*.

Бронфенмахер *(к Рахили)*. Тебе самой, Рахиль, надо поспешить.

Рахиль. Мне? Куда мне спешить? Сумасшедший. Я уже свое отспешила *(смеется)*.

Бронфенмахер. Ты слышишь, Сумер, она уже отспешила. Сорок пять — баба ягодка опять.

Рахиль. Мне всего только сорок два *(смеется)*.

Люся *(смеется)*. Мама невеста, мама невеста...

Рахиль *(смеется)*. Они мне не позволяют... Дети...

Бронфенмахер. Вся жизнь строить на детях? Надо жить для себя тоже. Вот у меня в Москве сын, так я вижу, как он любит папу, который инвалид и ничего не может ему дать больше.

Сумер. А кто тебя обслуживает, Бронфенмахер?

Бронфенмахер. Тут одна женщина заходит, она каждый день едет из Семеновки в Бердичев мыть полы. Покупает то, что мне надо... Валя ее зовут.

Рахиль. Если она недорого берет, пришли ее ко мне. У меня сил нет мыть полы, а Рузя сейчас беременная, а Злата больная... Если бы был хороший зять, так он бы был хозяин в доме. А это пустое место. И он недоволен. Я устроила свадьба за свой счет, я им отдала ту комната с мебель, купила новую никелированную кровать, дала радиоприемник, простыни, наволочки. Что у меня было. Так он недоволен. Он хочет, чтобы мы перебрались в маленькая комната, а ему отдали большая *(сгибает локоть, выставляет его перед собой и уда-*

рвет себя ладонью по локтю). О, фын дым бейн... Из кости он может у меня иметь... И еще он говорит, что ему здесь скучно... Ему здесь скучно... Если ему здесь скучно, пусть полезет Пайдучеру в задницу...

С у м е р *(смеется)*. Люся, ты знаешь, кто такой Пайдучер? Это был знаменитый еврейский музыкант, он всегда играл веселую музыку.

Р а х и л ь *(смеется)*. Пусть полезет Пайдучеру в задницу. Он хочет у меня большую комнату...

З л о т а. Это не может быть... А где мне работать? А если ко мне приходят заказчицы?

Р а х и л ь. Ша, Злота, ты не кричи... Большую комнату он хочет у меня получить... Хочет, пусть делает губами.

Л ю с я *(открывает и закрывает рот, смеется)*. Мама, я делаю губами.

Р а х и л ь *(смеется, целует Люсю)*. Сладкая моя девочка... Хочет, пусть делает губами. Если я вижу какую-нибудь вкусную еду, но это не мое, я могу только делать губами.

Б р о н ф е н м а х е р *(смеется)*. Рахиль если скажет, так это сказано.

Р а х и л ь. Бронфенмахер, он кричит, что Рузя дает нам его деньги *(плачет)*. Чтоб он имел столько денег себе на похороны, сколько он нам дает *(стук в дверь)*.

З л о т а. Это Виля *(уходит и возвращается с Вилей)*.

Р а х и л ь *(плачет)*. Мои дети остались без отца *(показывает на Вилю)*. Этот парень остался круглый сирота, сын нашей покойной сестры... Так он нам дает...

З л о т а. Виля, будешь ужинать? Я сейчас нагрею котлеты с квасоля...

Р а х и л ь. Что у нас есть, это для детей... Сумер, помнишь, до революции, когда мама сварила суп из картошки, так у нас был веселый день... Но чужого мы не брали *(плачет, показывает на Злоту)*. Она такая больная...

З л о т а *(плачет)*. Я должна каждая копейка зарабатывать своими пальцами.

Р а х и л ь. Так он нам дает... Чтоб Бог дал ему болячку в лицо... Чтоб Бог дал ему кольку в бока... Чтоб упало дерево и

его покалечило... Чтоб наехала машина и разрезала его на кусочки... Я если проклинаяю человека, так это еще то проклятие...

Бронфенмахер *(начинает кашлять)*. Я пойду...

Рахиль. Куда ты спешишь, Бронфенмахер? Дай, я тебе помогу подняться.

Бронфенмахер. Ничего, ничего, я сам. *(встает, опираясь на костыли и выходит.)*

Злата *(всплескивает руками)*. В моей жизни...

Рахиль. Злата, что ты плещешь в ладони? Я хотела, так я так сказала... Ты думаешь, я не помню, как два года тому назад он хотел носить через моя кухня помой? Как он подбежал и стучал в стенка, чтоб поломать и сделать на моя кухня своя дверь... Ты думаешь, я не помню?

Сумер *(смеется)*. Но он же пришел, чтоб свататься к тебе...

Рахиль *(смеется)*. Мне нужен этот старый инвалид, чтоб он мне навонял в кровати... *(Стук в дверь.)* Ша, вот они уже идут... Чтоб было тихо, чтоб никто не отзывался...

Рахиль идет открывать. Входит Миля с упрямым крепким бритым затылком. Стрижен под бокс. Рузя беременная, с большим животом. Оба, ни слова не говоря, проходят через большую комнату к себе и закрывают дверь. Слышно, как они там шепчутся. Рахиль прикладывает палец к губам. Злата ставит перед Вилей тарелку и сама садится к столу со своей тарелкой.

Злата *(тихо)*. Виля, хочешь колбасу? *(Берет кусочек колбасы, приставляет к нему нож острой стороной, пальцем упирается на нож сверху и стучит ножом вместе с колбасой по столу)*.

Рахиль *(тихо)*. Ну я этого еще не видела, Сумер... Злата, что ты делаешь? Чтоб рубить колбасу как рубят сахар?

Злата. Как мне удобно, так я и делаю.

Рахиль. Люся, подвинься, дай им поужинать.

Сумер. Я пойду.

Злата. Сиди, куда ты спешишь? Хочешь колбасу?

Открывается дверь, на пороге появляется Миля, смотрит, как ужинают Злата и Виля.

М и л я. Я уже вижу, куда денежки мои идут... На кормление тетушки и племянника.

Р у з я *(сердито)*. Закрой дверь! *(Подходит, втаскивает Милю за руку и закрывает дверь.)*

Р а х и л ь. Ну, Сумер, ты слышал?

З л о т а. Ша, тихо...

Р а х и л ь. Что значит — тихо... Он нас кормит. Мы всю жизнь сами кормили своих детей... И Люся, и Рузя, и Виля...

М и л я *(резко открывает дверь)*. Дядя Сумер, вот вы из их семьи, скажите честно, у меня здесь жизнь? В этой комнатшке...

Р а х и л ь. Ну, другой у меня нет... Твоя мама богатая, а я бедная... Я вдова...

М и л я. Моя мама не богатая, она просто добрый человек, она гуманный человек... Если мы будем жить у нас, никогда к Рузе не будет такое отношение, как здесь ко мне... Здесь вообще невозможно жить... Тетушка, племянник, крики, скандалы...

Р а х и л ь. Кроме тебя, здесь никто не кричит.

М и л я. Вы слышите, дядя Сумер, кроме меня здесь никто не кричит... Скажите честно, разве здесь у меня жизнь?

С у м е р. Он-таки прав.

М и л я *(Рахили)*. Вот ваш родной брат со мной согласен.

Р а х и л ь. Что ты говоришь, Сумер? Он прав? Он нас кормит?

С у м е р. Когда я служил при Николае, так один солдат сказал на другого, что тот съел его порцию каши... Тогда унтер велел тому сесть на параша и как скомандовал: "Надуйсь!" и тот-таки сделал больше, чем от одной порции каши. *(Смеется.)*

М и л я. Ваши семейные анекдотики мне надоели *(кричит)*. Я вам не мальчишка, который учится в седьмом классе... Я вам не мальчишка!

В и л я. Заткнись!

М и л я *(заходит в комнату)*. Я тебе дам, заткнись, сопляк... Я тебе так дам, что месяц лечиться будешь...

Р а х и л ь *(загораживает дорогу к Виле)*. Миля, если ты

тронешь сирота, так что у меня есть в руке, я тебе дам по голове.

Рузя *(кричит)*. Миля, иди сюда!

Сумер. Дай-ка я уйду. *(Встает и быстро уходит.)*

Миля. Видишь, Рузя, даже их родной брат не выдерживает... В общем, так. Я здесь жить больше не могу... Одзвайся, пойдем к моим родителям, будем жить там... *(Гаснет свет.)*

Рахиль. Вот как раз электричество потухло. Это знак, что Рузе никуда не надо идти. Она беременная, куда она пойдет *(выглядывает на улицу)*. На всей улице темно. Только в военном доме есть свет. Сволочи, эта электростанция, то она дает свет, то выключает. Злота, где свечи?

Злота. На кухне, за печкой.

Миля. Одевайся, Рузя.

Рахиль *(входит с зажженной свечой)*. Куда она пойдет беременная, в темноту... Ты хочешь, иди... Тому, кому тесно, тот уходит...

Миля *(к Рахили)*. Я не с вами разговариваю.

Рахиль. Я с тобой тоже меньше всего хочу говорить... Рузя, ложись спать, уже поздно.

Миля. Рузя, так я ухожу...

Рузя. Иди, иди *(кричит)*, иди!

Миля молча одевается, проходит через большую комнату и в передней сильно хлопает дверью.

Рахиль. А чтоб ему стучало в голове, как он хлопнул дверь... Давайте ложиться спать, света нету, надо спать... А он пусть идет, но чтоб он туда не дошел и назад не вернулся. Виля, ну-ка положи книгу, у меня нет откуда платить за свечи... Надо спать... Злота, стели... *(Продолжает говорить все время, пока стелится постель.)* Пусть он идет... Ребенка мы сами воспитаем... Когда я спросила на свадьбе: Рузичка, но он тебе нравится? Она говорит: ничего паренек... На Милечку она говорит: ничего паренек... Почему он не сдох до того дня, как я его узнала?

Рузя *(из соседней комнаты)*. Мама, замолчи.

Р а х и л ь. Теперь она говорит, замолчи, а тогда она сказала: ничего паренек... Если б она хорошо училась в техникум... Я б ее так рано не выдала замуж... Но она ж была двоюродница...

Р у з я *(кричит из соседней комнаты).* Мама, замолчи, слышишь!

Р а х и л ь. Что ты кричишь? Я тебя боюсь?

З л о т а. Рухл, дай спать. Ты ж сама говорила, что пора спать.

Р а х и л ь. Пора спать... Как-будто я могу спать... Ему здесь скучно... Пусть залезет Пайдуцеру в задницу... Он хочет — пусть делает губами...

Р у з я *(кричит).* Мама, замолчи! *(Выбегает босиком в рубашке, садится на пол и начинает бить себя кулаками в беременный живот, кричит.)* Замолчи, замолчи, замолчи! *(Кричит в такт ударам кулаками в живот.)*

Пытается схватить Рузю за руки. Между ними борьба. Люся начинает плакать. Все мечутся в белье по темной комнате.

Р а х и л ь *(кричит).* Злота, зажги свечу... Свечка на кухне... Ой, она бьет себя кулаками в живот...

В и л я. Не надо, Рузья... Я за тебя, я за тебя...

З л о т а. Ой, мне плохо... *(Идет на кухню.)*

Р а х и л ь. Рузья, не бей себя *(слышен звук рвущейся материи).* Ой, она порвала на мне рубашка! Ой, она порвала на мне рубашка! Ой, она порвала на мне рубашка! Ой, она порвала на мне рубашка!

З л о т а *(кричит на кухне).* Свечка упала у меня из рук... Ой, пожар, пожар!

Р а х и л ь. Гволт! Пожар!

Отсвет дрожащего на кухне пламени освещает комнату. Виля хватается с тумбочки какое-то одеяло и бежит с ним на кухню.

В и л я. Сейчас я наброшу одеяло на огонь, сейчас потушу... Ой... *(На кухне еще большая вспышка огня.)*

З л о т а *(кричит).* Вата горит! В одеяло была завернута вата... Я не могу жить... Пожар... Гволт!

Рахиль. Пожар! Сы брент! (*Люся плачет. Рузя сидит молча на полу. Сильный стук в дверь.*) Подождите открывать, я в порванной рубашке.

На кухне слышна суета и голоса соседей. Рузя быстро уходит к себе и закрывает двери. Появляется Бронфенмахер. Он в кальсонах, валенках, телогрейке. Прыгает на костылях.

Бронфенмахер. Я думал, у вас убийство.

Рахиль (*в пальто поверх белья*). У нас пожар... Мальчик бросил одеяло на огонь, а там была Злотина вата, что ей принесли заказчики...

Бронфенмахер. Разве можно так кричать? Пожар, значит, надо тушить. Вот уже потушили... Вот горелая вата валяется, соберите...

Рахиль (*садится на стул, начинает громко плакать*). Ой, у нас пожар, ой, у нас пожар, ой, у нас пожар...

Люся (*плачет*). Мама, не надо...

Бронфенмахер (*Виля*). Мальчик, дай своей тете воды, чтоб она успокоилась. Уже ночь, люди должны спать.

Виля приносит воду, Рахиль пьет и затихает, сидя на стуле. Рядом с ней сидит Злота, держась за сердце. В тишине и полумраке ползет занавес.

Картина 5-я

В большой комнате опять перестановки. Очевидно, недавно был ремонт. Под потолком новая люстра, железные койки исчезли, нет старого продавленного дивана, в углу трехстворчатое зеркало. Рядом со старым буфетом новый зеркальный шкаф, книжный шкаф, на котором по-прежнему старый гипсовый бюст Ленина. Осень. Там, где был огражденный колючей проволокой пустырь, теперь двухэтажное здание в духе архитектуры 50-х годов, закрывающее перспективу, так что за ним виден только верх водонапорной башни в центре города. Рахиль сидит за столом а очках, перед ней счеты, на которых она перебрасывает костяшки и что-то записывает. Тут же куча накладных. За столом спит Сумер в кепке и синем китайском плаще. Злота примеряет перед зеркалом платье жене полковника Делева.

Злота (*поет*). Тира-ра-рой, птичечка, пой... Поднимите

руку... Не тянет?

Д е л е в а. Нет, хорошо.

Р а х и л ь *(снимает очки)*. Товарищ Делева, что ваш муж говорит насчет венгерские события? Все-таки он большой человек, Герой Советского Союза, хоть у него нет один глаз.

Д е л е в а. Глаз он под Кенигсбергом потерял.

Р а х и л ь. Ах, чтоб эти контрреволюционеры уже голову потеряли... Я говорю, была такая война, ваш муж потерял глаз, а мой муж потерял жизнь... В нашей семье столько убитых... Так теперь в Венгрии контрреволюционеры должны такое вытворять... И эта Надя, Надя... Там что, женщина — главный враг народа?

Д е л е в а *(смеется)*. Имре Надь... Это мужчина.

Р а х и л ь. Мужчина? Что-то у них все наоборот.

З л о т а. Уже, наверно, будут присылать посылки из Венгрии.

Р а х и л ь. Вот, пожалуйста, она скажет. Причем тут посылки, когда убивают людей... Столько честных коммунистов убили, столько чекистов убили...

З л о т а. Когда началась польская война в тридцать девятом году, так присылали посылки. Хорошие польские материалы мне заказчики приносили... Креп-гранат, креп-жоржет... И после этой войны тоже присылали посылки из Германии...

Д е л е в а. Ну, войной это назвать нельзя, но жертвы есть.

Р а х и л ь. Вы говорите, есть много жертв? Я сегодня смотрела газеты, как лежат убитые люди и как нож торчит во рту и рядом разбитый портрет Ленина... Что я не понимаю? Я с 28-го года в партии... И, говорят, среди бердичевских военных есть убитые...

Д е л е в а. Полковника Вшиволдина вчера привезли... Завтра хоронить будут.

Р а х и л ь. Я ж его знала, мы виделись на партконференции... Такой человек... Ой, Боже мой, Боже мой... Злата, это ж твоей заказчицы муж...

З л о т а. Вшиволдина? Ой, я не могу жить...

Д е л е в а. Какой-то мальчишка его в Будапеште застрелил.

З л о т а. Ой, я не могу жить...

Д е л е в а. Весь гарнизон по тревоге подняли, как раз кино было... Думали, учебная тревога, а как выдали каски, гранаты, боевые патроны, сразу заскучали.

З л о т а. Ой, я не могу жить... Когда стало немного легче, так опять началась война...

Д е л е в а. Ну, войной это нельзя назвать, скорее контрреволюционный путч.

Р а х и л ь. Как вы сказали? Пуч? А я вам скажу в чем дело (*понижает голос*). Во всем виноват этот кукурузник. Сначала ездили по всему миру эти Хрущев и Булганин, а теперь сидят дома и не знают, что делать. Сталин никуда не ездил, но у него был порядок. Говорят, культ, культ, а он у меня висит (*показывает на портрет Сталина в кабинете*). Взяли и демобилизовали старых полковников, что они-таки давали польза...

Д е л е в а. Это верно. Наш знакомый полковник Маматюк вполне мог бы еще служить, а его в отставку.

Р а х и л ь. Что я не знаю Маматюка? Товарищ Маматюк теперь на сахарном заводе работает. Его жена всегда со мной здороваается...

Сумер начинает храпеть.

З л о т а. Сумер, разденься, ляжь на тахта.

С у м е р (*сквозь сон*). Ай, чепе мех нýt... Не трогай меня...

Д е л е в а (*смеется*). Да, есть такие мужчины, я тоже знаю таких...

Р а х и л ь. Нет, он раньше таким не был. Ну я вам скажу, уже годы... Я сама устала... Вот должна дома делать отчет.

Д е л е в а. А сколько вам до пенсии?

Р а х и л ь. Я еще должна поработать четыре года... Как раз моя младшая дочка кончит пединститут. Она в Житомире учится. Отличница... Мы хотели поступать в Винницу в мед... Но не приняли... Ладно... Так она будет учительница, а не доктор...

Делева. Она замужем?

Рахиль. У нее есть один... Он сам из Житомира. Тут у нее было много женихов, но она никого не хотела (*с улицы вбегают двое мальчишек-подростков и начинают со смехом гоняться друг за другом*). Тут у Люси много было, но она никого не хотела. (*К мальчишкам, кричит*). Марик и Гарик! Это старшей моей дочки Рузички дети.

Делева. Они близнецы?

Рахиль (*смеется*). Нет, этот старше... Скажи тете как тебя зовут.

Марик (*хохочет*). Звать — разорвать, фамилия — лопнуть.

Рахиль (*смеется*). Это Марик... А тот Гарик... Чтоб мне было за их кости.

Злота. Один второго старше на год.

Марик (*запрокидывает голову, закрывает глаза и открывает рот*). Я жертва венгерской контрреволюции (*хохочет*).

Делева. Как тебе не стыдно, над чем ты смеешься... Ты пионер или комсомолец?

Рахиль (*Марику*). Вот я маме скажу, так она тебя так налупит, что задница красная будет.

Марик. А в чем дело?

Гарик. В шляпе.

Марик. А шляпа?

Гарик. На папе...

Рахиль (*смеется*). Ну, бандиты. Что вы скажете, товарищ Делева?

Гарик (*толкает Сумера*). Сумер проснись, дай на мороженое.

Сумер (*просыпается*). Иди к своему папе проси...

Рахиль. Вы уже уроки выучили? Выучите, я вам дам... От папы они дождутся... Я дам... Ты же знаешь, что если баба сказала, так это сказано...

Гарик. Я выучил... Часть речи, которая упала с печи и ударилась об пол, называется глагол (*хохочет*).

Рахиль. Я тебе дам такие слова говорить при постороннем человеке..

М а р и к *(Рахили)*. Заткнись, баба... Закрой пасть...

Р а х и л ь. Я тебе дам — заткнись... Вот так, как я держу руку, так я тебе войду в лицо... Собака такая... Я маме скажу... *(Марик и Гарик убегают)*. Теперешние дети разбалованные, у них все есть. Мои дети, если имели кусок хлеба, так они были рады. Вы ж помните, товарищ Делева, как было после войны. Но мои дети никогда мне плохого слова не сказали. Ни Люся, ни Рузя, и здесь жил у нас племянник, что он теперь на Урал... Никогда плохого слова не сказали... Боже паси!

Сумер *(проснувшись, улыбается)*. Это как раз так, она права...

Р а х и л ь. Вот брат мой подтвердит... Ни Рузя, ни Люся, ни Виля никогда мне плохого слова не сказали.

Д е л е в а. Да, теперь дети балованные растут, в роскоши. А дочка с вами живет?

Р а х и л ь. Нет, она живет с родителями мужа, но дети все время здесь. И они тоже часто здесь бывают. Оба они работают на заводе "Прогресс", так им на обед далеко идти домой. Так они варят обед здесь и на перерыв приходят сюда. Что мать не сделает ради своего ребенка? Вот Миля скоро должен придти сюда обедать, у них на заводе в час начинается перерыв.

Д е л е в а *(смотрит на часы)*. Ой, уже скоро час, мне пора... Когда на примерку, Злота Абрамовна?

З л о т а. Через три дня, *(Провожает Делеву, та переодевается в соседней комнате и уходит.)*

Р а х и л ь *(одевает очки и считает, потом снимает очки, говорит тихо)*. А как тебе нравится Виля?

С у м е р. Где он сейчас?

Р а х и л ь. Где-то Нижний Тагил. Ай, он никогда человеком не был. Но нельзя сказать, Злота кричит... Да, кончил, так работай, женись... Нет, он бросил работа... По-моему, он вообще не работает, где-то ездит... Ой, боже мой, что мне про него думать, у меня есть свои дети... Но Злота переживает... Она такая больная, послала ему посылку.

З л о т а *(входит из кухни, кричит)*. Думаешь, я глухая?

Сумер, она рвет от меня куски... А ты своим детям не посылаешь, что они устроены и в тепле... Ты Люсе посылаешь каждую неделю, а я Виле тоже пошлю, когда смогу... А Рузе ты не даешь? Ты ей дала мебель и купила ковер, и кормишь ее детей, а я за ними убираю и варю Рузин обед...

Рахиль. Злота, чтоб ты таки стала немая и глухая, как ты кричишь.

Злота (*Рахили*). Чтоб тебе самой рот набок вывернуло, если ты на Вилю плохо говоришь. (*Плачет.*) Люди еще лопнут, когда посмотрят на него... Он будет большой человек.

Рахиль. Да, большой человек он будет... Пусть он хотя бы женился и имел собственную крышу (*плачет*).

Злота. Когда он прошлый год приехал такой худой и бледный, как мертвец, я неделю плакала (*плачет*). Ой, там Рузин суп кипит.

Рахиль (*Злоте*). Сиди, я сама посмотрю... Слышишь, Сумер, мы еще должны варить Миле обед и убирать за ним, за этот подлец... Ему далеко от работы ехать домой, что ты скажешь... Миле далеко, он на диете... Сытит им вэй дер бух... Ему живот болит... Сейчас я посмотрю суп, и я тебе расскажу про Милю, так ты будешь смеяться. (*Уходит на кухню.*)

Злота (*Сумеру тихо*). Она рвет от меня куски... Чтоб я не посылала Виле посылки... Что я ему посылаю? Немного перетопленного сала, коржики... Ему так плохо (*плачет*).

Сумер. Ай, что ты Рухеле не знаешь?

Рахиль (*возвращается из кухни*). Слышишь, Сумер, Миля прошлой зимой ехал в Кисловодск лечить живот. Так он там жил в одной комнате с несколькими гоем. Так ночью, чтоб не выходить на холод, он себе имел бутылочку и он туда писял... Эр от гепышт ин дым флешеле... (*Смеется*). Ты ж понимаешь, Сумер, гоем любят, когда при них писяют в бутылочку... Он думает, что это он здесь садился на ведро, так можно было задохнуться...

Злота (*смеется*). Но он и Рахиль друг друга ненавидят.

Рахиль (*смеется*). Так когда эти гоем увидели, что он писяет в бутылочку, они взяли его вещи и выбросили их на

улицу... Так он быстро приехал назад... Но почему он не попал под паровоз, когда он ехал назад...

З л о т а. Зачем ты так говоришь? Он отец двух детей...

Р а х и л ь. Отец... Хороший отец... Храбрец большой... Ты знаешь, что он подал заявление, чтоб ехать как доброволец воевать против Израиль... Он же знает, что его не возьмут, так он подал, чтоб заслужить авторитет... Хороший коммунистический доброволец с язвой желудка.

С у м е р. А что, принимают такие заявления? Куда же он подал?

Р а х и л ь. В военкомат, как офицер запас... Ты, Сумер, как будто на небе живешь... Ты что не читаешь... Ты что, не читаешь газеты, что сейчас делается в Венгрии, какая там контрреволюция... Так надо, чтоб евреи тоже выступили... Эти сионисты... Иделе-как... Так был митинг на завод "Прогресс" два дня назад, и молодежь, комсомольцы, коммунисты начали подавать заявления, чтоб ехать добровольно защищать Египет от сионистов... Это не только в Бердичеве, это по всему Союзу, так Миля тоже подал заявление. Ой, Рузя переживает, она так плачет. А я ей говорю, кто его возьмет, кому он нужен? Когда была та война, так он был на Урале... Мой муж таки погиб на фронт, а он был на Урале. Я говорю, Рузя, что ты волнуешься про Милю, он никуда не поедет. Туда, где стреляют, он не идет.

З л о т а. Ой, Сумер, ты знал Вшиволдина? Его жена была моя заказчица.

Р а х и л ь. *(перебивает)*. Так его убили в Венгрии... Сыцицы им гоешер шейгец ын от им дараргет... Подбежал в Будапеште гоешер пацан, его убил... Как тебе это нравится... А я слышала, за то, что евреи напали на Египет, арабы в Израиль устроили такие погромы на евреев, что дым шел... А я рада... Гит... Пусть сидят тихо... Иделе-как...

С у м е р. Ой, Рухеле, ди быст клиг зейве ман бобес циг... Ты умная, как моей бабушки коза...

Р а х и л ь. Ничего, зорг сех... Беспокойся про мой ум... Вбегают Марик и Гарик.

Г а р и к. Сумер, дай три рубля на мороженое.

С у м е р. Я тебе уже давал... Теперь я дам Марику.

Сумер достает мешок килограмма на два, в котором хозяйки держат крупу, и вытаскивает из битком набитого мешка пачки денег, дает три рубля Марику.

Р а х и л ь. Сумер, что это за мешок с деньгами у тебя?

С у м е р *(смеется)*. Ты что, не видела мешок с деньгами, ты думаешь, что это мои? Это из артели выручка. Но когда я его беру домой, так я его должен прятать... Если Зина хочет идти на базар и видит у меня этот мешок, так она су-ет туда руку и сколько денег может набрать в кулак, столько берет *(смеется)*.

М а р и к *(смеется)*. Чем торгуешь?

Г а р и к *(смеется)*. Мокрым рисом.

М а р и к. Чем страдаешь?

Г а р и к. Сифилисом.

Р а х и л ь. Вот как я держу руку, так я обоим войду в лицо.

М а р и к. На... *(дает Рахили дулю)*.

Р а х и л ь. Чтоб тебе рука отсохла...

З л о т а. Смотри на эти проклятия... Баба так может про-клинить своих внуков?

Р а х и л ь. Хорошие внуки... Милечкины дети... Детей на-до иметь? Камни надо иметь.

Г а р и к. Баба, закрой пасть...

Р а х и л ь. Подожди, я маме скажу, она вам морду по-бьет..

З л о т а. Ой, я не могу видеть, когда Рузя их начинает бить.

Р а х и л ь. Подожди, я маме скажу.

Г а р и к. Баба, заткнись...

М а р и к. А в чем дело?

Г а р и к. В шляпе.

М а р и к. А шляпа?

Г а р и к. На папе.

М а р и к. А папа?

Г а р и к. На маме.

Р а х и л ь. Ах ты, сволочь, какие слова говоришь... Я тебе дам мама на папа...

М а р и к *(хохочет)*. А мама?

Г а р и к *(хохочет)*. На диване.

М а р и к. А диван?

Г а р и к. В магазине.

Р а х и л ь. Уйди, чтоб тебе не видеть.

М а р и к. А магазин?

Г а р и к. В Берлине.

З л о т а *(Гарик)*. Марик, не прыгай в лицо.

Г а р и к *(хохочет)*. Я Гарик, а ты Злота, заткнись.

М а р и к. А Берлин?

Г а р и к. В Европе.

М а р и к. А Европа?

Р а х и л ь *(встает)*. Уйди, чтоб тебе не видеть...

Гарик и Марик, хохоча, бегают вокруг стола.

Г а р и к *(кричит, хохочет)*. А Европа в жо... в жо... Жолудь зеленый...

М а р и к *(поет, бежит вокруг стола)*. Я сегодня был в садок, соловей мне сел на бок, я хотел его поймать, он удрал к Бениной матери...

Р а х и л ь. Ну, что ты скажешь, Сумер? *(Смеется.)* Одесские воры... Этот младший типичный зейделе... Это дедушка, Григорий Хаимович... А это Милечка с костями... Это отец... Милечка...

М а р и к. Заткнись!

Г а р и к. Закрой пасть... *(Убегают.)*

Р а х и л ь. Ну что ты скажешь, Сумер? Потом Рузя имеет ко мне претензии, что они здесь во дворе учатся от хулиганов. У нас таки жуткий двор. Тут есть Колька Дрыбчик и Витька Лаундя, как тебе нравятся эти имена? Так сколько есть тюрем, они уже в них были... А тут внизу есть Стаська, полячка, так она ночует теперь на чердаке... И соседи имеют ко мне претензии, что я ее пускаю на чердак... Как я ее не пушу? Чтоб она мне разбила окна. Вызовите участкового и не пускайте ее сами.

З л о т а. Ой, эта Стаська мне так жалко.

Р а х и л ь. Отц а клоц... Ей жалко... Эта Стаська завербовалась на Донбасс, получила подъемные и уехала. Так в ее комнату поселили другую семью. А теперь она приехала, она удрала оттуда, но комнаты нету. Так она ночует на чердаке. Когда холодно, так она лежит возле труб.

С у м е р. Что мне эта Стаська? Ты лучше про Люсю расскажи. Она таки выходит замуж?

З л о т а. Я скажу... Я Доня с правдой... Рахиль ее держала возле себя, а всех, с кем она ходила, выгоняла.

Р а х и л ь. А что ж, мне нужен второй Милечка?

З л о т а. А теперь Люся поехала учиться в Житомир и сразу там познакомилась с парень.

Р а х и л ь. Его фамилия Лейбензон... Петя Лейбензон. На Октябрьские они уже должны были расписаться. Так Рузя сказала...

З л о т а. Какая Рузя?

Р а х и л ь. То есть Люся... Так Люся сказала, что она не хочет брать фамилию Лейбензон, она хочет быть Капцан. Тогда Петя говорит, если тебе не нравится моя фамилия, так значит я тебе тоже не нравлюсь. В общем, они поругались. А теперь они уже опять помирились.

С у м е р. Но он тебе нравится?

Р а х и л ь. Ой, кто может знать. Так ничего парень, но он некрасивый... Большой нос...

З л о т а. Я не люблю, когда так говорят... Он тебе должен нравится? Он должен нравится Люсе.

С у м е р. А какая у него специальность?

Р а х и л ь. Он по истории... Кончил во Львов университет... Но пока работает физкультурником по баскетбол... Ты ж понимаешь, а ид... Еврей, так он не может устроиться по истории...

З л о т а *(возле окна)*. Вот Миля уже идет на обед с каким-то товарищ

С у м е р *(встает)*. Я ухожу. Я не хочу его видеть... Я к нему ничего не имею. Он обыкновенный солдат по характе-

ру... Простой солдат. Он должен кушать кашу из котелка, а ты ему варишь куриный суп.

Р а х и л ь. Что ты скажешь, Сумер? Мало того, что мы его должны обслуживать, так он еще товарища ведет. Отраву чтоб он ел, чтоб его вырвало кровью...

З л о т а. Ах, Боже мой, Боже мой, что ты его так проклинаешь. Он нехороший, но он отец двух детей.

Р а х и л ь. Давай-ка я тоже выйду, мне надо вынести ведро.

З л о т а. Рухл, убери свои бумаги со стола. Мне ведь надо им дать обед *(одевает передник)*.

Р а х и л ь *(убирает бумаги и счеты)*. Я б ему дала обедать помои. Чтоб его уже черви ели.

Уходит с Сумером. Злота суетится на кухне, гремит посудой. Входит Миля. Он несколько постарел, но по-прежнему стрижен под бокс. Молча проходит мимо Злоты, не поздоровавшись, ставит на стол бутылку водки, две банки овощных консервов, колбасу. Злота осторожно переступает вывернутыми от плоскостопия ногами, держа обеими руками полную тарелку супа, ставит этот суп перед Милей.

М и л я *(сердито глядя на Злоту)*. Вы мне обед не подавайте: Я сам себе возьму. Мне противно, когда вы мне подаете. У вас всегда пальцы в супе вымазаны.

Хватает тарелку супа и уносит ее назад на кухню. Злота молча подымает руки к голове и торопливо уходит к себе в комнату.

М и л я *(открывает балконную дверь, кричит)*. Толик, сюда... Во двор и на второй этаж по деревянной лестнице... Ну, хорошо, я тебя встречу. *(Уходит. Приходит Рахиль, гремя пустым ведром.)*

Р а х и л ь. Он привел сюда какого-то пьяницу, я его видела во дворе, возле туалета. Я Рузе скажу. Привести в дом пьяницу...

З л о т а. Бог чтоб спас. Ты хочешь крики. Мне Миля сказал: вы мне не подавайте, мне противно, когда вы мне подаете.

Рахиль. Болячка ему в лицо. Я Рузе скажу.

Злата. Ты хочешь, чтоб тут было убийство... Я тебя прошу ша, вот они идут... Давай немного выйдем на балкон, я сейчас одену платок.

Входит Миля, ведя за плечи выпившего мужчину спортивного вида.

Миля. Толя, ты легко нашел?

Толя. Туалет? Запросто. Только он у вас весь в поносе. *(Хохочет)*. Анекдот слышал: один пьяный спрашивает у другого пьяного — почему у тебя журчит, а у меня нет? Тот отвечает — потому что ты писаешь на панель, а я на твою шинель *(Хохочет. Видит Рахиль и Злоту, которые проходят на балкон.)* Здравсьте, девушки *(Рахиль и Злата проходят мимо)*.

Миля *(тихо)*. Не обращай внимания... Две обезьяны...

Толя. Хороший был митинг на заводе против израильской агрессии... Макзаник хорошо выступил из отдела технической информации.

Миля. Борис? Это из нашего отдела. Я не знаю, почему над ним смеются, почему говорят, что он сумасшедший. Этот город, одни сплетники. Беркоград.

Толя. Беркоград. *(Смеется, разливает водку.)* А приятно, когда еврей все-таки за Советскую власть... В защиту Египта. Макзаник хорошо выступил. Я, говорит, советский гражданин, готов плечом к плечу со своим арабским братом... Хорошо... Ну, пошли... *(Чокаются, выпивают.)*

Миля *(торопливо грызет колбасу)*. Над этим Макзаником в городе все время смеются. Сами идиоты, а смеются над хорошим парнем. Кричат ему: Пушкин, Пушкин... Ну и что, если он пишет стихи? У него-таки есть неплохие стихи. Вот сегодняшняя многотиражка „Прогрессовец“. Смотри карикатуры и стихи Макзаника к ним... „От священных основ ленинизма рушатся стены капитализма. От пролетариата всего мира мечутся с тисках железных банкиры...“ Смотри, молотом по шляпе *(хохочет)*, клещами за горло.

Т о л я. Это кабачковая икра?

М и л я. Хорошая икра.

Т о л я. Я раньше за команду житомирского "Динамо" играл, левым крайком. Крепко я по краю тянул. А потом нас вместо черной икры начали кабачковой кормить. Я говорю: какая икра, такая игра (*хохочет*). Выпьем...

Чокаются, выпивают, Толя целует Милю. С балкона в свою комнату проходят Рахиль и Злата.

Р а х и л ь (*Злоте, тихо*). А гой, а хозер...

Т о л я. Миша, что она сказала?

М и л я. Не обращай внимания.

Т о л я. Она меня выругала. Что такое гой, я понимаю. Сказать на русского гой, все равно, что сказать на еврея жид... Нехорошо так, мамаша, у нас все нации равные.

М и л я. Не обращай внимания на этих старух, они уже отжили свое.

Р а х и л ь (*из соседней комнаты*). Я еще тебя переживу.

З л о т а. Рухл, ша...

Т о л я (*смеется*). А мне нравится, боевая мамаша... А вот ты мне скажи, что товарищ Дзержинский чекистам советовал?

М и л я. Что? Быть преданным своей родине.

Т о л я. Быть преданным родине... Что это пионеры или школьники, чтоб им детские советы давать? Товарищ Дзержинский чекистам советовал: берегите нервы... берегите нервы... Я когда за житомирское "Динамо" играл, наш тренер всегда перед игрой нам говорил: что товарищ Дзержинский чекистам советовал? Берегите нервы... Но ты не обижайся, ты молодец, записался добровольцем...

Р а х и л ь (*из соседней комнаты*). Хороший доброволец... Туда, где стреляют, он не идет...

З л о т а. Рухл, ша...

Т о л я (*целует Милю*). Молодец...

Р а х и л ь. Ман тухес ин дер мытен... Моя задница посередине...

Т о л я (*жует колбасу*). И Макзаник хорошо сказал... Плечом к плечу...

М и л я. Стихи он хорошие на митинге прочитал, свои стихи из многотиражки... Здорово он написал о палестинском мальчишке, в сердце которого целит сионистский штык... Я, Борис Макзаник, прикрою тебя, мальчик...

Т о л я. Он прикроет... Мы пахали, но плуга не видали, мы стояли на подножке и толкали паровоз... Борис Макзаник прикроет... Русский солдат, вот кто прикроет... Что Суворов говорил? Где олень не пройдет, там русский солдат пройдет. Кто Европу от Гитлера прикрыл? А какая нам благодарность... Венгерская контрреволюция голову подняла... Мне друг рассказывал... Подъехали на танке — выходи... Стреляют... Дали раз из пушки — вышли... Мал мала-меньше, пацанва... Эх, правильно маршал Жуков говорил: закрасить все страны народной демократии в красный цвет.

М и л я. Ничего. Есть Киевский обком партии, есть Житомирский обком, есть, к примеру, Новосибирский обком... Когда-нибудь еще будет существовать Палестинский обком партии.

Т о л я. Во главе с товарищем Тайбером... Твоя фамилия Тайбер? Миша, ты только не обижайся...

М и л я. Я не обижаюсь... Найдется поумней меня человек в Палестинский обком.

Т о л я. Миша, я тебе честно по-русски сказал: выступил ты правильно, а стихи — дерьмо...

М и л я. Так это ж не мои стихи, это стихи Макзаника Бориса.

Т о л я *(хохочет)*. Писать на стенах туалетов, увы, мой друг, немудрено, Среди дерьма мы все поэты, среди поэтов мы дерьмо... *(Хохочет)*. Вот я тебе лучше про Хас-Булата прочитаю... Или спою... Вот это толковые стихи *(начинает петь)*: Хас-Булат удалой, бедна сакля твоя... *(Замолкает, сидит некоторое время молча.)* А дальше как? Ты не знаешь, Миша?

М и л я. Нет...

Т о л я. Как же так, я ведь вчера эту песню весь вечер пел...

М и л я. Толя, ты не расстраивайся, я тебе другую песню

спою *(начинает петь)* :

Когда немцы на Бердичев наступали,
В Биробиджане был переворот,
И жиды с чемоданами бежали,
И кричали: "За Родину, вперед!" *(Смеется.)*

Р а х и л ь *(из соседней комнаты)*. Ды цейн зол дир аройс...
Чтоб тебе зубы выскочили...

З л о т а. Рухл, ша...

Т о л я. Мамаша опять нас ругает... Может, пойдём?

М и л я. Сиди, сиди, не обращай внимания, я тебе сейчас
мясо принесу... *(Уходит и возвращается с мясом.)*

Т о л я. Свинина? Ничего. Но я больше вареную свинину
люблю... Как говорил один знакомый белорус: сварыл.
Сало обрззал и в холодильник.

М и л я. Я тоже сало люблю, но мне нельзя.

Т о л я. Брось, плюнь на докторов *(поет)*. Закаляйся, ес-
ли хочешь быть здоров, постарайся позабыть про докторов...

М и л я *(подхватывает)*. Водой холодной обливайся, если
хочешь быть здоров...

Т о л я. Чуть приморозит, пойдём на реку. Я тут секцию
моржей организую, купанье в ледяной воде. Лучше любого
курорта, про все болезни забудешь.

М и л я. Да, эти курорты... Я в прошлом году был в Кисло-
водске, так я оттуда раньше срока убежал.

Р а х и л ь *(из соседней комнаты)*. Конечно... Аз мы
пышт ин флешеле, ыз а гитер курорт... Если писяешь в бу-
тылочку, так хороший курорт *(смеется)*.

З л о т а. Рухл, ша...

М и л я. Что-то Рузя задерживается... Рузя должна прийти...

Т о л я. Ладно, пора уже... Мне что-то опять хочется *(хо-
хочет.)*

М и л я. Проводить тебя?

Т о л я. Сам найду... Я тебе только по секрету... *(громко
говорит на ухо, почти кричит на ухо)*; скоро Израиллю крыш-
ка, поставят со всех сторон "катуши"... Понял? Все самолё-
ты, которые им американцы дали, уже сбиты... Там новые ле-
тают... И их собьём...

М и л я. Ну ты, Толя, иди. Я тебя сейчас догоню.

Т о л я *(встает, шатаясь, идет и поет)*. В огонь и дым стальным ударом, грозой зовут тебя недаром. Я брюки хочу купить... Третий рост, шестое место... *(Выходит)*.

М и л я *(поворачивается в сторону соседней комнаты)*. Что вы все время говорите: гой, гой. Вам же не нравится, когда вас зовут жид. Что ж вы других зовете гой? Он вам правильно сказал: все нации одинаковы. Главное, какой человек.

Р а х и л ь. Что ты меня учишь политику партии ы в национальный вопрос. Я член партии с 28-го года.

М и л я. Гнать надо таких из партии.

Р а х и л ь. Таких, как ты, надо гнать. У тебя стаж три года, ты еще в яслях. А ну-ка, зайдем в горком к Свиначу, кого больше уважают? Ты думаешь, если ты выступил сегодня на митинге против сионистов, так ты уже большой человек. Мы, старые коммунисты, еще 25 – 30 лет назад боролись против сионизм...

З л о т а. Рухл, ша... Я тебя прошу...

Т о л я *(с улицы)*. Миша! Миша! *(Поет.)* Мишка, Мишка, где твоя улыбка, полная задора и огня. Самая нелепая ошибка, то, что ты уходишь от меня.

Р а х и л ь. Вот иди, тебя твой пьяница зовет.

М и л я. Это не ваше дело. Вы не стоите мизинца этого человека... Старая карга...

Р а х и л ь. Чтоб ты не дожил до моих лет... Ну, до моих лет тебе десять лет осталось. Ты ведь уже старый...

Т о л я *(с улицы. Поет.)* Мишка, Мишка, где твоя улыбка, полная червонцев и рублей. Самая нелепая ошибка то, что ты по паспорту еврей. *(Хочочет. Кричит.)* Мишка, давай быстрей...

М и л я *(Рахили)*. Не хочется с вами заводиться *(быстро уходит, хлопая дверью.)*.

Р а х и л ь. А чтоб тебе ударило в голове, как ты бросил дверь... Он думает, что это ему 47-й год, когда он бросил Рузя, беременная Мариком... Поэтому Марик такой прибитый... Злота, ты помнишь, как Рузя себя била кулаками в

живот? Она Марика прибила в животе...

З л о т а. Я не понимаю, зачем тебе надо спориться? Уже было немного тише...

Р а х и л ь. Тебя я не спрашиваю, это ты его боишься... Она ему дает суп, он ей говорит, вы мне противны. Привел сюда алкоголик, поют здесь...

З л о т а. Как-писяют на жесьть, так они пели (*смеется*).

Р а х и л ь. Чтоб им зубы вылезли...

З л о т а (*смотрит в окно*). Ша, вот они идут назад, зайдем-ка к себе.

Р а х и л ь. Опять мыт дым гой?

З л о т а. Нет, гоя не видно... Только Миля и Рузя...

Входит Рузя и ведет Милю, который держится обеими руками за глаз.

Р у з я. Сволочь, этот Толя, ударил Милю в глаз... Сядь (*кричит*). Пусти руки, надо посмотреть, может кровоизлияние... Надо в поликлинику...

М и л я (*морщится от боли, кричит*). Лучше намочи быстрее в холодную воду полотенце.

Р у з я (Рахили) Я иду, я вижу, этот Толя, этот алкоголик, лежит на земле, а Миля его поднимает. Зачем он тебе был нужен? Зачем ты его поднимал?

М и л я. Зачем, зачем... Я его поднимал. чтоб он не лежал на сырой земле... Можно быть умным... Раз он со мной пришел, значит, я за него отвечаю... Пусть он будет свиньей...

Р у з я. Пусть бы он сдох там, зачем ты его поднимал? Он его поднимает, а тот не хочет подниматься... Тогда Миля его силой хотел поднять, а он вдруг при мне ударил Милю в глаз... Чтоб ему рука покорчило... Он его ударил в глаз... Чтоб этому гою рука отсохла...

Р а х и л ь. Ну что же я могу сделать... Бывает...

М и л я (*кричит Рузе*). С кем ты разговариваешь? Кому ты рассказываешь? Почему мы вообще ходим сюда, почему здесь торчат дети? Что у нас дома нет? Чтоб они больше сюда не смели ходить, в этот хулиганский двор к Дрыбчикам и Лаундям...

Р у з я. Миля, не кричи...

М и л я. Не кричи... Ты намочишь полотенце или я ослепну...

Рузя уходит на кухню. Вбегает Гарик, за ним гонится Марик.

Р у з я (с мокрым полотенцем в руках). Что? Что такое... Марик, Марик. (Марик догоняет Гарика и ударяет его. Гарик плачет.)

З л о т а. Ах, боже мой, я не могу жить...

Р у з я. Ты чего его бьешь? (Ударяет Марика, Марик плачет.)

З л о т а. Боже мой...

Р а х и л ь. Злота, ша...

М а р и к (плачет, Гарику). Я тебя убью!

Г а р и к. Козел... Казлык...

Р у з я (Гарику). Ты чего его дразнишь? (Ударяет Гарика, тот плачет.) Это из-за тебя все дети Марика дразнят. Ты его назвал козел и вся улица его зовет козел.

М а р и к (плачет). Я его сейчас убью!

Р у з я (не пускает Марика к Гарику). Тише, Марик... Замолчи, Гарик... Вы что, не видите, что папа заболел... Папа упал, ударился...

М и л я (держит полотенце у глаза). Вот я сейчас обоим так дам, что их надо будет водой отливать... Почему вы сюда ходите? У вас своего дома нет? Я вам запрещаю сюда ходить...

Р а х и л ь. Я их не заставляю. Наверное, им здесь больше нравится.

М и л я. Больше нравится... Они здесь окончательно распустились... Ну-ка, немедленно домой.

Р а х и л ь. Пусть идут... Тому, кому тесно, тот уходит... Баба с воза, коням легче..

М и л я. Ты идешь, Рузя? Марик и Гарик, ну-ка, домой... (Выходят с детьми).

Р у з я (Рахили). Мама, что ты ехидничаешь? Что ты радуешься чужому горю?

Р а х и л ь. Зачем мне думать про чужое горе, у меня свое есть...

Р у з я. Мама, ты всегда была людоед... *(Выходит, сильно хлопнув дверью.)*

Р а х и л ь. В голове чтоб тебе стучало, как ты бросила дверь...

З л о т а. Ах, боже мой, разве так говорят на свою дочку?

Р а х и л ь. Дочка... Хорошая дочка... Когда я ее на свадьбе спросила, ну, Рузя, он тебе нравится? Она ответила: ничего паренек... Ничего паренек... Миля ничего паренек... Угробила свою жизнь и мою жизнь... Я людоед... Пусть я буду людоед. Они ж хотели жить у его мамы, пусть там живут. Мне сейчас меньше всего надо про них думать, мне надо про Люсю думать, она студентка... Да... *(подходит к столу.)* Набросали и убирай за ними... Я людоед... Рузя наверно думает, что это сорок седьмой год, когда она порвала на мне рубашку *(вместе с Злотой убирает грязные тарелки)*. Но этот гой стоит миллионы. *(Смеется.)* Чтоб этому Толе никогда рука не болела за то, что он Миле вошел в лицо... *(Убирают объедки, грязную посуду.)*

З а н а в е с

Картина 6-я

Часть бульвара в центре Бердичева. У входа на бульвар гранитный обелиск и горит "вечный огонь". У "вечного огня" два пионера с учебными автоматами. Вдали крыши домов, шпиль церкви и над всем — водонапорная башня. Через бульвар — лозунг-транспарант: "Привет ветеранам Бердичевской дивизии. 1944—1969 гг.". И второй лозунг: "Да здравствует 9-е мая — День Победы". Теплый солнечный день, на каштанах бульвара свежая майская листва. Бульвар полон пожилыми людьми, бряцающими орденами и медалями, и прочей празднично одетой публикой. Слышна музыка. Среди гуляющих Рахиль и Злота. Рахиль сильно постарела, Злота постарела меньше, выглядит почти так же, как и тринадцать лет назад, но двигается еле-еле, опираясь на руку Рахили.

Р а х и л ь. Ну, Злота, как ты себя чувствуешь?

З л о т а. "Ой, что-то мне кружится голова. Зачем ты меня вытащила? Лучше б я сейчас сидела себе на балкон."

Рахиль. Злота, ты делаешь уже свои номерочки? Ты ведь сама хотела идти...

Злота. Я хотела, но у меня нет здоровья. Дай Бог, чтоб мне конец был хороший... *(Всхлипывает)*. Я раньше так хорошо ходила.

Рахиль. Ша, Злота, люди ведь смотрят... Чтоб ты онемела... Вот она сейчас сделает мне праздник... Ну, сядь на скамейку, давай посидим. Хорошая скамейка. *(садятся.)* Отсюда мы всех будем видеть.

У обелиска выступает культмассовик.

Культмассовик. Товарищи, сейчас наш заводской поэт Борис Макзаник, инженер отдела технической информации, прочтет свои стихи, посвященные Бердичевской дивизии.

Рахиль *(Злоте)*. Как тебе нравится, Макзаника называли инженер. Какой он инженер, он же машиностроительный техникум кончил.

Злота. Я к Макзанику ничего не имею. Он, когда меня видит, всегда говорит: здарсьте, тетя Злота, и всегда про Вилю спрашивает, как он.

Макзаник *(читает)*.

Приказом Сталина ты возвеличена,
Сияет солнце на орденах,
Моя дивизия у стен Бердичева
Себя прославила в грозных боях...
(Аплодисменты).

Рахиль. О, вот же его тоте и моме... Йойна Макзаник и Соня Макзаник. Смотрите, как они радуются, что их сын выступает... А ыц ин паравоз... Духота в паравозе. *(Проходит низкорослый, лысый мужчина с медалями и орденом Красной Звезды и маленькая, подслеповатая пожилая женщина.)* Смотри, как они радуются, как будто их сын работает в ЦК.

Злота. Ты радуешься за своих детей, так и они радуются. Я не люблю, когда говорят...

Рахиль. Здравствуй, Макзаник, здравствуй, Соня. Ну, как хорошо ваш сын выступает.

Макзаник. О, Рахиль. Поздравляю с праздником. Главное, чтоб войны не было.

С о н я М а к з а н и к. Народ не допустит... Народ не допустит... *(смеется. Народ проходит к обелиску.)*

Р а х и л ь. Народ не допустит... Что ты скажешь? *(Всхлипывает.)* Но мой муж таки лежит в земле, а этот Макзаник был политруком в госпитале, а теперь ходит по бульвару с медалями... У меня тоже медали *(показывает себе на грудь, где висят две медали)*. Макзаник теперь тоже человек. Кто он такой? Он сторож на заводе „Прогресс“. Стоит в проходной.

З л о т а. Йойна Макзаник имеет образование. До войны, когда я работала в артель, когда начались эти большие налоги и я ушла в артель, так Макзаник у нас читал лекции о международном положении на еврейском языке.

Р а х и л ь. Это я помню. Он был инструктором райкома партии. Но когда он начинал лекцию, он не мог ее закончить *(смеется)*. По-еврейски он читал хорошо, но когда он хотел сказать что-то по-русски, так он не мог... Он хотел сказать про положение Китая и Германии, так он сказал: „Катай Германия, Германия в положении“. *(Смеется.)*

З л о т а *(тоже смеется)*. Вот идет Йойна и Быля... Йойна Шнеур...

Р а х и л ь. Смотри, какую он одел шляпу. Его шляпа держит меня в Бердичеве. А Быля идет и дует от себя. Конечно, если ее муж заведует буфетами на железной дороге, то можно быть большой у себя.

З л о т а. Я Былю очень люблю...

Р а х и л ь. Сейчас я их позову и ты сможешь наговорить на меня.

З л о т а. Я еще такого человека, как ты, не видела.

Подходят Быля и Йойна. Он в орденах и медалях.

Й о й н а. С праздником. *(Здоровается с Рахилью и Злотой за руку)*.

Б ы л я. Злотка, ты вышла немного на бульвар, Злотка?.. Слава Богу... Надо немного проветриться...

Р а х и л ь. Она вышла... Это я ее вывела. Так она уже устроила мне концерт, почему я ее вывела. Ой, Быля, я имею от нее отрезанные годы.

З л о т а. Ну, она любит на меня наговаривать. Мне кружится голова.

Р а х и л ь. Ой, что я от нее имею. На прошлой неделе, после майских праздников, когда стало тепло, она мне говорит: я хочу в баню... Гит, ты хочешь, идем... Пока мы раздевались, все было хорошо. Но как только мы разделись и вошли в самую баню, ну, уже где моются, как она села и все... И ей плохо...

З л о т а. *(сердито)*. Это какой-то жид не вир... Да, мне стало плохо... Этот пар, эта духота, эти голые женщины...

Р а х и л ь. А что ж ты хотела? Ты ж пошла в баню *(смеется)*.

Б ы л я. В нашей бане здоровому человеку может стать плохо, может стать... А Злотка ведь сердечница...

З л о т а. Я такая больная, еле живу...

Р а х и л ь. В общем, я должна была взять ее на руки как ребенка, зейве а кынд, и вынести из бани *(смеется)*.

З л о т а. Хороший смех, я могла там кончиться. Я такая больная...

Р а х и л ь. Я тоже больная и все-таки я хожу и таскаю такие сумки на лестницы... Ой, Быля, с тех пор, как я на пенсии, я особенно тяжело работаю.

З л о т а. Кто тебе виноват, что ты едешь каждую неделю в Житомир и таскаешь там сумки с продуктами. Ей нельзя. У нее астма, но что можно сделать, она такая...

Р а х и л ь. А как же... Это ж мои дети... У Люсиньки после родов что-то с желчный пузырь... Ой, горе... Когда она родила Алла, так ей сказали, что больше рожать нельзя... А Петя хотел еще ребенок, он хотел мальчик, так родилась Эллада... Чтоб мне было за каждую их косточку...

Й о й н а. А сколько младшей?

Р а х и л ь. Ладушке... Ей уже три года, чтоб все, что должно быть плохого у нее, было б мне... Как она поет песня про колокольчик и вот так делает ручками *(показывает ладонями)*. Дилинь-дилинь... Ой, чтоб мне было за нее... А Алла тоже хорошая девочка, учится музыке. Она хочет быть балерина.

Ну, Люся тоже красиво танцевала. Это у нее от папы. Ой, папа... Когда наступает День победы, я всегда плачу *(плачет)*.

Й о й н а. А как зять?

Р а х и л ь *(вытирает глаза)*. Зять ничего, Петя ничего... Он Люсю любит. Он считает, что она самая красивая. Люся в Житомир пользуется большой авторитет. Есть полковник, есть врачи, есть один, что он работает в юстиции, есть подполковники. Все они уважают Люсю. Но Петя всех их ревнует. Он говорит: моя жена самая красивая... Ну, все-таки Люся учительница по математике, чтоб мне было за ее кости...

Б ы л я. Рахилька, а к тебе он хорошо относится, к тебе он?

Р а х и л ь. Ко мне? Ничего... Он только сказал: теща, когда вы у нас жили, у нас ушло много картошка. *(Смеется)*.. Ты ж понимаешь, я оставила там всю свою пенсию...

Б ы л я. А как Рузя?

Р а х и л ь. Ничего. Они живут у его мамы. Отец умер, Григорий Хаймович... Ничего... Умер, так на здоровье... Ребята большие... Марик в армии, Гарик тоже должен быть в армии, но он получил отсрочку по болезни. Ой, сколько мы переживали, когда прошлый год, в август месяц, началась эта война в Чехословакии. Рузя чуть с ума не сошла. Марик ведь в Чехословакии.

Б ы л я. Я знаю. Моя Мэра переписывается с ним. Слава Богу, он работает телефонистом и в таком месте, где не очень опасно.

Й о й н а. Кто боится пыли, грязи, приходите в роту связи.

З л о т а. Мэра уже большая девочка. Ой, я помню, как ты была беременна. Мэра ведь с Мариком однолетки.

Р а х и л ь. Извините, Марик моложе на год, извините... Ой, когда его послали в Чехословакию, я неделю не могла спать. А про Рузю я уже не говорю. Мне за нее болит сердце. Ты думаешь, ей там легко жить с его мамой, в этих маленьких комнатках?

З л о т а. Ты знаешь, Быля, к чему она это ведет? Чтоб они назад к нам перебрались... Этого не может быть... Дус кем ныйд зан...

Рахиль. Азой... Я тебя буду спрашивать... Это ведь мой ребенок... Я им отдам большую комнату, а мы с Злотой будем в маленькой. Что нам не хватит? Люся имеет, слава Богу, хорошую квартиру в Житомире, а Рузю я хочу обеспечить.

Злота. Ты уж забыла, как вы дрались, когда жили вместе... Я Дonya с правдой. Когда вы жили вместе, было убийство. Я с ним не спорилась, это ты с ним спорилась.

Рахиль. Он должен лежать парализованный. Я не про него думаю, я про дочь мою думаю. Броня Михайловна ее там съедает.

Злота. Это Миля хочет сделать ради Брони Михайловны, ради своей мамы, чтоб две комнаты поменять на одну в центре, против башни. Чоб они перебрались к нам в большую комнату, а квартиру поменять. Это не может быть. А если ко мне приходят заказчицы?

Рахиль. Ничего, придут заказчицы, так они будут с нами в маленькой комнате... Что ты скажешь, Быля? Рузя мой ребенок, не так ли, Йойна? Что ты скажешь?

Йойна. Рахиль права. Дочка это дочка.

Рахиль. Я им всю свою жизнь отдала. Я свою жизнь ради них потеряла. Я после Капцана осталась вдовой в тридцать семь лет.

Йойна. Вот это ты напрасно сделала. Кстати, ты знаешь, Исак Бронфенмахер приехал.

Рахиль. Что ты говоришь?

Быля. И как приехал, на своей машине из Москвы... На "Волге"... Вместе с женой. Он ведь там женился, взял жену с большими деньгами.

Рахиль. Ничего... У меня никогда не было больших денег, я всю жизнь работала, чтоб иметь лишнюю копейку для детей.

Злота. Сколько ж его жене лет?

Быля. Шестьдесят. А ему шестьдесят пять.

Злота. А как ее зовут?

Быля. Вера Эфраимовна.

Рахиль. Она Вера Эфраимовна, а я у себя Рахиль Абрамовна.

Б ы л я. Фамилия ее Овечкис. Очень хорошая женщина. Ей шестьдесят, но выглядит она на сорок пять, красиво одевается, туфли на шпильках, как девушка. И брат с ней приехал, научный работник.

З л о т а. Наш Виля еще когда-нибудь будет научный работник.

Р а х и л ь. О, вот ты имеешь. Кто бы что ни сказал, она с Вилей.

Б ы л я. Как у него?

Р а х и л ь. Ничего... Тяжело... Ой, цурес... Ой, горе...

Б ы л я. Он не женился?

Р а х и л ь. Нет... Ой, горе...

З л о т а (*сердито*). Что за горе... Он должен учиться.

Р а х и л ь. До скольких же лет учатся?

Й о й н а. Вечный студент (*смеется*).

Р а х и л ь. Да, вечный студент. Что ты скажешь, Йойна? А? Лишь бы она посылает ему посылки.

З л о т а. Это не твое дело... Ты своим детям все отдаешь, ты Рузе хочешь отдать большую комнату, и Петины родители построили им с Люся квартиру, а я не могу послать посылку с перетопленным салом? Я не твое посылаю.

Р а х и л ь. Ша, Злота, не кричи... С ней же нельзя начинать... Ой, я от нее не могу выдержать.

З л о т а. Она хочет быть надо мной хозяйкой. Она хочет меня взять себе под ноги.

Р а х и л ь. Ша, Злота, сегодня же праздник, День Победы. Может, ради праздника мои уши от тебя отдохнут

Мимо проходит с песней группа молодежи.

Б ы л я. Вот же Мэра пошла, вот же... Мэра, подойди сюда, поздоровайся с Рахилькой и с Злоткой, поздоровайся... Она наверно не услышала. Молодежь, им весело.

Р а х и л ь. Пусть им будет весело. Ничего. Мы со Злотой обойдемся без ее здрастье.

З л о т а. Я еще такого человека не видела.

Б ы л я. Рахилька, чтоб ты мне была здорова, вечно ты недовольна, вечно ты...

Рахиль. Чего мне быть довольной, если все ходят с медалями по бульвару, а мой муж лежит в земле где-то под Харьков.

Быля. Только он один лежит?

Рахиль. Мне от этого не легче.

Йойна *(смотрит на часы)*. Ну, пойдем, Быля. У нас возле башни встреча с Исаком Бронфенмахером.

Быля. Мы еще увидимся. *(Они идут дальше)*.

Рахиль *(смотрит им вслед)*. А если нет, так тоже не страшно.

Злота. Боже мой, Боже мой... Как мухи в уборной, так ты шумишь...

Рахиль. Ша, Злота, закрой пасть... Мне нужна эта Былочка... Ходит и дует от себя. А Йойна в шляпе. Если б не его шляпа, я б давно уехала из Бердичева. Его шляпа держит меня в Бердичеве... *(Смеется)*. Ты ж понимаешь, ее Мэра переписывается с Мариком... Рузе как раз нужна для Марика такая жена, как Мэра...

Злота. Что ты смеешься над Мэрой? Она учится в зубо-врачебный институт, она будет зубной врач.

Рахиль. В институте она учится? В Житомирском училище по зубным протезам она учится. Зубной техник. Быля ее устроила, чтоб она имела золото... Хорошо она прошла мимо и даже не поздоровалась... Так мне кисло в заднице... Ты ее видела? Разве это Мэра? Это петух *(смеется)*. Одно горло, а больше ничего ни спереди, ни сзади...

Мимо навеселе проходят ветераны.

Первый ветеран. Самая легкая деталь танка весит 64 килограмма.

Второй ветеран. А ты обмотки носил?

Третий ветеран. На фронте мы раз в пять дней если... Газы распирают... Просто схватишься за живот и по земле катаешься.

Первый ветеран. Из-за живота я раз чуть к немцам не попал. Во время отступления приступ аппендицита. Санитар подбегает: ты ранен? Нет, живот болит. Ах, живот, ну, это ерунда, сам иди. А меня скорчило, идти не могу.

Проходят ветераны, среди которых полковник Маматюк и полковник Делев без глаза, со звездой Героя. Рядом с ними жены. Увидав Злоту и Рахиль, Делева поздоровалась.

З л о т а (*кричит*). Мадам Делева, вам завтра можно на примерка.

Р а х и л ь. Ты уже совсем сумасшедшая. Какая мадам, если она член партии, а ее муж Герой Советского Союза. И что ты кричишь, чтоб все знали про твою работу. Чтоб тебе рот скривило, как ты кричишь.

З л о т а. Ой, ой, я не могу жить...

Р а х и л ь. Тише, немая и глухая чтоб ты стала. Люди смотрят. Еще схватись за свои косичечки, начни танцевать перделамешке.

Проходят четвертый и пятый ветераны.

Ч е т в е р т ы й в е т е р а н. Израиль насыпал стену песку перед окопами. Но наши огненный луч применили...

П я т ы й в е т е р а н. Я положительно относился к еврейскому вопросу, пока не узнал, как после революции евреи разрушали русские церкви. Каганович руководил. Ворошилов Климентий Ефремович, как узнал, к Сталину кинулся. Сталин Кагановича вызвал, тот ему глаза замазал... Знаешь, они умеют.

Ветераны поют: "Непобедимая и легендарная, в боях познавшая радость побед..."

К у л ь т м а с с о в и к. Товарищи, на этот мотив наш заводской поэт Борис Макзаник сочинил новый текст... Песня называется "Марш Бердичевской дивизии" (*поет*). "Приказом Сталина ты возвеличена, сияет слава на орденах, моя дивизия у стен Бердичева себя прославила в грозных боях".

Милиционер ведет Кольку Дрыбчика.

К о л ь к а (*поет*). Братцы, за що я воював. Тільки спрыгнув я в окопу, навернули мэнэ...

М и л и ц и о н е р. Я тебе наверну...

К о л ь к а (*хохочет*). Три часа без памяти лежав... Я здесь хочу идти...

М и л и ц и о н е р. Пойдешь куда положено.

К о л ь к а (*вырвался*). Здравствуйте, Рахиль Абрамовна, здравствуйте, Злата Абрамовна. (*Милиционер хватает его и уводит.*)

З л о т а. Ой, я так спугалась...

Р а х и л ь. Испугалась, держись спереди... Он поздоровался, что ты испугалась? Даже Колька поздоровался, а Мэра прошла мимо.

Проходит группа комсомольцев в униформе защитного цвета, которые поют: "Когда суровый час войны настанет, и нас в атаку партия пошлет..."

П о л к о в н и к М а м а т ю к (*кричит, покраснев, дергая головой*). Неправильно поют. Надо петь: "Тогда нас в бой пошлет товарищ Сталин и первый маршал в бой нас поведет..." Почему слова переделали?

Ж е н а М а м а т ю к а. Идем, Харлампий, идем. (*Уводит его.*)

По бульвару идет Бронфенмахер, сильно поседевший. Одет он постоличному. Рядом с ним полная молодящаяся старуха с крашеными волосами и мужчина средних лет в очках.

Р а х и л ь. Злата, вот же Бронфенмахер. А это, наверное, его жена. Смотри, как они одеты, как большие профессора (*кричит*). Бронфенмахер!

З л о т а. Ша, что ты так кричишь?

Р а х и л ь (*кричит*). Бронфенмахер!

Б р о н ф е н м а х е р. Ой, это же Луцкая... (*Подходит, целуется с Рахилью и Злотой*). Ты, Рахиль, потолстела... А Злата не изменилась... Ты потолстела...

Р а х и л ь. Старость.

Б р о н ф е н м а х е р. Я тоже так говорил, пока не женился. Познакомься, это моя жена.

В е р а Э ф р а и м о в н а. Овечкис Вера Эфраимовна.

Рахиль. Луцкая Рахиль Абрамовна. А это моя сестра Злота.

Злота. Я Злота Абрамовна *(смеется)*. Я тоже у себя большая.

Бронфенмахер. Молодец, Злота Абрамовна. Вы же старше Рахили на семь лет, а выглядите моложе.

Злота *(обиженно)*. Почему я старше? Я еще хочу жить.

Бронфенмахер. Живите до ста лет, я просто помню, что вы девяносто восьмого года, а Рахиль — пятого.

Злота *(обиженно)*. Зачем считать чужие годы.

Рахиль. Вот пожалуйста... Ой, Бронфенмахер, я железная, что я от нее выдерживаю.

Вера Эфреимовна. Злота Абрамовна права, если она выглядит молодо, значит, она молодая.

Злота. Правильно, я не считаю себя бабушкой *(смеется)*.

Бронфенмахер. Когда человеку хорошо на душе, он всегда молодой. Как вы тут живете? Как дети?

Рахиль. Дети уже имеют детей, чтоб мне было за их кости. У Рузи двое мальчиков, так это золото, а у Люси двое девочек, так это бриллианты.

Бронфенмахер. А как они живут?

Рахиль. Замечательно... Рузя в Бердичеве, а Люся в Житомире.

Бронфенмахер. А как ваш брат Сумер? Где он?

Рахиль *(вздыхает)*. Где Сумер... Сумер в тюрьме...

Бронфенмахер. Что вы говорите... И по какой статье?

Рахиль. Не за воровство. Ты же знаешь, Бронфенмахер, что вором он никогда не был. У нас в семье это не принято. Мы всегда жили бедно, но честно. Когда до революции наша покойная мама сварила суп из картошки, так у нас был веселый день.

Злота. Что ты рассказываешь? Что мы были нищими? Какие булки мама пекла.

Рахиль. Булки мама пекла на Пасху. А сколько раз она ставила в печку горшки, налитые водой, чтоб соседи думали, что у нас варится обед, чтоб мне было столько радостных известий... Но ворами мы не были, Боже паси...

Бронфенмахер. За что же все-таки сидит Сумер?

Рахиль. За халатность.

Овечкис. Плохо спрятал *(смеется)*.

Рахиль. Зачем вы так говорите, извините, не знаю кто вы?

Вера Эфраимовна. Он шутит. Это мой брат.

Бронфенмахер. Извините, совсем забыл познакомиться. Это брат Веры Эфраимовны, научный работник. А это Рахиль Абрамовна и Злота Абрамовна.

Овечкис. Овечкис Авнер Эфраимович.

Рахиль. Товарищ Овечкис, наш брат всегда работал на ответственной работе, он всегда был заведующий, но государственную копейку он никогда не брал.

Бронфенмахер. Как же все-таки получилось?

Рахиль. Зашел один, чтоб он ходил на костылях, и заказал себе в артели у Сумера, чтоб ему уже заказывали гроб, этому гою, заказал костюм... Так ему костюм испортили... Бывает. Так он написал в газету и была проверка и Сумеру дали три года... Ему еще три месяца сидеть... В прошлом году он заболел *(плачет)*. Еще хорошо, что здесь знакомые, так его на час привезли домой, чтоб никто не знал... С конвойным... Его сначала хотели отправить под Винницу, но, слава Богу, он тут на сахарном заводе... Ты думаешь, это так просто?

Бронфенмахер. Я понимаю.

Рахиль *(плачет)*. Все деньги, которые были, уже ушли. Мы помогаем чем можем, но у меня самой нету и у нее нет.

Овечкис. Не расстраивайтесь, три месяца не такой уж большой срок, тем более здесь, в Бердичеве. Люди сидели в Сибири по 17—20 лет в концлагерях... Здесь у вас, в Бердичеве, как я заметил, вообще любят все преувеличивать, здесь все громко... Говорят громко, смеются громко и вообще бердичевские нервы.

Рахиль. А мне Бердичев нравится. Мы здесь родились.

Злата. Зачем ты так говоришь. Мы родились в Уланове, в местечке. Я Доня с правдой.

Рахиль. Вечно она меня перебьет. Мы родились в Уланове, но нас маленькими детьми привезли в Бердичев.

Овечкис. Да, здесь очень любопытно. Я решил, проедем на праздник с сестрой. Когда говорят Бердичев, все равно, что говорят еврей... Слышишь Бердичев, Бердичев, а что такое Бердичев, не знаешь. У Чехова в "Трех сестрах" один из персонажей говорит, что Бальзак венчался в Бердичеве.

Злата. Чьи сестры?

Рахиль. Она совсем глухая.

Злата *(обиженно)*. Почему я глухая? Она любит на меня наговаривать.

Рахиль. Товарищ Овечкис говорит, что в книге у Чехова, что я Чехова не знаю, это такой писатель... Когда моя Люся, чтоб мне было за ее кости, окончила 8 классов, так ее премировали книгой Чехова за то, что она отлично училась и хорошо танцевала в самодеятельности. А если бы вы знали, товарищ Овечкис, как ее отец танцевал... Так к чему это я говорю... У этого Чехова написано про Бердичев, что здесь женился один большой человек...

Злата. Я когда-то читала книга про Бердичев. Я раньше очень любила читать, а теперь у меня глаза болят. Так там описано, какие в Бердичеве были погромы. Но зачем мне читать, что я это не видела, эти погромы стоят у меня перед глазами.

Рахиль. Что ты говоришь, Злата, при чем тут погромы?

Овечкис *(смеется)*. Ничего, ничего, очень интересно. Мне рассказывали, что как-то недавно сюда приезжали французы, чтоб узнать, где венчался Бальзак. Так они зашли в башню в центре города, а это, оказывается, водонапорная башня... В Париже Эйфелева башня, в Бердичеве – водонапорная *(смеется)*. Там сидел водопроводчик, который понятия не имел кто такой Бальзак. Он думал, что Бальзак – это какой-то бердичевский еврей, к которому приехали родственники *(смеется)*.

Рахиль. Эта башня уже стоит девяносто лет.

Овечки. Сейчас мы шли мимо дома, где венчался Бальзак. Бывший костел святой Варвары... Возле двери большая вывеска "Детская спортивная школа", рядом поменьше "Этот дом посетил Бальзак". Когда он его посетил, по какому поводу — неясно. Создается впечатление, что Бальзак в детстве посещал Бердичевскую спортивную школу.

Бронфенмахер *(Рахили, тихо)*. Клигер ид... Умный еврей...

Рахиль. Ну, у вас в больших городах все по-другому.

Злата. А с Былей и Йойной вы виделись? Они шли вас искать.

Бронфенмахер. Мы, наверно, разминулись. Они нас на обед сегодня пригласили.

Злата *(Вере Эфраимовне)*. А какие фасоны теперь носят в Москву? Я про свое спрашиваю *(смеется)*.

Бронфенмахер *(Рахили, тихо)*. Рахиль, я тебе честно скажу, я раньше не знал, что такое жена... Пусть Бебе земля будет пухом, но я не знал, что такое жена. Был молодой и не знал. А теперь, когда я женился на Вере, я понял, что такое жена.

Вера Эфраимовна. Ну, мы пойдем.

Рахиль. Идите здоровые

Бронфенмахер. Мы еще увидимся *(уходит)*.

Рахиль *(вслед, тихо)*. Если нет, так тоже не страшно... Ты думаешь, я забыла, как он хотел пробить в моей стене дверь и носить через меня помой... На обед они идут... Он уже забыл, как ходил на костылях и его жена и ее брат тоже будут ходить на костылях... Москвичи... *(Смеется)*.

Злата. Зачем ты проклинаешь людей?

Рахиль. Ничего, он над Бердичев смеется, а эта жена Бронфенмахера одела туфли на тонкий каблук и думает, что хув-сим будет ей шестнадцать лет... Как тебе нравится, он раньше не знал, что такое жена... Кавалер, хороший кавалер у своей Верочка. Сразу видно, что в молодости эта Верочка была глухая. Мужчина ей говорил садись, а она ложилась.

З л о т а. Я помню, как до войны носили фасон, который назывался "мужчинам некогда"... Молния спереди от верха платья до низу (*смеется, потом хватается за сердце*). Ой-ой-ой...

Р а х и л ь (*испуганно*). Что такое?

З л о т а. Что-то сердце колет.

Р а х и л ь. Злата, я железная, что я от тебя выдерживаю... Идем-ка домой (*встают и идут к выходу с бульвара. На бульваре продолжается гулянье, песни, смех*).

З л о т а (*подносит ладонь ко лбу*). Это Гарик идет навстречу?

Р а х и л ь. Ой, я не могу выдержать... Гарик опять ходит с Лушиной Тинкой... Если Рузя узнает, она ему побьет морду... (*Кричит*). Гарик, иди сюда... Гарик...

Г а р и к (*подходит*). Что ты кричишь, баба?

Р а х и л ь. Гарик, ты уже забыл, как тебя мама и папа били? Что ты ходишь с этой шиксой... этой гойкой... Ты хочешь горе...

Г а р и к. Баба, закрой пасть... А с кем чтоб я ходил? С толстой маланкой?

Р а х и л ь. Ах ты, сволочь. На еврейку он говорит маланка. Так твоя же мама тоже маланка. Вот так как я держу руку, так я тебе войду в лицо.

Г а р и к. Заткнись, дура (*подходит к Тине, берет ее об руку*). Баба, слышишь (*поет*). Скажите ей, что я еврей, что я женюсь, женюсь на ней (*Гарик и Тинка, хохоча, уходят*).

Р а х и л ь (*кричит вслед*). Гарик, я маме скажу...

З л о т а. Боже мой, Боже мой... Тинка очень вежливая, хорошая девочка... Красивая, кончила медучилище...

Р а х и л ь. Вот вторая сумасшедшая... Пусть она будет красивая, но не для нашего Гарика... Валя, которая ездит к нам из Семеновки мыть полы, говорит, что Луша имела Тинку от немца... Она при оккупации жила с немцем.

З л о т а. Тише, вон Рузя и Миля идут... Чтоб ты не смела им говорить про Гарика.

Р а х и л ь. Боже паси. Что мне нужен крик. Ой, горе, горе. Где только есть горе, оно цепляется к нашей семье...

А Милечка тоже в шляпе. Теперь где кусок, извините за выражение, так оно носит шляпа... Смотри на Милю, его шляпа держит меня в Бердичеве.

М и л я *(Рахилу)*. С праздником.

Р а х и л ь. Тебя тоже... Ты в Житомире купил эту шляпу?

М и л я. Глину меси, а шляпу носи *(смеется)*.

Р у з я. Вы Гарика не видели?

Р а х и л ь. Нет, он, наверно, с товарищами.

Р у з я. Если я его увижу с Тинкой, так я ему разобью морду при всех людях.

М и л я. Тише, Рузя, не кричи.

Р у з я. Ты мне брось, тише... Отец... Я б на твоём месте давно бы пошла к этой Луше и ей устроила черную жизнь.

Р а х и л ь. При чем тут Луша, Луша мне сама говорила, что это ей не нравится, она не хочет иметь еврейского зятя, тем более, что Тинка старше нашего Гарика на пять лет.

З л о т а. Рузя, ты видела Бронфенмахера?

Р у з я. Ай, зачем мне этот Бронфенмахер, мне Гарика найти надо.

Р а х и л ь. Ну где ж я тебе его найду? Что ты имеешь ко мне претензии? Что это я его сосватала с Тинкой?

Р у з я. Ай, мама, с тобой говорить, так надо гороху накушаться... Идем, Миля *(уходят)*.

Р а х и л ь. Что ты скажешь, Злота? Горох она хочет кушать... Я тебе скажу, Злота, она хуже Мили... Он не такой плохой, как она его делает плохим... Это та еще Рузичка. Она думает, что я не помню, как в 47-м году она порвала на мне рубашку.

З л о т а. Ты же хочешь опять с ними жить.

Р а х и л ь. Подожди, я еще не решила... Чуть что они прыгают мне в лицо... Чтоб из них душа выпрыгнула...

З л о т а. Боже мой, Боже мой, эти проклятия... *(Они идут по бульвару.)*

М а к з а н и к *(читает у обелиска нараспев, подражая московским поэтам)*.

Тонны камня и металла бросив ввысь,
Обелиски, как по команде "Смирно!" поднялись.

Они стоят, как символы отваги, как символ непокорности
людей.

Защищавших Родину когда-то от армии, в которой главный
был злодей...

Отстояли! Но какой ценою. Сколько не вернулося назад.
Именно для них, как по команде "Смирно!",
Обелиски эти и стоят... *(Аплодисменты.)*

К обелиску подходит полковник Маматюк и полковник Делев с
кенами. Они обнажают головы, смахивают ладонями слезы.

М а м а т ю к *(Делеву)*. Здесь лежат похоронены все на-
ции, защищавшие родину... Все нации, кроме жидов...

Р а х и л ь *(Злоте)*. Ты слышала, что он сказал?

З л о т а. Идем домой, Рахиль, что-то мне колет сердце...

Р а х и л ь. Нет, ты слышала, что он сказал, этот гой?
Чтоб его гром убил и второго тоже вместе с их женами и деть-
ми.

З л о т а. Идем домой, он же не тебе это сказал.

Р а х и л ь. Ничего... Мой муж убит, а он будет говорить
такие слова... Я ему морду побью...

З л о т а. Ой, я не могу жить. Она хочет иметь горе... Вот
они уже ушли.

Р а х и л ь. Ничего, я пойду за ними... Я не посмотрю, что
Делева твоя заказчица, а Делев Герой Советского Союза...
Мой муж убит, а он так будет говорить... *(Плачет)*. Ты здесь
стой.

З л о т а. Ой, мне плохо...

Р а х и л ь. Ничего, теперь всем плохо... Я сейчас приду.
(Уходит).

Проходят Овечкис, Бронфенмахер, Быля и Йойна.

О в е ч к и с. Город мне нравится. Много старых краси-
вых домов, как где-нибудь на Западе. Напоминает австрий-
ские или польские города.

Й о й н а. Ну, здесь же была когда-то Литва, а потом
Польша.

О в е ч к и с. Да, приятно погулять под каштанами Бер-
дичева. Если б только бердичевские евреи все время не кри-
чали... Сплошные скандалы... Бердичевские нервы... Вот опять
скандал, опять кричат...

Б ы л я. Злотка, что ты плачешь, Злотка? Ой, взй з мир...
Что случилось, где Рахилька?

З л о т а (*давясь слезами*). Она пошла... Я не могу жить...
Она пошла спориться с полковник...

Б ы л я. С каким полковником? Что случилось?

З л о т а (*плачет*). С полковник... Ой, ее же могут аресто-
вать...

Входят полковник Маматюк и полковник Делев с женами. За ними
Рахиль.

Ж е н а М а м а т ю к а (*Рахили*). Что вы ходите за нами,
базарная баба... Что вы к нам привязались...

Р а х и л ь. Ваш муж будет говорить, что здесь лежат все
нации, погибшие за родину, кроме жидов... Негодяй... Мой
муж убит, а он будет так говорить (*плачет, кричит*). Негодяй.
Контрреволюционер...

М а м а т ю к (*побагровев, дергая головой*). Бы... Жи...
Сионистка!

Ж е н а Д е л е в а. Замолчи, Харлампий, пойдем...

Р а х и л ь. Я сионистка?! Сморкач... Я член партии с 28-го
года... Мой муж типографский рабочий, член партии с 1930-го
года... Убит на фронт. Так ты говоришь, что я сионистка?..

З л о т а (*плачет*). Быля, Йойна, заберите ее... Я вас умо-
ляю...

О в е ч к и с (*Йойне*). Жуткая сцена... Когда евреи, осо-
бенно бердичевские, начинают реагировать на слово „жид“,
это еще хуже, чем когда это слово говорят... Это так скан-
дально...

Й о й н а. Да, зачем она связалась... Он же хочет уйти, а
она ему не дает.

О в е ч к и с. Оба стоят друг друга.

Р а х и л ь (*плачет*). Ах ты, Гитлер... Ты думаешь, я тебя
боюсь, что ты бросаешь головой...

М а м а т ю к (*хрипит, дергает головой*). Спекулянтка...
Бы... Жи... Я из тебя мясо сделаю...

Р а х и л ь. Ты из меня сделаешь мясо?.. Вот так, как я
держу руку, так я войду тебе в лицо...

Ж е н а М а м а т ю к а. Харлампый, уйдем... Я тебя прошу... *(К Делеву.)* Филипп, помоги его увести, у него рана в голове может воспалиться. *(К Рахили)*. Ты, базарная скандалистка, мой муж имеет пять ранений за родину...

Р а х и л ь. А мой муж совсем убит за родину... Так твой негодяй будет говорить, что в братской могиле все похоронены, кроме жидов... Он мне будет кричать сионистка... Чтоб упало дерево и убило вас обоих... Чтоб наехала машина и разрежала вас на кусочки... Ты блядюга...

Б р о н ф е н м а х е р. Да, Рахиль ничуть не изменилась... У нее рот как помойная яма... Уйдемте отсюда, здесь неприятно находиться...

Й о й н а. Идем, Быля, идем...

Б ы л я. Но ведь Злота тут... Ой, Злотка, сколько она от этой Рахильки терпит, сколько... Злотка, иди сюда... Злотка...

З л о т а *(плачет)*. Куда я пойду, когда здесь моя сестра *(подходит к Рахили)*. Рухл, идем домой, мне плохо *(Рахиль, ничего не отвечая, плачет. Полковник в отставке Делев, его жена и жена Маматюка уводят дергающего головой полковника в отставке Маматюка.)* Рухл, идем домой, я тебя прошу.

Р а х и л ь. Иди, я тебя не держу. Иди с Былечкой, с этой блядюгой...

З л о т а *(хватается за лицо)*. Ой, Боже мой, люди ведь смотрят...

Р а х и л ь. Пусть смотрят, это ты их боишься, я не боюсь *(плачет)*. Я сейчас пойду за этим Гитлером, возьму камень и ему разобью голову... Одер ойт, одер тойт... Или кожа, или смерть...

Возвращается полковник Делев, поблескивая Звездой Героя. Подходит к Рахили.

Д е л е в *(Рахили)*. Товарищ Капцан, Маматюк неправильно поступил, я ему сделал внушение *(Рахиль стоит молча, ничего не отвечая. Делев уходит.)*

З л о т а *(тихо)*. Рухл, идем домой... *(Берет ее об руку и обе сестры медленно идут с бульвара)*.

По бульвару идет группа ветеранов и немусыкально поет: "Моя дивизия у стен Бердичева себя прославила в грозных боях, себя прославила в грозных боях..."

З а н а в е с

ДЕЙСТВИЕ ТРЕТЬЕ

Картина 7-я

В большой комнате тесно от мебели. Старая мебель Рахили зажата новой полированной мебелью Рузи. Появилась тумбочка с телевизором, раскладная диван-тахта, крытая ковром, холодильник. Бюст Ленина по-прежнему стоит на книжном шкафу, но портрета Сталина уже нет. Зимнее утро. Миля, седой, полуголый, с распаренным потным телом, играя мышцами, в спортивных штанах и тапочках делает зарядку. Из соседней комнаты изредка выглядывают то Злота, то Рахиль. Злота смотрит исподтишка, с улыбочкой, а Рахиль смотрит прямо и беззвучно смеется. Сделав приседания, Миля начинает выбрасывать вперед поочередно то левую, то правую руку, сжимая при этом пальцы. После этого выбегает полуголый на кухню. Слышно, как хлопает входная дверь.

Рахиль (*хохочет*). Ну, так можно жить? Голый он побежал на улицу тереть тело снегом. Может, с Божьей помощью он уже начнет бегать по улицам и бить окна. Может быть, его увезут в Винницу в сумасшедший дом и мы от него избавимся.

Злота (*продолжая улыбаться*). Ай, Рухл, что ты говоришь... Ну, он физкультурник...

Рахиль (*смеется*). Хороший физкультурник... Бегает с гоями купаться на речку в проруби... Физкультурник... И Рузе не стыдно перед городом за такого мужа... Физкультурник. Вот так вот он делает (*выбрасывает вперед руки и сжимает пальцы, кривит лицо, надувает щеки*). Вот так вот... Хопт ды флиген... Вот так вот... Ловит мух...

Злота. Ша, Рухл, зайди но сюда... Вот он уже идет назад.

Рахиль заходит в маленькую комнату. Слышно, как хлопнула дверь и вбегает Миля с красным, мокрым телом. В руках его комки снега, которыми он трет тело, кряхтит и поет: "Румба, закройте двери, румба, тушите свет, румба, да поскорее, румба, терпенья нет..."

Рахиль. Злота, не смотри, а то ты простудишься.

Злота. Ша, Рухл... (*Миля выбежал на балкон и поет там.*)

Рахиль. Злота, что ты скажешь... А лиделе... Песенка... У него нет терпения...

З л о т а. Перестань, Рухл. Это песня такая.

Миля вбегает, покосился на дверь в маленькую комнату, но ничего не сказал. Звонок.

Р а х и л ь. Вот я открою. *(Идет и возвращается с Гари-ком)*. Ну, где ты был, Гарик?

Г а р и к. Какое твое дело?

Р а х и л ь. Что мне до тебя за дело... У тебя есть папа и мама... Если они тебе ничего не говорят, так что я буду говорить.

Г а р и к. Баба, закрой пасть.

М и л я *(продолжает делать зарядку)*. Гарик, перестань грубить.

Г а р и к. А чего она лезет?

Р а х и л ь. Зачем ты мне нужен, чтоб я лезла. Лучше выйди-ка и раздень в передней пальто и шапку. Чего ты идешь в комнату в пальто.

Г а р и к *(кричит)*. Это не твоя комната, твоя комната та маленькая, иди туда и закройся...

Р а х и л ь. Закройся сам... Ты ж понимаешь, это его квартира.

Г а р и к *(кричит)*. Баба, заткнись!

М и л я. Гарик, я тебе сейчас дам по губам. *(К Рахили)*. А вы тоже не вмешивайтесь, вы же видите, в каком он состоянии.

З л о т а. Рухл, я тебя прошу, иди сюда...

Р а х и л ь *(шепчет, произнося громко только вторую половину фразы)*. ...так было бы хорошо, ...так было бы хорошо... *(Уходит в маленькую комнату.)*

Г а р и к. Ну, как зарядка, батя?

М и л я. Полный порядок. Вот снегом натерся. Я тебя тоже в это дело втяну. Сразу другим человеком станешь. Я ведь помню, как раньше себя чувствовал, мышцы как кисель, желудок больной. Это лучше любого курорта – зарядка, зимнее купанье *(кряхтя, вытирает тело махровым поло-*

генцем, одевает майку, спортивный свитер). Пойди, сынок, раздень пальто, я тебе кое-что подарить хочу.

Гарик уходит на кухню, раздевает пальто и возвращается.

Миля (*садится к столу*). Сядь, сынок, я тебе фотографии хочу подарить зимнего купания (*достает пачку фотографий*). Вот видишь, я в плавках и купальной шапочке на снегу босыми ногами. Вокруг народ в тулупах мерзнет, а мне не холодно. На этой фотографии я тебе делаю такую надпись: "Здоровье на снегу не валяется, его надо укреплять". И расписываюсь. А вот другая. Я по горло в ледяной воде. Пишем: "Не холодная вода страшна, а страшно, когда об этом рассуждают". Понял, сынок? А вот я с Мариком. Это когда Марик был в отпуску. Видишь, он в шинели, в шапке и сгорбился, а я в одних плавках, даже купальную шапочку снял и ничего, прямо стою... Пишем: „Оттого, что ходишь босой по снегу, насморка не будет! Скорей бывает наоборот“. А я вот стою голыми ногами на льду у проруби и держу в руках кусок льдины, как букет. Пишем: „Я люблю физическую культуру, она мне отвечает взаимностью“. Подпись... Вот так... Начнешь заниматься физкультурой, все свои глупости забудешь... Сейчас мы с тобой на речку пойдем... Одевайся...

Рахиль (*высовывается из маленькой комнаты*). Что значит на речку? Он же еще не завтракал...

Гарик. Баба, закрой пасть...

Рахиль. Сам закрой пасть. Что мне за дело до тебя...

Злата. Рухл, ша...

Миля. Ты голодный, сынок?

Гарик. Нет, батя, я пил чай и ел хлеб с маслом.

Миля. Ну, тогда одевайся потеплей. (*Уходит и возвращается в полушубке и шапке с каким-то приспособлением в руках.*) Это, сынок для разравнивания сугробов... Похоже на сачок для ловли рыбы, но вместо сетки решетка... Возьми там в передней топор... Топором рубят майну, ну, прорубь, а сеткой вытаскивают обломки льдин... Понял, сынок, ну, пошли. (*Они уходят.*)

Рахиль. Пусть идут, что мне за дело... Рузя будет кри-

чать, что он Гарика взял с собой на речку, но при чем здесь я...

З л о т а. Ша, Рухл, зайдем-ка к себе... Вот они возвращаются, дверь хлопнула.

Входит Сумер с кошелкой.

С у м е р. Что у вас дверь открыта?

Р а х и л ь. Почему ты заходишь и никогда не здороваешься?

С у м е р *(смеется)*. Слышишь, Злата? Рухел уже хочет со мной ругаться... Я спрашиваю, почему дверь открыта.

Р а х и л ь. Физкультурник ушел. Он же ходит на речку и раздевается голый и бегаёт там как сумасшедший по снегу. И купается в прорубь. *(Смеется)*. Пусть он купается, но зачем он ребенка берет с собой, зачем Гарика берет с собой...

С у м е р. А что слышно у Гарика?

З л о т а. Ой, несчастье... Он только хочет жениться на Тинке...

Р а х и л ь. Ой, Сумер, я железная, что я все это выдерживаю. Лучше находиться в тюрьме, где ты был два года, чем это выдерживать.

С у м е р *(смеется)*. Ты хочешь в тюрьму? У меня там осталось много знакомых. Даже попки, что сидят на вышке с оружием, мои знакомые. У меня там был швейный цех. Мы шили мешки, спецодежда, все, что надо мы шили. Баландуя не ел, у меня всегда был лишний кусок балясины.

Р а х и л ь. Сумер, вус зйст балясина?

С у м е р. *(смеется)*. Воры на колбаса говорят балясина.

Р а х и л ь *(смеется)*. Сумер, ты ж в тюрьме стал настоящий гонеф.. Настоящий вор...

С у м е р *(смеется)*. В тюрьме я тоже был заведующим. А ты помнишь, когда во время войны меня мобилизовали на трудовой фронт и послали в Киров на лесоразработки? Так меня там тоже сделали заведующим. Мне выдали хорошие валенки, хороший полушубок, сани с лошастью, возчика... Я пользовался авторитетом.

З л о т а. Сумер, что ты стоишь в дверях, сядь к столу.

С у м е р (*садится к столу прямо в пальто и шапке, рассказывает очень громким, веселым голосом*). Слышишь... Так среди мобилизованных был на моем участке один еврей... Мне его стало жалко, думаю, пусть сидит в тепле и топит печки в бараках и конторе. Так этот еврей начал лениться, начал мне грубить и вообще так себя вести, будто я ему что-то должен. Ды гоем приходят с работы, бараки не топлены, в конторе не топлено, грязно... Я ему говорю: чего я тебя взял? Что ты мне Грыцько за кум, а Мыкита за сват... Я вместо тебя возьму гоя, так он мне будет благодарен, и я буду уверен, что он меня не подведет. Будет чисто, вытоплено всегда. Я с этим евреем год мучался, пока меня на другой участок не перевели.

Р а х и л ь. Есть евреи, что они должны харкать кровью. В прошлом году, когда ты, ой взй з мир, сидел в тюрьму, так на День Победы мы с Злотой немного вышли на бульвар... Ты же знаешь, в День Победы я всегда плачу, ибо муж мой лежит в земле.

С у м е р. Ну дым шпыц... Конец...

Р а х и л ь. Ничего... Мы выходим, а Злота еле идет... Ты же знаешь, как Злота ходит и какая она хорошая, ты тоже знаешь.

З л о т а. Вечно она на меня наговаривает. Я такая больная. С тех пор я еще ни разу не была на улице. (*Плачет*).

Р а х и л ь. Вот она уже плачет. Ничего... Было гуляние... Йойны Макзаника сын вышел читать стихи, так его объявили инженер Макзаник... Какой он инженер, если он кончил Бердичевский техникум.

С у м е р. Дым шпыц... Конец... Конец рассказывай...

Р а х и л ь. Так приехал Бронфенмахер из Москвы с новой женой.

С у м е р. Красивая жена?

Р а х и л ь. Как моя жизнь красивая. Ты любишь, когда старуха надевает туфли на тонкий каблук?

З л о т а. Она очень красивая дама... Я не люблю, когда говорят.

Р а х и л ь. Сумер, ты меня слушай... И с ней приехал ее

брат, который очень большой из себя... Московский еврей... Так он над Бердичевом смеялся... Я ему говорю, что вы смеетесь... Да, ты же знаешь, что я могу сказать.

С у м е р. О, попасть в твой рот...

Р а х и л ь. Ничего, беспокойся про свой рот...

С у м е р. Так ты расскажешь конец?

Р а х и л ь. Подожди, а что я делаю, к чему я веду? Быля вышла с Йойной, который носил такую шляпу, что она меня держит в Бердичеве... И Миля тоже одел шляпу... Ты понимаешь, Миля одел шляпу... И они все идут... А в это время подходит к братской могиле Маматюк... Ты знаешь Маматюка?

С у м е р. Отставник, что он работает на сахарном заводе?

Р а х и л ь. Этот, этот... Так Маматюк подходит и говорит Делеву... Знаешь Делева? Герой Советского Союза...

С у м е р. Знаю, дым шпыц...

Р а х и л ь. Подходит Маматюк и говорит: здесь, в братской могиле лежат все нации, погибшие за родину, кроме жидов... Так я ему дала жида... Он стал у меня синий... И этот Герой Советского Союза потом подошел и извинился передо мной.

З л о т а. Его жена была моя заказчица. Но с тех пор она у меня больше не шьет.

Р а х и л ь. Вот ты имеешь... Так по-твоему я должна была молчать... Этот Маматюк мне кричал "сионистка" и какие только ни хочешь плохие слова он мне кричал. А я должна ему молчать... Мой муж убит на фронт, а он будет так говорить *(плачет)*. Так все евреи на бульваре говорили, что я скандалистка. Что я не должна была отзываться, когда этот Гитлер, чтоб он уже лежал и гнил вместе со своей женой, этот Гитлер кричал "сионистка..." Этот, что он приехал из Москвы, и Бронфенмахер, который хотел носить через моя кухня помои, и Быля, которая дует от себя... Чтоб я молчала, когда этот подлец сказал, что здесь закопаны все нации, кроме жидов...

С у м е р *(Рахили)*. Ты помнишь, где в восемнадцатом году в Бердичеве было ЧК?

Р а х и л ь. А что ж, я не помню... Возле нас, там, где мы жили по Житомирской улице.

З л о т а. Что ты говоришь... По Житомирской улице был Совет рабочих, солдатских и крестьянских депутатов.

С у м е р. Злота лучше тебя помнит... А ЧК было возле еврейского кладбища, из которого потом сделали городской сад имени Шевченко.

Р а х и л ь. Недалеко от базара...

С у м е р. Да, там базар... И там на углу есть дом точно такой, как этот, в котором ты живешь, такой же серый кирпичный и с такими же пузатыми буржуазными балконами.

Р а х и л ь. Что я не знаю... Это доктор Шренцис построил. Он построил городской театр и несколько таких домов.

С у м е р. Так в этом доме было ЧК, а во дворе этого дома были сараи. И тех, кого ЧК расстреливало, оно закапывало в те сараи. Теперь братская могила на бульваре, а тогда была братская могила в сарае... Когда в город вошли петлюровцы, так стало известно, где ЧК расстреливало.

З л о т а. Что я не помню... Я помню... Йойна первый комсомолец... Раньше он был портной, а потом стал чекист... Жена у него была такая грязная, паршивая... Его в тридцать седьмом году самого убили... И еще был Срулык, что у него на глазу было бельмо... Его все звали Срулык слепой... Тоже чекист...

Р а х и л ь. Срулык потом стал не только слепой, но и хромой, но пенсию он не имеет (*смеется*).

С у м е р. Вы дадите мне рассказать... Когда вошли в город петлюровцы, так они ловили евреев и посылали их выкапывать убитых... Так меня тоже поймали...

З л о т а. Я помню... Ой, как мы все переживали тогда... Мы были маленькие дети (*смеется*).

С у м е р. Когда мы выкапывали, вокруг нас собрались православные бабы и плакали, и кричали, что всех нас, евреев, которые выкапывают, надо убить... А тех, кого ЧК расстреляло, хотели хоронить с хоругвями... Так среди расстрелянных нашли не только православных, но и евреев... Этот Йойна родного брата расстрелял, который имел магазин... Его тоже там

нашли. И других... Так петлюровцы не знали, что делать... Перед нами, правда, не извинились, как перед тобой, Рухл, сейчас, но зато нас отпустили... Так что тогда говорили, что в братской могиле закопаны все, кроме евреев, и теперь так говорят *(смеется)*.

Звонок телефона.

З л о т а (берет трубку). Что? Кто? Кто? Кто?

Р а х и л ь (подбегает, вырывает трубку). Да, девушка, я заказывала Житомир... Хорошо, я подожду. *(К Сумеру)*. Слышишь, Сумер, как курица кудахчет, когда за ней бежит петух, так Злота говорит по телефону.

З л о т а. Боже мой, Боже мой, все время она меня перекикивает... Я имею от нее отрезанные годы...

Р а х и л ь. Ша, Злота, я ведь ничего не слышу... Да, девушка, я жду.. По талону... Куплен на Бердичевской городской почт... *(К Сумеру)*. Я звоню каждый день, если я Люсе не позвоню, я не могу. Ой, эти Алла и Лада — я без них не могу.

З л о т а (смеется). А сюда они редко звонят.

Р а х и л ь. Ну что делать. Петя очень бережливый. А мне не жалко. Полпенсии у меня уходит на телефон... Да, девушка... Я слушаю... Это Алла? Люся... У вас один голос... Здравствуй... Как вы живете? Ну, вчера я звонила вчера, а сегодня — это сегодня. Я здесь вам купила мешок картошки, я приеду, так я привезу. Неужели Петя не может подъехать? Где? В командировка? На соревнования в Днепропетровск... Ну, пока он вернется в Житомир, я привезу... Возьму такси и привезу картошка, мне не тяжело, ты же знаешь... Как Лади́на рука? А Алла? Ой, Боже мой, у Аллы есть чирий... У моих детей никогда не было чирий... Ладочка... Где Ладочка, чтоб мне было за ее кости... Я приеду, я привезу ей „Киевский“ торт. Чирий надо лечить, это может стать фурукнул... Как Лада кушает? Я ей куплю торт за три рубля... Если она не будет ходить боса по полу, я ей куплю. А кефир вы покупаете? Не надо его искать, надо идти и купить. Я имею еврейскую привычку не искать. Вэй з мир... Масло ты кушаешь, колбаса? Словом, я сказала, я приеду, я привезу „Киевский“ торт и

мешок картошка... Рузи нету... Миля на речке, купается в ледяной воде *(смеется)*. А с Гариком несчастье. Он только хочет жениться на Тинке. Ой, я не живу... Здесь Сумер... Привет тебе. И от Злоты... Я завтра опять позвоню... Зай гезынт... Будь здорова... *(Кладет трубку, радостно улыбается.)* Ты слышишь, Сумер? Лада сидит и плачет. Алле на именины я купила большой торт, а ей я купила маленький торт... Ой, чтоб мне было за каждую ее косточку... Ой, это сладкая девочка...

С у м е р. Ничего, пусть она только станет чуть постарше, так ты начнешь с ней ругаться *(смеется)*.

Р а х и л ь. Ой, я до этого не доживу *(вздыхает)*. Но когда я там жила, мой зять сказал мне, что я у них съела много картошки... Это Миля номер два... Я нянчила ребенка, я варила обед, я ходила на базар... Но ничего, надо молчать... Для своих детей я должна быть хорошая, а для всех остальных я не хочу быть хорошая... Пусть про меня говорят, что угодно, мне кисло в заднице... Это Злота хочет для всех быть хорошая...

З л о т а *(смеется)*. Вот так она ко мне цепляется.

С у м е р *(смеется)*. Я тоже хотел быть хорошим... Когда я служил при Николае, так унтер выстроил нас, вызвал одного жлоба из строя, а потом он вызвал меня и говорит: Луцкий, дай ему в морду... Я не хотел... Тогда он говорит жлобу: ты дай ему в морду... И что ты думаешь, он дал мне в морду *(смеется)*. Но так дал, что я на всю жизнь запомнил.

З л о т а. Ой, что я не помню, как ты рассказывал... Когда началась война, это еще до революции, так ты качался по земле, качался и так по земле ты домой прикачался с фронт *(смеется)*.

Хлопает дверь.

Р а х и л ь. Это Рузя, у нее ключ.

Р у з я *(входит сердитая, испуганная, встревоженная)*.
Гарик дома?

Рахиль. Его твой муж забрал с собой на речка...

Рузя. Я ему дам водить Гарика на речку. Гарика надо раздеть, разуть и посадить дома. Ты знаешь, Тинка приехала из Винницы.

Злата. Ой, я не могу жить...

Сумер (достаёт из кошелки сверток). Рузя, смотри, какое я мясо купил. Правда, хорошее? Я стоял в очереди, но я был первый.

Рузя. Ай, Сумер, отстань со своим мясом. Я сейчас зайду к Луше, так я ей устрою черный день...

Рахиль. Боже паси, при чем тут Луша? Луша сама плачет (стук в дверь).

Рахиль (заходит на кухню). Вот она сама идет. (Возвращается с Лушей).

Рузя (кричит). Луша, я вас предупреждаю.

Луша. Что вы кричите?

Рузя (кричит). Я не кричу, я предупреждаю. Если я увижу вашу Тинку

Луша. Следите за своим Гариком.

Рузя (кричит). Если я увижу вашу Тинку с Гариком, я ей голову поломаю.

Луша (кричит). Я тебе поломаю, что своих не узнаешь... На кой хрен мне нужен в доме твой еврейский сопляк...

Рахиль. Ша, Луша, ты так не говори... Что значит, еврейский сопляк... Ну-ка выйди но отсюда. Уйди, чтоб тебе не видеть... Гарика мы разденем и разуем, и он будет дома сидеть... Он не женится на твоей Тинке.

Луша. Рахиль Абрамовна, дай вам Бог здоровья, если вы так сделаете (плачет). Эта Тина у меня все силы отняла (Уходит).

Сумер. Что это за Луша?

Рахиль. Луша — это одна из нашего двора, что она спала с немцами... Тинка ведь от немца... Валя, которая едет к нам из Семеновки мыть полы, говорит, что эта Луша при немцах голая танцевала на столе...

Злата. Ай, то, что тебе Валя скажет...

Рахиль. Вот ты имеешь защитника...

С у м е р. А что это за Тинка?

З л о т а. Тинка хорошая девочка... Она окончила Бердичевский медтехникум, а теперь она учится в Виннице в мединституте на доктора.

Р а х и л ь. Что ты скажешь, Сумер... Мою Люсю в Винницкий мединститут не приняли, а Тинка, которая родилась от немца и что мать у нее безграмотная уборщица, так та учится... Гой всегда имеет счастье... Тинку взяли, а Люсю нет... Что это за власть... Это таки гонейвише мелихе... Воровская власть.

С у м е р *(смеется)*. Разве член партии так может говорить...

Р а х и л ь. А что я тебя боюсь?.. Ты кому-нибудь расскажешь...

Р у з я. Давно ушел Миля с Гариком?

Р а х и л ь. Не очень... Ты иди за ним, а я тоже пойду в одно место... В общем, я знаю, куда мне идти. *(Рузя уходит.)* Злота, давай я тебе включу телевизор, ты же любишь. *(Сумеру.)* Это их телевизор, так мы его можем смотреть, пока Миля нету дома. Ничего, я еще куплю телевизор. Зайду к Бабиной в „Культтовары“, так я возьму в рассрочку... Мне дадут... Ты думаешь, этот телефон ему дали? Это мне дали... Еще слава Богу, что меня в Бердичеве уважают *(включает телевизор)*. Слышишь, Сумер, Миля не дает Злоте смотреть телевизор... Это что, Киев показывают? Это площадь Богдана Хмельницкого... Вот он сидит на лошадь.

С у м е р. Когда я был в Киеве, так я подошел к памятнику Богдана Хмельницкого и плюнул, только чтоб никто не видел, и сказал, только чтоб никто не слышал: идешер койлер... убийца евреев...

Сумер и Рахиль уходят. Злота наливает себе чай, садится перед телевизором, берет нож и рубит кусочек сахара, приложив нож к сахару и стуча ножом вместе с сахаром об стол. Входит Миля и какой-то парень спортивного вида. Миля выключает перед Злотой телевизор.

Злота молча встает, берет стакан чаю и уходит в свою комнату.

М и л я *(парню)*. Андрей, посиди.

А н д р е й. Нет, Миля, мне пора. Дай мне фотографии и я пойду.

М и л я. Вот они, твои фотографии. *(Достает пакет)*. Вот ты в проруби, вот вылезает на лед, вот массовый заплыв моржей... Видишь — это я, это ты, это Дзивановский... С тебя пятерка... *(Включает телевизор)*. Посиди...

А н д р е й. Ну, ладно... Толковая передача?

М и л я *(смотрит телевизор)*. Балет *(пауза)*, танцуют *(пауза)*, ушли *(пауза)*, занавес *(пауза)*, дикторша... Светочка, здравствуй... Хорошая баба...

А н д р е й. Баба ничего, а балет я не люблю... Если б хоккеей показывали... Ну, я пойду, будь здоров.

М и л я. А ё хоккей не люблю, я футбол люблю... В хоккее мяч маленький, следить трудно, куда он летит... Хоккеей у нас вчера на льду был, медсантруд и кожзавод.

А н д р е й. Какой счет?

М и л я. Два — ноль в пользу бедных *(смеется)*.

Андрей уходит. Миля молча смотрит телевизор. Злата осторожно выходит из своей комнаты, наливает еще один стакан жидкого чая и осторожно уходит. Шумно и быстро входит Рузя.

Р у з я. Гарик дома?

М и л я. Нет...

Р у з я. Он же пошел с тобой?

М и л я. Так пока я переодевался для купанья, он куда-то делся.

Р у з я *(кричит)*. Чтоб ты провалился со своим купаньем! Зачем ты взял с собой ребенка?

М и л я. Рузя, не кричи... Рузя, Рузя... Пока я переодевался, он был с Колей Рабиновичем.

Р у з я *(кричит)*. С Колькой Рабиновичем?! Чтоб он сдох, этот Колька... Ты разве не знаешь, что у этого Кольки Рабиновича Гарик встречается с Тинкой?

М и л я. Рузя, не кричи...

Р у з я *(кричит)*. Чтоб ты пропал, а не Гарик... Гарика нельзя было выпускать на улицу, зачем ты взял его с собой... Сволочь! Негодяй!

М и л я. Рузя, замолчи...

Р у з я. Сам замолчи... хватит... Двадцать три года я живу по выражению твоего лица... Сволочь! Одевайся и иди искать Гарика!

Быстро входит Рахиль.

Р а х и л ь. Я только что была у Раи из ЗАГСа. Гарик подал заявление, чтоб его расписали с Тинкой.

З л о т а. Ой, я не могу выдержать...

Р у з я (*Миле*). Одевайся и идем искать Гарика... Я его закрою дома голого...

З л о т а (*смотрит в окно*). Ой, вот он сам идет.

М и л я. Тише, только не кричите на него, я сам с ним поговорю.

Входит Гарик, бледный, возбужденный.

Р а х и л ь. Где ты был, Гарик, что мы тебя все искали?

Г а р и к. Не твое дело.

М и л я (*Рахилу*). Вы не вмешивайтесь (*к Гарик*), разденься, сынок, сядь, я с тобой поговорю.

Г а р и к. Говорить нечего. Мы с Тинкой подали заявление в ЗАГС... Я люблю ее, она любит меня...

Р а х и л ь. Но ведь она старше тебя на пять лет... Папа ее был немец, что он убивал евреев, а мама ее уборщица, что она здесь во дворе мало разве кричала: жида!

Г а р и к. Баба, закрой пасть.

Р а х и л ь. Закрой пасть... Сморкач... Подожди. Тинка еще тебе крикнет – жид... И Луша тебе крикнет – жид...

Луша тебя ненавидит...

Г а р и к. Я женюсь на Тине, а не на тете Луше.

Р а х и л ь. Тетя Луша... Злота у него не тетя Злота, ей он кричит "заткнись", а Луша, что она ненавидит евреев, у него тетя... Луша, что она при немцах танцевала голая на столе.

М и л я (*Рахилу*). Зачем такое говорить при молодом парне... Вы это видели?

Р у з я (*Миле*). Ты еще будешь Лушу защищать! Отдай Гарика в ее руки, отдай. Гарик, я тебя голого раздену (*хва-*

тает его, тот пытается вырваться, борьба. От толчка падает с книжного шкафа и разбивается бюст Ленина).

Рахиль. Осторожно, сейчас вы разобьете зеркало... Взяли и разбили... Этот Ленин у меня с 45-го года стоял и был целый.

Рузя. Молчи, мама... Людоед... Я тебе заплачу за бюст Ленина... Гарик, стой, Гарик... Миля, что ты сидишь...

Миля. Сядь, сынок, поговорим...

Гарик (*плачет, кричит, хватает хлебный нож, приставляет его к запястью*). Я себе удары перережу... Вены вспорю...

Рахиль (*кричит*). Заберите у него нож... Ой, ой, ой...

Злата. Ой, мне плохо...

Миля и Рузя хватают Гарика, забирают у него нож, стаскивают с него пальто, раздевают один ботинок. Он вырывается, брыкает ногой, не дает Миле снять второй ботинок, попадает ему пониже живота ногой.

Миля (*хватается за пораженное место руками*). Ой... Темно в глазах...

Рузя (*кричит*). Что ты скорчился! Держи Гарика!

Миля. Не могу... В глазах темно... Он мне попал ногой...

Гарик отбрасывает Рузю, бежит к дверям в одном ботинке, но Рахиль успевает подбежать, тяжело, по-астматически дыша, и загородить дорогу. Гарик толкает ее в грудь. Она пошатнулась, но устояла. Тогда он хватает ее за халат у горла, но в это время Рузя и оправившийся Миля вцепились в него. Слышен треск материи.

Рахиль (*кричит*). Ой, он порвал на мне халат! Ой, он порвал на мне халат! Ой, он порвал на мне халат! Ой, он порвал на мне халат! Ой, он порвал на мне халат!

Под крики, плач, звон разбивающейся посуды, ползет занавес.

Картина 8-я

В большой комнате стало гораздо свободнее, исчезла Рузина полированная мебель. Вместо старого телевизора стоит телевизор другой конструкции. Майский теплый вечер. Дверь балкона приоткрыта. За

столом сидит Рахиль, совсем уж сильно растолстевшая, обрюзгшая, но по-прежнему с живым острым взглядом. Рядом сидит полный бородатый человек, в котором с трудом можно узнать Вилю. Злота у зеркала примеряет платье Быле. Злота с жидкими седыми волосами, с выцветшими, слезящимися глазами. Тонкие косички торчат у нее, как козлиные рожки. Двигается Злота совсем медленно. Быля еще молодится, но старость уже явно проступает на ее лице и еще больше подчеркивается пудрой и крашеными губами.

З л о т а (*поет слабым голосом*). Тира-ра-рой, птичка, пой... Здесь будет встречная складка...

Р а х и л ь. Слышишь, Быля, так я пошла и дала за ковер задаток три рубля... Мне дадут в рассрочку, чтоб повесить над Злотиной кроватью вместо ее тряпки... Что ты скажешь, Виля, я правильно сделала?

З л о т а. Я тебе свою стену не дам. Ты потом отдашь ковер детям, а я останусь с голой стеной. У меня тряпка как тряпка...

Р а х и л ь. Ой, она кричит... Виля, у вас в Москве тоже так кричат?

В и л я. Ты имеешь от нее отрезанные годы (*смеется*).

З л о т а. Она потом отдаст ковер Рузе, а я останусь с голой стеной.

Б ы л я. Ну, как Рузя, довольна квартирой, Рузя?

Р а х и л ь. Ничего. Они получили там, где был раньше роддом. Однокомнатная, зато есть удобства — уборная, отлив... У меня уже нет сил таскать с лестницы ведро, особенно зимой.

Б ы л я. Так Рузя довольна, Рузя?

Р а х и л ь. Им хватает... Ей и Миле... Ребята уже женились... Марик в Ленинграде, а Гарик в Минске... Ничего...

Б ы л я. А кто их жены?

Р а х и л ь. Кто они? Марикина жена учительница, ее зовут Надя... А Гарикина жена еще студентка, вместе с ним учится в строительном институте, но ее тоже зовут Надя... Ничего... Она будет экономист, а он будет строитель.

З л о т а. Я к Марикиной Наде ничего не имею и к Гарикиной Наде ничего не имею... Они очень хорошие.

Р а х и л ь. У тебя все очень хорошие... Ничего (*вздыхает*).

Как бы там ни было, но таки плохо тем, кто лежит в земле. *(Начинает плакать.)* Как говорят ды гоем: колы нэ умыраты, то треба дэнь тэряты...

Б ы л я *(вытирает глаза)*. Я слышала, что Сумер умер на улице, я слышала... Так говорят...

Р а х и л ь. Чтоб у того выкрутило рот, кто так говорит... Что он, нищий, чтоб умереть на улице...

Б ы л я. При чем тут нищий, при чем тут... Слушай но... При чем тут нищий... Каждый может умереть где угодно... Даже царь может умереть на улице, даже царь...

З л о т а *(плачет)*. Он стоит мне перед глазами... Он был такой хороший брат... Он недостает мне в каждом уголочке... Уже пять месяцев скоро, как он умер...

Р а х и л ь. Чтоб у того выкрутило рот, кто говорит про нашего Сумера, что он умер на улице... Он умер не на улице, а в этом новом универмаге, что построили возле церкви *(плачет)*. Слышишь, Виля, 26-го январь, ой, я хорошо запомню это число, он пошел покупать ведро в универмаге. Я его встретила на улице и говорю: Сумер, зайти к нам... Он говорит, я сейчас пойду, куплю ведро в универмаге и на обратном пути зайду к вам... Так он только поднялся на лестницы, чтоб войти в универмаг, сразу упал... Тогда какие-то люди его занесли внутрь, потому что на улице мороз... А эти гойки, продавщицы, сейчас же продавщицы все гойки из села у нас, евреев сейчас ы в торговой сети нету, так гойки начали кричать: вынесите этого пьяницу... Но в универмаге была Векслер, что она когда-то работала со мной в Торгсин... Ты знаешь, Виля, что такое Торгсин? Это где дефицитный товар продавали не на деньги, а на золото и драгоценные камни... Так эта Векслер говорит: нет, это не пьяница... Это Луцкий...

З л о т а *(плачет)*. Он стоит у меня перед глазами... Он пережил Зину почти на год... Зина умерла от сахарной болезни...

Б ы л я. Да, я слышала, от диабета.

Р а х и л ь. В общем, как рассказывают, Сумер пришел в себя, сел, вынул конфетку, положил в рот, вынул платок, вытер губы... Ему говорят — позвать сестру? Это про меня...

Меня ж в городе все знают... Позвать сестру, Рахилю Абрамовну *(плачет)*. Он говорит: не надо... Это были его последние слова... Потом я пришла в больницу, так он лежал и спал. Но одно ухо у него было синее. Я его поцеловала... И еще один там лежал и спал. Так тот проснулся, а Сумер нет... Три дня ему не хватало до восьмидесяти лет... Мы ему устроили похороны... Но в больнице хотели, чтоб он еще лежал... Некому было копать яму... В тот день было шесть покойников... Тогда товарищ Сумера дал из свой карман двадцать рублей, и яму выкопали... Виля, ты помнишь Сумера?

В и л я. Как же... Бердичевский Вольтер...

Р а х и л ь. Что значит Вольтер? Что значит, ты говоришь на Сумера – Вольтер... Я не понимаю.

Б ы л я. Это такой писатель.

Р а х и л ь. Он не был писатель, но он был очень умный.

Входит шумно Валя с половыми дорожками в руках. Одета она в обноски, повязана рваным платком, но веселая, с маленьким носиком и круглым лицом.

В а л я. Луша каже: ты чего дорожки трепашь... Пыль на ней идэ... От зараза, вредная... Кажэ: она менэ вдарыть... *(Смеется)*.

Р а х и л ь. Пусть попробует... Луша думает, что это ей при немцах, когда она голая танцевала на столе... Ты знаешь, Быля, что это за Луша? Гарик ведь хотел жениться на ее дочке Тинке... Ой, тут было несчастье... Эта же Тина от немца... Правда, Валя?

В а л я. От немца... Луша кацапка с нимцями гуляла из комендатуры... *(Смеется)*.

В и л я. А вы откуда знаете? Вы из одного села?

В а л я. Нет, я из Семеновки *(смеется)*.

Р а х и л ь. Что, ты не помнишь Валю? Она у нас уже, может, десять лет пол моет... У нее сестра есть в Виннице, тоже уборщица, а больше никого нет... Я правильно говорю, Валя?

В а л я. Правильно *(смеется)*.

В и л я. Вы в колхозе работаете?

Р а х и л ь. Как же она в колхозе, если она ездит мыть

полы... Ой, вэй з мир...

В а л я. Я без матэри колы зусталась, пишла на стройку подсобницей. Далы мени паспорт. А скоротылы, паспорт в мене видибралы, пишла поденно.

З л о т а. У нее в селе есть землянка... Она содержит собака, кошка, несколько куриц (*смеется*). Я ей всегда для собака кости собираю.

В а л я. Собака гавкает, а кот мышей и горобцов ловит... Я иду на работу, и он идет на работу (*смеется*).

Б ы л я. Сколько же вы ей платите за то, что она убирает, сколько?

Р а х и л ь. Я ей даю рубль и покушать...

З л о т а. У Вали главное картошка... Я ей покупаю тюльку, я ей покупаю капусту... Уже десять лет она моет у нас полы.

Р а х и л ь. Но у меня нет сил, я не могу согнуться.

В и л я. А сколько же вам лет, Валя?

В а л я. Шестьдесят три... Поки не хвора, то добре, а як захворю, кто мене будет годувать... Подохну (*смеется*).

З л о т а. Як помрешь, то задницу не забачишь (*смеется*).

Р а х и л ь. Валя, возьми дорожки, что под ноги кладут, и потрепай... Но больше их не стели возле кровати.

З л о т а. Как это не стели... Мне холодно в ноги.

Р а х и л ь. Я не имею сил трепать, а Валя вместо всех этих тряпок лучше пускай хороший ковер выбьет.

З л о т а. Но мне холодно в ноги.

В а л я (*смеется*). Злота хоче, щоб чисто було и щоб не трипаты... Цю Злоту треба начальником посадыты (*смеется*).

Р а х и л ь. Да, на чужих плечах она молодец.

З л о т а. Ну, я не могу, вот так она на меня наговаривает.

Б ы л я. Злотка, не нервничай, Злотка...

В и л я (*к Вале*). А пенсия у вас есть?

В а л я. Нема... Ничего... Ци пенсионеры вже смердят... А як хвора стану, краще помру (*смеется*).

Р а х и л ь. Валя, что-то ты сегодня много говоришь... Вынеси-ка ведро. (*Валя уходит*). Зи даф эсен дрек... Она должна кушать, извините за выражение, то, что в уборной...

Такая грязная... И она живет, а Сумер умер. *(Плачет)*.

Б ы л я. Вечного ничего нет, правда, Виля? Виля очень хорошо выглядит.

Р а х и л ь. Ну что ты хочешь, научный работник.

В и л я. Я не научный работник.

Р а х и л ь. Ну все равно, большой человек... Ой, сколько мы пережили, сколько Злота плакала... Теперь уже слава Богу... Быля, ты видела, какое у него красивое пальто?

Б ы л я. Я видела, московское... Моя Мэра тоже должна скоро поехать в Москву... У нее там знакомые, у нее там... Овечкис. Ты не слышал, Виля, Овечкис? У него труды опубликованы. Этот Овечкис тоже сейчас приехал, он у нас гостит... Ты не слышал Овечкис?

В и л я. Я не слышал.

Р а х и л ь. Откуда он знает? Что, Москва, это Бердичев?

Б ы л я. Злотка, так когда на примерку, Злотка?

З л о т а. Через три дня.

Б ы л я *(переодевается в соседней комнате, выходит)*. Когда ты едешь, Виля?

З л о т а. Он же только приехал.

Б ы л я. Ну, слава Богу... До свидания. *(Уходит)*.

Р а х и л ь. Злота, быстрее переверни стакан... Зи кен гибен а гытойг... она может сглазить *(дает дули в дверь)*. На, на... Соль в глаза, камни в живот.

З л о т а. Зачем ты так говоришь... Это наша родственница...

Р а х и л ь. Родственница. Троюродная пуговица от штанов... Виля, ты меня слушай, если я говорю, так это сказано. Ты ее Мэру видел? Петух. Одно горло и больше ничего ни спереди, ни сзади... Когда Мэра ездила в Крым, так у нее ушло триста рублей. Но нельзя говорить. Она ходила кушать только туда, где музыка играет... Еще хорошо, что она из Крыма не привезла сифилис...

З л о т а. Боже мой, что она говорит... Мэра очень честная девочка...

Р а х и л ь *(смеется)*. Девочка... Олте мойд... Старая дева, а не девочка... А Быля скрывает, что ее отец был простой

бондарь... Всю жизнь она хотела дружить только с докторами... Она хотела мужа для Мэры доктора... Но ее Мэра поехала в Крым и, говорят, она там жила с одним узбеком... Еще хорошо, что она не привезла сифилис, как дочка Иванова.

З л о т а. Где есть сплетня, так она приносит.

Р а х и л ь. Злота, чтоб Бог помог прекратить твои крики... Ты меня слушай, Виля... Ты Иванова знал?

З л о т а. Откуда он знает Иванова?

Р а х и л ь. Его фамилия Иванов, но он еврей... Закупщик скота... Богатый... Кооперативная квартира... А у его дочки уже ребенку десять лет. Так она поехала на курорт, познакомилась с киевлянином и привезла сифилис *(смеется)*. Ничего... Мужа у нее нет, с мужем она разошлась... Но в квартире надо делать ремонт, так пришли маляры. Так она легла с одним маляром и заразила его. А он разнес сифилис по городу *(смеется)*. Такая сволочь... А этот Иванов был при немцах...

З л о т а. Рухл, что ты рассказываешь всякая ерунда, дай ему покушать *(ставит на стол яички и котлеты)*.

Р а х и л ь. Злота, что за маленькие котлетки ты сделала? Большие люди едят эти котлеты, а ты сделала как для маленьких детей...

З л о т а. Ну, я не могу... Только она хочет быть надо мной хозяйном, только она хочет взять меня себе под ноги... Виля, не бери масло из этой масленки, это Рахилино... Вот наше *(подвигает точно такую же масленку)*.

Р а х и л ь. Виля, если я от нее выдерживаю, так я железная... Ну так что, если он возьмет немного моего масла? Что, я обеднею?

З л о т а. Зачем, когда у него есть свое...

В и л я. А как же вы различаете? Ведь масленки совершенно одинаковые, обе из синей пластмассы?

З л о т а. У моей здесь прикреплен бумажный кружочек от катушки.

Р а х и л ь. Виля, посмотри на нее с этими косичечками *(смеется)*. Зи кен аф мынен... Она может пригодиться для мынен... Ты знаешь, что такое мынен? Это в синагоге нужно десять человек, чтоб состоялась молитва. Если девять, это не

годится... Тогда искали десятого, кого угодно, даже идиота *(хохочет)*.

З л о т а. Если б не мое горе, я б твоего лица не видела... Я бы уехала в Москву... Что у меня там не было бы заказчиц? *(Плачет)*.

Р а х и л ь. Ша, Злота, дай Виле спокойно покушать... Большой деятель... Она уже пять лет не выходит на улицу, так она поедет в Москву.

З л о т а. Она мне не дает слова сказать, она меня все время перебивает... Я раньше так хорошо ходила, у меня были такие крепкие ноги...

Р а х и л ь. Ты всегда имела плоскостопие, сколько я тебя помню... Виля, ты меня слушай... До революции мы жили как бедняки. Кто был наш отец? Простой шорник... Так если покойная мама сварила суп из картошки, у нас был веселый день. Боже паси, чтоб дети ели когда-нибудь яйца. Но Злоте запаривали яйца.

З л о т а. Мне давали яйца потому, что я самая первая из детей начала работать... Раньше Сумера... Мне еще было восемь лет, когда я пошла работать ученицей к портному. *(К Виле)*. Раньше портних не было, только портные... Раньше лучше одевались, а сейчас барахло... Мне лежит в памяти, когда после революции покойный Сумер держал магазин от вещи *(садится, наливает себе чай, берет яблоко, кусает)*. Я люблю чай пить с яблок... Так про что я говорила?

Р а х и л ь. Злота, когда пьют чай, так молчат, а то можно, не дай Бог, подавиться... Ты помнишь, как ты подавилась костью от рыбы? Ой, Виля, я железная... Если б Дуня снизу не прибежала и не начала Злоту бить по спине, так кость бы не выскочила... Ты бы видел кость... Как человек может проглотить такую кость... Эта кость, когда выскочила, так ударила о миску, что звон пошел.

З л о т а. Ну, она не дает мне слова сказать... Я помню, как в Варшаве была еврейская религия.

Р а х и л ь. Она помнит... Ты что, была в Варшаве? Злота, что-то с годами ты стала лыгнерын... обманщица...

З л о т а. Но она меня только хочет плохо поставить перед

людьми... Я не была, но я помню, как дедушка рассказывал... Я помню нашего дедушку, он был такой красивый, у него на всех пальцах были кольца... Сколько было пальцев, столько было колец... Он имел теркешер пос... Турецкий паспорт... Так как только начиналась война, так приходили эти красные колпаки и его арестовывали... Я помню, как мы все дети сидели и обедали и пришли красные колпаки и его арестовали... Ой, мы так плакали...

Р а х и л ь. Вот она тебе скажет... Красные колпаки, это же гайдамаки, они в гражданскую войну были... А до революции был пристав. Это пристав пришел, чтоб арестовать дедушку, что я не помню...

З л о т а. Я лучше тебя помню... Дедушка был приказчик. Он ехал в Варшаву за товаром. Раньше евреев не пустили в Киев и Москву, а только в Варшаву. Мне лежит в памяти. О, какие платья тогда были. Теперь не платья, а барахло. Они ездили в Варшаву покупать... В Киеве жили только первогильдники, капиталисты и ремесленники... Тогда портних не было, только портные...

Р а х и л ь. Злота, что ты повторяешь одно и то же...

З л о т а. Ну, она не дает мне слова сказать... В Варшаве евреи ходили с бородами, шапки с козырьком, женщины носили парик...

Р а х и л ь. Злота, что за вареники ты сделала? Котлеты ты делаешь маленькие, а каждый вареник как Эгдешман... Тут был такой большой грузчик Эгдешман, так каждый вареник как Эгдешман.

Входит Валя с дорожками.

В а л я *(смеется)*. От зараза... Луша znovu каже, что мене вдарить, бо я дорожки трепаю и роблю пыляку... Зараза ии мамци... Кацапка погана... Ии позавчора з церкви пип выгнав...

Р а х и л ь. Ты слышишь, Злота, что такое Луша... Валя говорит, что Луша обделалась перед попом и он велел ее выгнать из церкви.

З л о т а. Зачем такое говорить на человека?

В а л я *(смеется)*. Я сама бачыла як ии з церкви выгналы...

Р а х и л ь. Ну, иди, Валя, здоровая... Так ты придешь в пятницу? Иди...

Валя уходит.

З л о т а *(зовет)*. Валя... Валя... Ой, если я сяду, я уже не могу подняться *(хватается руками за стол, поднимается, берет с подоконника газетный сверток)*. Я забыла ей дать... Эти кости я собираю Вале для собаки.

Р а х и л ь. Дай но сюда... Выброси их... Валя должна знать, что ты кушаешь курицу?

В а л я *(заглядывает)*. Вы мене клыкалы?

Р а х и л ь. Нет, ничего, иди, Валя. *(Валя уходит.)* Она потом пойдет вниз и все расскажет о нас гоем, как мы живем, что мы кушаем курицу. Но у меня они могут знать, только что в заднице темно...

В и л я. А где Дрыбчик?

З л о т а. Дрыбчик? Ой, он помнит Дрыбчика... Дрыбчик еще два года назад утонул.

Р а х и л ь. Он поспорил на поллитра, что переплывет Гнилопять... Так туда он переплыл, а назад – нет... А тут был во дворе еще один бандит, Витька Лаундя, ты помнишь, Так ему отрезали обе ноги, у него гангрена... А ты помнишь муж Дуня, что они были на Рузиной свадьбе?

З л о т а. Фамилия его Евгеньевич, нет, Евгений... Чтоб я так знала про него...

Р а х и л ь. Вот она тебе скажет... Евгеньев его фамилия... Так пять лет назад он застал у Дуни одного пенсионера, что он за этой старухой ухаживал, и так крикнул от ревности, что у него оборвалось сердце *(смеется)*.

З л о т а. Зачем тебе надо смеяться? Человек умер...

Р а х и л ь. Чтоб он раньше на тридцать лет ушел головой в землю... Это он нам порекомендовал Милю... А когда я спросила Рузю – Рузя, он тебе нравится? Она ответила: ничего паренек...

З л о т а. Рухл, перестань. Миля совершенно переменялся. Он теперь совершенно другой, после того, как с ним случилось несчастье.

В и л я. Какое несчастье?

Р а х и л ь. Ой, ты еще не знаешь.... Ему же отрезали палец...

З л о т а. Боже мой, что тут было... Он ходил купаться зимой на речку, и на него упал лед... Думали, что отрежут всю руку, но отрезали только палец... Еще слава Богу...

Р а х и л ь. Так одним пальцем он уже на том свете (*смеется*).

З л о т а. Рухл, перестань, он еще молодой... Ему недавно отметили шестидесятилетие, в прошлом месяце. Так вечеринка была здесь у нас, потому что у них нигде. Он пришел и говорил со мной и говорил с Рахилей... Шестьдесят лет... Он еще молодой...

Р а х и л ь. Молодой... Собака в его возрасте уже давно сдыхает...

З л о т а. Ой, Боже мой (*смеется*).

Р а х и л ь. Когда они здесь жили и Злота хотела смотреть телевизор, так Миля его выключал, когда она выходила, так он опять включал.

З л о т а (*смеется*). Ну, он такой человек... Плохого человека надо поднять... —

В и л я. Что? Понять?

З л о т а. Нет, не понять, а поднять... Плохому человеку надо сделать почет, тогда ему будет приятно.

Р а х и л ь. Это ты им делай почет... Ты хорошая, а я не хочу быть хорошей... Быля, вот Злота сейчас будет кричать, но Быля теперь говорит, что ты хорошо выглядишь, и у тебя хорошее пальто. А раньше она смеялась над тобой.

З л о т а. Это неправда. Она всегда спрашивала, как Виля.

Р а х и л ь. Ты меня слушай... Йойна тебя назвал "вечный студент"... Я ему говорю, что значит "вечный студент"... Как вы так говорите, Йойна. Вот вы сейчас смеетесь, а еще будет время и люди лопнут от зависти, когда посмотрят на нашего

Вилю... Я и Злота всем так говорили... Мы наши дети не брсаем... Если надо посылка, так посылка. Сегодня мы Виле дадим, завтра он нам даст... Правильно, Злота... А Йойна за то, что он так говорил, теперь вырезали из носа кусок мяса.

З л о т а. Зачем ты радуешься, это же несчастье...

Р а х и л ь. Ничего. То, что я сказала Виле, так Виля никому не расскажет. Говорят, что у Йойны рак, но Быля это скрывает. Слышишь, Виля, каждый год Быля с ним едет в Киев и у него из носа вырезают кусок мяса... Это стоит еще тех денег... Ай, я не хочу о них думать, у меня есть про что думать. Виля, посмотри лучше на Алла и Лада, чтоб мне было за них. *(Достает с буфета альбом.)* Это Алла, ой, как она красиво танцует, она будет балерина... А это ты думаешь, Люся в детстве? Нет, это Ладушка... Смотри, с воздушным шариком. Это я ей купила, думаешь, это Петя ей купил?

В и л я. Современный Бердичев в третьем колене.

Р а х и л ь. Чтоб мне было за их коленки... Ой, надо же позвонить Рае в ЗАГС... Алла не хочет быть Пейсаховна... Она хочет быть Петровна... И Лада тоже от нее учится... Когда Петя родился, так его родители записали не Петя, а Пейсах... А я им говорю: о чем вы раньше думали, идиоты?

В и л я. Да, проблема сложная, но временная. Это последнее Пейсаховичи и Исааковичи... В жизнь вступило поколение Анатолиевичей, Эдуардовичей, Алексеевичей, Александровичей...

Р а х и л ь. А ему дали имя Пейсах... Так я зашла к Рае в ЗАГС... Ой, Рая, ей ниоткуда прожить день... Сколько у нее зарплата? Она собирает бутылки, что их оставляют пьяницы, и сдает... Так Рая мне говорит, когда Алле исполнится пятнадцать лет, надо написать заявление и пятнадцать рублей... Но я думаю, что за пятнадцать рублей я им обеим Пейсаховна поменяю на Петровна. Что ты скажешь, Виля?

В и л я. Нет, за пятнадцать рублей только Алла будет Петровна.

Р а х и л ь. Ну, что ж, мэйле... возьму в кассе взаимопомощи тридцать рублей... Ради своих детей надо делать все... Кто-то звонит... Злота, забери но свое трико... Всегда она по-

садит свое трико на палку, что я открываю задвижку в печке, и выставит это свое трико на видное место сушить...

З л о т а. Она рвет от меня куски (*снимает трико с палки и уносит его*).

Входит Борис Макзаник.

М а к з а н и к. Ну, где тут ваши гости?

Р а х и л ь. Какие кости?

М а к з а н и к. Где здесь знаменитый человек? Ах, вот он, бородатый... Ну, здоров...

В и л я. Борис Макзаник нас заметил и, в гроб сходя, благословил.

М а к з а н и к (*хохочет, выпучив глаза*). Ну, как Москва?

З л о т а. Садитесь, выпейте с нами чаю... Я теперь вам не могу говорить "ты".

М а к з а н и к. Да, мы повзрослели (*хохочет*). И поборо-дели (*хлопает Вилю по плечу*).

Р а х и л ь. Как папа, как мама?

М а к з а н и к. Ничего, болеют... Старшее поколение...

З л о т а. Я помню, как ваш папа, еще до войны, читал лекции о международном положении на еврейском языке.

М а к з а н и к. Отец у меня хороший, батя... Конечно, возраст, но продолжает, несмотря на пенсию, работать в области журналистики. Внештатный корреспондент "Радяньской Житомирщины". Вы читали недавно его большую статью "Жертвы сионизма", про евреев, которые уехали из Житомира в Израиль и теперь хотят вернуться назад ?

Р а х и л ь. Я только местную газету выписываю "Радяньский шлях".

З л о т а. А как ваш сын? Извините, я вас спрашиваю...

М а к з а н и к. Сын... Вот мой сын (*достает фото*). Уже семь лет мальчику. (*Виле, тихо*). Может, прогуляемся, а то тут тетушки.

В и л я. Нет, гулять не хочется.

М а к з а н и к. Э-э, да ты, я вижу, скис. А вот смотри фото: мы с тобой, какие молодые ребята, и вот твоя надпись: другу по надеждам и мечтам... Молодость...

В и л я. Мао Цзе-дун прав. В молодости человек — это чистый лист бумаги...

М а к з а н и к. Странные у вас в столице мысли... Пришел бы на завод, пообщался бы с рабочим классом, тогда и дети появятся *(хохочет)*. Это ведь очень просто... Не получается, передохни, погуляй немного по комнате, скушай ложку меда... Ну, а если всерьез, я стихи своему сыну Саше недавно написал. Хочешь послушать?

В и л я. Прочти.

М а к з а н и к. Стихи обычно приходят вечером после трудного дня... Вот, послушай: "Сыну Саше. Эпоха целая прошла с тех пор, как мама на горшок тебя сажала, а ты кричал уа-уа и ничего не понимал. Теперь ты взрослый человек, не делаешь сырых пеленок, но я хочу, чтоб целый век был жив в тебе, мой сын, — ребенок" *(последнюю фразу произносит дрогнувшим голосом)*.

В и л я. Ничего *(начинает кашлять)*.

М а к з а н и к. А вот совсем другая тематика, скоро будет напечатано... "Страна советская большая, нет в ней бесчисленных врагов, живет прекрасно расцветая среди полей, лесов, лугов. А если враг захочет снова Россию пеплом всю обжечь, не надо им влезать в Россию, им надо голову беречь" *(хохочет)* Это я по проблемам мирного существования.

В и л я. В общем неплохо *(начинает кашлять)*. Что-то я простудился.

М а к з а н и к *(смотрит на Вилю искоса)*. Тогда чтоб рабочему вылечить тебя от интеллигентской простуды, я тебе прочитаю кое-что другое... Вот афоризмы, которые, может быть, пойдут тебе на пользу... "Душа — это алмаз, а ум — это инструмент, который обрабатывает алмаз"... "подавляя свою душу или не связывая ее с умом, с действительностью человек углубляется в мир иллюзий и мистики, следствием чего является презрение к людям".

В и л я. Ничего *(кашляет)*. А это ты один писал или в соавторстве, как Козьма Прутков?

М а к з а н и к. О человеке можно судить не по тому, что он говорит, а какие вопросы он задает *(вскакивает)*. Ты был

дурак и остался дурак, хоть что-то там вытворяешь в Москве.

Рахиль. Ой взй з мир... Что? Кому ты говоришь дурак? Сморкач паршивый. Так, как я держу руку, так я тебе войду в лицо.

Макзаник *(кричит)*. Негодяи, сволочи... У меня нервы, как струны! Ты думаешь, я не видел, как ты надо мной насмеялся... Кашляет, кашляет...

Рахиль. Ты сам сволочь... Твой папа всегда имел любовниц и ты такой же... Уйди, чтоб тебя не видать... Кто тебя сюда звал? Ты сам звонил каждый день, спрашивал, когда Виля придет... Что ты нам нужен... Даже, когда я сижу в уборной, я о тебе не думаю...

Макзаник. Когда мне надо будет, я уйду... Пусть ваш Виля не думает, что только он один человек, а все вокруг него клопы... Он был дурак и остался дурак... Вот он показал сейчас себя во всей красе. *(Быстро уходит, хлопает дверью)*.

Рахиль. В голове чтоб ему стучало... Виля, что ты ему не ответил? Он тебе сказал дурак, надо было сказать: от дурака слышу... Что ты так побледнел, Виля, что ты переживаешь? Что, ты не знаешь Макзаника, это же идиот... Его весь Бердичев считает за идиота.

Злота. Боже мой, Виля, ты себя что-то плохо чувствуешь? Может, ты ляжешь, и я тебе дам чаю в постель?

Рахиль. Такое горе... Это твоя идея, Злотеле... Я сказала — он здесь не нужен, а ты говоришь, надо пригласить, неудобно... Макзаник просит... Он просит... Чтоб он уже себе смерти просил...

Злота. Она от меня куски рвет *(плачет)*.

Виля *(встает)*. Может, действительно, мне сегодня уехать? Я еще успею на казатинский поезд, а ночью из Казатина идет много поездов на Москву.

Злота. Как это ехать? Что-то я тебя не понимаю. Ты же только приехал, ты не был пятнадцать лет *(плачет)*.

Виля. Но я вас повидал, побыл день... Достаточно...

Рахиль. И за то, что Макзаник сказал тебе "дурак", так ты хочешь уехать? Смотри-ка, Злота плачет. Я тебе сейчас

расскажу, так ты поймешь. Тут в Житомире есть один, так его имя Израиль. Так его все зовут "Агрессор". Так он смеется. А ты переживаешь, что Макзаник сказал тебе "дурак"...

В и л я. Он смеется? Тогда другое дело, тогда я просто погуляю по Бердичеву.

З л о т а. Виля, куда ты идешь? Ведь поздно, дождь начинается.

В и л я. У меня есть зонтик. *(Выходит)*.

Р а х и л ь *(кричит вслед)*. Только не ругайся с гоем здесь во дворе... Ты себе уедешь, а нам с ними надо жить... Злота, ты не переживай, не переживай... Этот Виля всегда был раскрученный... Цыдрейтер... Мышигинер... Сумасшедший...

З л о т а *(кричит)*. Ты и дети твои сумасшедшие *(плачет)*.

Р а х и л ь. Злота, чтоб тебе вывернуло рот... Он ушел, так я виновата... Такое горе... Дети мои ей не нравятся... Дети... Макзаник таки прав, хоть он идиот... Что я не знаю, что Виля смеется надо мной, над моей Люсей, над моей Рузей, над Мариком, над Гариком, над Петей, над Аллой, над Ладой, над всеми... Только он умный... Но где он работает, неизвестно, и какая у него зарплата — неизвестно, и кто он такой — неизвестно... Моя Люся таки правильно про него говорит...

З л о т а. Твоя Люся такая же, как твой муж Капцан... Она молчаливая собака, собака с закушенным ртом...

Р а х и л ь. Ты сама собака... Мой муж ей не нравится... Надо было иметь своего мужа...

З л о т а *(кричит, плачет)*. Ты говоришь, что у тебя был муж, а у меня не было... Если б я хотела, я б имела мужа... Но я должна была кормить маму и папу, они были больные *(звонит телефон)*. Ой, что-то мне плохо, что-то мне колет сердце, что-то мне схватил живот...

Р а х и л ь. Ну, иди на ведро... Тихо, это Житомир... Немая чтоб ты стала *(берет трубку)*. Девушка, а ле... это Житомир? Да, я заказывала... *(К Злоте)*. Иди на ведро... Тихо... *(В трубку)*. Люся.. Здравствуй... Ой, я без детей не могу, я каждый

вечер звоню, ты же видишь... Ой, я только что имела... Виля приехал, так пришел Макзаник и сказал ему "дурак"... Что ты смеешься... Так Виля побелел, как стена, и хочет ехать назад в Москву... Ничего... Слава Богу... Так он хорошо выглядит, у него красивое пальто... Он привез лимоны, так десять он дал мне, а шесть я взяла так, может, я возьму еще несколько... Я приеду, так я привезу вам лимоны... Злоте нельзя, у нее кислотность... Так он хорошо выглядит, но где он работает и какая у него зарплата, когда я буду знать, так я тебе скажу (*смеется*). Он пошел гулять, этот елд... А Злота на ведро... Что у вас? Что слышно... Ты, наверно, ходишь боса... Отвари детям кусочек курицы, я приеду, я привезу еще куры... Лада, чтоб мне было за нее, как она... Но про Вилю ты не рассказывай мансы в Житомире... Дай Ладочку... Здравствуй, моя сладкая девочка... Как баба тебя учила стихи? От а елд а копелеш... Имеет дурак шляпу... Мыт ды ланге пеес... И длинные пейсы... (*Смеется*). Вот он идет этот елд... Целую тебя, чтоб мне было за тебя... Нет, это Рузя и Миля пришли... Я целую... Я завтра позвоню (*Вешает трубку*).

Входят Рузя и Миля. Рузя сильно поседела, потолстела и стала похожа на Рахиль. Миля, наоборот, похудел. Рука его перевязана.

Рузя. А где Виля?

Злота. Он пошел немного погулять.

Миля. В такой дождь гулять?

Рахиль. Ну так он гуляет в дождь, что можно сделать... Ой, я тебе скажу, Рузя, я железная, что я это все выдерживаю...

Злота. Я не могу жить (*плачет*).

Миля. Не надо ругаться, главное здоровье...

Рахиль. Как твой палец?

Миля. Какой палец? Пальца нету.

Рахиль. Я спрашиваю, как рука.

Миля. Ноет... Вот сегодня дождь, так она ноет особенно и палец, хоть его нету, тоже ноет.

Рахиль. Что пишет Марик? Что пишет Гарик? Чтоб мне было за их кости.

Р у з я. Слава Богу, все хорошо.... Марик скоро должен получить квартиру, а Гарику я послала посылку.

Р а х и л ь. Злота, куда ты идешь?

З л о т а. Выйду на балкон, может Виля надойдет.

Р а х и л ь. Сумасшедшая, хочешь простудиться... Ой, я железная, я уже не могу... Виля поругался с Макзаником, так он хочет уехать... Что я виноватая... Я сказала, Макзаника не надо приглашать, а Злота хотела.

З л о т а. Ты все говоришь, как тебе выгодно.

М и л я. Этот Макзаник к юбилею прислал мне стихи... "Лично вас поздравить рад, должен вам признаться, что вам на вид не шестьдесят, а три раза по двадцать"... Так потом я выяснил, что Макзаник посылает эти стихи всем юбилярам, только меняет цифры... Так разве можно на него обижаться...

Р а х и л ь. А что я говорю, на идиота нельзя обижаться... Так ведь Виля, Вилечка... Виля такой горький, как желч... И нельзя сказать, Злота кричит... Он поругался с Макзаником, так он хочет уехать... А Злота плачет.

М и л я. Взрослый человек, а ведет себя как мальчишка. Вы помните, как я однажды пришел с товарищем, а он был пьяный и ударил меня в глаз... Мало ли что бывает...

Р а х и л ь. Это было в 56-м году... Я хорошо помню.

М и л я. Так я с ним месяц не разговаривал, а он ходил за мной и просил прощения... Вот как надо поступать.

Р а х и л ь. Ой, Боже мой... Чем дальше, тем нам труднее жить вдвоем... Две старухи... Если б уже найти какой-нибудь хороший вариант и поменять вашу комнату и наши две на отдельную двухкомнатную квартиру с удобствами.

З л о т а. Я скоро умру, так тебе будет легче.

Р а х и л ь. Ша, Злота, вот Виля идет... Злота, нашлась твоя пропажа... Злота, ты сиди, я открою. *(Рахиль уходит и возвращается с Овечкисом, одетым по-столичному, в очках).*

О в е ч к и с. Извините за позднее вторжение, мне нужен Вилли Гербертович.

Р а х и л ь. Кто?

О в е ч к и с. Вилли Гербертович.

З л о т а. Ну, Виля нужен... Он пошел погулять, заходите, пожалуйста, садитесь.

О в е ч к и с. Спасибо. Нас когда-то знакомил Бронфенмахер. Несколько лет назад, когда я сюда приезжал. Но я не знал, что вы родственница Вилли Гербертовича.

Р а х и л ь. Я помню... Вы у Были остановились?

О в е ч к и с. Да, у Были Яковлевны. Приехал в Киев в командировку, дай, думаю, навещу.

З л о т а. Хотите чаю?

О в е ч к и с. Спасибо, я чай почти не пью...

З л о т а. Что вы говорите... А я без чаю не могу...

Р у з я. Ой, я была в Москве, так там все ходят с собаками. Такие красивые собаки... В Бердичеве я не видела таких собак... У вас тоже есть собака?

О в е ч к и с. Есть.

М и л я. Я люблю немецкую овчарку. Боевая собака, может защитить хозяина. Ее стоит кормить... У вас овчарка?

О в е ч к и с. Нет, у меня доберман-пинчер.

Р а х и л ь. Как? Боберман-пинчер? Что ты скажешь, Злота? В Москве уже собаки имеют фамилии как люди... У моего покойного брата была собака, так ее звали "Шарик"... Он с ней только по-еврейски говорил. Он ей говорил: Шарик, штэл зех ин угол... Значит, Шарик, становись в угол... Он шел и становился... По-русски он не понимал.

О в е ч к и с. Шарик вполне русское имя... Странно, что он понимал только по-еврейски (*смеется*).

М и л я (*смеется*). Ну, теща, вы даете... (*К Овечкису*). Ну, люди всю жизнь прожили в Бердичеве... А как вообще Москва?

О в е ч к и с. Стоит на своем месте.

М и л я. А как "Аннушка", как "Букашка"... Я имею в виду кольцевые трамваи.

О в е ч к и с. Скажу откровенно, я трамваем не пользуюсь, у меня машина.

Р а х и л ь. Там в Москве у многих машины... А как Виля живет? Вы в Москве часто видитесь?

О в е ч к и с. К сожалению, мы в Москве не были знакомы... Действительно нелепость: приехать из Москвы в Бердичев, чтоб познакомиться...

З л о т а. Вам про него Быля рассказывала?

О в е ч к и с. Почему Быля? Я в Москве о нем много слышал.

Р а х и л ь. А что случилось?

О в е ч к и с. Случилось? Именно случилось... Может быть, именно случилось... Поэтому мне и хочется познакомиться с этим человеком.

Р а х и л ь. Что-то я вас не понимаю? Он работает, у него хорошая зарплата? Мы же ничего не знаем, он нам ничего не рассказывает.

О в е ч к и с. Вилли Гербертович пользуется авторитетом в нашем кругу...

Р а х и л ь *(смотрит, выпучив глаза, подперев щеку ладонью, пожимает плечами)*. Ну, пусть все будет хорошо.

З л о т а. Дай вам Бог здоровья за такие хорошие слова. Я всегда говорила, что люди лопнут от зависти, глядя на него *(плачет)*.

Р а х и л ь. Злата, что же ты плачешь? Ты же слышала, что все уже хорошо. *(К Овечкису)*. Вот так мы живем... Что делать, старые люди... Пенсионеры...

Р у з я *(медленно говорит, глядя перед собой)*. Сейчас таки много пенсионеров... Если бы я своими ушами не слышала и своими глазами не видела, я б никому никогда это не рассказала. Один лежал в больнице, так пришла комиссия и сказала, почему так много пенсионеров занимают койки.

М и л я. Я скажу честно: простому человеку, простому рабочему таки плохо, пенсионер он или нет... Вот я на бюллетене... Придешь к завкому, так он тебя обругает и ты уйдешь ни с чем.

Р у з я. Завком у нас таки грубый. Я работаю в электро-монтажном цеху уже десять лет, мой муж в отделе технической информации — уже двадцать лет, но что у завкома ни попросишь, он отказывает... Он говорит: откуда я возьму, что я, подоюсь...

М и л я. Он таки грубый.

Р у з я. А если б вы видели жену завкома. Никто она, никто. Но она жена завкома. Пойдет в "Гастроном", самую лучшую колбасу, конфеты... Миля видел, какое мясо ей дали.

М и л я. А он никому ничего не делает... Ну, пойдем, Рузя, уже поздно.

Р у з я. Да, мы пойдем... Спокойной ночи. *(Уходят)*.

О в е ч к и с. Я завтра утром уезжаю, а мне хочется познакомиться с Вилли Гербертовичем. Вы не возражаете, если я еще посижу?

З л о т а. Сидите, сидите... Может, вам включить телевизор? *(Включает)*.

Р а х и л ь. Злата, только сделай потише, я хочу позвонить на почт. *(Набирает номер.)* Будьте добры, вчера вечером в половине двенадцатого позвонили из почты и сказали, что я два раза звонила по одному талону, номер 84... Нет, дорогая моя, в половине двенадцатого я звонить не могла. Я ложусь после последних известий по телевизору, после передачи "Время"... Жалко шестнадцать копеек... А вейтек вам... Я вам не дам лишнее... Я пенсионер... У меня шестнадцать копеек это один хлеб... Я позвоню начальнику... Что вы бросили трубку? *(К Овечкису)*. У вас в Москве тоже такие телефонистки? Ой, это ужас, что за телефонистка... Такой ужас, что нет примера... У вас тоже такие есть?

О в е ч к и с *(улыбается)*. Всякие есть.

З л о т а. Вот, кажется, идет Виля. *(Входит Виля)*.

В и л я. Дождь, но воздух хороший... Я обошел весь город, был за Греблей... Оказывается, башню снесли... Город как без носа.

Р а х и л ь. Она девяносто лет стояла. Болячка на них... Ее не могли снять, так военные ее взорвали.

З л о т а. Вот к тебе пришли.

О в е ч к и с. Очень рад познакомиться. Много о вас слышал в Москве, но странно, что встретились мы в Бердичеве... Овечкис Авнер Эфраимович...

В и л я. Очень приятно *(садится)*.

О в е ч к и с. Ну как вам Бердичев?

В и л я. Бердичев? *(Достает блокнот, читает.)* Уездный город Киевской губернии на реке Гнилопяти. По переписи 1897 года 80 процентов евреев. Селение Беричиков, входившее в состав Литвы, упоминается в акте 1546 года. В 1793 году присоединен к России в качестве местечка Житомирского уезда Волынской губернии.

О в е ч к и с. Это словарь Граната?

В и л я. Да... Но вот я сейчас ходил в дождь, смотрел и думал... Я не был здесь пятнадцать лет, я ходил и думал, что есть Бердичев? И я понял, что Бердичев — это уродливая хижина, выстроенная из обломков великого храма для защиты от холода, и дождя, и зноя... Так всегда поступали люди во время катастроф, кораблекрушений, когда они строили себе на берегу хижины из обломков своих кораблей, во время землетрясений или пожаров, когда они строили хижины из обломков разрушенных или сгоревших зданий... То же самое происходит и во время исторических катастроф, когда людям нужно место не для того, чтоб жить, а для того, чтоб выжить... Вся эта уродливая хижина Бердичев, человеку, приехавшему из столицы, действительно кажется грудой хлама, но начните это разбирать по частям и вы обнаружите, что заплеванные, облитые помоями лестницы, ведущие к покосившейся двери этой хижины, сложены из прекрасных мраморных плит прошлого, по которым когда-то ходили пророки, на которых когда-то стоял Иисус из Назарета... В столичных квартирах вы никогда этого не ощутите.

О в е ч к и с. Все что вы говорите — очень интересно и поэтично, день-два еще можно находиться здесь, в этой хижине, но потом хочется уйти, убежать, спрятаться. Во всяком случае, у меня такое чувство. Неужели вам не хочется обособиться от всего этого?

В и л я. Величайшее благо человека — это возможность личного обособления от того, что ему неприятно. А не иметь такой возможности, величайшая беда. Но личное обособление возможно только тогда, когда нация скреплена внутренними связями, а не внешними загородками. Русский может лично обособиться от неприятных ему русских, англичанин — от неприятных ему англичан, турок — от неприятных ему турок. Но для евреев это вопрос будущего. До тех пор, покуда мы скреплены внешними загородками, а не внутренними связями, я не смогу внутренне обособиться от Макзаника.

О в е ч к и с. Кто это Макзаник?

Р а х и л ь (*из соседней комнаты*). Это один бердичевский дурак.

З л о т а. Рухл, ша... Дай людям поговорить...

В и л я. Одним из главных признаков всякой несамостоятельности, в том числе и национальной несамостоятельности, является придание чрезмерного веса чужому мнению. Отсюда панический страх перед тем, что о нас подумают в связи с тем или иным событием, что о нас скажут... Отсюда чисто мифологический страх перед детско-обезьянней кличкой "жид"... Этот страх — результат придания чрезмерного веса чужому мнению... Научиться пренебрегать чужим мнением, вот одна из основных национальных задач... Все достигшие исторической устойчивости нации в прошлом и настоящем поступали именно так.

О в е ч к и с. Говорите вы интересно, но не призываете ли вы к национальной ограниченности... Ведь мы с вами люди другой культуры, другого языка, другого мировоззрения...

В и л я. Можно отречься от своих идеологических убеждений, но нельзя отречься от собственного носа... И если идеологический перебежчик выглядит непорядочно, то национальный перебежчик ко всему еще выглядит и смешно. *(Пауза)*.

О в е ч к и с. Извините, но то, что вы проповедуете, мне глубоко чуждо... Мои родители были русские интеллигенты, мой дед был русский врач и лечил русских крестьян, за что был ими горячо любим... Я никогда не думал, что вы человек подобных взглядов... Проповедь национального обособления в сегодняшнем мире — это нелепость.

В и л я. Я ничего не проповедую... Я скорей не проповедую, а исповедую... Я считаю, что покуда не будут восстановлены внутренние связи, не могут быть сломаны многовековые внешние загородки. Это все самообман... А только когда будут сломаны внешние загородки, взойдет над нами и над народами, среди которых мы жили обособленно веками, взойдет общее солнце и мы вместе позавтракаем крашеными пасхальными яйцами с мацой...

О в е ч к и с. Да, не ожидал, что вы человек таких взглядов... Мне всегда был чужд национализм... Но я надеюсь, что в Москве мы побеседуем менее сумбурно... Вот моя визитная карточка... Всего доброго.

З л о т а. Вы уже уходите?

О в е ч к и с. Пора... Всего доброго... *(Уходит)*.

Р а х и л ь. С этим ты тоже поругался? Что он тебе оставил за картонка? *(Читает)*. Овечкис Авнер Эфраимович, доцент... Духота в паровозе...

З л о т а. Почему он поругался? Я еще такого человека не видела... Ты же слышала, что этот доцент о Виле самого лучшего мнения... Он пришел и такое про тебя тут рассказывал, он говорит, что ты в Москве большой человек и он специально пришел с тобой познакомиться... Он таки умный человек?

В и л я. Он идиот...

З л о т а. Идиот? Как это идиот, когда здесь написано доцент... Что значит идиот? Он о тебе такого хорошего мнения, а ты говоришь на него идиот... Ты и Рахиль таки похожи.

Р а х и л ь. Мы таки с Вилей похожи... Это у Злоты все хорошие... Этот Овечкис приехал несколько лет назад, но я не хотела ему напомнить ... Ин ди вайсе зйзелех... В белых брючках... Да... Эпес а вейдел... Это какой-то хвост... Слышишь, это второй Макзаник, хоть он пишется доцент... На Макзаника тоже говорят, что он инженер, а что он кончил... Он кончил в уборной и знает, извините за выражение... Что я не понимаю... Для того, чтоб писать стихи, надо кончить какие-нибудь хорошие институты, а он кончил бердичевский техникум...

З л о т а. Ай, идут они все к черту... Давай включим телевизор и будем пить хороший чай с хорошими коржиками, с вареньем и пирогом... Хочешь чай?

Р а х и л ь. Что ты его спрашиваешь? Конечно, он хочет... Этот телевизор я взяла в рассрочку... Когда они тут жили, так Миля не давал Злоте смотреть телевизор.

З л о т а. Ты же хочешь поменять квартиру и опять вместе с ними жить....

Р а х и л ь. Ай, моя сестра, чтоб ты мне была здорова... Я железная, что я тебя терплю... Буду я с ними жить, или не буду, еще посмотрим. Ты ж понимаешь, я люблю Милю... Виля, ты помнишь, как в 47-м году Миля стал здесь в дверях *(поднимается, становится в дверях)*, и сказал *(меняет голос под Милю)*: теперь понятно, куда мои деньги идут.

На кормление тетушки и племянника... *(Опять садится к столу)*. Ты помнишь? Ты тогда маленький был... Ой вей з мир...

З л о т а. Рухл, дай спокойно попить чаю. Миля теперь сильно изменился к лучшему.

Р а х и л ь. Да, он изменился... Он должен лежать парализованный и спрашивать, что делается на улице *(смеется)*. Слышишь, он и Рузя неделями не разговаривали между собой... Сейчас они пришли вместе, а на прошлой неделе они не разговаривали... Они не разговаривают, а спят вместе *(смеется)*.

З л о т а. Какой он ни есть, а Рузя его любит.

Р а х и л ь. Ой, ди шмоте кер цы дым тухес... Слышишь, Виля, эта тряпка от этой задницы... Если я скажу, так это скандално... Здесь лет восемь назад был праздник в День Победы... Так Маматюк, что он уже лежит в земле, пусть себе лежит на здоровье, так этот Маматюк начал кричать, что в братской могиле лежат все нации, кроме жидов... Так я ему дала — "жиды", он синий стал... Тогда Овечкис, что он приходил сейчас спорить с тобой и Бронфенмахер, что он хотел носить через меня помои, и Быля, что она дует от себя, сказали на меня, что я скандалистка...

З л о т а. Давай лучше смотреть телевизор... Слушай, этот артист что-то так кричит...

Р а х и л ь. Когда этот артист приходит домой, так ему болит в горле. Правда, Виля? Ой, это тяжелая работа...

З л о т а. Что это за передача, Виля?

В и л я. Это Шекспир... Гамлет...

З л о т а. Смотри, какая рыба на столе... *(смеется)*.

Р а х и л ь. Ах, я б кушала кусок рыба.

З л о т а. Как это все составляют? Наверно, выкручивают себе голову *(смеется)*.

Р а х и л ь. Хорошая кастрюля... Тебе эта передача нравится, Виля?

В и л я. Нет.

Р а х и л ь. Ну, давай переключи на последние известия... Хороший телевизор... Миля думает, что я ему дам этот телевизор... Я ему могу дать от раввина яйца...

З л о т а. Боже мой, какие выражения, мне темный стыд

за твои выражения... Ты таки большой грубиян.

Р а х и л ь. Ничего, пусть я буду грубиян... Я ему могу дать, ты ж понимаешь... Нет, буфет я им обещала, и этот шкаф, но свою кровать я им не дам... Ой, моя кровать, она стоит миллионы, когда я в нее ложусь... Я им достаточно давала и это все равно, что ничего... Они все равно благодарны... Было время, когда они жили у его мамы, болячка ее отцу, где он лежит в земле перевернутый...

З л о т а. Ой взй з мир *(смеется)*.

Р а х и л ь. Да... Так им было далеко ходить на обед с завода... Так мы им варили здесь обед... Так Злота ему подала, так он ей сказал — "не подавайте, мне противно, когда вы подаете..." Что ты смеешься, Злота... А сейчас они с Рузей пришли и Миля был такой голодный, я же видела... Но что значит голодный, он бы съел лошадь... Но я ему ничего не дала. И всегда, когда он придет, у меня для него стол будет голый, как задница без штанов...

З л о т а *(смеется)*. Это с первого дня так... Они друг с другом воюют уже двадцать семь лет... Ты помнишь Рузина свадьба?

В и л я. А где Пынчик?

З л о т а. Ой, что ты вспомнил про Пынчик... Пынчик-таки был на Рузиной свадьбе.

Р а х и л ь. Что мне этот Пынчик? Я его в моей жизни, может, три раза видела... Кто он мне такой? Троюродная пуговица от штанов...

З л о т а *(тихо)*. Про Пынчик нельзя говорить, он уехал в Израиль со всеми детьми... Когда ты его видел на Рузиной свадьбе, после фронт он был майор... А потом он уже был полковник и в Риге имел хорошая квартира. Так он все бросил и куда-то поехал...

Р а х и л ь. Ай, что мы будем про него говорить... Я про него не думаю даже когда сижу в уборной... Пусть едет... Я никуда не еду... Пусть едут те, у кого большие деньги... Я люблю Бердичев... Ой взй з мир... *(Вздыхает)*. У меня есть моя пенсия от Советской власти.

З л о т а. Ой, смотри но, смотри по телевизору... Что это так много людей?.. Что, они что-то покупают?

В и л я (*смеется*). Это митинг показывают... Борьба за мир...

Р а х и л ь. Борьба за мир... А что нового говорят в Москве? Раньше говорили: в Москве есть три знаменитых еврея. Один молчит, другой говорит... Нет, не так... Один пишет, второй говорит, а третий молчит... Пишет Илья Эренбург, говорит диктор Левитан, а молчит Каганович... Что ты думаешь, я не понимаю, я елд... Я ыв партии с 28-го года... Я еще помню, как писали в газете: Ленин, Троцкий, Луначарский строят мир по-пролетарски...

З л о т а. Завтра на рынке надо купить два свежих бурачка, я хочу варить борщ.

Р а х и л ь. Споц с тобой... Ты мне не говори что покупать, я без тебя знаю.

З л о т а. Так она не дает мне рот открыть... В Средней Азии я была здоровая, так я сама ходила на рынок... Я помню, там был Куриный базар, Капан базар... Когда я подходила и спрашивала: Нич пуль... Мне отвечала: бир сум... Так я говорила: их зол азой высын фын дир... Чтоб я так про тебя знала (*смеется*). Ой, Виля, в Средней Азии ты сказал, что хочешь винегрет... Я взяла карандаш и подсчитала, сколько стоят бурачки, и морковь, и огурцы, и постное масло, и соль, и все вместе. И получилось, что винегрет должен был стоить пятьсот рублей. Разве себе можно было такое позволить? Но завтра я тебе сделаю хороший винегрет...

Р а х и л ь. Вот уже кончились последние известия, уже спорт. Вот уже эта женщина вышла рассказывать про спорт. Когда никого нет, мы двое, и она выходит рассказывать про спорт, или еще мужчина есть, что он рассказывает про спорт, мы выключаем телевизор и ложимся спать... Спорт меня не интересует, а завтрашнюю погоду я увижу в окно... Смотри, Злота, она в той же самой кофточке... Больше она не имеет.

З л о т а. Эта вот, что она говорит про спорт, похожа на Марикину Надю. Я к Марикиной Наде ничего не имею. И к Гарикиной Наде тоже ничего не имею.

Р а х и л ь. Все наши невестки из села, крестьянки. Ни одной, чтоб отец ее был доктор. Ах, лучше бы уже Гарик

женился на Лушиной Тинке. Ты знаешь, Виля, где теперь Лушина Тинка? В аспирантуре в Москве. Мама у нее сволочь, паршивая уборщица, имела Тинку от немца, а Тинка в аспирантуре. И какая она красивая, если б ты видел... Гой все годы имеет счастье.

З л о т а. Я к Марикиной Наде ничего не имею. Она очень вежливая дама.

Р а х и л ь. Дама... А гое... Крестьянка из села...

З л о т а. Ну, так что такое, она из хорошей семьи... Отец у нее очень хороший... Его зовут Иван Иванович. Когда он тут был, он сидел со мной и говорил. Он рассказал мне свою автобиографий... Когда он был маленький ребенок, их было восемь детей и его отдали пану служить во двор. Он был батрак. Потом, когда началась революция, ему уже было двенадцать-тринадцать лет. Он поступил в комсомол, но не знал ни одной буквы. Его отправили на железную дорогу. Он был способный. Его выдвинули. Он получил два ордена Ленина. И сказал: когда у меня будут дети, они получают высшее образование.

Р а х и л ь. Злота, не говори с полным ртом... Сидеть с тобой за столом, так может вырвать.... У тебя все падает изо рта...

З л о т а. Ну вот так она рвет от меня куски.

Р а х и л ь. Ты слышишь, я рву от нее куски. Злота же в раю и это для нее ровным счетом ничего. Я с астмой таскаю те еще сумки, я все заношу. Или Рузя приносит, когда у Рузи есть время... Злота в раю, ей все заносят в дом, но она это не признает, ей еще не нравится, она еще устраивает мне скандалы, почему я плохо покупаю. Почему дорого... Иди сама на рынок...

З л о т а. Ну вот так она на меня наговаривет... Я такая больная, я уже не могу работать... Я уже еле хожу... *(Плачет)*. Здесь в квартире у меня ничего нет. Я только имею швейную машину и эти два стула мои, и кровать, и за полшкафа я заплатила. А холодильник ее, телевизор ее. Мне неудобно смотреть телевизор, я не имею, откуда дать ей за телевизор половину.

Р а х и л ь. Сумасшедшая... Что я, Миля, что он закрывал

перед тобой телевизор... Я тебе что-нибудь говорю? Смотри себе на здоровье... Ой, Виля, я железная, что я от нее выдерживаю. Можно ведь прожить тихо, мирно эти немножко лет, что остались... Что бы ни было, Виля, но лишь бы ты любишь свою квартиру и свою жену... Я свою квартиру люблю, а свою жизнь я не помню. *(Вздыхает)*. Злата, ты знаешь, кто мне этой ночью снился? Цолек Мардер мыт ды крыме фис... Цолек с кривыми ногами, что он был директор Торгсина в 25-м году... Почему он мне приснился? Когда я сижу в уборной, я про него не думаю.

З л о т а. А мне в прошлую ночь Фаня приснилась, что она повесилась в день Рузиной свадьбы. Ты помнишь, Виля? Ее муж был гой. Он ее очень бил. Сначала он ее прятал от немцев, он ее спас, а потом он ей кричал "жидовская морда" и бил, и детям кричал "жиды". Но его тоже нет. Он ехал на мотоцикл и убили к черту.

Р а х и л ь. В день свадьбы, когда она повесилась, он прибежал голый по снегу, с ребенком на руках... Этот ребенок уже в армии. А Зоя, Люсина подруга, не за еврея замуж не хотела выйти. Тут один хороший парень за ней ухаживал.

З л о т а. Эта Фаня стоит мне перед глазами... А Стаська, ты помнишь, полячка снизу... Так пришли и ее арестовали... Она жила на чердаке, потому что квартиры у нее не было... Где-то она далеко выслана.

Р а х и л ь. Ой, что я буду про нее думать. Если мой муж лежит в земле, и младший брат наш Шлойма в земле, и Вилины родители в земле, и Сумер в земле... Ой, Сумер... Теперь уже можно рассказать... Тут был Перель, председатель артели, так он Сумера не любил, потому что Сумер знал, что этот Перель берет взятки... Ничего... Так когда Переля сняли, Сумер купил веночек и ночью поставил его возле Переля дома. Перель вышел из дома и видит веночек и надпись: "Вечная память Арону Михайловичу" *(смеется)*.

З л о т а. Ой, ой, ой...

Р а х и л ь. Что такое?

З л о т а. Что-то мне стрельнуло в голову...

Р а х и л ь. Ой, Виля, я железная... Злата, что ты держишься за голову... Ты мне не делай номера... Ты же видишь, что

от человека ничего не остается *(вздыхает)*. Только запах, если он полежит лишний день...

В и л я. А Луша где работает?

Р а х и л ь. Черт ее знает, где-то уборщицей.

З л о т а. Луша кормит коза. Я ей всегда собираю лушпайки от картошки.

Р а х и л ь. Злота ей собирает лушпайки, а она Злоте кричит: "ты труп" и ко мне бежит с палкой и кричит "жиды"... А потом она приходит мириться и говорит, что она за меня молится в церкви... Вчера она подошла ко мне во дворе, обняла меня и говорит: я больше не буду с вами спориться, в городе говорят, что вы хороший человек... Я ей отвечаю: ко мне цепляться может только сумасшедший... Она мне говорит: Рахиль, я за твое здоровье буду молиться в церкви, потому что за врага полагается по нашей религии молиться. А я ей говорю: я в Бога не верю... Я только верю в день рождения и в день смерти.

З л о т а. Что значит, она бежит к тебе с палкой... Надо вызвать милицию.

Р а х и л ь. Мне милиция не нужна, я сама милиция. Все годы я сама себя защищала. Только от детей своих я не могла себя защитить. Рузя, когда она была беременна Мариком, порвала на мне рубашку, а Гарик, когда он хотел жениться на Тинке, порвал на мне халат. А больше никогда в своей жизни я порванного белья не имела. А Быличка, что ее муж имеет все буфеты на железной дороге, когда приходит к Злоте мерить и раздевается, так у нее порванное белье. Ей на белье не хватает, такая она вонючая...

З л о т а. Она только хочет, чтоб я спорила с Былей. Кто у нас еще остался? Мало мы пережили... Ты помнишь, когда был погром, а мы лежали под стенкой и прятались от эти красные колпаки, и деникинцы, и другие бандиты. Тогда бомб не было, но были пули... Ой, и куска дров нельзя было достать, мы не топили, но мы все были здоровые и молодые. У папы нашего были большие ботинки, я их одела и пошла искать дрова и хлеб... Ты помнишь дедушку?

В и л я. Помню.

Р а х и л ь. Ой, когда он умирал в Средней Азии, так он

был доволен, что земля эта, где он будет лежать, похожа на Палестину... Он был религиозный.

З л о т а. Пекари, которые пекли тогда хлеб, были бедные, а стали богатые, потому что хлеб стоил дорого. Даже у кого был капитал, тоже не имели где купить... Я взяла мамин платок и поменяла его на полный мешок пшено... Шлойма наш, что его потом убили на фронт в 42-м году, был самый маленький, маленький... Но на Песках был лес, назывался "маленький лесочек" и мы ходили все и рубили ветки, и Шлойма тоже ходил. Но мы все боялись красные колпаки. Это такие бандиты. Кроме красные колпаки, они еще пелерины носили... Это было в 18-м году. Мы слышим крики, открываем ставни, смотрим: напротив вышли красные колпаки, грабили... А на другой день опять менялась власть.

Р а х и л ь. Злата, не кричи так. У тебя железный голос.

З л о т а. Ну, она не дает мне слова сказать... На Пылепылер гос, на Белопольской улице, потом на Малой Юридке, за Греблей и всюду люди бегали и кричали "гвалт"! Но когда вошли поляки, они резали евреям половину бороды... Все евреи ходили с половиной бороды (*смеется*). Они хотели обрезать папе борода, я начала кричать и поляк не обрезал, но ударил меня нагайкой... Во всем городе Бердичеве был гвалт. Этой ночью очень много убивали людей... Были богачи, что они имели деньги и удрали в Киев. Но там тоже был погром, и их всех убили в Киев. Но когда у нас наверху, там, где мы жили, был Совет рабочих, крестьянских депутатов, тогда легче стало, укрепилась немного власть. Туда без мандата не пускали. Там были Фаня Ниренберг и Котик Ниренберг... Ну, его звали "Котик", такое имя... Они были большие богачи, а потом стали большевики. И были Стадницкие, три сестры. Их отец держал на Житомирской фирму "Гуталин". Одна была эсерка, одна большевичка, а одну убили... Ой, как они выступали на собрании... Я по целым дням сидела на собрании, мне было интересно все знать... Меня пропускали. Когда появился Совет рабочих и крестьянских депутатов, так уже стало немного тихо.

Р а х и л ь. Как Христос с ферц, так она со своими историями (*смеется*). Ты знаешь, что такое ферц, Виля? Это когда кто-нибудь навоняет.

З л о т а. А почему нельзя это рассказывать? Что, я анекдоты рассказываю? Я это видела своими глазами.

Р а х и л ь. Я всю жизнь не любила анекдоты... Ты в Москве рассказываешь анекдоты?

В и л я. Рассказываю.

Р а х и л ь. Рассказывай, рассказывай, так ты останешься без куска хлеба... Я анекдоты не любила, но что ты думаешь, я елд, я ничего не понимаю... Тут у нас был в Бердичеве Свинарец, секретарь горкома, что когда была реформа в 47-м году, он покрыл долг старыми деньгами, чтоб не отдавать новыми. Так теперь он на пенсии. Ты бы видел, какой у него двухэтажный дом, какая мебель из Чехословакии. И сыну он построил дом. А Ленин тащил из карманов куски хлеба и ел их... Кабинет у Ленина был красивый, но что было в этом кабинете? Он и кошка. Когда Ленин лежал больной, так Крупская читала ему детские сказки... Что ты думаешь, я глупая, я не понимаю... Я помню, что делалось здесь в 29-м году во время коллективизации. И когда в 37-м году Капцана должны были арестовать, так он быстро уволился с работы и уехал в Чуднов (*звонок в дверь*). Что это еще за сумасшедший идет? Злота, ты сиди... Я всегда боюсь, что она пойдет открывать дверь и зацепится и себе что-нибудь побьет.

В и л я. Я открою (*идет и возвращается с мальчиком, который держит в руках лист бумаги*).

Р а х и л ь. Вусы,ингеле? Что такое, мальчик?

М а л ь ч и к. Подпишите.

Р а х и л ь. Что такое я должна подписать? Я ничего не подписываю.

М а л ь ч и к. Подпишите... Свободу патриотам Испании.

Р а х и л ь. Что, что? Что-то я не понимаю.

В и л я. (*смеется*). Ты должна подписаться, чтоб из испанских тюрем выпустили патриотов.

Р а х и л ь. Так у вас в Москве тоже ходят такие мальчики? У нас первый раз... Кто тебя послал, мальчик?

М а л ь ч и к. Учительница.

Р а х и л ь. И мама тебя пускает так поздно ходить?

М а л ь ч и к. Я не успел днем собрать все подписи, я был на тренировке. Мне надо три дома обойти.

Р а х и л ь. А шейн ингеле... Красивый мальчик.... Как твоя фамилия?

М а л ь ч и к. Иванов.

Р а х и л ь. Ой, это же твой дедушка работает в промкооперации заготовителем скота (*смеется*). Это Хаима Иванова внук. Виля, я тебе про них рассказывала, про эту семью... Это про ту, что приехала с курорта.

З л о т а (*подходит с паспортом*). Я когда-то сама ходила на участок, а теперь мне ноги болят. До войны я в шесть часов утра уже была на участке.

Р а х и л ь. Куда ты идешь с паспортом... Ты думаешь, это выборы?

З л о т а. Как, это не голосование?

Р а х и л ь (*смеется*). Она привыкла... Ей все заносят домой... Даже бюллетень по голосованию ей заносят домой и коробку, куда его надо бросить... А если б ты жила при капитализме, об тебе бы никто не заботился. Ты сама должна была бы идти на голосование.

З л о т а. Смейся, смейся... Я такая больная... Я ходила на выборы, в шесть утра я уже была на участке, а теперь я не могу...

Р а х и л ь. Нет, что-то мне эта история не нравится... Я пойду во двор к Дуне узнать, или она подписала.

З л о т а. Мальчик, на тебе коржики.

М а л ь ч и к (*берет коржики*). Спасибо, бабушка...

З л о т а (*обиженно*). Почему я бабушка? Я тетя. Что ты мне говоришь "бабушка". Я тебе дала коржики, а ты мне говоришь "бабушка".

Р а х и л ь (*Виле*). Вот ты имеешь... Ой, от нее невозможно выдержать... Мальчик, идем, я у соседей узнаю... Если они подписали, так и я подпишу... Идем... (*Уходят.*)

З л о т а (*Смотрит фотографию на своем паспорте*). Ой, здесь фотография моя, может, лет двадцать назад. Я очень постарела (*плачет*). Я ничего не могу кушать. Что бы я ни покушала, мне кисло во рту... Ой, если б ты мне не помогал и если б не Рахиль, я б давно была на том свете... Рахиль очень

хорошая, но она слишком быстрая...

В и л я. Когда она тебе покупает, как и раньше, берет лишнее?

З л о т а. Сколько она там берет... Пятнадцать—двадцать копеек... *(Смеется)*. Она иначе не может... Иногда она мне одалживает деньги и хочет заработать на своих собственных деньгах... Колбаса стоит два пятьдесят, она говорит два шестьдесят... Или за маргарин берет с меня лишние пять-шесть копеек... Она должна выгадать, это ей нравится... Но это же моя единственная сестра, пусть она получает удовольствие, на здоровье... *(Смеется)*. Она думает, что я не понимаю, сколько стоит колбаса...

Возвращается Рахиль.

Р а х и л ь. Я таки не подписала... Пусть Дуня подписывает, пусть все подписывают... Откуда я знаю, что это за патриоты Испании? Пусть с этой бумагой придет кто-нибудь из Исполкома, тогда я подпишу... Что ты смеешься, Виля?

В и л я. Я не смеюсь. *(Смеется)*.

Р а х и л ь. Смейся, смейся надо мной... Ты хойзекмахер... Насмешник... Над всеми он смеется... Смеется над Рузей, смеется над Люсей, над Петей, над Мариком, над Гариком, над Аллой, над Ладой...

З л о т а. Боже мой, Боже мой, она уже опять хочет крики...

Р а х и л ь. Ша, Злота, какие крики... Кроме тебя, здесь никто не кричит... Виля, что ж ты не пьешь чай? Покушай что-нибудь...

В и л я. Я не голоден...

Р а х и л ь. Не хочешь, так не надо...

З л о т а. Он устал. Иди спать, Виля... Сделать тебе на утро котлеты из куриного бейлека?

Р а х и л ь. Разве он знает, что такое бейлек?

В и л я. Знаю. Я ведь еврей. Бейлек — это белое мясо курицы.

Р а х и л ь. Ой, он таки знает... Ты иногда берешь в столовой котлеты? Ой, я люблю котлеты из столовой.

З л о т а. Фэ, они же делаются из свиной...

Рахиль. Ну, я не религиозная...

Злата. Я тоже не религиозная, но свиное мне воняет в нос...

Рахиль. Виля, а про что ты говорил с этим Овечкисом? Что-то я не поняла.

Злата. Что ты вспомнила, он хочет спать... Идут они все к черту.

Виля. Про что я говорил? Я говорил, что вы свой бердичевский дом сами себе сложили из обломков библейских камней и плит, как бродяги складывают себе лачуги из некогда роскошных обломков автомобилей и старых вывесок... А Овечкис живет в чужих меблированных комнатах... Но скоро весь Бердичев переедет тоже в меблированные комнаты, а библейские обломки снесут бульдозерами...

Рахиль. Так вы про квартирный вопрос с ним говорили?

Виля. Что-то в этом роде... По сути, про квартирный вопрос.

Рахиль. Ты таки прав. Я таки хочу переехать. У меня нет сил таскать ведро с помоями по лестнице... Так Злата рвет от меня куски... Она говорит, что она хочет здесь умереть...

Злата. Ай, вечно она хочет меня плохо поставить перед людьми...

Рахиль. Ша, Злата, закрой пасть... Ты же видишь, Виля спать хочет...

Злата *(вздыхает)*. Ой взй з мир...

Рахиль *(вздыхает)*. Ой взй з мир... Каждый день имеет свою историю... Я тебе скажу, Виля, что год для меня прожить не трудно. Год пролетает и его нет... А день прожить очень тяжело. День так тянется, ой, как он тянется... И после каждого дня я мертвая... Спасибо моей кровати, она стоит миллионы... Я мою кровать никому не отдам... Ой, дыс бет...

Злата. Что ты ему говоришь, ты видишь, у него слипаются глаза. Виля, иди спать. *(Виля уходит)*.

Рахиль *(выключает телевизор)*. Давай, Злата, подсчитаем, сколько я тебе денег потратила... Что ты вздыхаешь? Что тебе плохо? На улицу ты не ходишь. Тебе даже коробочку спичек в дом заносят...

З л о т а. Рухл, перестань меня грызть...

Р а х и л ь. Ша, Злота, голос, как у грузчика... Виля ведь лег спать... Что б ты онемела...

З л о т а. Она делает меня с болотом наравне...

Р а х и л ь. На рынке все так дорого, и вообще все так дорого, так я виновата. Вот сейчас я начну подсчитывать, ты опять начнешь кричать "гвалт".

З л о т а. Говорит, и говорит, и говорит... Цепляется и цепляется...

Р а х и л ь. Ша... Значит, пишем: мясо — два рубля 45 копеек, огурцы — шестьдесят, капуста — пятьдесят, морковь — пятнадцать, буряк — двадцать, редька — десять, резка петухи у резника — двадцать пять копеек... Имеем четыре рубля 25 копеек... Это на рынок... Потом магазин: колбаса — два шестьдесят, сегодня колбаса дороже, масло — один рубль пять копеек, маргарин — восемьдесят шесть, сыр — семьдесят, хлеб — тридцать две, молоко — двадцать шесть. Имеем пять семьдесят девять... На, проверь... За ситро я у тебя не беру... На, проверь...

З л о т а. Зачем мне проверять, у меня нет времени проверять... Я хочу сделать на утро фарш для котлеты...

Р а х и л ь. Дай лучше я быстро сделаю... Я не могу смотреть, как ты поцяеся и поцяеся возле мясорубки...

З л о т а. Я не люблю мясорубку, котлеты не сочные, я буду мясо рубить секачом...

Р а х и л ь. Хочешь рубить — руби... А на первое свари бульон из гуся... Крылья, пулки, лук, морковочка, немного фасоли... Все есть... Что тебе не нравится, какой гусь я купила? Чтоб я имела такой год, какой это гусь.

Злота идет на кухню, там слышен грохот.

Р а х и л ь *(испуганно вскакивает, бежит на кухню)*. Тыфу на твою голову, на твои руки и ноги, как ты меня перепугала. Ты, если не разбиваешь что-нибудь, так сама падаешь. Я тебя боюсь одну оставить дома.

З л о т а *(ее голос слышен из кухни)*. Где бы взять еще, чтобы мне было пятьдесят лет, так я бы лучше ходила...

Рахиль. Сделай меньше огонь...

Злата. Куда ты сыпешь соль? Ой, я думала, это соль...

Рахиль. Что за тряпку ты надела на голову? Вус ыс фара шмоте?

Злата. Мне болит голова.

Рахиль. Бынд дым тухес... Когда болит голова, завязывают задницу... У меня астма, но я таскаю на лестницы каждую сумку, что дым идет...

Злата. С тобой стоять за плитой, лучше умереть... Я такая больная, что нет примера *(входит в темную комнату с перевязанной полотенцем головой, берет стаканы со стола и опять уходит на кухню)*. Мне надо в фарш немного молока и булку... Я всегда так делаю...

Рахиль. Ты делаешь, а Бог чтоб помог прекратить твои крики...

Злата. Смотри, молоко не свежее, а булка как камень...

Рахиль. Злата, ты, наверное, хотела бы, чтоб здесь, в квартире, стояла корова и жил пекарь *(смеется)*.

Злата. Эцем-кецем... Рухл, перестань ко мне цепляться... Цепляется и цепляется, как мокрая рубашка к заднице...

Большая комната — темная и пустая. Свет падает только из кухни, откуда доносятся голоса сестер.

Ползет занавес.

Москва 1975 г.

ДЕТОУБИЙЦА

Часть первая: "На уме и вне ума"

Часть вторая: "Под утайкой"

Часть третья: "Колодничьи палаты"

J. S. Holt

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

Петр Алексеевич – император России

Екатерина Алексеевна – императрица

Алексей Петрович – наследник престола

Марья Алексеевна – царица, сестра Петра Алексеевича

Евдокия Федоровна – бывшая царица, первая жена Петра Алексеевича

Толстой Петр Андреевич – начальник тайной канцелярии, шеф тайной полиции

Шефиров Петр Павлович – вице-канцлер, шеф чужеземной коллегии

Мария Даниловна Гамильтон – камер-фрейлина императрицы

Орлов Иван Михайлович – денщик императора

Ефросинья (Афросинья) Федоровна – крепостная девка, любовница Алексея

Глебов Степан Богданович – майор гренадерского полка, любовник Евдокии Федоровны

Румянцев Александр Иванович — капитан гвардии
Князь Мещерский — поручик гвардии
Князь Михаил Долгорукий
Кикин Александр — бывший денщик императора, чиновник
адмиралтейства
Вяземский Никифор Кондратьевич — учитель Алексея Пет-
ровича
Иван Большой Афанасьев — слуга Алексея Петровича
Иван Малый Афанасьев — слуга Алексея Петровича
Яков Носов — слуга Алексея Петровича
Чуркин — повар царицы Марьи Алексеевны
Михайло Босый — богомол
Каптелина — старица Суздальского Покровского монастыря
Агафья — старица Суздальского Покровского монастыря
Анна Кремер — экономка фрейлины Гамильтон
Катерина Терновская — горничная фрейлины Гамильтон
Василий Семенов — конюх
Досифей — архимандрит Суздальского Покровского монас-
тыря
Феофан Прокопович — архиерей Псковский
Яков Игнатов — протопоп Верхнеспасского монастыря,
духовник Алексея
Макаров Анатолий Васильевич — кабинет-секретарь импера-
тора Петра Первого
Феофилакт Шапский — шут, он же обер-палач, обер-кнут-
мейстер
Аксинья Трофимова — шутиха
Герцог Гольштинский
Граф Шенборн — австрийский вице-канцлер
Дольберг — референт-докладчик австрийского императора
Карла Седьмого
Герцогиня Волфенбительская
Граф Даун — вице-король Неаполитанский
Вайнгард — секретарь Неаполитанского вице-короля
Плеер — посланник (резидент) австрийского двора в Петер-
бурге
Прусский, ГанOVERский, голландский, французский, китай-
ский посланники в Петербурге
Габриэль — шведский пленный

Мусин-Пушкин

Марья Пушкина

Селивестр - монах-книгописец

Артемий — товарищ Селивестра по острогу

Негритенок — слуга Петра Алексеевича

Мужики, посадские, мещане, солдаты и прочий разночинный народ Империи Российской.

Время действия: 1717-1719 годы. Финал — 1725 год.

Место действия: Петербург, Москва, Суздаль, Вена, Неаполь.

В драме, по возможности, сохранены устная речь и грамматика петровского времени.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

НА УМЕ И ВНЕ УМА

Сцена 1

Теремные покои Кремлевского дворца. В столовой комнате два камердинера царевича Алексея Петровича, Иван Большой Афанасьев и Иван Малый Афанасьев, занимаются утренней уборкой.

И в а н М а л ы й А ф а н а с ь е в. В Успенском к чистой обедне звонят, а его величество государь-царевич Алексей Петрович все почивают. Уж черный народ с обедни идет, уж чистую публику созывают¹ на молебен.

И в а н Б о л ь ш о й А ф а н а с ь е в. Вчерась царевич до-
поздна был в гостях, где, не знаю, приехал домой, хмелен,
взял меня в спальню и стал с сердцем говорить: Меньшикову,
да Тõлстому, да Гавриле Ивановичу Головкину с детьми их
и женами, разве что умру, то не заплачу. Быть их головам на
кольях. Я ему молвил: царевич-государь, изволишь сердито
говорить и кричать. Кто услышит и понесет им. Он мне мол-
вил: я плюну на них, здорова бы мне была чернь. Когда будет
мне время без батюшки, я шепну архиереям, архиереи при-
ходским священникам, а священники прихожанам. Тогда уж
мне доверять будут, который Отечеству в тягость.

И в а н М а л ь и й А ф а н а с ь е в. А вы как же?

И в а н Б о л ь ш о й. Я как же? Я стою и молчу. Посмот-
рел на меня царевич долго и пошел молиться. Я пошел к себе.

Входит камердинер Яков Носов.

Я к о в Н о с о в. Гутен морген. Чего поделываете?

И в а н Б о л ь ш о й. Рассуждаем.

Я к о в Н о с о в. Поздно государь-царевич почивает,
гневлив проснется. И вчерась весь день сердитовал. Никифору
Кондратьевичу Вяземскому, учителю своему, снявши парик,
вцепился в волосья. *(Смеется.)*

И в а н Б о л ь ш о й. Прошлый год в сенях у государыни
Екатерины Алексеевны его величество Алексей Петрович
вовсе Никифора Кондратьевича наземь повалили и изволили
ногами пинать. *(Смеется.)*

Слышен хриплый крик из спальни: "Иван!"

И в а н Б о л ь ш о й. Ваше величество государь-царевич,
которого Ивана кличете? Большого или Малого?

Алексей показывается в дверях в шлафроке и ночном белом атласном
колпаке, мятый, заспанный, зевая и потягиваясь. Камердинеры кла-
няются.

А л е к с е й. Здорово, молодцы. Иван Малый Афанасьев,
где ты, курвец, дубной порошок поклат?

И в а н М а л ы й. Ваше величество государь-царевич, глянуть надобно в мешочек бархатный, который в скрыне жестяной маленькой

А л е к с е й (зевает). Поди глянь. Да постелю приберу.
(Иван Малы́й торопливо уходит в спальню). Время которое?

И в а н Б о л ь ш о й. В Успенском уж чистую обедню отзвонили, ваше величество.

А л е к с е й. А день который?

И в а н Б о л ь ш о й. Ваше величество это ноне сообразить тяжко. Бог сотворил землю в сентябре, а государь-батюшка Петр Алексеевич изволили солнечное течение переменить на генварь, дни перепутав.

Я к о в Н о с о в. Ваше величество, государь-царевич, месяца июня тринадцатый день по новому календарю.

А л е к с е й (думая о чем-то про себя). Истинно истинно тринадцатый...Ты, Яков Носов, поди, мне с Иваном Большим словом надобно перемолвиться. Да, скажи повару и хлебнику, что я уже пробудился.

Я к о в Н о с о в. Ваше величество, государь-царевич, который камзол подавать да штаны которые?

А л е к с е й. Камзол да штаны подавай суконные, песочные.

Я к о в Н о с о в. А галстух?

А л е к с е й. Галстух флеровый, черный.

И в а н Б о л ь ш о й. Ваше величество, государь-царевич в сием одеянии вы вчерась изволили от гостей воротиться и ныне оно отдано в стирку и починку.

А л е к с е й. Тогда подай галстух кисейный, а камзол парчовый, золотой по зеленой земле. (К Ивану Большому). Никифор Вяземский али брат его, Сергей, не являлись?

И в а н Б о л ь ш о й. Никифор Кондратьевич с утра быть изволили, коли ваше величество почивать изволили.

А л е к с е й. Яков, пошли к Вяземскому на покровку... Нужно мне спешно.

Я к о з Н о с о в. Слушаюсь. А которую шпагу подавать? С медным эфесом али с вызолоченным?

А л е к с е й. Подай кортик с эфесом серебряным, гриф которого оклеян ящером.

Я к о в Н о с о в. Слушаюсь. *(Уходит.)*

А л е к с е й *(подходит к Ивану Большому)*. Не досадил ли я вчера кому?

И в а н Б о л ь ш о й. Мне от вас, ваше величество, никакой досады и тесноты не было.

А л е к с е й. И не говорил ли я вчера пьяный чего?

И в а н Б о л ь ш о й. Говорили, что как без батюшки время будет, на кол Меньшикова, да Толстого, да иных прочих посадите. Лишь бы, говорили, была бы вам чернь здорова.

А л е к с е й. Кто пьян не живет? У пьяного всегда много лишних слов. Я поистине себя очень зазираю, что я пьяный много сердитую и напрасных слов говорю много. А после о сем очень тужу. Ну, что ж ты стоишь и задумался?

И в а н Б о л ь ш о й. Что мне, государь говорить?

А л е к с е й. Ты чтоб этих слов моих напрасных не сказываю а буде ты скажешь, ведь тебе не поверят. Я запрюсь, а тебя станут пытаться *(смеется)*.

И в а н Б о л ь ш о й. Ваше величество, государь-царевич, что мне до этого дела и кому сказывать?

А л е к с е й. То-то, гляди.

Появляется Яков Носов с одеждой и кортиком. Алексей уходит с ним в спальню. Иван Большой достает с полок-поставцов посуду и расставляет ее по столу. Входит Вяземский.

В я з е м с к и й. Государич при доме?

И в а н Б о л ь ш о й. При доме и сейчас изволят выйти.

В я з е м с к и й. А более никого?

И в а н Б о л ь ш о й. Никого. Одна обслуга домашняя.

А л е к с е й *(быстро входит в камзоле, парике и при кортике)*. Я тебя услышал, Вяземский. Здравствуй.

В я з е м с к и й. Доброго здравия желаю, государич. Ты меня сегодня не ожидал?

А л е к с е й. Как не ожидал, послано за тобой на Покровку, да ты, слава Богу, сам прежде явился.

В я з е м с к и й. Сего дня, государич, ты должен был учиться геометрии, фортификации и сферическим наукам у ин-

женера Фридриха Галибартона, однако ж оный инженер, вчерась из каляски выпав, руку вывихнул и переломил и чаёт он, что она я болезнь продолжится.

А л е к с е й (*досадливо морщась*). Все у тебя, Вяземский, геометрия да сферические науки. Ты, Вяземский, не человек, а циркель.

В я з е м с к и й. Для того я и приставлен государем Петром Алексеевичем.

А л е к с е й (*нетерпеливо перебивает*). Купчую на Афросинью и брата ее Ивана принес?

В я з е м с к и й. В крепостях братних, которые у него в Москве, купчей не найдено.

А л е к с е й (*сердито*). Я ж приказал брату твоему Сергею Вяземскому сыскивать.

В я з е м с к и й. Государич, благословен и многосчастлив тот, которого Бог наделил честной женой, каковой была ныне почившая в Бозе законная супруга ваша кронпринцесса Шарлотта.

А л е к с е й (*всплыв*). Я тебя, Вяземский уже бивал шлепами, аки блудну овцу.

В я з е м с к и й. Государич, крепостную сию работную деву мою, Афросинью Федоровну, в недоумении лишь можно созерцать при вашем величестве, от которого по смене на престоле вами батюшки вашего зависеть будет счастье и польза столь многих миллионов душ человек русских.

А л е к с е й. А мое счастье, Вяземский, как же? Моя польза? Ведь и я среди миллионов русских душ свою душу имею. Так ведайте же, что я на Афросинье женюсь. Ведь и батюшка мой такое учинил. Я, однако, прежнюю жену мою законно похоронил, а батюшка мой с матушкой моей развелся, в Суздаль заточил и с ливонской крестьянкой живет Мартой Скавронской, переименованной в русскую царицу Катерину.

В я з е м с к и й (*испуганно*). Государич, ваше величество, допустимы ли такие беспокойные рассуждения об особе царствующей, Божьей помазаннице.

А л е к с е й (*насмешливо*). Уж помазанница Божья. Три веры сменила, как чулки шелковые, парижские. Была спер-

ва в лютерстве, потом в католицизме, а ныне в православии.

В я з е м с к и й. Государич, ваше величество, ныне за такими речами смотрят.

А л е к с е й. Кто смотрит?

В я з е м с к и й. Государево око.

А л е к с е й. Это значит, генерал-прокурор Павел Ивановичей женой развелся и вступил в брак с другой. Он, что ли, меня осудит?

В я з е м с к и й (*оглядываясь на Ивана Большого*). А все ж поберечься не лишнее. Ноне такие времена, что холопы на бар извет несут и изветные деньги получают. Хамово колено.

А л е к с е й (*сжав кулак и поднося к носу Вяземского*). Ты мне про русского нашего простолюдина такое не моги. Кожный наш крестьянин да посадский есть души нашей одушевленный ком. А ты кто? Никишко Вяземский, некто званием от последних (*видя, что Вяземский стоит, втянув голову в плечи, ожидая тумачков, остывает и говорит спокойней*). Циркель ты немецкий. Все делаешь с примеру сторонних, чужих земель. Ну, скажи. Вяземский, чем жена английского конюха, швейцарского пастуха, немецкого солдата лучше, добронравней жен наших приказчиков, дворецких, конюшиных? Чем серый попугай лучше певчего скворца? Нет, более я не желаю, чтоб меня бес сватал, а сатана венчал.

Входит Яков Игнатов.

Я к о в И г н а т о в (*слыша последние слова Алексея*). Радостно мне сие слышать, государь-царевич. Хорошо, что наследства без любви не хочешь. Через одно лишь золото слезы не текут ли?

А л е к с е й (*сразу посветлев лицом*). Отец Яков! Ух, как я без тебя истомился. Ух, как ожидал. Я ни к кому, кроме тебя духовника моего, исповедоваться не хожу, а накопилось много, душа тяжела. Изнемогаю. (*Целует Якову руку.*) Ноне те, кто должны исцелять, душу портят. Вот Невского архиман-

дрита батюшка любит, видно, за то, что вносит в народ лютерские обычаи.

Яков Игнатов (*целует царевича в лоб*). Я только из Киева. Был у киевских чернецов. Кланяются они тебе и книги посылают: "Камень веры" и иные. И Киевский Печорский архимандрит тебе кланяется. И от чернецов Михайловского монастыря тебе поклон. Ждали тебя, да не приехал.

Алексей. Велено мне в Москве быть до зимнего пути. Два человека на свете, как боги: Папа Римский да царь Московский.

Яков Игнатов, Не царь Московский, а император Петербургский. Сей иноземный титул не соединим с понятием о русском государе-царе-батюшке. И не токмо в Великороссии, но и в Малороссии мужики-хохлы говорят: черт знает, кто такой ваш император. Мы знаем праведного государя, за которым хлеб и соль едим.

Вяземский. Сии непристойные слова оттого говорят, что по простоте своей не знают, что его величество соизволил зваться императором. Оттого и воспитатели важны, духовные и светские.

Алексей. Молчи, Вяземский, молчи... Христом Богом молю, молчи... (*К Якову.*) Мне, отец Яков, сегодня сон снился. Ангел велит мне пойти в церковь. Вижу, в церкви на алтаре сидит монах. Монах меня благословляет и говорит: "Вера тебя спасет. Не ропщи, сноси все с терпением, полагайся на Бога".

Вяземский. Доктора доказывают, что сон есть произведение обремененного, слабого желудка, раздраженных нервов, паров, кои поднимаются к голове, теснят мозг, приводят в действие воображение и расстраивают сон, определенный всякому животному для восстановления истощенных буденных сил.

Алексей. Все это, Вяземский, пустословие. Ни один доктор не знает причины действия нервов, оттого, что анатомия тела мертвые, в коих жизненного движения уже нет. Я анатомов, особливо чужеземных, на кол бы сажал. Батюшка же мой шибкий любитель мертвого. В Амстердаме, в анатомич-

ке заметив, что некоторые из его свиты брезгают разрезанными мертвецами, велел им зубами разгрызть мертвые тела. А коли лекари резали помершую жену мою Шарлотту, батюшка стоял и наблюдал и ковырялся в ее кишках. *(С брезгливостью и скорбью отворачивается к окну.)* Я сего не видел, ибо в обмороке лежал. Мне сие поведали.

В я з е м с к и й. Однако же нельзя протиречить анатомии — науке важнейшей, процветание имеющей в лучших университетах немецких, французских, датских и прочих. Вот недавно было в курантах, что какой-то галл открыл, будто мозг в черепе сложен, как салфетка, и что его можно развертывать.

А л е к с е й. Поди прочь, Вяземский, надоел ты. *(Всплыв.)* Поди прочь, сука, блядь!

В я з е м с к и й. Ты, государич, от двора отказывать мне не можешь, поскольку я определен именным указом государя. *(Уходит.)*

А л е к с е й. Устал я, отец Яков, нервами заболел. Батюшка меня в Москву отпустил, как бесполезную вещь, и отсюда я без его слова выйти не могу. Батюшка хотел сделать меня солдатом и утвердить во мне вкус к жестокому ремеслу. А я моря не люблю, войну не люблю.

Я к о в И г н а т о в. Дед твой, Алексей Михайлович, тишайшим прозывался, а православие от унии защитил, Киев добыл. Ныне же столько русской крови льется из-за гнилых шведских болот.

А л е к с е й. В чем же спасение?

Я к о в И г н а т о в. В перемене царствования. Церковь находит только в этом путь высшего спасения. Надо лишить отца трона.

Входит Иван Большой.

И в а н Б о л ь ш о й. Повар и хлебник спрашивают, подавать ли?

А л е к с е й. Закуски ставь, а с горячим погоди. Я исповедаться должен.

Уходит с духовником в спальню.

И в а н Б о л ь ш о й (*сам себе*). Царевич великое имеет горячество к попам. (*Начинает расставлять по столу бутылки и блюда.*)

Входит Афросинья, лет восемнадцати, светловолосая, маленького роста

А ф р о с и н ь я (*к Ивану Большому.*) Командинер, прынчик здесь?

И в а н Б о л ь ш о й. В спальне.

А ф р о с и н ь я. Я к нему иду.

И в а н Б о л ь ш о й. Не один он.

А ф р о с и н ь я (*встревоженно*). И кто же при нем?

И в а н Б о л ь ш о й. Духовник.

А ф р о с и н ь я (*успокаиваясь*). Тогда я посижу (*садится к столу*). Табаком воняет.

И в а н Б о л ь ш о й. Верно, у меня славный табак, хорошо стертый, но не для твоего носа. (*Набивает нос табаком.*)

А ф р о с и н ь я. Вот я скажу про тебя слово прынчику. Будет тебе на каленые орешки. Вот я на стол поклала баулец, видишь?

И в а н Б о л ь ш о й. Ну вижу.

А ф р о с и н ь я. Возьми из баульца мое дамское махальце, да подай. (*Иван Большой подает. Афросинья обмахивается*). Ты, командинер, по виду человек неласковый, и мне до тебя ни дела, ни нужды никакой нет.

Иван Малый вносит блюда с закуской и калачами. Афросинья берет калач, намазывает его икрой, кусает.

А ф р о с и н ь я. Надо б в поварню передать, пусть пришлют мне в деревню икры паюсной, черной и красной, икры зернистой, семги, сняточков... Слышь, командинер, передай в поварню.

Из спальни выходят Алексей и Яков Игнатов. Лицо Алексея залито слезами.

Яков Игнатов *(продолжает с сердцем)*. Всяко благочестивое христианское доброе дело единым словом – суеве-рием названо. И кто в них, в еретиках, был пущий пьяница, и нахал, и сквернослов, и шут, тот зван и вменяем в простосердечного и благочестивого человека. Кто ж хоть малопостник или воздержник и богомольный человек, тот зван раскольщик и лицемер, ханжа. Ныне пьянствуют и мясо сплошь едят и вместо книг в кельях и церквах табакерки в руках держат и непрестанно порошок нюхают. Церковную и монастырскую казну забрали себе на свои роскоши, на дорогие напитки, на музыки с танцы и на карты с товарищи. Чудотворные иконы отсюда забрав на гнойных телегах, под скверными рогожами увезли. Весь российский благочестивый народ плачущими очима, с болезнью сердца зрит злодейства.

Афросинья. Прынчик!

Алексея. Афросинюшка! Друг мой сердешный! *(Бро-сается к ней. Они обнимаются и целуются)*. Здравствуй, ма-тушка моя... Отец Яков, это моя Афросинюшка.

Яков Игнатов *(обнимает и целует обоих)*. Счастья вам. *(Крестит их и уходит.)*

Афросинья. Друг мой, какая радость. Господь по жела-нию нашему радость возвещает о сочетании нашем. А зло да-лече от нас отженет. Вот люди твои дворовые тогда уж меня почитать будут.

Алексея. Молодцы! Говаривал вам прежде и ныне под-тверждаю. Будьте к жене моей почтительны и утешайте ее, чтоб не печалилась.

Афросинья. Да пущай в поварне скажут, чтоб прислали мне в Ладожские Рядки икры паюсной, черной и красной, ик-ры зернистой, семги соленой и копченой и всякой рыбы, а ще малое число сняточков белозерских и круп грешневых.

Алексея. Слыхали, собаки? Чтоб все исполнить. Будьте Афросинье послушны.

Афросинья. Прынчик мой, батюшка мой, хочу с тобой слов с пяток на глаз молвить.

Алексея. Подите, молодцы, подите. Да пущай никто не заходит, пока не позову. *(Иван Большой и Иван Малый ухо-дят)*.

А ф р о с и н ь я. Ты, батюшка, когда впервой приехал с Вяземским к нам в Ладожские Рядки, помню, заметила я в первый день, что часто на меня глядишь.

А л е к с е й. Глядел часто с первого взгляда.

А ф р о с и н ь я. Я хотела знать причину. Помню пришел ты ко мне, я допытывать стала, какова причина.

А л е к с е й. А причина та, что люблю.

А ф р о с и н ь я. За что ж меня любить?

А л е к с е й. За то, что ты мила и того стоишь. Помню, уехал и вдруг письмо: приезжай, буду потчевать вареньем. Письмо-то мне фельдкурьер в Сумы привез, в Малороссию, куда я с князем Меншиковым по важным делам был послан. Все дела бросил, больным сказался и к тебе прискакал. *(Целует Афросинью)*. Только с тобой, Афросиньюшка, вкусил я любовную лихорадку. Жена моя, ныне помершая, прусская кронпринцесса Шарлотта, была женщина злая, малокрасивая, рябая, с талией длинной и лицом плоским. К тому ж не православная, а лютерской веры. Чужая мне во всем, хоть двоих детей прижили. Как не прииду к ней в спальню, ругается на меня, чертовка. И неверна мне оказалась, слух есть, изменила с бароном Левенвольдом.

А ф р о с и н ь я. Прынчик мой бедный. *(Гладит Алексея по голове и лицу)*. Никто-то тебя не любит, даже и батюшка родной.

А л е к с е й. Как родила новая царица Екатерина Алексеевна ему детей, дочерей Анну и Елизавету, а особливо младенца Петра Петровича, так стало мне совсем худо. Уж на младенческую голову Петра Петровича вместо чепца корону примеряют, да вместо ночного горшка престол подставляют.

А ф р о с и н ь я. Чего ж грустить, прынчик. Благородством Екатерина меня не выше, читать-писать не умеет, я ж и читать и писать могу. А рожать детей тем более. Да не таких хлипких, не чахоточных, как прынец Петр Петрович. Наши ладожские младенцы крепкие.

А л е к с е й *(вглядывается в лицо Афросиньи)*. Афросиньюшка, ты это к чему? Неужто?

А ф р о с и н ь я. Чревата я.

А л е к с е й. Афросиньюшка! *(Целует ее в беспмятстве Целует ей руки, падает перед ней на колени, целует ноги и живот ее)*.

А ф р о с и н ь я *(смеясь)*. Я его уж Селебеном для шутки прозвала. Малым Селебеном. Ты, когда крупы и икру мне слать будешь, вели прислать мех лисий черевый для Селебенова одеяльца.

А л е к с е й *(радостно)*. Пришлю чего хочешь и что в силах. У меня двое детей по погребении Шарлотты осталось на воспитании у госпожи Ро. Им на содержание в месяц выходит от меня сто десять рублей. Одначе на престоле после себя хочу видеть наследника, порожденного любимой женщиной, а не злой лютеранкой. Селебена Алексеевича, самодержца всея Руси, Божьей милостью царя православного.

А ф р о с и н ь я. Для того я пришла, чтоб сказать тебе сие известие, и ждала, как отзовешься, с трепетом.

А л е к с е й. Отчего ж трепет, Афросиньюшка? Разве ты не веришь любви моей? От кого ж еще, как не от тебя, я сердечные слова слышал. С матерью своей девяти лет разлучен, от отца ни одного сердечного слова. Одни упреки, угрозы, иногда и побои. *(Звонят колокола)*.

А ф р о с и н ь я. Однако поздно уж. Мне на ямскую почту пора.

А л е к с е й. Я тебя в своей карете доставлю. Ей, молодцы! *(Входит Иван Большой)*. Передай, Иван, Якову Носову, пусть Афросинью, жену мою, в карете моей повезут куда она укажет.

И в а н Б о л ь ш о й. В одноконной?

А л е к с е й. В гербовой, дурак.

И в а н Б о л ь ш о й. Слушаюсь. Вас, царевичбатюшка, внизу майор Глебов да господин Кикин дожидаются.

А л е к с е й. Пусть идут. *(Целуется с Афросиньей. Афросинья уходит. Алексей подходит к накрытому столу, наливает себе водки, выпивает. Входят Александр Кикин и Степан Глебов. Кикин в штатском, а Глебов в армейском мундире. Алексей обнимается с ними)*. Рад твоему приезду, Кикин. Сегодня духовник мой, отец Яков, из Киева вернулся да ты из Европ. Веселей мне стало. Каковы ноне Европы?

К и к и н. По всем Европам не бывал. В Вену наведалься, да в Италии мимоходом.

Разговаривая, усаживаются за стол. Иван Малый разливает водку. Выпивают, закусывают.

А л е к с е й. Кого-либо в Вене видывал?

К и к и н *(тихо)*. Об сем после.

Иван Малый снова разливает, снова выпивают и закусывают.

Г л е б о в *(указывает на Ивана)*. Проворный малый.

А л е к с е й. Именно что Малый. Их у меня в камердинерах двое Иванов Афанасьевых. Тот, для отличия, Большой, а сей — Малый. Оба хитры, у обоих деньги водятся. У Большого дом свой на Покровке, у Малого дом на Сретенке. Да Малый еще костоправством промышляет.

Г л е б о в. Костоправ каждому из нас понадобится может при наших-то задумках. *(Смеется)*. Ты, верно, костоправ?

И в а н Малый, Так точно. С братом Гавриилом, Мы вот наемни учителя государя-царевича пользовали, Фридриха Фридриховича. С кареты выпали и руку вывихнули.

А л е к с е й. Гляди, может, сегодня и другого учителя попользуешь, Никифора Кондратьевича *(смеется)*. Поди, Иван, в поварню, скажи, пусть жарких кур подают.

И в а н М а л ы й. Слушаюсь. *(Уходит.)*

А л е к с е й. Вяземский, сука, не так учить, как смотреть за мной поставлен батюшкой-государем да государевым оберкатом Толстым Петром Андреевичем. Которого дня Толстой в застенке своем, в Тайной канцелярии крови изопьет, того дня они веселы, а которого дня не изопьет, того дня им и хлеб не естся.

Г л е б о в. Поздно мы затеяли. Надобно было, когда Астрахань поднялась, стрельцы да староверы, а войско Петрово в Лифляндии завязло против шведа. Реки поднимать надобно было, Терек да Дон в подмогу Астрахани, да на Москву идти. Москва пуста была. Недаром царь Петр струсил да велел всю казну из счетного и прочих приказов увезти да в землю зако-

пать. Царь Петр трус и потому вероломен. Царевна Софья Алексеевна в лунную августовскую ночь, да будет та ночь благословенна, убийц к нему в Преображенское послала, да не повезло тогда народу российскому. Ускакал Петр без штанов, в лесу схоронился. И под Нарвой бросил армию при известии о приближении шведов, а узнавши о поражении, чтоб легче бежать, переделся крестьянином и плакал от страха. Верно о нем саксонский генерал сказал: "Это не солдат"

К и к и н. Однако под Полтавой он вел себя храбро, и пуля пробила его шляпу.

Г л е б о в. Храбрился со страху, как картежник, который поставил все на банк и случаем выиграл. Ежели б Карл Двенадцатый пошел на соединение с генералом Левенгаутом, который вез ему провиант и боеприпасы, он распотрошил бы Петра, а он вместо того повернул к Мазепе на Украину.

КИКИН. Да уж, к несчастью для России. Теперь, после Полтавы, как вернуть русскому народу жизнь мирную?

Входит Вяземский.

А л е к с е й *(тихо Кикину)*. Я ж говорил, недалече он.

В я з е м с к и й. Государич, от государя-батюшки письмо мной одержано к превеликой радости, которой поделиться спешу, ибо привык всегда в поступках своих и делах ответ давать.

К и к и н. Никифор Кондратьевич, угощайтесь с нами.

В я з е м с к и й. С превеликой радостью. *(Садится. Кикин наливает ему водки, незаметно добавляя в стакан пенника. Все выпивают)*. О чем честна беседа? Не причинил ли тесноты собой.

Г л е б о в. Нимало. О денежных тягостях беседовали. Немец да француз на русской службе получают триста-четырееста рублей, русский же за ту же должность — шестьдесят, если полковник, а я, к примеру, майор, — сорок рублей месячного жалованья. Жена моя, Татьяна Васильевна, болеет, дети мои, Андрей да Марья, уж велики, а что им в приданое дать могу? Имею три двора в Петербурге в Шлебенской слободе на Адмиралтейской стороне, да дом в Москве за Пречистенскими во-

ротами, в коем сам проживаю. И выходит, что я, майор русской армии, трижды раненый в болотах у плотин Швабстеда, да отличившийся у Фридрихштадта, я бедней лакеев твоих, Алексей Петрович.

К и к и н. Каждый свою нужду имеет.

Г л е б о в. Нет, Кикин, вам, гвардейским, деревни даром дают, а нам, армейским, их на собственные алтыны покупать надобно. Как же без деревень с тремя дворами дочку замуж отдам? У тебя, Кикин, только каменных в Петербурге пять штук. Да жены твоей, Феклы, приданое.

В я з е м с к и й. Крепка водка... Чую я, вы, господа, браги подмешали, али меда-вишняка... Мутит меня.

Г л е б о в (*тоже захмелев*). Лучше не бывает, ежели астраханский медовый квас на дрожжевой опаре. Только пить его надо умеючи, да ко времени.

В я з е м с к и й. Тягости тягостями, а перстенок у вас майор, на руке золотой с чистым камнем. Да, вижу, не сибирского золота, а золота китайского. (*Хихикает*).

Г л е б о в. Это гостинец.

В я з е м с к и й. Не суздальский ли? (*Хихикает*).

А л е к с е й (*хмельно и сердито*). Никишка, не в свое не встревай... (*К Глебову*). Кикин верно сказал, каждый свою нужду имеет... Я, наследник престола, имею вдоволь деревень, да батюшкин фискал смотрит, куда деньги трачу. Без фискала ни с деревень, ни с кирпичных заводов, ни с сеновых покосов на реке Мге, ни с порубки дров тратить ничего не могу. Матери своей в Суздаль еле собираю изредка рублей пятьсот в затычке послать. Когда женился на Шарлотте, герцог Гольштинский обещал снабдить принцессу таким же приданым, что и старшую внучку свою, королевы Гишпани. Да все на своем коште жили, а порций и раций определено не было. На лошадей и экипаж денег не имели, прислуге не могли платить. Шарлотта едва не со слезами просила Меньшикова о помощи, и тот дал нам в заем пять тысяч рублей из мундирных денег ингерманландского полку.

В я з е м с к и й. Государь-батюшка и сам в экономии живет, поскольку нужда отечества да прибыль населения. Однако же

трудится, аки мастеровой, чего и вам желает. Потому изволят писать, что имеет на меня гнев, понеже вы, государич, оставя дело, ходите за бездельем, отчего я, государич, в великом сомнении и печали.

А л е к с е й. Это фискальство от тебя идет, Вяземский, да мадам подсказывает.

В я з е м с к и й. Негоже, государич, государыню мадам прозывать... Аще батюшка изволят писать, что желает видеть вашего собственного труда чертежи по военной архитектуре.

А л е к с е й. У тебя, Вяземский, одна арифметика в голове.

В я з е м с к и й. Таковое приятней, чем одно в голове танцевание. Арифметика же или числительница что есть? Художественно честное, независимое и всем удобное понятие, многополезнейшее и многопохвальнейшее от древнейших же и новейших в разное время явившихся изряднейших арифметиков изобретенное и изложенное...

Алексей затыкает Вяземскому рот куском хлеба. Все смеются.

А л е к с е й. Снится мне чуть ли не еженощно, что я церкви строю.

К и к и н. Сие к дороге, царевич.

В я з е м с к и й (прожевав калач). Я уверен, для Бога нет ничего невозможного, но чудеса-события веков прошедших, а не нынешних. Люди так умны. Их можно обращаться к Богу рассудком, не действуя на воображение и не поражая чувств их чудесами.

Иван Большой вносит блюдо с жареными курами.

Г л е б о в. Жаркие куры ко времени поспели.

В я з е м с к и й. Под сие подчевание тост имею произнести. Понеже истинный страх Божий есть вся премудрость государичей и пребудущих правителей с самой их юности, ревность о справедливости, легкосердии, великодушии... (*Алексей, взяв с блюда кусок, начинает есть. Кладет, надкусив несколько раз, обратно на блюдо, берет другой кусок*). Ради чего, государич.

вы изволили взять от сей яствы курячу ножку и, покушав несколько, положили обратно на блюдо. Да еще иную часть взять изволили? Господа, я приставлен к государичу государем, который объявил мне уважение, вручив наследника как залог будущего благоденствия народа нашего. Сам я, молвил государь, наблюдать за ним не могу, вручаю его вам, зная, что не столько книги, сколько пример будет служить ему руководством... *(Алексей наклоняется к Кикину и что-то шепчет на ухо. Кикин наклоняется и что-то шепчет на ухо Глебову)*. Вы, государич, изволили нечто тайное молвить на ухо Кикину, а тот, измешкав немного тоже, тайно молвил на ухо майору... Я приставлен наблюдать государем... Все замечаю...

А л е к с е й. Бог любит праведника, а царь любит ябедника.

В я з е м с к и й. Дурно и непристойно за столом друг другу на ухо говорить при иных людях... Дурно тако же, как государич сделали... Части курячие, которые государич кушал, он положил на то же блюдо... Государич лучше, нежели я, знает, что для очистки тарелки поступить надобно иначе. Понеже необыкновенно объединенные кости на блюдо класть, а обыкновенно мечут их собакам. *(Алексей крепко берет ладонями голову Вяземского, с силой наклоняет ее, прижимает к себе и что-то долго шепчет на ухо. Вяземский пытается отстраниться, но Алексей не пускает. Наконец, видно сказав все, отталкивает)*. Скверными лаями лаял. Выбрал меня и жену мою, и дочь такую пакостною бранью, что терпеть нельзя.

А л е к с е й *(кричит)* Терпеть нельзя! Терпеть нельзя! *(Вскакивает, срывает с Вяземского парик, вцепляется в волосы, вытаскивает из-за стола и начинает бить остервенело ногами)*.

В я з е м с к и й. Убивают! Убивают!

А л е к с е й *(задыхаясь от гнева)*. Иуда! Я тебя под Штетином хотел убить до смерти... Жаль не заколол... Я тебя со двора собью... В дверь выбью. *(Глебов и Кикин пытаются унять царевича)*. Погодите, я его в дверь выбью. *(Тащит Вяземского за волосы к двери и ногой в зад выбрасывает вон. Затем пошатываясь возвращается к столу, садится, роняет голову на стол, сшибая при том тарелки и стаканы)*.

К и к и н. Кваску испей, Алеша, охладись.

А л е к с е й (*громко, истерично плача*). Иуда! Батюшка мой, да Толстой сего Иуду поставили за мной смотреть... Шага не дает свободного, вздоха свободного.

К и к и н. А чего и ты малого какого не держишь при дворе отца? Знал бы, что говорят.

А л е к с е й (*говорит с плачем*). Девяти лет разлучили меня с матерью моей и глядят, чтоб не виделся. Прошлый год на святой неделе ездил тайно в Суздаль, так дознались. С малолетства отдали меня под опеку Меньшикова. Иноземцам говорили: принца берегут, как девочку. А Меньшиков с малолетства меня пить приучил и еще мальцом возил к Жаксону наблюдать как случают жеребцов. (*Плачет*). Не знаю, нищим сделаться да с нищими скрыться на время? Или отъехать в какое царство, где приходящих приемлют и никому не выдают.

К и к и н. Я тебе говаривал, как вместе мы были в Карлсбаде, не ездите назад. Говаривал тебе, когда-де вылечишься, напиши отцу, что еще на весну надобно лечиться, а меж того отъехал бы в Голландию, а потом, после вешнего кура, мог бы в Италии побывать и там отлучение свое года на два или три продолжить.

А л е к с е й (*утирая слезы*). И там за мной смотрели, гнев отцов и туда достает.

К и к и н. А был ли кто у тебя от французского двора?

А л е к с е й. Нет, от французского не были.

К и к и н. Напрасно ты ни с кем не виделся от французского двора и туды не уехал. Король человек великодушный. Он и королей под своею протекциею держит. А тебя ему невелико дело продержать.

А л е к с е й. Теперь уж что говорить. Был в Карлсбаде, лечился от простудной чахотки, а оную нажил при корабельных спусках. При слабом здоровье меня часами на морозе стоять заставляли и поили смертно.

К и к и н. Отец тебя уморить хочет, пока сам не умер. Так советники подсказали. Боятся, что после отца ты все по иному повернешь.

А л е к с е й. Да, по-иному поверну. Я старых всех переведу, а изберу себе новых по своей воле.

Г л е б о в. Отец еще не стар, но сильно и часто припадает, долго не удержится, не проживет, а с ним исчезнут и дела его.

А л е к с е й (*с горечью и злобой*). Не только дела его омерзели, но и сама особа его мне омерзела. Лучше б я на каторге был или в лихорадке лежал, чем там у него был. Я всегда, как на плахе. В Карлсбаде когда лечился, книги читал Бирониуша, кесаря римского. Сказано там: не кесарьское дело вольный язык унимать, да не кесарьское дело в Великий пост казнить. Да воинам чтоб народ не притеснять, чтоб не брать дров и постели у хозяев на квартирах.

К и к и н. Ты, Алеша, умнее отца. Отец твой, хоть и умен, но людей не знает. А ты умных людей знать будешь лучше.

А л е к с е й (*повеселев*). И то правда. Эх, други, быстрее бы время пришло без батюшки. Жить будем весело, свободно, по-русски. (*Кричит*). Иван!

Входит Яков Носов.

Я к о в Н о с о в. Иван Большой отлучился по нужде, а Иван Малый Никифора Кондратьевича пользует, понеже тот с лестницы пьяный упал и руку свихнул.

А л е к с е й (*смеется*). Яков, сбегай-ка в трактир и приведи спеваков. Да с гусями и скрипичей.

Я к о в Н о с о в. Слушаюсь. Внизу человек дожидается. Просил к вам, да я его не пропустил.

А л е к с е й. Кто таков?

Я к о в Н о с о в. Босой.

А л е к с е й. Это как — босой?

Я к о в Н о с о в. Кличут Босой и натурально сам босой. А на съестном рынке я указ читал к столбу прибитый: беснующихся, в колтунах, босых и в рубашках ходящих, не допускать и наказывать.

Г л е б о в. То, видать, Михайло Босый из Суздаля пришел. (*К Якову Носову*). Веди его сюда.

А л е к с е й. Пропусти сюда.

Наливают водки, чокаются, выпивают. Входит Босый, в старой монашеской рясе, перевязанной веревкой, с плетеным из лыка кузовом за плечами, босой.

Б о с ы й. Мир вам, царевич-батюшка. *(Крестится на иконы, затем к Глебову сердито)*. И ты здесь, майор? В ворота к тебе стучал, да солдаты со двора согнали и женка твоя також.

Г л е б о в. Ну не признали, Михайло. Ты не сердчай. Это Михайло Босый, богомол из Суздаля. Здесь, Михайло, все свои.

Б о с ы й. Ежели так, мочно... *(Вынимает из плетеного кузова хлеб, разламывает его пополам и достает оттуда записку и кольцо)*. Вам, государь-царевич, от матушки вашей царицы Евдокии из Суздаля. Кольцо и память. *(Протягивает записку)*.

А л е к с е й *(торопливо хватает)*. Матушка моя родная! *(Читает про себя, затем вслух)*. "Олешенька! Когда Бог сочтет вас, вот мое обручальное кольцо на счастье. Простите. Бог с вами. Твоя мать Евдокия". *(Плачет)*. Матушка моя родная, любимая моя матушка. Уж сколько годов мы разлучены с тобой.

Б о с ы й. Посылает вам, царевич-государь, царица-матушка ваша также образ маленький Богородицы да платок, да четки, да молитвенную книжку, да две чашки, чем водку пьют. А изустно передать просила: ежели в чужие края уедешь, хорошо то сделаешь.

К и к и н. Ей, не дурна мать твоя, Алеша.

Б о с ы й. Был я дорогою у Авраама Попухина, брата вашей матушки, был в Ясной Поляне под Тулою, и передал он тебе бутылку домашней водки-рябиновки да письмецо маленькое при оной водке, однако письмецо, одумавшись, изодрал, а так велел передать, что Авраам-де гораздо печалится, что вы, царевич, к нему неласковы.

А л е к с е й *(вертя бутылку)*. Передай Аврааму, что я к нему доброжелательный. Чтоб он не сумневался. *(Наливает водку, пробует)*. А водка славная... Ну-ка, тебе, Босый, чашку за радостную весть. *(Наливает. Босый крестится и выпивает)*. Калачом да курячей ножкой закуси. *(Дает недоведенную куриную ножку. Босый ест с аппетитом)*. Да сапоги ему! Эй, Иван! Эй Яков! *(Входит Иван Большой)*. Иван, сапоги Босому. Пришел ты ко мне босый, а уйдешь в сапогах.

Б о с ы й *(быстро охмелев, кричит)*. Любо! Любо! Батюшка ваш недолго проживет. Я его издаля видел. Выглядит он упалым и лицо пухлое.

Входят три музыканта с гусями и скрипичей.

А л е к с е й. Вот и весела вечерина. Спевачи, вы откуда?

М у з ы к а н т с о с к р и п и ц е й. Мы бывшие императрицыны певчие. А ноне не по душе новому регенту, так по кабакам.

А л е к с е й. Ей, веселую! *(Музыканты играют, Алексей поет)*.

Ты, крапива, ты, крапива, блядь.

Вы крапивны семена.

Кунью мою шубоньку облила.

Меня курвой, блядью оплескивала.

Б о с ы й *(приплясывая, поет)*.

Ударил он девицу по щеке.

А пнул он девицу под гузно.

А баба задом пухла.

Тряси ее за пельки.

Пинай под гузно.

К и к и н *(смеясь, Босому)*. Чего сапоги дареные не натянешь? В сапогах плясать веселей.

Б о с ы й. Болят у меня ноги. Есть на них раны. Я, как на стужу ходил, обертывал ноги тряпочками.

А л е к с е й *(поет)*.

Взял бы ворону, — долгонося.

Взял бы сороку, — щепетливая, блядь.

Б о с ы й. Я множество по монастырям да по людным селам ходил, в приходские церкви. Народ, вас, царевич, обожает и пьет за ваше здоровье в семейном кругу. Духовенство о вашем здоровии молится Богу.

К и к и н. Был слух, что тебя, Алеша, в польские короли хотели. И венгерцы корону предлагали, да царь Петр отказал, не желая ссориться с Австрией.

А л е к с е й. Уж от русских людей я никуда. Уж лучше нищим в России, нежели королем в Венгрии. Уж лучше монахом.

К и к и н. Монахом можно, вить клобук не гвоздем к голове прибит. А ежели на плаху, то лучше: в чужие края.

А л е к с е й *(музыкантам)*. Спевачи, что-либо заради души.

Музыканты играют и поют.

Ах, ты молодость, моя молодость. Ах, ты буйная, ты
разгульная.

Ты когда прошла-прокатилась. И пришла старость –
не спросилась.

Как женил меня родной батюшка,
говорила мне родна матушка.

Ты женись, женись, бесталаный сын. Ты женись, женись,
мое дитяtko.

Как женился я, добрый молодец.

Молода жена не в любовь пришлась.

На руке лежит, что колодонька. Во глаза глядит,
что змея шипит.

А как душечка, красна девица, моя сладкая полюбовница,
На руке лежит – легко перышко. Во глаза глядит –
красно солнышко.

А л е к с е й (*утирая слезы*). Когда буду государем, то
жить стану в Москве, а Петербург брошу. Так же и корабли
брошу и держать их не стану. А войско держать буду только
для обороны. Войны ни с кем иметь не хочу. Хочу довольст-
воваться старыми владениями. Зимой буду жить в Москве,
летом в Ярославле.

Б о с ы й. Сказано, во имя Симона Петра имеет быть гор-
дый князь мира сего антихрист.

А л е к с е й. Спевачи, вот вам пять рублей, пропойте стих,
что отец мой икон не почитает и есть враг креста Христова.

П е в ч и й с г у с л я м и. Такого, государь-царевич, мы
сделать не можем, ибо страх имеем.

А л е к с е й. Это ныне батюшку боятся. А по смерти боять-
ся не станут. (*К музыкантам*). Играйте, играйте, игрец по-
дарю.

Музыканты играют.

И в а н Б о л ь ш о й (*входит*). Карета ее высочества царев-
ны Марии Алексеевны.

А л е к с е й. Денег займы просить приехала.

Входит царица Мария Алексеевна в сопровождении седоусого слуги.

М а р и я А л е к с е е в н а. Здравствуй, Алеша, здравствуй, племянничек. *(Троекратно целуется с Алексеем. К Босому.)* Здравствуй, Михайло. *(Босой кланяется.)* Здравствуй, Кикин! Мы с тобой с Карлсбаду не виделись. *(Смотрит на Глебова.)* Этого не припомню. Преображенец али семеновец? Я в военных мундирах не понимаю.

Г л е б о в. Из гренадеря, ваше высочество. Майор Глебов. Гвардия — те в зеленом сукне да с красными каблуками. Щеголи. Я ж обыкновенный, армейский. Езжу по городам да деревням, рекрут набираю.

Б о с ы й. В присусьи ставит рекрутов под мерку да лоб бреет, вот и вся работа.

М а р и я А л е к с е е в н а. Ах, я тебя припоминаю. Это тебе царица Евдокия просила место Суздальского воеводы хлопотать?

Г л е б о в. Не знаю, чего она просила. Я не просил. У меня в Москве дом, жена, дети.

М а р и я А л е к с е е в н а. Видать, уж забыл ты, Глебов, Евдокию. И ты, Алеша, мать забыл. Не пишешь и не посылаешь ей ничего. Посылал ли ты после того, как через меня была посылка?

А л е к с е й. Вот с Михайлой Босым пошлю деньги. А писать опасуюсь.

М а р и я А л е к с е е в н а. А что, хотя бы тебе и пострадать. Так ничего, ведь за мать, не за кого иного.

А л е к с е й. Что в том прибыли, что мне беда будет, а ей пользы никакой.

К и к и н. Марья Алексеевна, садитесь, винца испейте али меду. Да закусите.

Мария Алексеевна садится к столу, Кикин разливает всем в стаканы. Выпивают.

М а р и я А л е к с е е в н а *(закусывая)*. Ноне нельзя жить. как жилось. Содержание малое стало. Вот повар мой Чуркин

знает. Он еще при царевне Татьяне Михайловне дворцовым поваром был. Скажи, Чуркин, хорошо ранее жилось?

Ч у р к и н. У царевны Татьяны Михайловны стряпал, у царевны Софьи Алексеевны стряпал. А ноне стряпаю вверху, живу неделю и добычи ни на копейку. Прежде сего все было полно, а ноне с дворца вывезли все. Кравчий ей, государыне, ставит продукт гнилой и кормит ее с кровью. Прежде всего по погребам было много рыбы, много и масла. Дворца приезжие говорили, что воняет. А ноне вот не воняет, ничего нет.

Г л е б о в (*захмелев*). Немецкий пруссак все пожрал. Да и породу русскую пожирает. Русский барин, под стать мужику, не знал простуды и неварения, по субботам хаживал в гиену, спал ровно на сквозном ветре и на лежанке, в горнице сиживал в тулупе, на двор в мороз бегивал в халате, квас пил на молоко, чай на репу. Вот я у отца своего с трех лет познакомился с ленивыми щами, с ботвиньей, с рубцами, с киселями, с кашами, с "няней". Знаешь, как "няню" приготовить, Чуркин?

Ч у р к и н. Как не знать, господин майор „Няня“ составляется из телячей головы, из гречневых круп, из свежего коровьего масла. Все кладется в горшок, замазывается тестом и ставится на сутки в печь. Потом из горшка выходит кушанье, в коем мудрено решить, что вкусней — каша или мясо.

Г л е б о в (*хмельно*). Правда, Чуркин. А почему же оно смешней котлетов с жабами? Спросить бы сие у наших англоманов да немцеманов. Алексей Нарышкин, остро слов, хорошо на них придумал: англоман — клерк, французоман — стригун, немцеман — моренкопф. (*Смеется*). И на баб придумывает: красавица — жемчужина, дурная лицом — держи вправо, распутная — лоханка. (*Смеется*).

М а р и я А л е к с е е в н а. Ты уж, Глебов, перебил с лихвой..

Г л е б о в (*сердито и пьяно*). Может быть, я напрасно излагаю, но хотел бы предостеречь тех, кои, плохо зная русское, могут подумать, что дитя был людоед и кушал нянюшку. Следовательно, это просто объяснение в непросвящении, да и куда мне учить ученых. Я не философ, а русский, и если б не родился русским, то сокрушался бы, что не русский.

М а р и я А л е к с е е в н а. Кого ты, Глебов, упрекаешь? Здесь все русские.

Г л е б о в (*кричит*). Моренкопф! Ненавижу!

А л е к с е й. Иван, отведи майора в диванную, сними с него мундир да стащи башмаки. Пусть проспится. (*Глебова уводят*). Играйте, музыканты, играйте. Игрец получите. (*Музыканты играют*).

М а р и я А л е к с е е в н а (*Алексею*). Как у тебя с батюшкой?

А л е к с е й. Я уж не знаю. Я уж себя чуть знаю от горести. Я бы рад куды скрыться.

М а р и я А л е к с е е в н а. Куды тебе от отца уйти? Везде тебя найдут.

А л е к с е й. Отец мой, не знаю за что, меня не любит и хочет наследником учинить брата моего, а он еще младенец. И надеется отец мой, что жена его, а моя мачеха, умна. И когда учиня сие умрет, то будет бабье царство. И добра не будет, а будет смятение. Иные станут за брата, а иные за меня.

М а р и я А л е к с е е в н а. Кто за тебя станет?

А л е к с е й. Что тебе, Марья, сказывать. Ты их не знаешь.

М а р и я А л е к с е е в н а. Какого они чину?

А л е к с е й. Что тебе, Марья, сказывать, когда ты никого не знаешь.

М а р и я А л е к с е е в н а. Почему ж никого? Многих знаю. Да и меня можешь считать. Множество людей разного звания можешь считать.

А л е к с е й (*обрадованно*). Хотя батюшка и делает, что хочет, только еще как Сенат похочет. Чаю, сенаторы и не сделают, что хочет батюшка. И надежду имею на сенаторов, а на кого именно, ноне не скажу. И архиереи во множестве мои. И в гвардии да армии людей имею. И черный народ меня любит.

К и к и н (*с беспокойством*). Лишнее молвишь, Алеша.

А л е к с е й. Кто понесет? Я запрუსь, а его распытают. Батюшка уж не слушает, столько на меня правды и неправды плетут.

Ч у р к и н. Слыхивал я, на двести двадцатой версте от Москвы, во дворе у мужика, в хлеву, подгнилыми досками стоит котел денег.

М а р и я А л е к с е е в н а. Какого мужика?

Ч у р к и н. Это мне не известно.

М а р и я А л е к с е е в н а. Эх ты, чучело чухонское. Ты б лучше разузнал про иноземку Марью Велимову, фрейлину царицы Екатерины Алексеевны. Та, говорят, деньги в рост дает.

Ч у р к и н. Так ведь без закладу не даст.

М а р и я А л е к с е е в н а. Лихо, что закладу нет. Ты б так выпросил.

Ч у р к и н. За так не даст. Вон сахарница, у которой вы изволили выбирать сахару и конфекту на девять рублей, без денег не отдала. Мне сахару для сбитня надобно, а вы изволили запечатать сахар и после не изволишь брать.

М а р и я А л е к с е е в н а *(сердито)*. Что ты плетешь на людях вне ума? Вот сгоню тебя со двора. Поди сядь туда подальше.

А л е к с е й *(смеется)*. Он у тебя, Марья, на уме. Иван, подлей-ка Чуркину водки.

М а р и я А л е к с е е в н а. Ты мне его упоишь, в карету не вопрется.

А л е к с е й *(смеется)*. Ничего, довезем.

М а р и я А л е к с е е в н а. Было мне, Алеша, откровение, что брат мой, а отец твой возьмет мать твою к себе, и дети будут таким образом. Отец твой будет болен и произойдет некоторое смятение. Он придет в Троицкий монастырь на Сергиеву память. Мать твоя будет тут же. Он исцелеет от болезни и возьмет ее к себе. И смятение утешится. А Питербурх не устоит за нами. Быть ему пусто. Многие говорят о том.

Ч у р к и н *(сидя с Босым в стороне, хмельно)*. В немецкую слободу изволила поехать царевна Марья Алексеевна с царицей Прасковьей Федоровной смотреть двор, а на том дворе хозяйка пьяна была, у нее родины были. И государыня-царица Прасковья Федоровна изволили напрашаться кушать, и ее унимала царевна Марья Алексеевна, а она не изволила послушаться. Ездил во все те места, где изволила напрашаться на обед.

А л е к с е й *(кричит)*. Веселую, музыканты, веселую, спеваки!

Музыканты играют и поют.

Курочка бычка родила.
Поросеночек яичко снес.
На высококу поличку вознес.
Безрукий клеть обокрал.
Глухому в окно подавал.
Безносый табак нюхал. Безгубый да трубку курил.

А л е к с е й. Давай, Марья, плясать. *(Алексей и Марья Алексеевна пляшут.)*

М а р ь я А л е к с е е в н а *(поет)*.

У Спаса на Чегасах за Яузою
Живут мужики богатые.
Гребут золото лопатами.
Чисто серебро лукошками.
Ну а кашу едят ложками.

А л е к с е й *(поет)*.

А тпру — тпру — тпру.
А тпр — тпр — тпру.
Не вари кашу круту.
Вари кашу жиденюкую, вари мягонюкую

Я к о в Н о с о в *(входя)*. Камер-курьер его императорского величества господин Сафонов.

Музыка и пение обрываются. В тягостной тишине военным шагом входит курьер в мундире офицера-преображенца. Подает Алексею письмо и бумагу для росписи. Алексей расписывается. Курьер по-военному поворачивается и уходит.

А л е к с е й *(вскрывает письмо и читает)*. Батюшка-государь в Москву едет.

К и к и н *(после паузы)*. Ложись, Алеша, в постель, скажись притворнобольным.

А л е к с е й *(подходит к столу, опускает голову на руки)*.
Что я здесь такого наговорил? Как же я теперь отцу в глаза посмотрю?

З а н а в е с

Та же столовая комната в теремных покоях кремлевского дворца. Утро. За столом, укрытым малиновой бархатной скатертью с золотыми кистями, сидит государь Петр Алексеевич в старом зеленом кафтане с небольшими красными отворотами. Поверх кафтана кожаная португепя. На ногах зеленые чулки и изношенные башмаки. Рядом на стуле лежит его старая шляпа. Перед Петром, опустив голову, стоит Алексей в черном сюртуке, в черных шелковых чулках, при шпаге.

Петр (*с горечью*). Зон, уразумел ли в конец, про што я ныне с тобой уж более часа беседую? Уж сколько лет недоволен я тобою таковым. Какого же злого нрава и упрямства ты исполнен. Сколь много за сие тебя бранивал и не только бранил, но и бивал и к тому ж столько лет почитай не говорю с тобой, но ничего сие успело, ничего не пользуется, но все даром, все на сторону, ничего делать не хочешь, только б дома жить и им веселиться.

Алексей (*не поднимая головы*). Я не виноват, государь-батюшка, что таковым родился. Природным умом не дурак, но труда понести не могу из-за болезней моих, а сие в руках Божьих.

Петр. Не трудов требую, но охоты желаю, которую никакая болезнь не отлучит. Бог не есть виновен, ибо разума тебя не лишил. К тому ж немало есть людей несравненно болезненней тебя. Брат мой Иван болезненней был. Ты же, хоть не весьма крепкой породы, но и не весьма слабый. Я с горечью размышляю и заключаю, что не в болезни телесной суть. Не болезнь виной, что ничем не могу тебя склонить к добру. Большие бороды тебя принуждают. Большие бороды, которые ради тунеядства своего ныне не в авантаже обретаются, к которым ты и ныне склонен, али в Москве, али в Суздале, али в ином месте.

Алексей. С Суздалем делов не имею, в том поклясться могу.

Петр. Что приносишь клятву, тому верить невозможно. К тому ж, по Давидову слову — всяк человек — ложь. Сын мой, чем воздаешь рождение отцу твоему? Помогает ли ты в та-

ких моих несносных печалях и трудах, достигши такого совершенного возраста? Ей, николи! *(Зовет)*. Орлов! *(Входит денщик Петра Иван Михайлович Орлов, рослый, плечистый, в мундире преображенца)*. Орлов, поклещь сюда учителя царевича, Вяземского.

Орлов. Слушаюсь, государь. *(Выходит.)*

Петр. Истинно святой Павел пишет: „Безумный радуется своей бедою, не ведая, что может от того следовать“. *(Входит Вяземский с перевязанной рукой, кланяется Петру и целует у него руку)*. Расскажи, Никифор Кондратьевич, как царевич время свое проводит в обыкновенном своем неплотии.

Вяземский. Пресветлейший государь! Стремился чувствами в сердце его высочества государича насаждати, дабы внушить ему отвращение к мерзостям, и почитал, что надлежит особливо его высочество от злого товарищества остерегати, учиняющие дела злодетельные и злой приклад подать могущие. Его высочество, однако ж, к таковым людям соблазны имеет, ко всякой противости и жестокосердии.

Петр. Приятно ли мне сие слышать, сын мой? Обозрюсь на линию наследства, горесть меня снедает, видя в тебе наследника весьма на правления дел непотребного, понеже я смертный человек и не сегодня-завтра могу умереть. Я каждодневно встаю в пять утра и тружусь. Ты же никакого труда не терпишь, ни мирного, ни военного, ищешь же легкие забавы, которые только веселят человека. Гляди, в сией одежде, в которой я перед тобой, разгромил я Карла Двенадцатого на полях Полтавы. Сия шляпа пулей шведской пробита, от головы на сантиметр прошедшей. Погибнуть, разумеется, можно всяко. Можно подавиться и свиным ухом. Я не советую лезть в опасности, но получать деньги и не служить — стыдно. *(К Вяземскому)*. Ты, Никифор Кондратьевич, можешь удалиться. *(Вяземский вновь целует Петру руку и выходит)*. Я не научаю, чтоб охоч был воевать без законных причин, но любить воинский труд надобно.

Алексей. Отец, война тягости на русский народ кладет. Народ русский по миру скорбит.

Петр. Не от сиих ли мыслей и греки древние пропали, что

оружие оставили и единым миролюбием побеждены. Всем известно, что перед начинанием сией войны наш народ был утешен от шведов, которые перед нами занавес задернули и со всем светом коммуникации пресекли. И того сподобилось видеть, что оный неприятель, от которого трепетали, от нас ныне трепещет. Я, коли на трон сел, гораздо моложе годов твоих, о реформах не задумывался. Меня к реформам сам швед подвинул. С крымским татаринцом на юге стрелец воевать мог, а со шведом на севере не стрелец, солдат нужен. Нужно войско не русского строя, а строя иноземного. Для того и послал я тебя, наследника, в Германию, ты же мало привез немецкого чувства и права.

А л е к с е й. Куда уж больше немецкого. В нашей армии из тридцати одного генерала четырнадцать — иноземцы. Я, отец, тоже любитель реформ, однако той реформы, которую хотел вести и царь Алексей Михайлович, и царь Федор. Реформы, которые не одно лишь хозяйственное и военное подразумевали, но и помнили о нравах национальных, о душе народной.

П е т р. Понимаю, понимаю, узнаю слова твои. Видно, что большую часть времени своего проводишь ты с московскими попами и дурными людьми. Сверх того, предан пьянству.

А л е к с е й. Не во всяком несогласии попы да пьянство. Мы — славянский народ и жить должны в мире славянском. Для нас, русских, не Германия да Голландия — запад, а Польша, и науки да философию европейскую нам через Польшу брать надобно, чтоб нешляхетские науки: артиллерия, лоция, фортификация смягчались науками греческого и латинского языка, риторикой и священной философией. Нравственности нашей национальной потребно греко-латино-польское просвещение, а не ремесло немца и голландца.

П е т р. Вот чему тебя твои ученые киевские старцы научили, вот кому ты в рот смотришь, как молодая птица. Без немецкого и голландского ремесла нам шведа не одолеть, нам Европы не одолеть. И разве не учились в древности у чужеземцев, разве не звали норманов на Русь? Твои киевские старцы да прочие подобные русскому народу "аллилуйя" все поют. Для чего? Для него ли, для своей ли пользы? Нет, не то дол-

жен понимать честный правитель. Приходится насаждать в нашем русском грубом, праздном народе науки, чувства храбрости, верности, чести. Надо много трудиться, чтоб хорошо узнать народ, которым управляешь.

А л е к с е й. Я к такому труду и такому правлению не годен.

П е т р (*сердясь*). Того ради так остается, что желаешь быть ни рыба, ни мясо. Или отмени свой нрав и нелегально удостои себя наследником или будь монах. Ибо без сего дух мой спокойным быть не может, а особливо, что ныне мало стал здоров.

А л е к с е й. Желаю монашеского чина и прошу о сем милостивого позволения.

П е т р (*смотрит на сына*). Алексей, одумайся, не спеши. Восемнадцать лет служу я сему государству и никогда не просил, чтоб дома оставаться, яко дитя. Ты ж просишь. Монастырь — это молодому человеку нелегко. Вот скоро в Амстердам еду, пиши ко мне и приезжай. Пиши, что хочешь делать. Лучше бы взялся за прямую дорогу, нежели в чернецы. Подожду еще.

А л е к с е й. Ничто иное донести не имею. К тому правлению, которое вам видится, не потребен, сие снова вычел ныне из разговора. Потому, если изволите, лишите меня короны российской.

П е т р (*все более становясь гневлив*). Снова лицемеришь, снова слова мои разнес ветер. Не ныне ты сие решил, а ранее с товариществом своим московским да суздальским. Уподобляешься рабу евангельскому, вкопавшему свой талант в землю, сиречь все, что Бог дал — бросил. Или того хуже, ненавидишь дела мои, которые я для людей народа своего, не жалея здоровья своего, делаю. Да, ненавидишь и, конечно, разорителем оных будешь. (*Лицо Петра искажается судорогой*). Если так, я с тобой, как со злодеем поступлю! И не мни себе, что один ты у меня сын. Воистинно исполню, ибо за мое отечество и людей живота своего не жалел и не жалею, как же могу тебя непотребного пожалеть. Лучше будь чужой добрый, неже свой непотребный. (*Петр идет к дверям быстрым, нервным шагом*,

волоча за собой левую ногу, припадая. В дверях появляется денщик Иван Орлов. Петр опирается на его плечо, оборачивается к Алексею). Отсеку, яко уд гангренный!

Петр уходит, Алексей тяжело валится в кресло, сидит неподвижно, бледный, изнеможенный.

А л е к с е й (после паузы, сам к себе). Отношение меж мной и отцом — меж жертвой и мучителем. Это нет большего мучительства, чем требовать изменить природу. Надо бежать. Бежать из России за границу, чтоб не выбирать между монастырем и пленником при отце. (Встает, ходит по комнате). Но бежать, разве легкое дело? Как бежать, куда? А ежели узнают и поймают? А не поймают, то как примут на чужой стороне чужие люди? Как жить? Всем тяжело, а мне тяжелее всех. Повиноваться отцу надо, когда отец требует хорошего, а в дурном, как повиноваться? Где сему конец? Что из этого всего будет? Сказывают, у отца эпилепсия, а такие люди недолго живут. Говорят, лет пять, больше не жить. Одначе и я летами немолод. Жил бы и пошел в монастырь, а может быть, чтоб до того и умер. (Останавливается у стены, где на персидском ковре развешано оружие). На что ж такие длительные мучения? Взять пистоль, вложить пульку. Кикин говорит, отцова болезнь — более притвора. Это означает долгие годы мучений. (Приставляет пистолет к виску). Нет, страшно. Похоронят где-либо на церковном погосте, за оградой. (Отнимает пистолет от виска, приставляет к ладони. Затем берет пистолет в левую руку). Сие верно умыслил. Испорчу себе правую руку, чтоб невозможно было оною ничего делать. С калеки иной спрос. Все одно страшно себя калечить, больно телесам причинить. Одначе молитвою к святому Алексею боль облегчу. (Шепчет). О, угодниче Божий! Не забуди и тезоименника твоего. Ты оставил еси дом твой. Он так же по чужим домам скитается. Ты удалился еси родителей. Он такоже. Молю убо, святче Божий! Покрой своего тезоименника, покрой его в крове крыл твоих, яко любимого птенца, яко зеницу от всякого зла соблюди невредимого. (Нажимает курок. Выстрел. Алексей падает, роняя пистолет. Вбегает Иван Большой).

И в а н Б о л ь ш о й (*испуганно*). Царевич-батюшка убили себя.

А л е к с е й (*открывая глаза*). Святой Алексей спас меня.

И в а н Б о л ь ш о й (*крестится*). Тешимся и возрадуемся счастливому спасению.

А л е к с е й. Плыл я волнами печалей, надеясь получить радостную тишину за гробом, иначе святой Алексей иное рассудил. (*Смотрит на руку свою*). Пулька руку миновала, иначе ж порохом больно опалила. (*Морщится*). Пошли за Кикиным и отцом Яковом.

И в а н Б о л ь ш о й. Кикин внизу в кремлевском огороде дожидается. Пока вы с батюшкой беседовали, он там все время дожидался подалее, в кустарнике. (*Помогает Алексею подняться*).

А л е к с е й. Пусть ко мне идет. Духовник мой Яков Игнатьев в Белом городе живет на Никитской. За ним карету пошли.

И в а н Б о л ь ш о й. Слушаюсь. (*Идет к дверям*).

А л е к с е й. Погоди, Иван. Не скажешь ли кому, что буду говорить?

И в а н Б о л ь ш о й. Не скажу, государь-царевич.

А л е к с е й. Я не к батюшке в Амстердам поеду. Поеду к царю в Вену али в Рим.

И в а н Б о л ь ш о й. Воля ваша, государь, только я вам не советник.

А л е к с е й. Для чего?

И в а н Б о л ь ш о й. Того ради, когда вам удастся, то хорошо, а не удастся — вы же на меня будете гневаться.

А л е к с е й. Однако ж ты молчи и про сие никому не сказывай. Только у меня про это ты знаешь да Кикин. Для меня он в Вену проведывать поехал. Ты ж сундуки укладывай. Шубы не забудь покласть да алмазы.

И в а н Б о л ь ш о й. Ежели дознаются, ведь распытают здесь нас. (*Вздыхает*.) Вы мне, царевич, аттестат подпишите о поведении. У меня намерения уехать нет. Жаль мне оставить жену, также отца, мать и брата. Яков Носов один пусть едет, я ему денег ссужу, если потребно.

А л е к с е й. Иди, иди поскорей, зови Кикина да духовни-

ка. *(Иван Большой уходит. Алексей, морщась, трет опаленную ладонь, ходит вдоль стен, останавливается)*. Вон она, пулька. В стене застряла. *(Морщится)*. Однако порохом больно опалило.

Торопливо входит Кикин.

К и к и н. Чего ты учинил, Алеша?

А л е к с е й. Уже позади. Учинил, понеже страх имею перед батюшкой, но не сыновский. Хотел себя убить, понеже смерти отца не дождусь.

К и к и н. Отец твой не болен тяжко. Он исповедуется и причащается нарочно, являя людям, что гораздо болен, а все притвора. Что ж причащается, у него закон на свою статью.

А л е к с е й. И я исповедаться хочу. Послал за отцом Яковом.

К и к и н. Хорошо. Отец Яков тебе дурное не посоветует.

А л е к с е й. Может, верно, испросить у отца до смерти себе пропитание. Я уж и монастырь присмотрел, тихий, в лесах, на берегу Волги. Желтиков-Тверской монастырь.

К и к и н. Как же Афросинья?

А л е к с е й. Афросинья недалече жить будет в деревне.

К и к и н. Отец тебя не пострижет, а будет при себе держать и возить, чтоб от волокиты умер. Тебе, кроме побегу, спаситься ничем иным нельзя.

А л е к с е й. Отец зовет ехать к нему за границу, как он поедет.

К и к и н. Что ж, сам отец отворил дорогу. Поезжай в Вену, к цесарю, там не выдадут. Спрашивал меня резидент наш Веселовский про тебя, я ему сказывал: сам знаешь, что его не любят. Одначе Веселовский, чую, в Россию вертаться не хочет, потому тебя не покроет, чтоб Петра на себя не озлоблять излишне. Потому с секретарем вице-канцлера Шенборна говаривал, заплативши ему. По его докладу понял, что цесарь примет тебя, как сына. Вероятно, даст денег, тысячи по три на месяц гульденов.

А л е к с е й. А до Вены-то как с челядью доберусь? Денщик

отца Орлов Иван Михайлович мне говаривал, что нас только до Данцинга выпишут и деньги також до Данцинга. За Данцингом он меня встретить должен.

К и к и н. У Меньшикова проси тысячу червонных. Он даст. Сенат две тысячи рублей выпишет. А пять тысяч червонных да две тысячи мелкими деньгами я уж занял под тебя в Риге у обер-комиссара Исаева.

А л е к с е й. Выходит, с деньгами управимся. Но когда ко мне будут присланные во Гданьск или Королевец, что мне делать?

К и к и н. Уйди ночью один с Афросиньей и возьми одного детину верного. А багаж и людей брось. Отцу ни в чем не верь. Он тебя заманит и публично голову отсечет. Я к тебе более не прииду и ко мне ты более не езд. За мной смотрят другие, кто ко мне ездит. Я повсюду говорить буду, что ты на меня сердит. Мне в отчистку будет. В день Святого Петра в летнем огороде гулянье, многих повидаю. Ты мне в Петербург письмо напиши, что к батюшке в Амстердам едешь, а ежели на меня суснет будет, что о твоём побеге знал, то я объявлю письмо твое, что и меня ты обманул. Прочие письма пиши циферью, какую для тебя дьяк Воронов изготовит на медной пластине.

А л е к с е й. От Гданьска безлюдно поеду. Как бы не убили дорогой.

К и к и н. Зря болтают. Там не только такой знатной персоне, но когда я ежжал на почтах, страху не было. Не то, что у нас повсюду дурачества да разбои.

Входит Яков Игнатов. Алексей целует ему руку. Яков целует Алексея в лоб. Кивает Кикину, тот выходит.

Я к о в И г н а т о в. Кем ты меня считаешь?

А л е к с е й *(опустившись на колени)*. В сим житии иного такого друга не имею, подобно вашей святыне. В чем свидетель — Бог. Не имею во всем российском государстве такого друга в скорби и разлучении, кроме вас.

Я к о в. Ты забыл страх Божий и обещания перед Богом и перед святыми Его ангелами и архангелами, когда перед

исповедью твоей я спросил тебя перед святым Евангелием, будешь ли заповеди Божии исполнять, предания апостольские и хранить меня не как друга твоего, пусть и наилучшего, а как отца твоего духовного. Я тебе отец, а не царь. Он телом, я духом тебя родил. Ты должен почитать меня за ангела Божия и апостола, иметь за судью дел твоих. Хочешь ли ты меня слушать во всем, веруешь ли, что я, хоть и грешен, но такую же имею власть священства от Бога, мне, недостойному, дарованную, и ею могу вязать и решать, и хочешь ли во всем повиноваться и покоряться? *(Протягивает „Евангелие“.)*

А л е к с е й *(на „Евангелии“)*. Заповеди Божии, предания апостольские, все с радостью хочу творить и хранить, и тебя, отца моего духовного, буду почитать за ангела Божия, за апостола Христова и за судию дел своих иметь, священства твоего, власти слушать и покоряться во всем.

Я к о в *(делает Алексею знак встать с колен, берет его об руку)*. Никаких сделок с царем Петром. Во всем личный призыв одного. Единственная возможность в исправлении зла — устранение этого человека. *(Говорит мягче)*. Народ почитает его за антихриста. Однако, оба мы с тобой, Алексей, образованные люди, понимаем, что царь Петр не антихрист. Простой человек и существование его должно прекратиться обыкновенным человеческим путем.

А л е к с е й. Каюсь, я смерти отца желаю.

Я к о в. Бог тебя простит. Мы все желаем ему смерти, для того что в нашем народе тягости много. Про что отец тебя спрашивал? Про меня спрашивал?

А л е к с е й. Нет, об этом не знает. Боится одного — связей моих с Суздаем.

Я к о в. Кикин сказывал, едешь ты.

А л е к с е й Еду. Страшно мне, отец. Но ведь и сын великого князя Дмитрия Донского в Литву сбежал. И все ж страшно. Если у цесаря случая не будет, то ехать придется к Папе Римскому.

Я к о в. Ты, Алексей, не бойся. Ты стоишь за общее дело. За тобой народ наш русский, угнетенный, у которого ныне одна надежда на отдых в будущем твоём царствовании. Поезжай с Богом. *(Крестит Алексея)*.

З а н а в е с

Сцена 3

Суздаль. Покровский девичий монастырь. Келья бывшей царицы Евдокии Федоровны, ныне монахини Елены. В келье несколько сундуков для хранения одежды и прочая мирская мебель. Евдокия одета не по-монашески, в телогрейке и в повойнике. Молится перед двумя иконами.

Е в д о к и я (*шепчет*). Батюшка, мой свет. Благодетель. Подай мне, батюшка, помощи. Только я на тебя надеюсь. Где твой разум, тут и мой; где твое слово, тут и моя голова, все всегда по воле твоей. Прошу слезно у тебя и молю неутешно. Ох, свет мой, ох, душа моя, ох, сердце мое надсело по тебе. Уж мое проклятое сердце да много наслышало. Нечто тошно, давно мне все плакало. (*Хватает себя пальцами за лицо*). Все плакало. (*Плачет*). Лучше бы у меня душа с телом разлучилась, нежели мне было с тобой разлучиться. Кто мя, бедную, обиде? Кто сокровище мое украде? Кто свет от очей отым? Кому ты меня покидаешь? Кому ты меня вручаешь? Не покинь же ты меня, ради Христа, ради Бога! Прости, прости, душа моя, прости, друг мой. Целую тебя во все члены твои.

Входит старица Каптелина.

К а п т е л и н а (*кидается к Евдокии, лежащей ниц перед иконами*). Матушка! Пошто так плачете горько, неутешно. Матушка, царица Евдокия Федоровна. Бог поможет.

Е в д о к и я. Ох, Каптелина, Каптелинушка. Рада была бы я смерти, да негде взять ее. Пожалуй, помолись, чтоб Бог мой век утратил. Что мне делать? Молюсь в купе Богу и святителю Николаю, да Бог, видать, мое лукавство знает, что думаю я о Степушке и ему молюсь. Помолись за меня, Каптелина, за грех мой.

К а п т е л и н а. Может, оттого Бог не слушает, что по пострижению здесь в Суздале, в Покровском монастыре в иноческом платье ходили вы, матушка, с полгода и, не восхотя быть инокою, оставя монашество и скинув платье, живете, матушка, в монастыре, под видом иночества, мирянкою.

Е в д о к и я. У тебя в келье, Каптелина, меня постригли, и знаешь же, что мяса я не ела — правильно исполняла монашество и не помнила себя царицей, а была старицей Еленою. А как начал архимандрит Диосифей мне о гласах от икон говорить, что буду опять я царицею на Москве, так сняла чернечное и одела мирское. Две иконы Диосифей принес, велел перед ними класти по несколько сот поклонов. Чуть не задушилась, поклоны кладучи. А лучше монашкой быть мне, чем ныне от тучи погибать. Ох, свет мой любезный, лапушка моя, не дай мне с печали умереть. Пью ноне чашу горькую, не разбирая ни скоромных дней, ни среды, ни пятницы.

К а п т е л и н а. Заявится Стефан Богданов-Глебов.

Е в д о к и я. Ты так о нем не моги. Он не любит, коли ты его Стефаном кличешь.

К а п т е л и н а. Глебов, видно, мечту имеет, привас, матушка, сделаться новым Меньшиковым — князем, как вы воссядете в Москве.

Е в д о к и я (*сердито*). Черт тебя спрашивает. Уж ты и за мной примечать стала. Я знаю, Степашенька — человек честный. Будет ли мне с его бесчестье? Пошли-ка лучше ты карлицу Агафью за архимандритом Диосифеем. Распытать его хочу, отчего уж год видения его не делаются, чтоб мне царицей в Москве быть.

К а п т е л и н а (*зовет*). Агафья! Агафья! Сызнова, видать, в монастырский пчельник пошла... Агафья! (*Входит карлица Агафья*). Ты чего пропадаешь?

А г а ф ь я (*целует руку Евдокии*). Не слышала, читала миеи-читье.

К а п т е л и н а. Врешь, к новому службе, к солдату в пчельник бегаешь. Не клянись да не крестись, блудная.

А г а ф ь я. Пошто мне креститься, у меня и молитва не идет. Недавно в гости поп заезжал из Царицына али из Карамышанки. Говаривал, что иегумен Спасокого монастыря передал, прислан-де указ из Синода, чтоб служить в православных церквах на ерусалимских опресноках. А мне и во сне виделось, будто ж пришел в церковь некакой господин, будто ж с ерусалимскими опресноками и молвил: "Сотворю волю цареву"

Потому читала это я в минее-читье житие Федора Студита, там именно повествуется, как-де в бытность его Федорову царь-от такожде, как ноне наш государь, постриг жену свою а иную взял.

Каптелина *(глядя в окно)*. Ктой-то явился.

Евдокия *(радно)*. Степушка... Сбылось, сбылось. Степушка явился. *(К Агафье)*. Вот тебе гривна... Иди, иди в свою келью... Иди телогрей кроить. *(Агафья уходит)*.

Каптелина. Глебов на телеге не явится. Это мужики соль в поварню привезли. А гляди, не одни сами мужики, и Михайло с ними. Михайло Босый воротился из Москвы. Гляди, пошел босый, а вернулся в сапогах.

Евдокия. И то радость. Может, радость за радостью чередой пойдет. Где Агафья?

Каптелина. Вы же ее, матушка, услали.

Евдокия. Пойди за ней. Пусть мне отца Диосифея пришлет. Али сама за ним сходи. *(Каптелина уходит. Евдокия ходит по келье)*. Ежели уж сам не явился, хоть бы что через Босого передал свое... Степушка, пришли мне свой камзол, кой ты любишь. Уж я-то его исцелю. Пришли мне свой кусочек, закуся. Уж я-то его обглодаю.

Входит Босый.

Босый. Здорова была мне, матушка-царица. *(Кланяется)*.

Евдокия *(торопливо)*. К Глебову ходил? К майору?

Босый. Глебов ворота не отворил да во двор не пустил. Да солдат выспал меня бранить, да сердиту жену выспал бранить.

Евдокия. И не видывал майора? Я ж ему послала бахромы на камзол шесть аршин да два мыла, да сорочки с порты турецкой.

Босый. Отдал все и видывал в доме у сына вашего его величества царевича. Царевич мне и сапоги подарил, и напоил-накормил.

Евдокия. Как Олешенька-то?

Босый. Печален. Отец его постричь хочет, а оттого царевич уйти хочет.

Е в д о к и я. Ежели уйдет, то хорошо. Там ему будет лучше, чем при отце.

Б о с ы й. Недолго ходить будет. И вам, матушка, в монастыре недолго жить. Так весь народ мыслит и по церквам вас за здравие царицей поминают. Яко не подобает монаху царствовать, не подобает и ей, Катерине, на царствованьи быть. Ведь она не природная, не русская.

Е в д о к и я. Ты, Босый, ежели хочешь, можешь снова в чулане жить при моей келийной церкви. А хошь, к брату моему иди, Аврааму Лопухину, в мещерские деревни его.

Б о с ы й. Я у него в тульских деревнях бывал. В Ясную Поляну заходил. От него подарки вам — шапка круглая соболья да шапка польская соболья. Да пятьдесят рублей от царевны Марьи, а от сына вашего царевича двести рублей.

Е в д о к и я *(радостно принимая подарки и деньги)*. Все наше, государево. Государь Петр Алексеевич за мать свою воздал стрельцам, а и сын мой из пеленок вывалился, за мать свою воздаст.

Б о с ы й. Дай Господи, после смерти государевой, царицей вам быти с сыном вместе. Когда царевич будет царствовать, нам буде добро. А нынешняя царица иноземческого поколения. В апокалипсисе сидит жена любодейца на семи холмах, в руке держи чашу пьяну крови святых. Это государыня Екатерина Алексеевна сидит на семи холмах, на семи смертных грехах.

Входит Диосифей.

Е в д о к и я. Вот, архимандрит Диосифей, пророчествуешь мне царицею быть, а отчего не делается сие, не ведаю.

Д и о с и ф е й. Послышал я, царица-матушка, что в великую печаль тебя привел. *(Целует ей руку.)*

Е в д о к и я. Звала распытать — отчего не сделалось. Я уж поклоны перед вашими иконами кладу по несколько сот в день. Чуть от поклонов не задушилась.

Д и о с и ф е й. Ей, не лгу. Бог слышит твои простертые молитвы и добрые намерения.

Е в д о к и я. А почему ж не учинилось?

Д и о с и ф е й. За грехи отца твоего, Федора Лопухина. Отец твой в аду. Моими молитвами от огня освобожден, но черт держит его за ноги. Видел я из ада выпущенного до пояса, а нынешний год уж только он по колени в аде. Как выпустят его из ада — царь умрет.

А г а ф ь я (*незаметно прокравшаяся*). А протопоп Симеон в Суздале говаривает, что царь царицу-матушку постриг за супротивное.

Е в д о к и я. Для чего он, вор, такие слова говорит. Знает, ведь, что у меня сын жив и ему заплатит.

Д и о с и ф е й. Было мне, матушка, новое видение. Ездил я в Толгский монастырь, в Ярославль, а обратно ворочась, поехал было в село Опково лошадей покормить. А на полпути пристал Димитрий и возвратил. В те часы вместо нас разбойники иных побили и ограбили. А нас он, свет, охранил. Царевич Димитрий, который при Годунове в Угличе зарезан. Рек Димитрий, что скоро свершится. Уж долго не будет. Зело скорбит неутешно, что продолжается. Послан иным во охоронение народу русскому. Про тебя же, царица-матушка, рек. Аз да аз, да живет в кругу. Значит, рек, царица Авдотья жива. И будет известие про пустынников. Тебя же, матушка-царица, пустынницею назвал.

Е в д о к и я. Как же мне угличского царевича молить?

Д и о с и ф е й. Ты не его моли. Ты нищим да убогим поболее давай, так ему будет угодно. Я нищих и убогих привел, внизу ждут.

Е в д о к и я. Хоть пять мешков денег раздам, лишь бы сделалось.

Б о с ы й. В старопечатной книге Кирилловой сказано: антихрист ложно Христом призовется. И так сбылось уж. Антихрист, воссевший на царский престол, стал именоваться Христом.

Д и о с и ф е й. Бывало, молят за царя Петра Алексеевича, а ныне стали молить за императора Петра Великого. Отечество уже не поминается. А в архиереи вместо русских иноземцев-малороссов всюду назначил, старопечатные же книги новопечатными заменил.

Б о с ы й. Антихрист не может о старопечатных книгах слышать. Патриарх ему книгу показал, а антихрист на него палашом замахнулся, да сам упал. Поднял его Александр Меньшиков, а по поднятии молвил антихрист ко всем: "Не будет вам патриарха".

Д и о с и ф е й. Когда был патриарх на Вербной неделе, вживали у них, патриархов, лошадей государи, и как здравствовал государь-царь Иоанн Алексеевич, в такое время приказывал брату своему Петру Алексеевичу: ступай-де со мной, веди у патриарха лошадь. И брат-то Петр не повел, а Иоанн Алексеевич и ударил его за то. Сие установили святые отцы, сказал старшой-то брат меньшому, а ты того не хочешь делать. Дай только мне сроку, ответственвал на то Петр, я это переведу. Да вот и точно, по-своему и перевел.

Е в д о к и я. Где уж ему патриарха любить, ежели он жону свою законную не любил. С ранней молодости — бродяга. В дом свой не ходил, ночевал, где придется, то в полковом дворе, то в немецкой слободе. Немецкая слобода его и смутила. Девица Монсова, виноторговца. Помню, когда я Олешенькой разрешилась, то рад был и в сию честь фейерверк запалил. А уж через полтора года, когда Александром разрешилась, пожившим недолго, то уж не рад был.

А г а ф ь я. Матушка-царица, нищих да убогих запускать в келью али назад на паперть отсылать?

Е в д о к и я. Запускай, Агафьюшка.

Входят нищие и убогие, охая, кряхтя, осеняя себя судорожно крестным знаменем. Слышно: „Матушка наша... Царица-заступница“. Слышен плач.

Е в д о к и я (*раздавая деньги*). Что плачете-то?

С т а р у х а -нищая. Матушка-заступница, то давали при погребениях душу отводить, ноне же воспрещено выть при погребениях и бедным воспрещено просить милостыню. Так хоть здесь от умиления поплачу.

Н и щ и й. Матушка-царица, скажи-научи, можно ли ныне в церкви ходить?

Е в д о к и я. А почему ж нет?

Н и щ и й. Как же быть, ведь церкви Божии осквернены антихристовою скверною. Не могу молиться за антихриста, что ныне императором прозывается. и за слуг его.

Д и о с и ф е й. Мы церкви святой водой покроем, так и ничего будет.

В т о р о й н и щ и й. Все одно. Слух был, немного жить свету, в пол-пол-осьмой тысяче конец будет.

Нищие толпятся, толпой лезут к Евдокии, кричат, плачут: „Конец, конец будет миру-то!“ Босый и Каптелина стараются оттеснить нищих. Евдокия, отступая, роняет мешок с мелкими деньгами, они рассыпаются. Нищие начинают подбирать, толкаясь.

Н и щ а я (*кричит громко*). Ой, тошно мне! Ой, тошно мне! (*Платок с нее свалился, и она вдруг залаяла по-собачьи, а потом упала в судорогах*).

С т а р у х а - нищая (*тихо и умиленно*). Родимчик у нее... Падучая... Как услышит запах ладана али в церквах запоют херувимскую али достойную, либо вынесут дары, также лает собакой, либо лягушкой квакает, либо так воет, так визжит да стонет.

Б о с ы й (*нищим*). Тащите, тащите кликушу... Вон царицу напужали. Идите на паперть.

Д и о с и ф е й. Иди на паперть, народ. Сейчас на паперти деньги давать будут.

Нищие уходят.

Е в д о к и я. Страхи-то какие! (*Крестится*.)

Д и о с и ф е й. И на народ порча. Уж нищие иные с бритыми бородами ходят. Я б не благославлял в церквах, кто является в блидоносном образе, с бритой головой. На страшном суде будут они не с праведниками, украшенными бородой, а с обратными еретиками.

Б о с ы й. Был патриарх, он печаливался за опальных, утолял кровь. Ныне ж царь сколько колоколов со звонниц снимал. Издавна известна нелюбовь демонов к колокольному звону. Ибо колокола есть защитники народа и сокрушители демонов.

Д и о с и ф е й. Царь Петр на Бога наступил. Монастыри при-
тесняет, монахам деньги свои иметь не велит.

Б о с ы й. Царь греческий Ираклий отобрал от церкви зла-
то. Но мед обратился в золото.

Д и о с и ф е й. Патриарха убрал и полатынил всю нашу хри-
стианскую веру. *(Крестится)*. Пойдемте, матушка-царица
Евдокия Федоровна.

Е в д о к и я. Каптелина, ежели меня спрашивать будут, ска-
жи, я в Благовещенской церкви. Вы здесь с Босым приберите.

К а п т е л и н а. Приберем, матушка.

Евдокия и Диосифей уходят.

К а п т е л и н а. Что ж ты, братец, мне-то какой гостинец из
Москвы привез?

Б о с ы й. Тебя, сестрица, не забыл. В чулане у меня для те-
бя припасен кафтан женский короткий штофной, золотой, по
малиновой земле да юбка тафтяная двоишняя, да юбка того
же штофу по желтой земле.

К а п т е л и н а. Спаси Бог, братец. *(Смеется.)* А я тебе
мыльца заготовила.

Б о с ы й. На что мне мыло, я студеной умываюсь.

К а п т е л и н а *(смеется)*. Это ль лучше? Братец, не потачь,
побелись, так белее будешь. Лучше белил будешь.

Босый хочет ее обнять, она увертывается.

Б о с ы й *(сердито)*. Видать, много завела. Попадьей стать
хочешь.

К а п т е л и н а. Хоть бы и попадьею, а такой бродяга на что
мне?

Б о с ы й. Я богомол. Я истинной веры. А попы кто? Ты пес-
ню такую слыхала? "Туту шли-прошли два прохожих. Один-то
поп, другой-то разбойник". Или как по-иному поется: "Мона-
шеньки-бляшеньки и иегуменья, сводня, архиерей, потатчик".

К а п т е л и н а. Не шуми, не больно страшен... Словно
гром по небу. Ты гром, я молонья. Ты грянешь, я отвечу.

Б о с ы й. Ответишь, так попробуешь кия, сиречь палки.

Босый бросается на Каптелину, та бьет его в ухо наотмашь и выходит. Босый падает и, поднимаясь, натывается на входящего Глебова

Г л е б о в. Чего вы тута свару устроили в царицыной келье.

Б о с ы й *(морщится)*. Ухо до крови разбила.

Г л е б о в *(смеется, поет)*. „Как у Ванюши кудри вьются, не завьются. Как у Любушки слезы льются, не уймутся...“ Чего это ты, Михайло, с любушкой полаялся?

Б о с ы й *(потирая ухо, ворчит)*. Махаметово злосчастье через баб расширилось.

К а п т е л и н а *(входит)*. Стефан... без известия прибыл.

Г л е б о в. Так спокойней. Никто не перехватит. Где Авдотья Федоровна?

К а п т е л и н а. Матушка в Благовещенскую церковь пошла. Она без меры рвется, лицо свое бьет, что ты ее покинул и неутешно плачет.

Г л е б о в. Пойди за ней.

К а п т е л и н а. Мигом пойду, мигом. В голос вопит по тебе. Уж так вопит, так вопит по тебе, что ты ее покинул. Уж, братец, без меры. *(Уходит)*.

Г л е б о в *(Босому)*. Ты чего, Михайло?

Б о с ы й. Бог в помощь, господин майор.

Г л е б о в. Что, Михайло, невесел? Баба побила? Я ее давно знаю. Брат у ней разбойник, а она ему в помощь была. Ноне же в монастырь подалась грехи замаливать.

Б о с ы й. Это значит, вместо старых грехов запастись новыми... И-эх... Повсюду разбойники.

Г л е б о в. Верно говоришь. Без пары пистолетов по дороге не проедешь. Ездил в Танбов по рекрутскому набору и амуниции, так мешки с уздами с телеги покрали... Алешка Попугай балует с шайкой.

Б о с ы й. Пистоль я и не заряжу. Я человек простой, мне для охраны кистенек бы завести купеческий с гирькой али посадский с камушком. А Танбов город хорош. Еще не старый, при царе Михайле построен, а уж тринадцать церквей имеет да два монастыря.

Вбегает Евдокия.

Е в д о к и я. Стешунько, друг мой. *(Падает Глебову на грудь, обхватывает за шею, целует, смеясь и плача).* Насилу Бог велел твои очи увидеть! Забыл скоро меня.

Г л е б ъ в. Авдотья, что ж забыл, ежели приехал.

Каптелина на пороге показывает рукой Босому, чтоб уходил. Они уходят.

Е в д о к и я *(плача).* Не умилостивили тебя здесь мы ничем. Мало, знать, лицо твое и руки твои, и все члены твои, и суставы рук и ног твоих, мало слезами моими мыла. Мы, видать, не умели угодное сотворить.

Г л е б ъ в. Авдотья, ну видишь, приехал.

Е в д о к и я. Скоро ли тебе ехать-то с Мэсквы? Добивайся только, чтоб тебе быть в губернии московской, чтоб тебе ближе быть. Как-нибудь добивайся себе пользы, как лучше тебе быть, так себе и делай. Али уж набору не быть? Добивайся ты, мой батюшка, чтоб тебе сюды на воеводство. Можно это дело сделать царевне Марье Алексеевне да княгине Анне Автомоновне, да Тихону Никитичу Стрешневу.

Г л е б ъ в. Такое дело само не сложится.

Е в д о к и я. Кому бить челом, ты знаешь. А я к тебе пришлю деньги, дваста да еще триста рублей. Откупайся, как ты знаешь и кем, сули, не жалея денег. Прошу слезно у тебя и молю неутешно. Нельзя воеводой, добивайся ты себе, чтоб тебе на службе не быть. Что ни дай, от службы откупайся как-нибудь.

Г л е б ъ в. Как же я без службы-то буду. У меня ж дети да и жена.

Е в д о к и я. Это твоя Васильевна на меня намутила. Зато на меня, душа моя, гневен. Зато ко мне не писал.

Г л е б ъ в. Авдотья, ты ж знаешь, что живу я с женой не так. Жена моя Татьяна Васильевна больна. Болит у нее пуп и весь прогнил, и все из него течет. Жить нельзя. А я уж дети имею, как же не жить?

Е в д о к и я. Ты себе тесноты не чини. Ты поступай, как можно вам.

Г л е б о в. Как же мне можно, коли я тебя люблю, Авдотья. *(Целует ее)*.

Е в д о к и я *(смеясь и плача)*. Бездушник, скоро нас за-был. Зело, зело грустно и печально. Батька мой! Зело мне горько о разлучении. Также, что сына моего нет.

Г л е б о в. Царевич Алексей Петрович за рубеж отъедет к кесарю австрийскому и будет сигналу ждать, чтоб пристать к нам. Всюды недовольство. В гвардии да в армии, да в Сенате да в тяглом народе, да в духовенстве. Вон, киевский митрополит да печерский архимандрит с нами. Все в Петербурге жалуются, что знатных с незнатными в равенстве держат, всех равно в матросы и солдаты пишут, а деревни от строения городов и кораблей разорились. Недолго уж. Царя убьем, Ливонку вместе с ее незаконными дочерьми Анной да Лизаветой вместо тебя в монастырь посадим, а тебя в Москву царицей. Я ж при тебе слугой. Своего добьемся.

Е в д о к и я *(смеется)*. Уж как-нибудь добивайся, с неделю не умывайся. Может, и впрямь сделается? Будешь ты у меня, Степушка, князем да генералом. Али фельдмаршалом, уж как тебе угодно, а я в том мало смысла имею. *(Смотрит на него)*. Перстень мой носишь? Носи, сердце мое, мой перстень, меня любя.

Г л е б о в. И я тебе перстень привез. *(Надевает ей перстень)*.

Е в д о к и я. Как приехал ты впервой для набору солдат, и начал об тебе ключарь Федор Пустынный мне говорить, чтоб в келью пустила, а я отговаривала дня с два. Ты ж прежде своего приходу прислал два меха песцовых да пару соболей и хвостов собольих с сорок. *(Отпирает сундук)*. Вон она, шапка из тех соболей. *(Надевает, смотрит в зеркало)*. Лицом я худа стала по болезни женской да теперича ничего. Мне лекарства архиерей Ефрем Пекарев прислал и теперича ничего. *(Смотрит на Глебова)*. А где же, Степушка, галстух мой? Послала я тебе галстух, чтоб носил, душа моя. Ничего ты моего не носишь, что тебе ни дам я. Знать, я тебе не мила. Что-то ты моего не носишь. То ли твоя любовь ко мне. Ей, тошно. Что я

тебе злобствовала, что ты меня покинул. Ей, сокрушу сама себя. Не забудь ты меня, не люби иную.

Г л е б о в. Кого ж, Авдотья, окромя тебя? *(Крепко ее целует)*.

Е в д о к и я. Ох, свет мой, что ты не прикажешь? Что тебе годно покушать?

Г л е б о в. Что велишь, то и поем.

Е в д о к и я. Как мне, бедной, с тобой разлучиться? Что я твоей жене сделала? Чем я жене твоей досадила, а ты жены своей слушал. *(Закрывает ему рот ладонью)*. Не говори, не говори. Я уж знаю, что скажешь. Хошь, Степушка, повеселимся? Поедем в Ефремов монастырь, в келье у монастырского архимандрита поужинаем, закажем петь всеобщные молебны.

Г л е б о в. Я как раз про пение и говорить хотел, да ты мне рот закрыла. Ехал я сюда да в Суздале, на ярмарке, услышал слепцов поющих. Взял их с собой, чтоб ты послушала. *(Кричит)*. Каптелина! Пришли слепцов, которые у ворот сидят. Ключарю скажи, велено к царице в келью. *(К Евдокии)*. Толки да легенды о тебе, царице-инокине, постоянно ходят в народе, хоть народ за то наказывают и бьют.

Е в д о к и я. Видать, верно любят меня да сына моего, Олешеньку. Как, Степушко, назад воротиться, письмо возьмешь сыну моему, царевичу, а ежели не застанешь, пусть письмо с верными людьми ему передадут. Пусть получит он от матери своей благословение на дело ратное заради народа русского.

Входят двое слепцов с гусями.

Г л е б о в. Слепцы! Перед вами царица и великая княгиня всея Руси великий, малый и белый, ныне в монастырской келье неправо заточенная. Спойте, слепцы, песню, которую на торгах поете.

С л е п ц ы *(играют и поют)*.

Постригись, моя жена немилая.

Ты посхимься, моя жена постылая.

За пострижение тебе дам сто рублей.
За посхимление — все тысячу.
Я поставлю тебе нову келийку.
Я на суздальской славной дороженьке.
Чтоб пешие шли, конные ехали,
На твою келийку дивовались.
Что это во поле за келийка?
Что это в келийке за монашенька?
Отчего она пострижена?
И пострижена и посхимлена?
От отца ли она или от матери?
От дружка ли она от любезного?
Или от мужа от ревнивого?

З а н а в е с

С ц е н а 4

Петербург. Комнаты императрицы Екатерины Алексеевны. Екатерина сидит перед зеркалом, и камер-фрейлина Мария Гамильтон украшает ей взбитые в пышную прическу волосы бриллиантами. Волосы Марии так же взбиты в подобную прическу и украшены бриллиантами.

Е к а т е р и н а (*разглядывая себя в зеркало и поправляя прическу*). Ты, фрейлина, у которой уборщицы себе прическу делаешь?

М а р и я. У Мины Карловны, государыня.

Е к а т е р и н а. У моей уборщицы стараешься.

М а р и я. На Петербург, государыня, одна только умелая уборщица для волос женских, и ежели к какому празднику, как и ныне, тогда случается, что за трое суток некоторых убирает, и принуждены мы до дня выезда сидя спать, чтоб убору не испортить.

Е к а т е р и н а (*пудря лицо*). Государь уж примечает и мне указывает, что при дворе распространяется излишняя страсть к украшениям, нарядам и прочее мотовство, а особенно меж моими фрейлинами. Уж перестали довольствоваться одним или двумя длинными платьями, но многие с галунами, с шитьем и с подеспанами делать начали.

М а р и я: Государыня, страсть быть приятной издавна действие над женами производит.

Е к а т е р и н а. А таковая чрезмерность не может не иметь действия и над мужчинами, хотящими им угодными быть. То же тщение украшений, ту же роскошь рождает и от дел отволакивает. (*Мария подает Екатерине краски, та начинает красить лицо.*) Как выезжали мы в прошлый раз в Гольштинию да во Францию, слышала я мнение при тех дворах, что русским дамам много вредит дурная и отвратительная мода сильно румяниться.

М а р и я (*раскрашивая лицо Екатерине*). Возможно, мнение относится к прежним временам. Ныне же, государыня, можно насчитать при нашем дворе до тридцати хорошеньких дам, которые мало уступают гольштинским дамам в приветливости, хороших манерах и красоте. Почти все петербургские дамы так хорошо умеют раскрашивать себя, что мало уступают французенкам. Иное дело в провинции, в Суздале, в Ярославле, в Москве. И там немало красивых женщин, но верно, румянятся они чрезвычайно грубо и неискусно. При взгляде на них можно подумать, что они намазали себе лицом мукой и потом кисточкой покрасили щеки. (*Смеется.*) Они красят также: брови и ресницы черной, а иногда коричневою краской.

Е к а т е р и н а. Русские теремные девицы румянятся, чтоб укрыть свою бледность. В Лифляндии же, напротив, щеки румянит климат морской.

М а р и я. Лучше ли русских лифляндские мещанки, государыня? Только что богатеют, а манеры дурные, как прежде. К примеру, уборщица волос Мина Карловна в Выборге, да Риге, да в Ревеле известна была под именем медхен Минхен. Приехала в Москву из Риги с обозом сельдей, анчоусов и прочей гнили, которую за неуютностью из портов отправляют в

Москву. Взясась за профессию и через год купила на Маросейке дом. Теперь уж дом и в Петербурге купила. Ранее у себя брала пять рублей, на стороне — десять рублей, а ныне меньше двадцати рублей не берет.

Е к а т е р и н а (*оборачивается и смотрит на Марию*). А вы, Гамильтоны, когда в Россию прибыли?

М а р и я. Мы, государыня, при Иване Васильевиче Грозном.

Е к а т е р и н а. Знатный у тебя род, фрейлина. Шотландский род.

М а р и я. Датский, государыня. Мы родственники герцога нормандского. Имеем фамильный герб — пурпурный щит и на нем серебряная роза и золотое сердце.

Е к а т е р и н а. Да, знатный род. Однако ты не герцогиня нормандская и потому страсть свою к нарядам поубавь, а ты слышала, иные так увлекаются, что не имея возможности украшать свой костюм как бы это хотелось, пользуются вещами из моего туалета.

М а р и я (*потупив глаза*). Я свои алмазы ношу, государыня.

Е к а т е р и н а (*сердито*). Знаешь, что иным женщинам украшения, подобные моим, я носить запретила. И подобные мне прически делать запретила. Запретила убирать алмазами обе стороны головы. Дозволяю убирать одну левую сторону. Ты почему убираешь обе?

М а р и я. Прощения прошу, государыня.

Е к а т е р и н а. Запрещено носить горностаевые меха с хвостиками, поскольку это украшение присвоено только царской фамилии. Ты почему носишь?

М а р и я. О том не слышала, государыня. В Германии и мещанки носят меха с хвостиками.

Е к а т е р и н а (*гневно*). Ты служишь русской государыне, не немецкой. Слухи есть, мои алмазы да червонцы крадешь и про мое лицо насмешничаешь, будто слишком румяно.

М а р и я (*со слезами*). Милостивая государыня, клеветают на меня, поскольку при дворе множество врагов имею.

Е к а т е р и н а. Отчего ж враги?

М а р и я. От ревности.

Е к а т е р и н а. К кому ж ревнуют?

М а р и я. К денщинку государеву, Ивану Михайловичу Орлову.

Е к а т е р и н а (*спокойней и даже с интересом*). Где же у тебя с ним свиданья?

М а р и я (*оживленно*). В Летнем огороде, а иной раз в огороде Инженерного замка.

Е к а т е р и н а. Да, там для любовных дел хорошо. Гроты, островки на прудах, беседки, рощи, аллеи.

М а р и я. Истинно, государыня. Комнатки Летнего, Зимнего да других домов государевых, где придворная прислуга помещается, — тесны.

Е к а т е р и н а. Уж вам, уж денщикам и фрейлинам, известно, где можно наговориться и нацеловаться всласть. Однако иной раз в аллеях случается найти и мертвого ребеночка.

М а р и я. Лишь от страха и стыда женщина может убить плод любви. Как же, государыня, рожать-то выблядков? И матери мучение и выблядку мучение. Которые прижиты до закону, тех выблядков людьми не ставят.

Е к а т е р и н а. Поберечься надо.

М а р и я. Эх, государыня, от сладости убережешься тяжелей, чем от горечи.

Входит веселый Петр, явно уже выпивший. За ним следует негритенок с бокалом вина и кувшином, шут Шапский Феофилакт и шутиха Трофимова Аксинья. Шут играет на собачьем свистке, а шутиха на пузыре с горохом.

Ш у т (*поет*). Жженая щека, жареная щека, черный подбородок, угольный нос.

Ш у т и х а (*поет*). Продала постелю, лягла на солому. Не была ли она замаранная потаскуха.

П е т р (*смеется, целует Екатерину*). Скоро ли ты, Катенька? Пришел с шутами тебя торопить.

Е к а т е р и н а. Убираюсь, Петруша. Получше вырядиться хочу, поскольку ноне фрейлины и горничные все щеголихи.

П е т р (*подходит и целует Марию*). Любимица твоя, Катенька, милая твоя прислужница хорошеет да цветет. И умна. Я нахожу большое удовольствие в беседах с ней.

Е к а т е р и н а. Не в Летнем ли огороде, Петруша?

П е т р. Иной раз и там. Люблю тамошние прогулки да отдых. Летний наш огород хочу сделать не хуже Версальского огорода. Из Германии липы выписал, из Голландии машину для подачи воды от каналов в фонтан. А для украшения грота хочу повелеть собрать из всех рек находящихся в России, по пуду раковин и курьезных камушков.

Е к а т е р и н а. То-то любовникам радость будет, а особенно тем, которые стыда не боятся.

П е т р. Ты, мутер, не в духе. Али вновь злоковарные вымыслы обо мне говорены тебе и писаны. Кто тебе что сказал? Не пожалеть бы ему.

Е к а т е р и н а (*утирая слезы*). Слаба я чего-то, Петруша. Может, уж не поеду сегодня. Побуду вдали от твоих шутов, придворных дураков да доносчиков.

П е т р (*протягивая руку назад, не глядя, берет у негрятенка бокал и выпивает*). Катеринушка, матка, чем тебе мои шуты не угодили? Вот Феофилакт Шапский, шут-смехотворец, и обер-кнутмейстер. Две должности занимает. За палача имеет жалование сто рублей в месяц, за шута многоутешного сорок рублей. А вот Аксинья Трофимова, подмосковная крестьянка, редкий урод с бородой. Велел я придворному художнику сделать с нее портрет в полный рост обнаженной. (*Смеется.*) Для академии наук... Что, шуты, умники мои, покажите себя государыне, не посрамите меня перед ней. Феофилакт, на кого одевают колпаки?

Ш у т. На шутов, на дураков, на плохих учеников и на отставных женихов (*хохочет*).

П е т р (*смеется*). Шут есть добытчик аттической соли, ибо Афины синоним остроумного. Ну-ка, покажи себя, Аксинья.

Ш у т и х а. Шары-быры-растабары, белы снеги выпадали, серы зайцы выбегали, охотнички выезжали, красну девку испугали. (*Щиплет за зад фрейлину, та визжит.*)

П е т р (*смеется*). Феофилакт, нут-ко обвенчай Аксинью с фрейлиною. Гляди, фрейлина, какая у Аксиньи борода дворянская.

Ш у т (*льет шутихе на голову вино*). Помазаю крепким вином по главе и около очей. Да будет так крутиться ум твой и такие круги да предстанут очесам твоим.

П е т р (*смеется*). Гляди, Катеринушка, гляди. Разве не смешно?

Е к а т е р и н а. Спала я сегодня, Петруша, плохо. Снова снилось, будто кричали слово „солдареф“! Что оно, сие слово значит, не пойму, а снится мне оно так или иначе не впервой. Будто в огороде, наподобие Версальского, мы гуляем по пруду на баржах и любимся игрой фонтанов. И множество людей. И зверь гулял на воле, белый шерстью. На голове корона, и в короне зажжены три свечи.

П е т р. Я, Катенька, враг суеверий и предрассудков. Однако иногда записываю сны лишь ради курьеза. Вот видел я недавно во сне, будто пришел ко мне в дом человек маленький, сухой, бледный и убил сына моего. Я бросился на него, но маленький обратился в ветер и сказал: „Не первого и не последнего“. Проснулся, плюнул, перекрестился, повернулся на другой бок и заснул. Верь, пожалуй, снам. Такой вздор иногда лезет в глаза, что и необразишь.

Е к а т е р и н а. Видно, снится много вздорного, оттого, что тяжела. Если верно, за границу едем, то уж там от бремени разрешаться буду.

П е т р (*целует Екатерину*). Родишь мне солдатчонка, буду рекомендовать его офицерам под команду, а солдатам в братство. А за границей уж нагуляешься с дамами, посмотришь все замечательное в Копенгагене да Амстердаме.

Е к а т е р и н а. Петруша, надо б распорядиться, чтоб приготовили фураж в Курляндии по рижской дороге до Мемеля для нашего обоза на сто пятьдесят лошадей. Пятьюдесятью подводами, как в прошлый раз, мне со свитой не обойтись.

П е т р. Рано ты, мутер, делами-то занялась. Уж завтра делами-то займемся. Ныне собрание танцевальное да прочие потехи.

Е к а т е р и н а. Езжай, Петруша, скажи, я следом. Видишь, не убралась еще.

П е т р. Ну, жаль, матка, жаль. *(Протягивает руку назад, негритенок вкладывает в нее бокал, Петр выпивает.)* Мы тебя ждем, матка. *(Уходит в сопровождении негритенка и шутов.)*

М а р и я. И мне можно идти, государыня, али я еще нужна?

Е к а т е р и н а. Погоди, погоди, ты еще нужна. Плясать торопишься с кавалерами? С денщиками, с пажами, с камер-юнкерами? Али с государем плясать вздумала? *Sarabande in nollandischer form.* Так лучше меня, *Schone medchen fon Marienburg* никто не спляшет с государем. Хоть многие старались. Уж на что Авдотья Чернышова, генеральша, пользовалась расположением государя. Сам государь ее называл: Авдотья-бой баба, а лучше меня плясать она не может с государем. *(Смотрит на Марию.)* Вот Чернышову я кстати припомнила. Орлов, любовник твой, к Чернышовой не хаживал ли?

М а р и я *(со слезами)*. Говаривают, государыня, хаживал. Уж пробовала его и утрашать.

Е к а т е р и н а. Как же утрашала?

М а р и я. По-всякому, государыня.

Е к а т е р и н а. Слышала ли придворную сплетню, будто Чернышова одному денщику говаривала, что я воск ем, поскольку имею угри на теле, и тем воском те угри извести хочу. Кто сплетню пустил, не знаешь?

М а р и я. Клянусь, государыня...

Е к а т е р и н а. Не ты ли рассказчица о моих угрях? *(Бьет Марию по лицу. Потом еще и еще. Прическа Екатерины рассыпается, бриллианты падают на пол. Рассыпается и прическа фрейлины.)* Повинишься ли по битью или еще запрешься? Знаешь ли, что совершила ты государственное преступление? Если доложу о том государю, мигом будешь в тюрьме. Станут тебя пытать, где и когда ты видела государыню твою, уничтожающей воск.

М а р и я *(плача бросается в ноги Екатерине)*. Милостивая государыня! С сердца затеяла напрасно, того дня, что Орлов часто хаживал к генерал-майорше Чернышовой, хотя его тем

устрашить, чтоб он к ней, генеральше, часто не ходил, понеже она того желала...

Е к а т е р и н а. Глупая девка. Что теперь делать с тобой?

Входит камер-паж.

К а м е р - п а ж. От Его Величества государя-царевича почта.

Е к а т е р и н а (*Марии*). Подумаю тебе наказание, а ныне не до тебя. Пошла вон. (*Мария плача уходит.. К камер-пажу*).
Читай.

К а м е р - п а ж (*читает*). Милостивая государыня-матушка! Милости Вашей, Ваше писание получил, за что всенижайше благодарствую. За болезнью своей и непотребством желаю монашеского чина, о чем писал государю-батюшке, одначе по приказу батюшки еду в Либау, далее в Данциг и далее в Амстердам, где с радостью ожидаю встречу с батюшкой-государем и Вами, матушка моя — государыня. Всенижайший раб и сын ваш Алексей.

(З а н а в е с)

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

ПОД УТАЙКОЙ

Сцена 5

Амстердам. Комнаты, в которых остановился Петр. За столом
Ш е ф и р о в и Т о л с т о й.

Ш е ф и р о в. Уже здесь, в Амстердаме, да в иных дворах начинают говорить, что царевич пропал. По словам одних, он ушел от свирепости отца своего, по мнению других, лишен жизни его волею, иные думают, что он умерщвлен по дороге убийцами. Никто не знает подлинно, где он теперь.

Т о л с т о й. Как камер-курьер Сафонов, посланный из Петербурга за границу вместе с царевичем, встретил государя

в Шлезвике на дороге из Копенгагена в Любек и донес, что царевич в Корольце отстал и что вслед за ним едет, я сразу предлагал искать. Однако государь повелел ждать, и вот уже прошло около двух месяцев, а о царевиче ни слуху.

Ш е ф и р о в. Государь весьма встревожен.

Входит Петр в поварском колпаке и поварском переднике, неся на блюде дымящийся ростбиф.

П е т р (*разрезая мясо*). Государыня с датской королевой, приехавшей сегодня из Копенгагена, обедают, а я вот сам управляюсь. Много челяди с собой за границу тащить накладно, и прогонные им и жалованье, а дорого здесь весьма. Вот мясо на рынке покупал, так сей кусок едва за три гульдена взял, мясник вдвое торговал. (*Берет руками куски мяса и кладет их на тарелки Шефирову и Толстому*). Нового об Алексее ничего нет?

Ш е ф и р о в. Третьего дня возвратился сюда из ГанOVERA посланник английского короля генерал Сен-Сафорен, который будучи при дворе говорил мне явно в присутствии макленбургского посланника сожаления, приключившиеся Вашему величеству от печалей, из коих знатнейшая та, что-де кронпринц невидимым учинился, а по-французски в сих терминах: Il est eclipse. Я спросил, от кого такую фальшивую ведомость имеет? Отвечал, что ведомость правдивая и доподлинная. Слышал он ее от ганOVERских министров. Я возражал, что эта клевета по злобе ганOVERского двора.

П е т р (*сердито*). Вот она Европа. Нам Европа нужна на несколько десятков лет, а потом мы можем повернуться к ней задом. Взять, что можно, вот зачем нам Европа. Технику взять и знания технические. Что продадут — купить. Что не продадут — украсть. (*Встает, ходит широкими шагами по комнате*.) Все народы пытались не допустить нас до света разума во всем, особливо в военном деле, но они проглядели это, точно у них в очесах помутилось, яко бы закрыто было сие перед их очесами. В Европе мы должны брать их достижения, но не обольщаться, понимая, что Россию здесь ждет пренебрежение и недоброжелательство. Европа выставила против

русского медведя шведского медведя. Но два медведя в одной берлоге жить не могут. Ныне, когда наш неприятный сосед после Полтавы поутих, наше положение меж двумя европейскими коалициями, австро-гишпанской и англо-франко-прусской крепкое. Ну, в Польше, как всегда, брожение. Дела там идут, как молодая брага.

Ш е ф и р о в. Государь, Европа – игорный дом кабинетной дипломатии. Здешний же голландский двор – биржа всей Европы. Здесь, что в поле потерял, за столом купить можно. Не токмо военному делу, но интриге и подкупу нам у Европы учиться надо.

Входит кабинет-секретарь

М а к а р о в. Государь, новые эстафеты от резидентов.

Ш е ф и р о в. Господин кабинет-секретарь, для меня есть ли что?

М а к а р о в. Для вас, барон, пакет из Петербурга.

П е т р. Читай сначала от резидентов.

М а к а р о в (*читает*). Зело тайно. Г. Ц. – под сим назван государь-царевич за несколько недель был в Гданьске и Кенигсберге. Так уведомляет шпион. Иной же шпион – имярек ночевал в Вене одну ночь, а куда скрылся, нельзя было открыть. Третий шпион из Бреславля, что некто был там в одном доме и сказывался купцом из русской армии, тому недель с девять. Имеет при себе двух сыновей и дочь и не мешкав поехал по венской дороге. Должно быть, он.

Ш е ф и р о в. Все сие пока без успеха, как и прежде.

Т о л с т о й. Что от Веселовского, господин Макаров?

М а к а р о в. Веселовский сначала приехал в Пириц на пятую точку от Франкфурта-на-Одере по гданьской дороге, чтоб начать искать с того места, откуда государь-царевич исчезли. Во Франкфурте, в книге воротного писаря за плату нашел надпись: проезд московского подполковника Кохановского. При нем жена его и слугитель. Потом след будто бы уже в Вене. Стал на квартире „Черного орла“. Хозяин гостиницы сказал, что имени офицера не знает, однако слышал, будто поль-

ский кавалер поручик Кременецкий с женой. В „Золотом гусе“ обнаружен подобный. Отпустил французские усы. Жена малого роста. Имеет так же сведения от шпиона своего Генриха Финка, будто русский офицер стоял в вицегаузе „Золотая гора“ и поехал на экстрапочтах в Прагу. Один почтмейстер сказывал, что офицер спрашивал, как далеко до Рима и что станет почтовый и ландкучерский провоз. Эти расспросы возбуждают мысль, не поехал ли Г. Ц. в Рим?

П е т р. Я Веселовским недоволен. Занимается мелкими целями.

Т о л с т о й. Позвольте, государь, в сием с Вами не согласиться. Веселовский ищет успешнее иных.

П е т р. Более ничего?

М а к а р о в. Пишет Веселовский, что заболел в дороге. Три почты лихорадил. От долговременной езды приключилась с ним почечуйная болезнь, именуемая также геморрой. Доктора советуют ему остановиться недели на две, но во исполнение Вашей царской воли он продолжает искать. Прислал также счет данных ему пятисот червонцев.

П е т р. Сколько?

М а к а р о в. Двум шпионам, которые искали за городом несколько недель двенадцать червонных за труды, кроме прогонных. Восемьдесят три червонных воротным писарям за возможность осмотреть воротные книги. Просит также еще двести червонных для референта и докладчика тайной конференции при австрийском кесаре Дольберга.

Ш е ф и р о в (*просматривая взятый у Макарова пакет*). Государь, из Петербурга мне прислана копия с секретного донесения австрийского посланника Плеера к кесарю. Читаю в переводе то, что интересно: „Царь Петр вынудил у принца письменное отречение от престола и запретил называть его кронпринцем, повелев так именовать младшего сына своего, младенца. С тех пор все заговорили о старшем. Многие знатные господа тайно прислали ко мне и другим чужестранцам спрашивать, не получили ль мы в своих письмах известий о нем. Ко мне приходили также два служителя царевича, взяли на дорогу тысячу червонных. Царевич прислал им приказ, продав

тайно всю движимость, уплатить по векселям. Меж тем сказывают, что близ Данцига царевич схвачен царскими людьми и отвезен в отдаленный монастырь. Только неизвестно, жив или умер. По словам других, он ушел в Венгрию или иные земли императора”.

Т о л с т о й. Государь, надобно послать офицеров.

П е т р. Кого именно?

Т о л с т о й. Капитана Румянцева и с ним, я думаю, Федора Шуширина, Степана Сафонова и князя Мещерского. Я на всякий случай на проезд им уж выписал сто червонных и заготовил пасаы. По два пасса на каждого сделаны. Со скрепою вице-канцлера австрийского Шенборна сработали. Один пасс купеческий — сказано, посланы для покупки верховых лошадей. Другой пас на имя офицеров шведской службы. По своим путям я уже запросил Веселовского о такой возможности.

Ш е ф и р о в. Одначе, государь, здесь Европа. Не было б дипломатического скандалу.

П е т р (*Шефирову*). Нам, Петр Павлович, надо Россию спасты от нового опасного заговору. А будет скандал — ты же и найдешь, как извиниться. На то ты и вице-канцлер. Европа рада будет, если у нас опять смутные времена начнутся, как после Ивана Грозного. (*К Толстому.*) Царевича надо в Австрии искать. (*К Макарову.*) Алексей Васильевич, хочу тебе продиктовать письмо к австрийскому кесарю. Чтоб не думали, будто мы слепы. (*Макаров берет бумагу, пишет. Петр диктует.*) „Пресветлейший державный кесарь! Я принужден Вашему цесарскому величеству с сердечной печалью объявить о сыне своем Алексее. Пред несколькими временем получа от нас повеление дабы ехал к нам, дабы тем отвлечь его от непотребного житья и обхождения с непотребными людьми, с того пути съехав, неведомо куда скрылся. И понеже мы чаем, что он от непотребных людей совет принял и отечески о нем сожалая, чтоб тем своим бесчинным поступком не нанес себе невозвратной пагубы, а наипаче не впал в руки неприятелей наших, просим Ваше величество, что ежели он в ваших областях обретається тайно или явно, к нам прислать, дабы мы его

отечески исправить для благосостояния могли. Мы пребываем при сем Вашего цесарского величества верный брат Петр". Запечатать конверт и сей час же отправить с эстафетою. А ежели будут новые эстафеты, немедля докладывать.

Макаров. Прибыла из Петербурга, государь, также финансовая роспись за сей год Вашему величеству на подпись.

Петр. Давай. Какие бы беды ни стряслись, а государственные дела идти должны своим ходом. *(Макаров приносит бумаги. Петр просматривает бумаги и делает пометки.)* Денег имеем множество, а полки вовремя не получают жалованья, и послам не высылаем денег, так что им нечем ни себя содержать, ни делать необходимые подкупы. Наши казенные деньги по зарукавьям плывут.

Макаров. Здесь, государь, распишитесь в получении своего жалованья за преображенский полковничий чин.

Петр *(просматривает и расписывается)*. Эти деньги мои. Я их заслужил и могу употреблять как хочу, но с государственными доходами надо поступать осторожно. В них я должен дать отчет Богу.

Входит служитель, передает конверт Макарову.

Макаров. Государь, только что прибыла срочная эстафета от Веселовского. *(Читает.)* Подполковник Кохановский — суть Г. Ц.

Толстой *(крестится)*. Ну, слава тебе, Господи, нашли.

Макаров. А бытность его таким образом открылась. В вицгаузе „Черного орла“ каждый почтальон все вещи приезжего отвозит в пошлинный дом, где таможенники осматривали, и нашедши, между прочим, соболь и шубы соболя, спрашивали человека Кохановского, которого описуют черноволосым и говорит довольно по-немецки, не русский ли кавалер приезжий. На что он грубо отвечивал, будучи пьян, что господин его не кавалер, а кронпринц московский, и заплата пошлину, отвез через наемного кучера вещи в телеге; а куда, никто не знает, однако же в Вене он несумненно. P. S. Сего момента был у меня референт Дольберг, который

паки подтверждает, что Кохановский, конечно, здесь, только не ведают, в котором доме. И говорил мне, если у цесаря не явится, то мочно его тайно, имея четыре или пять русских офицеров, увезти отсюда в Макленбургию или куда потребно. Если же явится, то нельзя.

Т о л с т о й *(служителю)*. Пригласи сюда господ офицеров, они внизу ждут.

П е т р *(Макарову)*. Заготовь инструкцию к Веселовскому.

М а к а р о в. Слушаюсь. *(Выходит.)*

П е т р *(крестится)*. Матерь Божья, русская заступница, не дала торжествовать злу.

Входит Румянцев, Шушерин, Сафонов и князь Мещерский.

Петр радостно обнимается с ними.

П е т р. Ну, молодцы. *(Хлопает Мещерского по плечу.)* Ты силен. Рукой убить можешь?

М е щ е р с к и й. Я, государь, залялся из своих рук никого не бить.

П е т р. Отчего ж?

М е щ е р с к и й. Когда в Малороссии служил, хохлы прибежали раз и кричат, что шинкарь у них в шинке артельные деньги украл. Я и ударил по щеке жида. Да слава Богу не убил. Евреи живучие, и плут Исак, полежав замертво часов с шесть, да в госпитале с месяц и поплевав кровью с год, оправился, и хохлы говорят, красть перестал. *(Смеется. Петр тоже смеется.)*

Т о л с т о й *(Румянцеву)*. Вам, капитан, выписано два паса. Вы, Любчиков, шведской службы офицер, в другом-Галицкий, польский кавалер.

М а к а р о в *(входит)*. Инструкция заготовлена, государь. *(Читает.)* Аврааму Павловичу Веселовскому из Амстердама. Письмо твое из Вены за номером восемь мы получили, из которого уразумели то, что ты пишешь об известной особе и, по совету именованного в том письме

приятеля твоего, посылаем к тебе четырех наших офицеров. И приложи старания, дабы ту особу добрым способом в Маклебургю к войску нашему вывести.

Петр. "Добрим способом" – замажь. Пиши: "Каким-нибудь способом". И подпись моя.

З а н а в е с

Сцена 6

Вена. Кабинет австрийского вице-канцлера графа Шенборна. Поздний вечер. За окнами слышен сильный шум ветра. Граф Шенборн подписывает за столом бумаги. Перед ним дежурный офицер.

Шенборн (*подняв голову от бумаг, после особенно сильного порыва ветра*). Подобной бури в Вене не было уж давно. Как бы мосты на Дунае не снесло, да хлебные мельницы не разрушило. (*Подает офицеру бумаги.*) Отправьте срочной почтой.

Офицер берет бумаги и выходит. Шенборн уходит в другую дверь. За дверью, куда скрылся офицер, возникают голоса, спорящие меж собой.

Офицер. Что вам угодно? Кто вы?

Неизвестный. Немедля допустите меня к его сиятельству... Немедля к графу Шенборну

Офицер. Однако граф уже ложится в постель.

Неизвестный. Я послан к самому графу и имею повеление непременно сегодня с ним говорить. Допустите немедленно. (*Слышен шум, точно неизвестный пытается силой прорваться.*)

Офицер. Подождите на лестнице, я доложу. (*Входит в кабинет.*) Ваше сиятельство.

Шенборн входит в шлафроке.

Ш е н б о р н *(недовольно)*. Что там?

О ф и ц е р. Ваше сиятельство, когда я шел отправлять бумаги на почту, встретил на лестнице неизвестного человека, который требует немедленной встречи с вашим сиятельством.

Ш е н б о р н. Что ему надобно?

О ф и ц е р. Я спрашивал его, он не отвечает и даже пытался ворваться силой.

Ш е н б о р н. Скажи ему, пусть приходит завтра в семь часов утра. Если же имеет письмо, пусть подаст через вас и скажет свое имя. Если будет ломиться силой, отправьте в полицию.

Офицер уходит. Опять слышны голоса.

Н е з н а к о м е ц *(кричит)*. Требую видеть графа или пойду прямо во дворец к императору! Я имею такое дело, с которым еще сегодня должно быть донесено его величеству.

Ш е н б о р н. Господин капитан, пустите его.

В кабинет врывается Яков Носов в мокром от снега дорожном
платье.

Н о с о в *(тяжело дыша)*. Ваше сиятельство! Наш государь-царевич стоит здесь на площади и хочет видетсья с вашим сиятельством.

Ш е н б о р н *(удивленно и растерянно)*. Кто вы? Ваши поступки и слова странны. Правду ли вы говорите? Каким образом мог прибыть сюда царевич? Тем более в такое позднее время, в такую непогоду.

Н о с о в. Его величество царевич слышал много хорошего о вашем сиятельстве австрийском вице-канцлере и, как все чужестранцы, к здешнему двору приезжающие, является к вам, впрочем, желая быть в величайшей тайне, чтоб никто его не видел.

Ш е н б о р н. Но когда прибыл его величество и где остановился?

Н о с о в. Мы уже некоторое время прибыли, жили в разных гостиницах, отъезжали в иные места, чтоб скрыться, поскольку знаем, что за нами охотятся, как за зверьми. Багаж наш в Леопольдштадте, мы же здесь, в Вене, остановились вчера в близлежащей от вас гостинице под вывеской "Klapperer".

Ш е н б о р н. В таком случае, я немедленно одеваюсь и иду к кронпринцу.

Н о с о в. Ваше сиятельство, царевич уже здесь, у подъезда и ждет только приглашения, по которому немедленно явится.

Ш е н б о р н. Господин капитан, идите и почтительно пригласите принца, я же поспешу одеться.

Уходит в спальню. Офицер уходит вместе с Носовым. На лестнице слышны голоса, топот, и в кабинет вбегает Алексей в сильном волнении. С ним Афросинья, одетая в мужской костюм кофейного цвета, в мужском парике. Граф Шенборн выходит навстречу, на ходу завязывая галстук и застегивая рубашу.

А л е к с е й *(в волнении)*. Ваше сиятельство! Особенно любимый господин граф, дорогой друг! Я испытываю к вам особое доверие и желание поговорить с вами наедине. *(Бега-ет по комнате)*.

Ш е н б о р н. Рад приветствовать вас, уважаемый *(Глядя на Алексея, бегающего по комнате, тихо к офицеру)*. При внимательном наблюдении это точно царевич. Другой человек не дерзнул бы так положительно выдавать себя за принца.

А л е к с е й *(указывая на Афросинью)*. Мой паж. Я ему доверяю.

А ф р о с и н ь я. Пардон. *(Усаживается в кресло.)*

Ш е н б о р н *(покосившись на пажа)*. Прошу всех иных удалиться. *(Офицер и Носов удаляются.)* Слушаю вас, ваше величество.

Алексей *(бегая по комнате, озирается)*. Я пришел сюда просить императора, моего шурина, о покровительстве и о

спасении самой жизни моей. Меня хотят погубить! Меня и бедных детей моих хотят лишить престола.

Ш е н б о р н. Успокойтесь, ваше величество. Здесь вы в совершенной безопасности. Скажите, чего вы желаете?

А л е к с е й. Император должен спасти мою жизнь, обеспечить мои и моих детей права на престол. Отец хочет лишить меня жизни и короны. Я предупрежден друзьями, что сюда, в Вену, присланы отцом убийцы, чтобы выследить меня, увезти в Россию, где меня убьют, или убить на месте. *(Бегает по комнате, плача и ломая руки.)* Я ни в чем перед ним не виноват, я ничего не сделал моему отцу. Согласен, что я слабый человек, но так воспитал меня Меньшиков. Здоровье мое с намерением расстроил пьянством. Теперь говорит мой отец, что я не гожусь ни для войны, ни для правления. У меня, однако ж, довольно ума, чтоб царствовать. Бог дает царства и назначает наследников престола, но меня хотят постричь и заключить в монастырь, чтоб лишить права жизни. *(Кричит.)* Я не хочу в монастырь! Император должен спасти меня! *(Падает на стул в изнеможении.)* Ведите меня к императору. Ведите к императору. *(Плачет.)* Дайте мне пива.

Ш е н б о р н *(в дверь к дежурному офицеру)*. Принесите пива. *(К Алексею.)* Ваше величество, здесь вы в совершенной безопасности. Но доступ к императору во всякое время труден, теперь же, поздним временем, решительно невозможен. Вы, принц, должны сперва открыть всю истину, ничего не умалчивая и не скрывая, чтоб можно было представить его величеству самым основательным образом столь важное и столь трогательное ваше величество дело, ибо здесь у нас ничего подобного до сих пор не слыхали. Да и трудно ожидать таких поступков от отца, тем менее от столь разумного государя, как его царское величество Петр.

О ф и ц е р *(входит)*. Пива нет. Я принес стакан мозельвайна.

А л е к с е й *(дрожащими пальцами берет стакан, залпом выпивает, ставит стакан назад на поднос. Офицер уходит.)* Я не виноват перед отцом. Я всегда был ему послушен, ни во что не вмешивался. Я ослабел духом от гонений и

смертельного пьянства. *(Встает со стула и подходит к Афро-синье, садится с ней рядом.)* Впрочем, отец был ко мне добр. Но с тех пор, как пошли у жены моей дети, все сделалось хуже, особенно, когда явилась новая царица и сама родила сына. *(Вскакивает, ходит по комнате.)* Она и Меньшиков постоянно вооружали против меня отца. Оба они исполнены злости, не знают ни Бога, ни совести. С тех пор, как царица родила сына, то вздумали запоить меня вином до смерти. Я не выходил из своих московских комнат.

Шенборн *(берет Алексея за руку)*. Ваше величество, сядьте сюда *(указывает на диван)*. Для основательного узнания дела хотелось бы подробностей. *(Оба усаживаются на диван.)*

Алексей. Некоторое время тому отец принудил меня отказаться от престола и жить частным человеком или постричься в монахи. Затем курьер привез мне повеление либо ехать к отцу в Амстердам, где он ныне, либо заключиться в монастырь. Исполнить первое — значило погубить себя озлоблением и пьянством. Исполнить второе — потерять тело и душу. Меж тем, мне дали знать, чтоб я берегся отцовского гнева, тем более царицы и Меньшикова, которые хотят отравить меня. Я притворился, будто еду к отцу и, по совету друзей, отправился к императору Австрийскому, своему шурину, государю сильному, великодушному, к которому отец мой имеет великое уважение и доверенность. Только император один может спасти меня. Покровительства же Франции или Швеции не искал, потому что та и другая в вражде к моему отцу, которого я раздражать не хочу. *(Плачет.)* Боже мой, что станет с моими оставленными детьми? Граф, я должен, должен видеть императора как можно скорей, чтоб просить его за мою жизнь. Я знаю, что императору донесено, будто я дурно поступил с сестрою императрицы, кронпринцессой Шарлоттой. Богу известно, что не я, а отец и царица так обходились с моей женой, заставляя ее служить как девку. К тому же я и моя жена терпели всякий недостаток. Особенно дурно с нами обращались, когда кронпринцесса стала рожать детей. Граф, я должен немедля видеть императора и все ему расска-

зять. Он бедных детей моих не оставит и отцу меня не выдаст. *(Вскакивает с дивана и снова начинает торопливо ходить по комнате.)* Отец мой окружен злыми людьми. До крайности жестокосерд и кровожаден. Думает, что он, как Бог, имеет право на жизнь человека. Он много пролил невинной крови, даже сам налагал руку на невинных страдальцев. К тому ж, неимоверно гневен и мстителен, не щадит никакого человека, и если император выдаст меня отцу, то все равно, что лишит меня жизни. Если бы отец пощадил, то мачеха, Меньшиков, Толстой до тех пор не успокоятся, пока не запоят или не отравят меня. Я должен немедленно ехать к императору. Ежели меня не пригласят, я пойду насильно к императору и императрице.

Ш е н б о р н. Принц, в столь позднее время охрана вас во дворец не пустит, кто б вы ни были. В настоящем положении дела, при высоком сане вашего отца и вашего, при строгом инкогнито вашем лучше всего не говорить вам самому с императором, а оставаться в непроницаемой тайне и предоставить венскому двору явно или скрыто подать вам помощь. Даже, может, найдется средство примирить вас с отцом.

А л е к с е й *(плачет)*. На примирение надежды не имею. Умоляю об одном, не выдавать меня отцу, ибо гибель моя тогда неизбежна. Идти к отцу ни за что на свете не согласен. Я всегда имел перед глазами Десять заповедей и никогда отца своего не оскорблял. Он же с юности разлучил меня с матерью, окружил меня дурными людьми или дураками. Император должен принять меня при дворе открыто как законного наследника. У прусского короля дядья оставлены, а племянник на престоле, для того что большего брата сын. У нас же отец без закону хочет мимо меня меньшому брату, младенцу, отдать престол. Нет на него закону, что хочет, то делает. Однако император, великий государь и мой шурин, поможет мне восстановить правду.

Ш е н б о р н. Для помощи вам лучше всего держать себя тайно и ждать ответа императора, которому утром во всем будет доложено. Сейчас же вам лучше с людьми своими воротиться на свою квартиру.

А л е к с е й. Нет, граф, я никуда не ворочусь, тем более ночью и без охраны.

Ш е н б о р н. Однако, где же вы будете спать?

А л е к с е й. Здесь я, на диване, вместе с пажем моим ночевать буду.

А ф р о с и н ь я. Чего он говорит, прынчик? Басу нам выдадут?

А л е к с е й. Получим мы пасс, получим.

Ш е н б о р н. O, porter cullote . Мадам угодно носить штаны. Notre petit page. Наконец, он сознался, что она женщина.

А л е к с е й. Это невенчанная жена моя. Она ждет ребенка, но отец не разрешил венчание в России. Я прошу прислать мне тайно греческого священника для венчания, а также для утешения в горести и для спасения души.

Ш е н б о р н. С венчанием я советую вам пока подождать до выяснения обстоятельств. При вашем положении тайный брак не будет признан и отцом вашим, и Европой. Что вы сверх всего желали бы просить у императора? Завтра в семь я доложу о вас референту императора, господину Дольбергу, с тем чтобы он срочно помог мне получить аудиенцию.

А л е к с е й *(устало)*. Прошу оставить меня в Вене, а если нельзя, то отвезти в Тироль, а не посылать в Богемию или в Венгрию, где язык и религия могут изменить мне и где меня легко схватят.

Ш е н б о р н. Об этом я доложу. Вы решили ночевать в моем кабинете?

А л е к с е й. Да, я опасаюсь выйти на улицу в такое время.

Ш е н б о р н. Спокойного сна, ваше величество. *(Уходит.)*

З а н а в е с

Сцена 7

Кабинет графа Шенборна. Солнечное утро. За окнами медленно, спокойно падает снег. Алексей и Афросинья спят на диване, обнявшись. Слышен звон колокола. Алексей пробуждается. Смотрит на Афросинью, потом целует ее в лоб. Она пробуждается.

А л е к с е й. Друг мой, с новым Божьим утром тебя, друг мой сердешный.

А ф р о с и н ь я. Батюшка, друг мой царевич, и тебя также.

А л е к с е й. Ты во сне улыбалась, матушка моя. Чего тебе снилось?

А ф р о с и н ь я. Селебен наш, на тебя лицом и повадками похож. И шел по морю, кое покрыто, как лесом, и цветет. Как Селебен наш прошел, так учинилось, а именно, зелень густая отъехала от середины и к берегу пристала.

А л е к с е й. Сие, матушка моя, хорошее сновидение. Мы себя с маленьким Селебеном вручили в сохраненье Божье.

А ф р о с и н ь я. По милости Божьей, Селебен вчера весьма ворочался.

А л е к с е й. Ты, Афросиньюшка моя, не печалься, себя береги. Если пордем от Вены водой, то тепло одевайся, не застудись, а если по суху, то в Тирольских горах дорога камениста, и надо бы просить у императора коляску хорошую, покойную, чтоб тебя не растрясло. Также бальсам по докторскому рецепту лучше не в немецкой земле сделать, а чтоб прислали из Болоньи или Венеции. Пластырь же можно сделать в Вене или в Иншпруке. *(Опять звонят колокола.)*

А ф р о с и н ь я. Сие в церкви каменной великой, видать, звонят. Вена — город каменный, дома в нем великие, видать, древних лет.

А л е к с е й. Звонят сие, Афросиньюшка, в костеле, построенном во имя архидьякона Стефана. Прежде сего на том костеле стоял герб турецкого султана, а ныне тот герб с того костела скинут, и поставлен на том месте крест. Если обживемся в Вене, то поглядишь. В Стефане во время обедни музыка играет и музыкантов-вспиваков чуть ли не сто.

А ф р о с и н ь я. Может, и правда, прынчик, в Вене обживемся, чтоб Селебена нашего здесь родить. Я уж, прынчик, устала ездить. Уж два месяца переезжаем с места на место.

А л е к с е й. Хорониться нам надо, от моего отца ховаться. Ежели не в Вене, так, может, в горах заховаемся. Горы здесь высокие. Есть места, где и в карете не проедешь, а только лишь в телеге шагом, на быках. По дороге безмерно много камня острого, и течет в глубокой пропасти река. От быстрого течения шум великий. В тех горах всегда лежит много снега, потому что для безмерной их высоты великие там холоды и солнце никогда там промеж гор лучами не осеняет.

А ф р о с и н ь я. А как же, батюшка, мы там жить будем? Это ж край свету.

А л е к с е й. Край свету, Афросиньшка, для нас с тобой ныне самое подходящее место. Спасибо, нашлись друзья, оповестили, что отец наше место расположения разведал и убийц послал.

А ф р о с и н ь я. Кто ж известил, спаси его, Господи?

А л е к с е й. Сам того не ведаю. Письмо аноним одержал. Еще в нем таковы подробности, что ежели я не выполню свое обещание рекрутироваться на всю жизнь в пустыню, сиречь в монастырь, то батюшка вымыслил иной способ, а именно, призвать меня к себе в землю Датскую и под протектом обучения, посадя на один воинский свой корабль, дать указ капитану вступить в бой с шведским кораблем, который будет вблизи, чтоб меня убить из-под угла, потом же объявляя, что убит в бою, устроить по мне тризну и поминать в церквах. Одначе Бог и святой Николай-угодник и иные святые сего не допустили.

А ф р о с и н ь я *(крестится)*. Слава правде Господней.

Входят граф Шенборн и референт кесаря Дольберг.

Ш е н б о р н. С приятным утром, ваше величество.

А л е к с е й. Вас также, ваше сиятельство.

Ш е н б о р н. Я только, только от кесаря, который при-

слал от себя для разговору референта своего, докладчика тайной конференции, господина Дольберга.

Дольберг и Алексей раскланиваются. Дольберг садится за стол, достает бумаги. Шенборн садится в кресло.

Д о л ь б е р г. Ваше величество, его величество император Австрийский просил меня исследовать в подробностях весь ход дела, чтоб впоследствии, смотря по обстоятельствам, тем вернее можно было действовать.

А л е к с е й. Что моя просьба о греческом священнике?

Ш е н б о р н. Велено объявить, что греческого священника теперь найти невозможно. Особенно такого, который согласится жить с вашим величеством в заключении, как этого требуют обстоятельства, иначе откроется ваше убежище. Между тем, главное условие безопасности состоит в том, чтоб русский государь не проведал о нем.

А л е к с е й *(радостно)*. Кесарь согласен принять нас, Афросиньюшка Федоровна. *(Целует ее.)* Кесарь нас спасает. *(К Шенборну.)* Прошу лишь одного, чтоб в крайней необходимости мне не было бы отказано в присылке духовника.

Д о л ь б е р г. Ваше величество, хотел бы добавить: его величество император Австрийский Карл Шестой сказал: убежища дадим до той поры, пока не откроется случай примирить принца с отцом-государем.

А л е к с е й. Нет, нет... Сердце отца моего добро и справедливо, если оставить его самому себе, но он легко воспламеняется гневом и делается жестокосердным. Все сие, как и немилость ко мне, приписываю жестокой, в низких чувствах воспитанной и вместе с тем ненасытной, честолюбивой и властолюбивой мацехе. Также в особенности Меньшикову, который удалял меня от отца и обходился со мной, как с пленником или собакой, даже бранил при людях поносными словами. Ныне пошло будто лучше, Меньшиков в России отсутствует, понеже он опустошает Польшу, одначе явился к нему заместитель — Толстой, оберпалач отцов. Вокруг отца многие льстецы и злые люди, наводящие его на сотни дурных дел.

Д о л ь б е р г. Согласитесь же, однако, принц, что вступление их цесарского величества в такую великую ссору с русским государем по вашему делу может при нынешних международных конъюнктурах навредить нам немало. Потому лучше положить добрые средства меж вами и вашим отцом, особами столь великого звания.

А л е к с е й. Никакого зла я отцу своему не желаю, согласен любить и чтить его. Только возвращаться к нему не хочу. *(Плачет.)* Умоляю австрийского императора не выдавать меня и спасти бедную жизнь, также пощадить невинную кровь бедных детей, о чем прошу господина референдаря доложить кесарю.

Ш е н б о р н. Я вижу, господин Дольберг, что вы о состоянии сего дела подлинно не извещены. Цесарь имеет немалый резон кронпринца секундовать. Принц прав перед отцом своим и имел резон спастись из земель отцовых. Вскоре после рождения принца Петра отец-государь силой принудил старшего сына отказаться от короны.

Д о л ь б е р г. А у меня сведения, что принц добровольно отказался от престола.

А л е к с е й. Царь и его министры стараются всеми силами уверить публику, будто я добровольно отказался от престола. Одначе я никеле не соглашался ни за себя, ни за своих детей, и только силою и страхом принудили меня подписать отречение. Я опасался невольного пострижения, смертных побоев, опоения, отравы. Все сие происки Меншикова да Толстого и иных, которые боятся, что престол со временем достанется моему роду. Я за детей моих никогда не отказывался и в сердце своем все предоставил Богу. В самом деле, Бог не дал моему брату Павлу ни здоровья, ни талантов и тем доказал, что владыки мира в Его деснице.

Д о л ь б е р г. Все ж, господа, будем откровенны. Событие для цесаря весьма неприятное, которое он желал, чтоб не случилось, но как отворотить было нельзя, то цесарь по родству, по участию к несчастному положению принца и по великодушию цесарского дома защищать невинно гонимых, дал принцу покровительство и защиту. Вместе с тем, следует

сказать, что русский резидент Веселовский требует у цесарских министров, то у одного, то у другого ответа и дает знать, что русский государь будет искать и требовать своего сына *armata manu* — вооруженной рукой. Кесарем получено от государя личное письмо из Амстердама.

Шенборн. Что в том письме?

Дольберг. Угрозы нашему двору и вообще написано в терминах крепчайших.

Алексей. Призываю Бога в свидетели, что никогда ничего не сделал отцу или его правлению противного долга сына и верноподданного, никогда не думал о возмущении народа, хотя это нетрудно было бы сделать, потому, что народ русский меня любит, а отца ненавидит за недостойную царицу, за злых любимцев, за уничтожение старых добрых обычаев и за введение всего дурного, также за то, что отец, не щадя ни крови, ни денег, есть тиран и враг своего народа.

Дольберг. После прочтения письма государя Петра Первого у меня был разговор с кесарем, не спросить ли в тайне короля английского как курфюрста и как родственника Брауншвейгского дома, откуда родом покойная прицесса Шарлотта, не намерен ли он защищать принца.

Шенборн. Не надобно давать знать двору Английскому, что мы боимся русского государя. Нужно также смотреть, чтоб англичане не воспользовались этим положением к собственной выгоде. Тем более, что кесарь все милостивейше обещал покровительство и защиту принцу, и по его желанию уже назначена для убежища принца горная крепость в Тироле — Эренберг.

Алексей (*радно*). Я готов ехать сию минуту куда угодно, и милостивое обещание кесаря будет для меня утешением во всяком месте.

Шенборн. Его величество просил передать вам деньги, а ее величество австрийская императрица передает на память кошелек для часов с цепочкою и печатью.

Алексей (*беря деньги и подарок*). Не имею слов, чтоб сказать свою благодарность ее и его величествам.

Шенборн. Людям нашим, которые ваше величество

будут сопровождать, сказано, что вы присланы сюда, чтоб заключить тайный союз между Россией и Австрией, и для избежания подозрения неприятеля намерены удалиться от самой Вены на некоторое расстояние. Будут, однако, среди них и такие, которым мы скажем правду и которые будут охранять вас от яда, кинжала и прочих русских galanterien. О том дано указание и коменданту крепости генералу Росту.

Д о л ь б е р г. Хотите ли, принц, еще чего добавить или спросить?

А ф р о с и н ь я. Спроси, прынчик, будут ли нам в сей фортеции выдавать свежее постельное белье, али как в "Золотой горе" белье будет.

А л е к с е й. Нас, Афросинюшка, берет кесарь на полное довольствие. *(К Дольбергу.)* Где сия фортеция располагается?

Д о л ь б е р г. В семидесяти восьми милях от Вены, меж Италией и швейцарской дорогой.

А ф р о с и н ь я. Хочу сказать, что есть хочется, да не лицо. Я ныне и за себя, и за нашего Селебена ем. Икры бы паюсной с калачом московским, али сняточков белозерских. Соленого хочется. Не могут ли господа, чтоб из России нам икры прислали да семги, да круп грешных, да калачей московских.

Д о л ь б е р г. Ваш слуга чем-то недоволен?

А л е к с е й. Принцесса Афросинья Федоровна голодна.

Д о л ь б е р г. Прошу прощения, ваше величество, я не понял, что вы здесь с принцессой.

Ш е н б о р н. Мы, по перенятой турецкой привычке, с утра лишь пьем кофе с хлебцами. Однако, если желаете, подадим закуски. Желаете утиный паштет и помидоры по-итальянски, фаршированные сыром и рисом, или что иное?

А ф р о с и н ь я *(вздохнув)*. Колбасы бы танбовской.

А л е к с е й. Пусть принесут, что у вас имеется, ведь не дома мы. Хотел бы спросить вас, граф, и вас, господин референдарь, понеже, скрываясь, отстал от политических новостей. Низкие льстецы и злые люди вокруг отца моего давно разжигают всякое в нем тщеславие, чему доказательством служат отцовские фантазии о титуле императорском. Искательство этого титула причинило одне досады и ничего су-

щественного не принесло России. В каком положении дело?

Д о л ь б е р г. Недавним договором Вестфальским, публичным свидетельством почти всей Европы признано истинное и настоящее достоинство российского государя. Признан за ним титул – император, а за Россией – Российская империя. Земли Лифляндские, Малороссийские и Польские, подпавшие под власть России, признаны Европой как части этой Российской империи.

А л е к с е й (*растерянно и задумчиво*). Неужто подобное учинилось? Мог. ссора с отцом не меж людьми ссора, не меж отцом и сыном, не меж государем и наследником, это ссора, господа, прежде всего меж двумя Россиями, меж Россией мирной и Россией военной. Изберет ли Россия мирный путь в среде славянства, либо вмешается в самую гущу европейской, католической страсти. Наша Россия в европейских ссорах запутается, как в птичьих силках, и даже если б в будущем появился правитель, который захотел бы выпутаться, то уж не смог бы.

Д о л ь б е р г. Однако договором Вестфальским величие и значение Российской империи признано, как никогда ранее, и вам, наследнику престола, это должно быть радостно.

А л е к с е й. Чему радоваться, господин референдарь? Ни вам, ни нам радоваться нечего. От Российской империи Европе николе не будет покою, а российскому народу николе не будет счастья.

Ш е н б о р н. Если место пребывания ваше в крепости Эренберг будет обнаружено русскими агентами, то предусмотрен тайный перевод ваш в замок Сент-Эльмо, близ Неаполя.

З а н а в е с

Сцена 8

Неаполь. Замок Сент-Эльмо. Алексей сидит у стола, что-то торопливо пишет, читает, рвет, бросает в корзину и пишет вновь. Осторожно на цыпочках входит Афросинья с галстуком в руках. Приблизившись с

улыбочкой, набрасывает сзади галстук на шею Адексею. Алексей с криком судорожно хватается руками за галстук, как висельник за петлю, и падает из кресла.

А ф р о с и н ь я *(смеется)*. Прынчик напужался. Я тебе гостинец принесла, да с жартом преподнести решила. Вот еще четки деревянные.

А л е к с е й *(улыбаясь, поднимается с пола)*. Афросиньюшка вернулась. *(Обнимает ее)*. Что доктор приказывал?

А ф р о с и н ь я. В Неаполе приказывал дохтор, который меня лечил, чтоб мне на пятом или седьмом месяце кровь пустить, и о сем, как изволишь ты, пускать мне али нет и сколько унций пустить.

А л е к с е й. Ежели дохтор приказал, значит пустить. А в Венеции как?

А ф р о с и н ь я. В Венеци порошок дали. Как жили в Тироле — все скука. В Венеци же с графиней Даун в опру ходили, иначе ни опры, не комедии не застали. Токмо в один от дней на гудоле ездили в церковь музыки слушать. Во всей Италии славные певцы. Первый — кастрат Мачуль, неополитан, вторая — девка Маргарита, третий кастрат Картус, четвертый — кастрат Пикуданина, пятая — девка Сицилия, шестая — Каталина — девка. На короновал одному кастрату дают найму тысячу червоных и более. Здеся все музыки любят. Графиня сказывала, когда австрийцы занимали Неаполь, то, входя, хором пели.

А л е к с е й *(смеется)*. Ах ты, Афросиньюшка Федоровна, умница моя. Все-то ты помнишь, все-то ты понимаешь. Вот бы и мне поездить. Италию люблю. Тут церкви занятные. Помню, в одной церкви Пресвятая Богородица высечена из белого мрамора, держит младенца предивной работы.

А ф р о с и н ь я *(улыбается)*. Так же и я Селебена нашего скоро держать буду.

А л е к с е й *(целует ее)*. Помолиться бы о том. В Баро к мощам Николая-чудотворца бы съездить, поклониться, да сижу, как зверь в клетке, под чужим венгерским именем. Я и тебя б не пускал, да чреватости надобно. Не было тебя три дня — сердце все колотилось. Ведь как выследили нас батюш-

кины агенты в Эренберге, да как ехали мы, чтоб схорониться в Неаполь, всю дорогу и в Иншбруке, и в Монтуе, и в Флоренции, и в Риме до самого Триента встречались нам подозрительные люди. Пришлось хорониться. А хотелось выйти да погулять, да поглядеть.

А ф р о с и н ь я. Флоренция город велик, да на улицах не чисто.

А л е к с е й. Мы б с тобой не по улицам ходили, поехали б в сад к князю Бургезия. В саду его много славных владетелей и мучителей из мрамора. А иное — что ж мне на мраморных-то мучителей глядеть, ежели имею батюшку мучителем. Одначе, Афросиньюшка, не долго уж. Я вот письма писал.

А ф р о с и н ь я. Видела. Писал да дирал.

А л е к с е й. Хочу как след написать. Весть получил, в Макленбургии волнения. Гвардейские полки, составленные большей частью из дворян, замыслили с прочими войсками царя убить, а царицу с детьми привезти в Суздаль, в тот монастырь, где моя матушка, царица Евдокия заключена. Мать мою решили освободить, а правление мне дать.

А ф р о с и н ь я. Поедешь к бунтовщикам?

А л е к с е й. Если позовут — поеду. Я письмо кесарю написал, не поможет ли он мне войском, чтоб добыть корону российскую. А также письма в Россию к сенаторам и к епископам. *(Читает.)* "Превосходительнейшие господа сенаторы. Как Вашей милости, так чаю и всему народу сообщаю о моем отлучении от любезного отечества, которого, аще бы не случай, никогда бы не хотел оставить. И ныне обретаюсь благополучно и здорово под хранением некоторые высокие особы". *(Читает далее про себя.)* Набело переписанное письмо я через австрийского секретаря хочу по дипломатической почте в Россию переслать резиденту Плееру для передачи далее. А письма черные тебе хочу отдать, Афросиньюшка, верному другу моему, на хранение. *(Дает ей письма, она прячет их за пазуху.)*

А ф р о с и н ь я. Я посля их в скрыньку перекладу, среди белья да прочего. Еще донести тебе хочу, прынчик, о моих покупках, которые, быв в Венеци, купила. Тринадцать

локтей материи золотой, дано за онную материю сто шестьдесят семь червонных, из камня крест, серьги, перстень лаловый, а за убор дано семьдесят пять червонных.

Входит секретарь Вайнгард.

В а й н г а р д. Ваше величество, готова ли почта?

А л е к с е й. Почта готова. Сей пакет в Вену кесарю от меня, сей по дипломатической почте в Россию. *(Вайнгард берет письма.)* Прошу также передать послу вашему, если будет ведомость обо мне, что меня в живых нет, или иное зло, чтоб не изволили верить.

В а й н г а р д. Сейчас должен явиться неаполитанский король, граф Даун, ибо без него не могу вам показать, что велено.

А л е к с е й *(с беспокойством)*. Что показать? Кем велено? *(Входит граф Даун.)* Граф, неужто место пребывания мое и здесь открыто?

Д а у н. У меня важное сообщение, принц, посему прошу удалить вашу переодетую мужчиной женщину.

А л е к с е й. Ей можно все знать.

Д а у н. Нет, надобно быть только вам.

А ф р о с и н ь я. Я и сама пойду. *(К Алексею.)* Ты, друг мой, не печалься, полагайся на Бога.

Д а у н. По случаю важности дела сюда выехали вице-канцлер граф Шенборн и референт кесаря господин Дольберг. Однако, видно, дожди в горах их задержали, и потому решил объявить вам в их отсутствие. Кесарь получил личное письмо от его величества русского государя. Велено показать его вам в оригинале.

А л е к с е й. Я видеть не хочу.

Д а у н. Велено показать, ваше величество, и прочесть. *(К секретарю.)* Читайте.

В а й н г а р д. Пресветлейший, державнейший князь, особливо любезный приятель! Мы подлинно, через капитана Румянцева убедились, что сын наш, Алексей, отослан за крепким карулом в город Неаполь, чему капитан Румянцев

самовидец от самой крепости Эренберг. Для чего так неприятно изволит цесарское величество с нами поступать? Он хочет меня с сыном судить. У нас и с подданными-то необычно. Сын должен во всем повиноваться воле отца. А мы, самодержавный государь, ничем цесарю не подчинены и вступаться ему не следует, а надлежит его к нам отослать. Мы же, как отец и государь, по должности родительской его милостиво примем, тот его проступок простим и будем его наставлять. Чем его цесарское величество покажет и над ним милость и будет им впоследствии возблагодарен, ибо ныне содержится, как невольник, за крепким караулом под именем некоторого бунтовщика графа венгерского.

Входят Шенборн и Дольберг.

А л е к с е й (бросается к Шенборну, падает перед ним на колени, подняв руки к небу и заливаясь слезами). О, умоляю спасти мою жизнь именем Бога и всех святых и не покинуть меня, несчастного, иначе я погибну. Я готов ехать, куда император прикажет, и жить, где он велит, только бы не выдавал меня несправедливо раздраженному отцу.

Ш е н б о р н (берет за плечи плачущего Алексея и подымает его). Какой честный человек решился бы склонить ваше величество к возвращению, после того как вы неоднократно рассказывали о своих несчастьях и характере своего отца.

А л е к с е й. Могу ли я идти, поскольку внезапно заболел головой?

Д о л ь б е р г. Повремените, принц. Я, господа, хотел бы, однако, напомнить, что об этом происшествии ныне мало не вся Европа ведаёт. Это происшествие чрезвычайно важно и опасно, потому что русский император, не получив удовлетворительного ответа, может с многочисленным войском, расположенным в Польше, по силезской границе вступить в герцогство и там остаться до выдачи сына. А по своему характеру русский император может ворваться и в Богемию, где волнующаяся чернь легко к нему пристанет.

Д а у н. Как же поступить нам, господин референт?

Д о л ь б е р г. Это внутреннее русское дело, и мы должны допустить до встречи с принцем русских полномоченных, которые находятся здесь.

А л е к с е й (*испуганно*). Кто здесь?

Д о л ь б е р г (*заглядывая в бумагу*). Статский чужеземных дел коллегии тайный советник Петр Толстой и капитан Александр Румянцев.

А л е к с е й. Толстой не дипломат, а оберпалач. Румянцев же попросту убийца. Встречаться с ними не желаю.

Д о л ь б е р г. Ваше величество, нам указано, что кесарь ни под каким видом вас не выдаст. Однако встретиться вам с русскими полномоченными необходимо.

Ш е н б о р н. Даже вопреки воле?

Д о л ь б е р г. У меня имеется финальная резолюция кесаря. Извольте, рукой кесаря — свидание должно быть непременно.

А л е к с е й (*плача*). Господа, я в отчаянии, я не могу терпеть такое мучительство.

Вайнгард наклоняется и шепчет что-то на ухо графу Дауну. Граф кивает.

В а й н г а р д. Господа, герцогиня Волфентибельская изволили присутствовать.

Входит герцогиня.

Г е р ц о г и н я (*целует Алексея*). Пресветлейший принц.

А л е к с е й (*целуя ей руку*). Всемиловейшая государыня.

Г е р ц о г и н я. Как мать покойной жены твоей, принцессы Шарлотты, как бабушка твоих детей, моих внуков, наконец, как мать принцессы Волфентибельской, сестры покойной Шарлотты, нынешней австрийской императрицы, я поспешила сюда, едва меня о том просили с двух сторон.

А л е к с е й. С которых двух, герцогиня?

Г е р ц о г и н я. Со стороны австрийского двора и со стороны русского двора. Тайный советник Толстой заезжал ко

мне и просил меня как родственницу твою содействовать его встрече с тобой.

А л е к с е й. Нет, с Толстым я встречи не хочу и того опасуюсь.

Д о л ь б е р г. Однако имеется резолюция кесаря.

Г е р ц о г и н я. Когда Толстой первый раз ко мне заехал, я ему ответила, что мне обстоятельства неизвестны и где принц неизвестно. Может, проехал через земли кесарьские, а куда, ни кесарь, ни кесаревна, ни я не знаем. Однако, поняв, что Европе о всем известно, а Толстому подавно, решила сказать правду и обещала трудиться, чтоб это дело прекратить без ссоры.

А л е к с е й. Умоляю, герцогиня, не иметь обо мне дурного мнения, будто я худо жил с покойной женой, вашей дочерью. Свидетельствуется Богом, что никогда не имел с ней малейшей ссоры или несогласия. Всему свету известно, что отец мой, государь-батюшка, обходился как с нею, так и со мною всегда презрительно, в публичных обществах никогда с нами не говорил и предпочитал моей жене министерских жен. Шарлотта так огорчалась, что с досады нередко бывала больна, и по ее собственному пред концом жизни признанию, подобные огорчения были виной преждевременной смерти ее.

Г е р ц о г и н я. Господа, позвольте мне с зятем моим говорить наедине.

Д о л ь б е р г. Но недолго, герцогиня.

Ш е н б о р н (*тихо Дольбергу*). Свидание принца с Толстым должно быть так устроено, чтоб никто из москвитян, отчаянные люди и на все способные, не напал на принца и не возложил на него руки. Хотя я того не ожидаю.

Все выходят, оставляя Алексея и герцогиню наедине.

Г е р ц о г и н я (*оглядываясь и понизив голос*). В последнее время распространяется в Европе слух, что дочь моя жива и так же тайно бежала из России в Америку. Будто в Луизиане вышла замуж за француза, лейтенанта Обера, или

де Обана, возвратилась с ним в Европу и живет то ли в Ильде-Франс, то ли в Париже, то ли в Брюсселе.

А л е к с е й. Это сказка. Принцесса скончалась в Петербурге и погребена в Петропавловском соборе. В день погребения Шарлотты царь обнаружил свою немилость и написал мне жестокое письмо, а на другой день, после рождения новой царицы сына объявил мне, что я должен постричься в монахи. Но за детей своих я никогда не отказывался.

Г е р ц о г и н я. Я в этом деле заинтересована близким свойством. Я спрашивала Толстого, соглашаясь посредничать, могу ли тебя, принц, уверовать, что отец дозволит тебе жить в том месте, какое ты изберешь? Толстой отвечал, что в том, по его мнению, затруднений не будет, если ты, принц, с ним поедешь. И на аудиенции у кесаря Толстой дал обещание, что отец твой простил тебя. Мне очень приятно будет слышать, сказал кесарь, когда царевич получит прощение.

А л е к с е й. Верить им нельзя, герцогиня. Отцовы царедворцы хитры и лживы. Нет, нет, я не поеду.

Во время разговора входят Толстой, Румянцев, граф Даун, граф Шенборн, Дольберг, секретарь Вайнгард.

Т о л с т о й. Чаю, его цесарскому величеству и цесаревне и вам, герцогиня, известно, как он с сестрою ее величества австрийской императрицы и вашей дочерью, супругою своею обходился, и потому могут и о другом рассуждать.

А л е к с е й (*оборачивается и, увидев русских послов, начинает, дрожа от страха, кричать и прятаться за спины австрийцев*). Не допускайте их ко мне! Они убьют меня. Более всего того боюсь. (*Указывает на Румянцева.*)

Р у м я н ц е в. Известна также и загадка пажа, работной крепостной девки, с которой царевич живет в блюде и брюхатой возит за собой.

Г е р ц о г и н я. Что бы ни было, я считаю своим долгом искать всяких способов, чтоб сделать такое славное дело: примирить славного монарха с сыном его.

Т о л с т о й (*весьма учтиво*). Весьма благодарен за такое

обещание, иначе иному примирению быть невозможно, как только, чтоб цесарь изволил отослать царевича со мною к отцу. Его величество простит сына и примет его по-прежнему в свою отеческую милость. Если же он пребудет непокорен и со мной не поедет, его величество предаст его проклятию.

Г е р ц о г и н я. Сохрани от сего, Боже! Клятва упадет и на моих внуков.

Т о л с т о й (к Алексею). Царевич, у меня имеется к вам собственноручное письмо отца вашего.

А л е к с е й (испуганно). Никакого письма брать не желаю.

Т о л с т о й (учтиво). В таком случае я его зачту публично. (*Достает письмо, читает*). "Мой сын! Что ты учинил? Ушел и отдался, яко изменник, под чужую протекцию, обольстя меня и заклинаясь Богом при прощании. Что неслыхано не точию между наших детей, но между нарочитых подданных. Чем какую обиду и досаду отцу своему и стыд отечеству своему учинил. Того ради посылаю ныне сие последнее к тебе письмо, дабы ты по воле моей учинил, о чем тебе господи Толстой и Румянцев будут говорить и предлагать. Буде же побоишься меня, то я тебе обещаю Богом и судом Его, что никакого наказания тебе не будет, но лучшую любовь покажу тебе, ежели воли моей послушаешься и возвратишься. Буде же сего не учинишь, то яко отец, даною мне от Бога властью проклиною тебя вечно, а яко государь твой за изменника объявлю и не оставлю всех способов тебе, яко изменнику и ругателю отцов, учинить наказание за бунт, в чем Бог мне поможет, поможет в моей истине".

Д а у н. Принц, согласны ли вы возвратиться под клятву Богом отца и государя?

А л е к с е й. Господа, я уехал под протекцию кесарьскую, опасаясь гнева отца, принуждавшего меня к пострижению, чтоб отлучить от короны. Теперь ничего не могу объявить, потому что надобно мыслить о том гораздо.

Т о л с т о й. Сколько же думаете мыслить? Год али десять?

А л е к с е й. Сейчас возвратиться к отцу опасно и пред

разгневанное лицо явиться не бесстрашно, а посему не смею возвратиться. О том письменно донесу протектору моему, его кесаревскому величеству.

Т о л с т о й. За такое непослушание государь предаст вас клятве отеческой и церковной и объявит во всем государстве нашем ваше непокорство. Рассудите сами, царевич, какой вам будет живот? Не думайте, что можете быть безопасен. Разве что в вечном заключении под крепким караулом похотите быть и так душе своей в будущем, а телу в сем еще венце мучение заслужите. Мы не оставим искать всех способов к наказанию непокорства вашего. Даже вооруженное рукой цесаря к выдаче вашей принудим. Рассуждайте, что из этого последует. Вы своим непокорством внесете лишь раскол меж дружескими народами и препятствуете миру меж ними.

Д а у н. Наше кесарское величество стремится оказать русскому императору услугу, устраняя возможность попасть царевичу в неприятельские руки. И тем более без нарушения народного права могли принять столь высокую особу, что она с нами в свойстве.

Т о л с т о й. Мы уразумели, что говорил цесарь, и благодарствуем за то. И при том не могу оставить, не объявляя, как зело удивляет, что царевич его величеству тайно, под крепким караулом удерживался, нам же о сем говорили неправду. Мы сие примем за явный разрыв и будем перед всем светом на цесаря чинить жалобы и искать неслыханную и несносную нам и чести нашей обиду отомстить.

Г е р ц о г и н я. Цесарь в это дело мешаться не хочет и представляет все воле русского императора и сына его. Как они хотят, так меж собой согласятся.

Ш е н б о р н. Однако для дружбы с российским государем кесарь будет делать лишь то, что непредосудительно кесарской чести и власти.

Т о л с т о й. Какое чувство может иметь его императорское величество Петр Алексеевич из поступков цесаря? Если б сын цесаря, принц Евгений Савойский, отлучась от своего отца, искал убежища в землях российского государя и

оно было бы дано тайно, сколь болезненно было бы это царю.

Г е р ц о г и н я. Принц Евгений — человек военный, а натуру царевича я знаю. Отец напрасно трудится и принуждает его к воинским делам. Он лучше желает иметь в руках своих четки, нежели пистолы. Только то мне безмерно печально, чтоб немилость государя на внука моего не пала.

Т о л с т о й. Цесарь хочет нашего государя с сыном его судить. У нас и с подданными-то необычно. Наш государь самодержавный, ничем царю не подчинен, и вступаться ему не следует.

А л е к с е й (Дауну). Граф, если отец вздумает требовать меня с оружием в руках, могу ли я положиться на покровительство кесаря?

Д а у н . Я уж говорил, кесарское величество с удовольствием будет видеть примирение отца с сыном, но если вы, принц, считаете небезопасным возвратиться, то можете положиться на покровительство кесаря, который довольно силен, чтоб защищать принимаемых им под протекцию.

Т о л с т о й. Его величество государь-император наш будет считать царевича изменником и не отстанет, пока не получит его живым или мертвым. *(К Алексею.)* Я имею повеление не удаляться отсюда прежде, чем возьму тебя, и если б перевезли тебя в другое место, то и туда буду за тобой следовать.

А л е к с е й (испуганно подходит к Дауну и берет его за руку). Граф, я бы хотел с вами переговорить в другой комнате. *(Уходят.)*

Ш е н б о р н. Требования российского государя послать царевича с вами исполнить невозможно. Надо бы послать его неволею, а это будет предосудительно кесарьской власти и противно всесветным правам. Это будет знак варварства.

Т о л с т о й. Царевич Алексей не просто изъявляет замерзлое упрямство. Он бунтовщик и пишет в Россию своим сообщникам подстрекательские письма, стремясь свергнуть с престола законного государя, батюшку своего. Мы просили письма, где он просит царского войска у кесаря себе в по-

мощь. Однако нам отказали, заявив — одно сожжено вовсе, второе затерялось. Сие есть волокита и почти ругательный поступок, который приведет к большим конфузям. Хотел бы напомнить, что бунтовщики имеются не в одной России. Пример тому венгерский бунт. Имеется также ведомость, что флот гишпанский стоит между Неаполем и Сардиниею и что намерен, высадя людей на берег, атаковать Неаполь, понеже неаполитанская шляхта сделала против цесаря комплот и желает быть под властью гишпанской, нежели под цесарской.

Ш е н б о р н. Мы, господин Толстой, держава европейская и имеем свои понятия о чести, которые шантажом не изменить.

Г е р ц о г и н я. Я желаю примирения. Впрочем, не советую ничего и не отсоветую. Молю Бога, чтоб державы наши избрали наилучшее.

Т о л с т о й. И я молю Бога, чтоб меж нами был мир и чтоб мы постыдили своих супостатов.

Алексей входит с Дауном.

А л е к с е й. Отец хочет прекращения живота моего, потому не могу возвратиться и ни под каким видом и не хочу попасть в руки отца. Отцу, может быть, буду писать, ответственя на его письмо, и тогда уж дам конечный ответ. *(Откланявшись, удаляется.)*

Ш е н б о р н. Я думаю, на этом дело следует прекратить. Принц возвратиться отказался.

Т о л с т о й. Мы требуем именем его императорского величества нового свидания для разговору с царевичем. Если царевич будет просить у цесаря, чтоб отпустил его из своей области и если ему позволено то будет, цесарь покажет российскому государю явный признак неприязни.

Ш е н б о р н. Кесарю держать принца в своих землях неволею невозможно. Впрочем, не думаю, что он захочет выехать в другое государство.

Г е р ц о г и н я. Весьма хорошо было бы узнать новые мысли принца, прежде чем он поговорит со своею переде-

той женщиной, чтоб она его не отклонила.

Р у м я н ц е в (*улыбаясь*). У нас, офицеров, о женщинах иное мнение. Они лишь в западню отклонить могут, а не из западни.

Т о л с т о й (*тихо*). Александр Иванович, сия ваша шутка не к месту. Дело же наше в великом затруднении. Надобно поспешить к отходу почты написать государю, а что писать, не знаю.

Д о л ь б е р г. Вы, господин Толстой, не должны решительно прерывать дела, что соответствует резолюции кесаря. Запаситесь терпением, а чтоб не было скучно, можете осмотреть разные достопримечательности.

Т о л с т о й. Воспользуюсь вашим советом, граф. В случае чего, мы в гостинице "Трех королей". (*Раскланивается и уходит вместе с Румянцевым.*)

Д а у н. Теперь принц обнаружен. Посему, как я должен его трактовать? До сих пор он был государственный арестант, хоть и своею волею. Теперь же не может жить так тесно и дурно. (*К Дольбергу.*) Прошу повеления кесаря увеличить суммы на содержание.

Д о л ь б е р г. Я кесарю доложу.

Ш е н б о р н (*подходит к герцогине*). Простите, герцогиня, но я не пойму вашего поведения. Резидент наш, Плеер, сообщает тайно, что в Петербурге все друзья принца надеются на его невозвращение. Возвращение для него смертельно.

Г е р ц о г и н я. Я это делаю ради детей принца, которых он бросил на произвол судьбы. У меня имеются известия, что принц хочет овладеть престолом и отдать его мимо детей от Шарлотты в руки незаконнорожденного, которого он ждет от этой мужички, переодетой в мужское платье.

З а н а в е с

Сцена 9.

Неаполь. Замок Сент-Эльмо. Толстой и Румянцев сидят за столом.

Р у м я н ц е в. В карты бы поиграть заради скуки, да заклался я.

Т о л с т о й. С которых пор? Ведь я знаю, ты картежник был.

Р у м я н ц е в. Был, Петр Андреевич, до прошлых маневров. Во время маневров слезли с лошадей на привале и полез я в сумку за картами. Чувствую, в сумке что-то другое. Вынув этот предмет, не поверил своим глазам. Оказалось, вместо карт образ Божьей Матери. Это явление образа Пресвятой Богородицы смутило меня до высшей степени, тем более, что хорошо помнил, как собственноручно утром этого дня перед походом положил две колоды карт в свою сумку. Не мудрствуя лукаво принял это за сверхъестественное указание и предупреждение и тут же дал себе клятву более карт в руки не брать.

Т о л с т о й. Ежели б Матерь Божья в нашем деле указание дала нам. Который день ходим к нашему зверю, а обложить как следует не можем. Уж и австрийцы в сумнении. И сегодня день беспутный. Встал рано, пошел гулять, да все думал, что учинить. В Петербурге, али в Москве скорей бы придумалось. Здесь же в Италии думается о ином. Море плещет, пальмы шумят, старики сидят на балконах и смотрят на восходящее солнце. Я Италию шибко люблю и в Италии, может, по-иному жил бы. Меня государь как-то орла пить заставил за то, что при нем на ассамблее слишком Италию хвалил.

Р у м я н ц е в. И я на Италию поглядел. Девки здесь веселые, и кругом все весело, может, от теплого моря. В Женуе порт невелик, а в Венеции по всем улицам вода морская, да на судах ездят во все дома. Никаких лошадей, никаких карет, никакого скота.

Т о л с т о й. Венеция красива. Множество мостов каменных да деревянных. Да церковь там красива святого евангелиста Марка. Четыре лошади над дверьми медные без узд вызолочены. А поставлены в знак венецианской вольности. Мы ж с тобой люди подневольные. Вот не знаю, что сегодняшней почтой государю написать, хоть кое-что и придумал.

Р у м я н ц е в. Европа для проказ место подходящее. В Амстердаме, в доме одном был на ужине с раздетой дочиста прислугой, а здесь, в Неаполе, вечерами веселится множество людей в машкарах, по-славянски, в харях, чтоб никто не узнал. Многие ходят с женами, но также и приезжие иноземцы ходят с девицами и грешат много. *(Смеется.)* Когда сойдутся на площади в машкарах, берут за руки иноземцев приезжих и гуляют с ними, забавляются без стыда. *(Смеется.)*

Т о л с т о й. То-то, Александр Иванович, я тебя сыскать не мог. Уж думал, вновь тебя арестовали, как в Австрии.

Р у м я н ц е в. В Австрии иное. Там генерал Рост взял у меня пасс и не велел никуда выезжать оттого, что я был под именем Галицкий, а прежде числился шведским офицером Любчиковым. Тут же я под своим пассом, русским. Шесть дней меня австрияк под арестом держал, а после выслал. Велел в Баварию на Фезен ехать. Меж тем, как я узнал через подкуп, что царевича в Италию повезли, из Фезена объехал Иншбрук и следил за царевичем до Неаполя, иначе б потеряли.

Т о л с т о й. Нам тут в Европе без подкупу не обойтись. Многие берут. Знать надо лишь, сколько кому. Вот с деньгами туго. Я уж из своих сто шестьдесят червонных дал секретарю Вайнгарду. Но надежду имею, что при благополучном завершении государь вернет. Ныне же дело наше в великом затруднении. Ежели не отчаётся дитя наше протекции, под которой живет, никогда не помыслить ехать..

Входит граф Даун.

Д а у н. Прошу, господа, прощения за задержку, дел иных множество. Бунтовщиков из Венгрии привезли, принимать их надо было.

Т о л с т о й. Наше дело давно кончиться могло, но царевич многими разговорами только время продолжает, а ехать в отечество не хочет, и не думаю, что без крайнего принуждения на то согласится.

Д а у н. Скажу вам по доверенности, я получил от кесаря собственноручное письмо склонять царевича всеми мерами к

возвращению к его величеству русскому императору или к выезду куда ни есть. Кесарь не хочет быть с вами в неприязни.

Т о л с т о й. Выезд куда ни есть быть не должен. Царевич может укрыться во Франции, али в Швеции, али еще где. Посему надобно вашей милости во всех местах трудиться, чтоб ему явно показать, что оружием защищать его не будут, а он все упование в том полагает.

Входит Вайнгард.

В а й н г а р д. Милостивые государи, я имею письмо от принца Алексея отцу своему, его императорскому величеству. *(Передает письмо Толстому.)*

Т о л с т о й. Что в письме?

В а й н г а р д. Пишет, что ехать отказывается и объясняет причины. Вам, господин Толстой, просит объявить, что принять не может по болезни.

Д а у н *(к Толстому)*. Я уж не знаю. Хотел бы спросить вашего мнения, как поступать.

Т о л с т о й. Показать царевичу явно, что цесарь его оружием защищать не будет, да и резерва не имеет. Хоть он в разговорах всегда упоминает, что ему обещана протекция, на которую очень надеется, но цесарь исполнил свое слово. Государь наш, Петр Алексеевич, объявил царевичу свое прощение, заклинаясь Богом, во всех винах его простить, если только с повинной воротится. Следовательно, цесарь уж не должен более его протектовать. Явно, что он по упрямству к отцу ехать не хочет. Следовательно, нет повинности против правды за него вести с Россией войну, будучи притом в войне с двух сторон, с турками и гишпанцами. И ежели до того дойдет, то принужден будет цесарь и против воли выдать его отцу.

Д а у н. Так сурово говорить ему нельзя.

Р у м я н ц е в. Надо отнять у него девку, которую при себе держит. Девка — беглая крепостная, и уж ее-то цесарь протектовать не обязан.

Т о л с т о й. Афросинья беременна четвертым месяцем, и нельзя выразить, как царевич ее любит и какое имеет о ней попечение. Потому надо бы его девкой постращать.

Д а у н. Хотя мне нельзя без указа, однако увидим, что из этого будет. *(К секретарю.)* Велите взять девку.

Т о л с т о й. Господин Вайнгард, я просил бы вас будто за секрет, сказать царевичу все, что мы говорили с графом. Чтоб не надеялся на протекцию цесаря, который оружием защищать его не будет по случаю войны с турками и гишпанцами. Убедите царевича, что цесарская протекция ему не надежна и поступят с ним против его воли.

В а й н г а р д. Будет сделано. *(Уходит.)*

Т о л с т о й. Умный человек.

Д а у н. Он со мной уж давно. С 1681 года, когда мы, будучи на бранденбургской службе вместе участвовали в морском сражении бранденбургского флота против флота Испании.

Т о л с т о й. Надобно, чтоб с трех сторон пришли царевичу противные вести. Во-первых, Вайнгард должен отнять у него надежду на протекцию цесарскую, во-вторых, отнять Афросинью, а в-третьих, я сейчас подумал, каким-то образом дать ему знать, что будто отец приезжает сюда в Италию. Он одного вида отца своего боится.

Солдаты проводят плачущую Афросинью.

А ф р о с и н ь я. Граф, пошто меня от царевича отлучили? Он ныне упалый, больной, мучается. Я ему подмога.

Д а у н. Указ цесарский из Вены. Ты признана беглой крепостной девкой. *(Солдатам.)* Ведите ее ко мне в канцелярию. Я туда иду. *(Афросинью уводят.)*

Т о л с т о й. Поговорите с ней, граф, постражайте и пришлите к нам для разговору.

Д а у н. Так и сделаем. *(Уходит.)*

Р у м я н ц е в. Вишь, какая рыжая. Эк, чертовка. Вот работа для живописца. Вот лицо для сердца и души.

Т о л с т о й. Тебе, Александр Иванович, только бы цветок в петлицу, да кокетством заниматься. А государь на нас надежду имеет.

Р у м я н ц е в. Если уж женщиной овладеем, так государя

не подведем. В каждой военной операции надобно понять, с которой стороны подойти. В 1714 году послал меня государь в Архангельск набрать опытных корабельных мастеров пятьсот человек. Думал, не сумею, однако размыслил и справился. Затем послал меня взять город Каябур в восточной части Ботнического залива. Каябур сдался. Нашел в нем двадцать пушек да две тысячи пятьсот тулупов, которые выслал в Копенгаген, поскольку там тогда государыня пребывала. И повсюду, куда б меня государь ни посылал, велел он генералам, штаб- и обер-офицерам: слушайте во всем капитана Румянцева.

Т о л с т о й. Ну и какую ж ты здесь операцию предложишь, Александр Иванович?

Р у м я н ц е в. Прежде прежнего, Петр Андреевич, надобно взять фортецию, господствующую над местностью, а потом уж идти на общий штурм.

Т о л с т о й. Это значит — женщину?

Р у м я н ц е в. Именно. Благословен и многосчастлив тот человек, которого Бог наделил женой честной.

Т о л с т о й. А что Афросинья Федоровна?

Р у м я н ц е в. Надо сделать хороший подкоп. Жена сия, как открытый город или фортеция с проломом. Надобно взять ее переговорами, подкопом или обманом. Уж в иных случаях не впервой мне было и при мужьях, не запертых под караулом, а свободных. Муж появляется, неприятель отступает. Муж исправляет испорченное, осушает залитое, засыпает ворота. Но только отойдет, как фортеция переходит из рук в руки. Нет в такой фортеции покоя ни днем, ни ночью, только видно, как свои и чужие взад и вперед выходят. Меж нас, офицеров, говорят: ту женитьбу, где муж попадает в крепкую фортецию, можно поместить в послужной список, как военный подвиг, а царевич сидит в слабой фортеции.

Т о л с т о й. Шефилов прислал мне письмо, советуёт, если царевич будет просить жениться, дать согласие. Во-первых, для того, что тем на весь свет покажет — ушел не от какой обиды, только для своей девки, во-вторых, сей женитьбой очень огорчит цесаря, который уж ни в чем ему верить не будет.

Т о л с т о й. Садитесь, Афросинья Федоровна.

А ф р о с и н ь я *(всхлипывая)*. Прынчик не велит мне с вами говорить.

Р у м я н ц е в. О царевиче ты забудь. Царевич от нас не уйдет и за свои измены перед государем ответит. Ты б о себе помнила. Ведь молода еще, замуж пойдешь.

А ф р о с и н ь я. Кроме принцу, никто при моем боке лежать не будет.

Т о л с т о й. Замуж пойдешь, получишь приданое из казны. Ты из какой деревни?

А ф р о с и н ь я *(плачет)*! Ладожские Рядки.

Р у м я н ц е в. Помогите нам, Афросинья Федоровна, получишь себе Ладожские Рядки во владенье. Помещицей станешь. Офицер найдется, женится на тебе. Дворянство получишь для себя и детей своих.

Т о л с т о й. А откажешь нам — на плаху пойдешь. Я сам тебя пытать буду. Руки тебе в хомут, выворотят назад и на них висеть будешь. Да еще встряхивать будут дыбу, что больней костям. Персты твои в тиски класть будем, ручные и ножные, и свинчивать будем. А также наложу на голову веревку и просунув кляп в рот, вертеть будем так, что изумленная станешь. Потом пострижем на голове волосы до тела и на то место будем лить холодную воду, только что почти по капле. Потом зажегши веник огнем, будем водить по спине. Ноздри тебе клещами вырежем. Штемпелями, набитыми железными спицами, на лбу и щеках положим знаки — воровка и натрем раны порохом. Потом али на плаху, али на вечную каторгу.

Р у м я н ц е в. А на протекции цесаря не надейся. Куда тебе, русской девке крепостной надеяться на австрийского цесаря, ежели на него и сам царевич уж надежды не имеет. Ты русская, должна на русского государя надеяться. Император Петр Алексеевич, к врагам и изменникам жесток, но человек он добрый, набожный, знает, что есть соблазн, что есть грех, а что есть раскаяние.

А ф р о с и н ь я *(тихо)*. Я чревата от принца.

Т о л с т о й. Знаем и помощь тебе подадим. Я в Берлине для тебя дом сниму. Жить там будешь, пока мы с царевичем управимся.

А ф р о с и н ь я. Рожать-то где буду?

Т о л с т о й. Это поглядим. Может, еще и простит Петр Алексеевич царевича да разрешит вам обвенчаться. Все в руках государя. Только сейчас помощи нам.

А ф р о с и н ь я. Чего вы хотите?

Т о л с т о й. Перво — о письмах. Кому писал ли из русских и иноземцев и сколько раз. О ком добрые речи говорил и на кого надежду имел. Из сенаторов и архириеев кого хвалил. Драл ли какие письма? *(Входит Вайнгард и что-то шепчет на ухо Толстому)*. Иди, Афросинья Федоровна, и решай, куда тебе далее, али в помещицы, али в колодницы. *(Солдаты уводят Афросинью. Толстой читает поданную Вайнгардом записку)*. "Петр Андреевич, буде возможно, побывай у меня один. И письмо, что ты сказывал вчера Вайнгарду от батюшки получил, с собой возьми. Понеже самую надежду имею с тобой наедине говорить, что не без пользы будет. Алексей".

Р у м я н ц е в *(крестится)*. Слава, Господи, помог.

Т о л с т о й. Ты, Александр Иванович, иди в гостиницу, но никуда не отлучайся.

Р у м я н ц е в *(крестится)*. Слава Пресвятой Богородице, вняла нашим молитвам. *(Уходит)*.

Т о л с т о й *(Вайнгарду)*. Пусть царевич явится. Я его жду один.

В а й н г а р д. По инструкции и я должен присутствовать.

Т о л с т о й. Ну, присутствуй, присутствуй. К ста шестидесяти золотым червонным получишь еще награду. *(Вайнгард уходит. Толстой прогуливается по комнате, заложив руки за спину, насвистывает и напевает.)* Снежки белые, пушисты покрывали все поля, а туманно красно солнышко, туманно...

Входит Вайнгард.

В а й н г а р д. Его величество сейчас изволит явиться.

Т о л с т о й *(напевает)*. А туманно красно солнышко, туманно... *(говорит.)* Сделаем дело, получишь золотую табакерку в шестьдесят дукатов.

В а й н г а р д. Благодарю вас, буду стараться.

Т о л с т о й. Снежки белые пушисты... Вы, Вайнгард, довольны, что служите в Италии?

В а й н г а р д. Изрядно доволен.

Т о л с т о й. Да, Италия хороша. Здесь и крестьяне поиному живут. Мебель простая, но много посуды, одежда чистая.

На женщинах и мужчинах, даже и крестьянах, шляпы... А как вспомнишь наши мерзкие деревни... Мужики бедные от пьянства, стриженный сухой сад, пруд с карасями, дома без полов, без окон и с течью. *(Напевает.)* Снеги белые пушистые покрывали все поля... Вот снеги у нас верно пушисты. И пляшут у нас красиво. Итальянские танцы не зело стройны. Скачут один против другого, а за руки не берутся. Но живут всегда во всяком покое, без страха и обиды и без тягостных податей.

В а й н г а р д. Они, ваше превосходительство, жизнью своей недовольны. Все бунтуют.

Т о л с т о й. Это слава Богу. *(Напевает.)* Туманно красно солнышко, туманно... Поехал я здесь до того места, где в древние лета был город, который называется Кантель ди Бия. Тот город был в области Нерон-мучителя. Тут божница поганных богов построена при проклятом мучителе христиан, поганных меркуриев, за что вместе с ними Нерон в пекле. Боишься пекла, Вайнгард?

В а й н г а р д. Об аде, ваше превосходительство, пусть умирающие беспокоятся, а мы пока не собираемся туда.

Т о л с т о й. У вас в католичестве проще, чем в православии. Ваш заступник перед Богом — Папа Римский, а наша заступница — Матерь Божья. До вашего заступника в карете можно доехать, а к нашей заступнице поди на небо доберись. *(Напевает.)* Снеги белые пушисты покрывали все поля... В соборе святого евангелиста Марка видывал я власы Богородицы русы, да гвоздь, которым было пробито тело Спасителя, Бога нашего, да часть столба, у которого нашего Творца бичевали... Стоял, глядел и утирал слезы.

Торопливо, нетвердой походкой входит Алексей, ссутулившийся, бледный, с беспокойно бегающими глазами. Замечает Толстого, протягивает к нему руки.

А л е к с е й. Милостивейший Петр Андреевич!

Т о л с т о й. Ваше величество, рад видеть вас вновь в добром здравии.

А л е к с е й. Да, да, Петр Андреевич, я несколько занемог, но уже много лучше. *(Оглядывается на Вайнгарда.)* Хотите ли сюда, Петр Андреевич, хотите ли к сему столцу у окошка, чтоб нам не мешали.

Т о л с т о й. С радостью, с радостью, Алексей Петрович.

А л е к с е й. У окошка, Петр Андреевич, мы с вами сможем тихо и тайно поговорить. *(Шепчет что-то на ухо Толстому, долго и горячо. Толстой слушает, иногда кивает, иногда шепчет что-то в ответ. Вдруг Алексей громко вскрикивает и отбегает в сторону.)*

Т о л с т о й. Не думай, Алексей Петрович, что Толстой супостат и только. Я вижу страхи твои, я понимаю мучение твое и любовь твою. Потому и поспешил, едва получил письмо государево.

А л е к с е й *(испуганно)*. Где письмо?

Т о л с т о й. Письмо у меня в бумагах. Я его не захватил по спешке. Но подумай сам, кто может запретить видеть тебя. Его величество не оставил намерений достать тебя оружием и войска свои держит в Польше для расположения на зимние квартиры в Силезии. Сам же намерен поехать в Италию. Не думай, что тому нельзя статься. В том нет никакой трудности. Нужно только изволение государя. Тебе самому известно, что его величество в Италию давно ехать намерен, а теперь, для сего случая всеконечно скоро поедет.

А л е к с е й *(в страхе)*. Я поеду к отцу с условием, чтобы назначено мне было жить в деревне и чтоб Афросиньи у меня не отнимать. Приходи завтра с Румянцевым. Я завтра подлинно вам учиню ответ.

Т о л с т о й. Ваше величество, Алексей Петрович. *(Обнимает Алексея.)* С возвращением вас в отечество. *(Троекрат-*

но целуется с Алексеем.) Относительно вашей женитьбы и жизни в деревнях, то я, со своей стороны, думаю – можно позволить. И так государю доложу. До утра, Алексей Петрович. *(Уходит. Алексей смотрит ему вслед. Затем садится на стул.)*

В а й н г а р д. Кесарь будет рад, что все наконец решилось миром. *(Входит Шенборн.)* Граф, слава Богу, все решилось миром, и принц возвращается в Петербург. Можно послать вперед императорского чиновника, который склонил бы русского императора принять сына своего с отеческой любовью и возратить ему прежнюю милость.

Ш е н б о р н. Вы возвращаетесь, принц?

А л е к с е й *(тихо)*. Да, еду...

Ш е н б о р н. Когда?

А л е к с е й. Завтра... Наверно, завтра... Как они захотят...

Ш е н б о р н. Отчего такая спешка? Окажите мне дружбу, подождите здесь, пока я донесу кесарю и получу ответ.

В а й н г а р д. Ваше сиятельство, но кесарь уже давно дал ответ своей резолюцией.

Ш е н б о р н *(Вайнгарду)*. Господин секретарь, сегодня я в ваших услугах более не нуждаюсь. Вы свободны.

В а й н г а р д. Однако мне надо составить доклад графу Дауну.

Ш е н б о р н. Вы свободны. *(Вайнгард уходит.)* Принц, по каким причинам допустили вы уговорить себя ехать к отцу? Действительно захотели или были принуждены ехать силой? Я знаю, Толстой крутой и грубый человек. *(Алексей молчит.)* Принц, ваше величество, у меня есть секретное донесение от резидента нашего в Петербурге Плеера, и оно подтверждает причины, по которым вы искали нашего покровительства.

А л е к с е й. Что же делать, граф? Мне сообщили, что кесарь не хочет вступать в ссору из-за меня. Если не поеду сам, могут выдать, или батюшка явится сюда с войском.

Ш е н б о р н *(подходит к боковой двери и приглашает войти некого человека)*. Принц, разрешите представить – польский резидент фон Венжик.

Ф о н В е н ж и к. Рад знакомству с наследником русской короны.

Ш е н б о р н. Принц, времени у нас мало. Фон Венжик сейчас едет к Папе Римскому в Ватикан. Он готов вас взять в свою карету.

А л е к с е й *(растерянно)*. Но ведь это открытая измена.

Ш е н б о р н. Кому измена? Вас отец и так уже считает изменником.

А л е к с е й. Но ведь это измена уж не отцу, а вере православной.

Ф о н В е н ж и к. Мы, католики, тоже христиане, а Папа Римский — отец и заступник всему человечеству. При дворе его и беглые магометане находят приют.

Ш е н б о р н. Спешите, принц. Там вы будете в полной безопасности, здесь же безопасность я вам не гарантирую.

А л е к с е й. Но как же? А жена моя?

Ф о н В е н ж и к. Пани можно взять с собой.

Ш е н б о р н. Она здесь. Я освободил ее из-под караула.
(Выходит и возвращается с Афросиньей.)

А л е к с е й *(бросается к Афросинье и обнимает ее)*. Маленька, друг мой.

А ф р о с и н ь я *(плачет)*. Прынчик, батюшка мой.

А л е к с е й. Афросиньюшка, надо идти в карету. Мне да тебе, да Селебену нашему. Едем же, Афросиньюшка. Спасем жизни наши, все иное оставя.

А ф р о с и н ь я. Куда едем, прынчик?

А л е к с е й. В Рим едем, к Папе Римскому. Там мы в безопасности.

А ф р о с и н ь я. Как же к Римскому, прынчик? Ведь мы православные, а Папа Римский враг православия. Ведь сказано у валаамских чудотворцев: либо от Рима, либо от инуда антихрист воспримет власть и будет царем в Ерусалиме.

Ф о н В е н ж и к. Времени мало, принц, решайтесь.

Ш е н б о р н. Принц, в России вас ждет смерть, так пишет наш резидент Плеер.

А л е к с е й. Едешь, Афросиньюшка?

А ф р о с и н ь я *(плачет)*. Я погожу, прынчик. И ты погодил бы. Господин Толстой мне говаривал...

А л е к с е й *(перебивает, кричит)*. Толстой врет! Пес он кровавый! Меня убьют, я знаю. Я отцу не верю и Толстому

не верю. Я еду, Афросиньюшка. Едешь ли?

А ф р о с и н ь я *(плачет)*. Я погожу.

А л е к с е й *(плачет)*. Прощай, голубка. Селебена нашего береги.

А ф р о с и н ь я *(плачет)*. Друг мой сердешный, отлучают нас. *(Целуются.)* Жить там как будешь, один, среди католических монахов, среди иезуитства.

Ш е н б о р н. Пора, принц. Опасно ждать.

А ф р о с и н ь я *(плачет)*. Поезжай с Богом. *(Крестит его.)*

Алексей плача уходит с фон Венжиком.

З а н а в е с

Сцена 10

Неаполь. Замок Сент-Эльмо. Утро.

Р у м я н ц е в *(весело говорит Толстому)*. Было дело под Нарвой. Сказали в лагере, что Румянцев убит. Весь полк прибежал в отчаяньи, и, узнав, что убит майор фон Газенхорн, иные сказали: ну, туда немцу и дорога. Я стал было их за то бранить, но гренадеры отвечали: майоров много, можно и нажать, а тебя, отца нашего, Бог одного создал. Любили меня солдаты.

Т о л с т о й *(с беспокойством)*. Что-то долго принц не идет.

Р у м я н ц е в. Проспал, видать.

Т о л с т о й. Цесаря в посредство примирения допустить не безопасно. Бог ведает, какие кондиции он будет предлагать. Притом, между государем и сыном его какое может быть посредство? Это будет не посредство, а скорей насильство.

Р у м я н ц е в. Экипаж я нанял не слишком хороший. Какой под руку попался. Тряский.

Т о л с т о й. Не беда. Лишь бы царевича отсюда вывезти. Ехать будем кратким путем, через Рим, Венецию и Вену. И далее в Моравию. Однако без всяких аудиенций в Вене у императора или у иного кого. Боюсь, чтоб какой-нибудь дьявол не испугал царевича и не отменил его намерения. Хочу просить государя держать в секрете весть о возвращении сына, пока не приедем в Ригу, иначе небезопасно будет в пути.

Р у м я н ц е в. Для того необходимо дать повеление начальникам войск, расположенных в тех местах, где будет проезжать царевич, чтоб они по нашему требованию дали команду, какая понадобится. А как с девкой?

Т о л с т о й. Девку отправим в Берлин. Но не долго чтоб она там была. Нельзя допустить, чтоб она рожала не в России, чтоб живой наследник царя остался здесь.

Торопливо входит Вайнгард.

В а й н г а р д. Господа, принца нигде нет.

Т о л с т о й *(в отчаянье)*. Бежал! Пропала моя голова!
(Хватается руками за голову).

Р у м я н ц е в *(кричит)*. Девка где?!

В а й н г а р д. Девка здесь.

Т о л с т о й. Девку сюда давай. *(Входит Шенборн.)* Граф где наш русский наследник престола?

Ш е н б о р н. Я, господин Толстой, не русский, а австрийский вице-канцлер.

Входят Дольберг и Даун.

Т о л с т о й *(кричит)*. Его величество это за великую неприязнь примет и станет жаловаться всему свету о такой наглой обиде.

Ш е н б о р н. Господин Толстой, вы находитесь на кесарьской территории и не смеете подписывать законов его величеству.

Д о л ь б е р г. Дай Бог, чтоб принц не изменил своего намерения возвратиться к отцу.

Т о л с т о й. Уж изменил.

Д о л ь б е р г. Которым образом?

Т о л с т о й (*кричит*). Вам лучше знать, которым! Бежал царевич. Не сам бежал, помогли бежать.

Вайнгард вводит испуганную Афросинью. Толстой подбегает к ней и начинает ее трясти.

Т о л с т о й (*кричит*). Где царевич?! Куда бежал?!

А ф р о с и н ь я (*плачет*). Отъехал к Папе Римскому.

Т о л с т о й. На дыбе висеть будешь, девка!

Ш е н б о р н. Господин Толстой, поведение ваше, вероятно, не заслужит одобрения его величества русского императора. Вы потеряли всякое уважение к себе и к нам.

Т о л с т о й. Я требую немедленно послать вдогонку значительный отряд. У нас нет никаких связей с Папой Римским, и требовать выдачи царевича должен цесарь.

Ш е н б о р н. Папа Римский австрийскому императору не подчинен, а вторгнуться туда войсками мы не можем и не хотим.

Д о л ь б е р г (*примирительно*). Его величеством кесарем сделано все, что предписывало великодушие, честь и родство. Царевич все это сам устранил и отвергнул. Продолжать ему покровительствовать при непостоянстве его и угрожающей от силы русского императора опасности было безрассудно. Царевич не имеет довольно ума, чтоб ждать от него какой-либо пользы.

Ш е н б о р н. Однако такое пренебрежение учтивостью, какое показывает господин Толстой, в отношениях между народами, особливо между связанными родством принципалами, терпеть не надлежало бы.

Входит Алексей в мокром дорожном платье.

В а й н г а р д (*радостно*). Их величество вернулось.

А ф р о с и н ь я (*радостно*). Он ко мне воротился. Это я

его удержала. *(Плача бросается к Алексею. Они обнимаются и целуются.)*

Т о л с т о й *(снимает парик и утирает им вспотевшую лысину и лицо)*. Уф, жарко мне.

Р у м я н ц е в *(крестится)*. Помогла заступница.

Т о л с т о й *(Алексею)*. Чего просишь у государя?

А л е к с е й. Жизни и милости.

Т о л с т о й. Сей час, без промедления пойдешь с нами в гостиницу "Трех королей", а оттуда в карете выезжаем в Россию.

Ш е н б о р н. Мы хотели бы слышать публично, что принц действительно возвращается добровольно.

Т о л с т о й *(Алексею)*. Прошу вас, ваше величество.

А л е к с е й *(запинаясь, дрожащим глосом)*. Со слезами благодаря и припадая к ногам государя моего, слезно прошу об прощении мне преступлений моих, мне, всяким казням достойного. *(Плачет.)* Полагаю себя на волю государя моего и с присланными от него поеду из Неаполя к государю моему в Санкт-Петербург, как всенижайший раб, недостойный называться сыном. *(Плачет.)*

Т о л с т о й. Я мыслю, господа, более препятствий нет и все, слава Богу, решилось миром.

Д о л ь б е р г. Более никаких препятствий нет.

А л е к с е й *(Толстому)*. Петр Андреевич, прошу дорожную заехать в город Барн, для поклонения мощам святого Николая.

Т о л с т о й. Так и сделаем. И мне святым мощам поклониться надо бы. Афросинья Федоровна поедет за нами не спеша, а потом остановится в Берлине, для разрешения от бремени. Жениться же на ней возможно вам будет, когда в наши края приедете, хоть в Риге, или хотя бы в Курляндии, у племянницы государя в доме, у Анны Иоанновны.

А л е к с е й. Я б скорей хотел, до разрешения от бремени.

Р у м я н ц е в. В чужих краях жениться — большой стыд принесете.

Т о л с т о й. Ежели сомневаетесь, что не позволит, то рассудите, когда государь вам такую большую вину отпустил, а сего малого дела для чего ему не позволить.

А л е к с е й. Быть по сему. Себя и тебя, Афросиньюшка, с маленьким Селебеном вручаю в сохраненье Божье.

Ш е н б о р н. Я, однако, стою на том, что при выезде из наших владений, в Моравии моравский генерал-губернатор граф Колоредо должен спросить принца еще раз, действительно ли он возвращается к отцу в Россию добровольно.

Т о л с т о й. Я никого к царевичу более не допущу. Задержание приму за афронт и арест и извещу о том Вену и Петербург.

Р у м я н ц е в. В случае нужды дорогу к царевичу загорим оружием и в сражении гибель предпочтем с царевичем совместно.

Алексей и Афросинья в сопровождении Румянцева уходят.

Д о л ь б е р г. Эрцгерцог принц Евгений признает за лучшее избавиться от пребывания здесь царевича. Я также такого мнения.

Ш е н б о р н. Не знаю, как вы, господа, но я оскорблен неприличным поступком господина Толстого. Я считаю, надобно каким бы ни было способом, даже силою еще раз видеться с принцем перед выездом его из наших пределов. Если принц захочет ехать далее, дать ему волю. Если же скажет, что изменил свое намерение, остановить его отправление.

Т о л с т о й. Я не понимаю, как можно арестовать нас единственно за то, что царевич не хочет более слушать комплиментов?

Д о л ь б е р г. Вовсе нельзя назвать арестом намерение его величества кесаря изъявить дружбу к его императорскому величеству в лице кронпринца.

Т о л с т о й. Adesso e L'amieitia passata ,questo non puo rastare cosi, et si vedesa cosa che ne sequi-
ga.

(Уходит.)

Ш е н б о р н. Я не силен в итальянском, не все понял. Он, кажется, угрожает нашему кесарю?

В а й н г а р д. Господин Толстой сказал: теперь дружба миновала. Это не может так остаться, и увидим, что последует.

З а н а в е с

Сцена 11

Петербург. Кабак "Царское кружало". Дымно, шумно. За столами народ разного сословия: мещане, посадские, купцы, мужики, монахи. Меж столами снует обслуга, разносят питье и еду. Музыканты играют на скрипках и гусях. В центре кабака висит большой портрет императора Петра. За отдельным стольцом сидят посланник австрийского двора Плеер и князь Михаил Долгорукий. Оба одеты по-мещански.

Музыканты (*поют*).¹. На кабак идет невежа —
тужит-плачет.

С кабака идет невежа —
свищет, гаркает.

Шитый браный положек
чисты звезды.
А высоко изголовье —
подворотье.
Соболино одеяло —
лютые морозы.

Долгорукый (Плееру). Многие, узнав о возвращении царевича, очень обрадовались, но мы, Долгорукие, да и иные, ему благоприятные и близкие, желали, чтоб он остался за границей.

Плеер. Вы опасаетесь за жизнь принца?

Долгорукый. Так думать рисковую. Государь дал клятвенное обещание сохранить царевичу жизнь. Однако вы, господин Плеер, уж более двадцати пяти лет в России живете и не хуже меня знаете наши нравы. Стоит ли дорого здешнее обещание. Меньшиков да Шафиров, да Шереметьев, да Толстой многожды свои клятвы нарушали. В лучшем разе царевича ждет монастырь.

Плеер. Уж столько лет я в России представляю интересы австрийского двора, теперь же требуют моего отозвания за донесения, которые я посылал по делу царевича. Здесь, в России письма иностранцев, даже и дипломатов, вскрываются в почтовых конторах и переводятся на русский язык в канцелярии Шафирова. Меня обвиняют в том, что я советовал кесарю не выдавать царевича отцу его.

Долгорукый. Помещики, духовенство, народ, все было предано царевичу, и все радовались, что он нашел убежище у цесаря. Увидев в окно юного сына царевича, простые люди кланялись ему в землю и говорили: "Благослови, Господи, нашего будущего государя". Народ в сильном волнении. Вот послушайте, только и разговоров, что о государе-царевиче.

Половой приносит Долгорукому и Плееру еду и питье. За соседним столом выпивает и беседует разночинный народ.

Старая мещанка. Как государь с ближними людьми был за морем, ходил он по немецкой земле и пришел в

стекольное царство. А то царство в немецкой земле держала девица, и та девица над государем надругалась, ставила его на горячую сковороду, да сняв его с той сковороды, велела бросить в темницу. И как та девица была именинница, то стали ей говорить ее князья и бояре: пожалуй ради своего дня вынуть государя. Она сказала: подите посмотрите, коль еще жив валяется, я его для вас выпущу. Те, посмотря, сказали: томен, государыня. Ну, коли томен, так вы его выньте. И они, его вынув, отпустили. Пришел он к нашим боярам, а они, перекрестясь, сделали бочку, набив в нее гвоздья, да в тую бочку хотели его, государя, положить. Увидел то стрелец и, прибежав к государю, сказал: царь-государь, изволь встать и выйти. Ничего ты не ведаешь, что над тобой чинится. И он, государь, встал и вышел, а стрелец лег на его место. Пришли бояре, да того стрельца с постели схватя, положили в тое и бросили в море.

П о с а д н и ц а. А куды истинный-то подевалси?

П о с а д н и к. Я по-иному слышал. Наш государь пошел в город Стекло-холм, а там его посадили в заточение. А этот, что ныне царствует, не наш государь Петр Алексеевич. Иной.

П о с а д н и ц а. В книгах пишут, будто осьмой царь — антихрист. А наш — осьмой царь. Да нешто его мать царица? Она еретица была, все девок рожала.

П и с а р ь (пьяно). За такие слова голову долой... Общество слышало внятно произнесенную крупную речь против особы императора.

П е р в ы й м у ж и к. Ты кто?

П и с а р ь. Бунин я. писарь.

П е р в ы й м у ж и к (смеется). Присарь... Ты кого ви- нишь, писарь? Ты не хмель вини, ты огородника вини. Сна- чала огородник берет верх над хмелем, потом хмель берет верх над огородником. *(Поет.)* Эх, сладко попито, поедено, похожено. Вволю корушки без хлебушка погложено. Боси- ком по снегу потоптано, спинушку кнотом побито... *(Гово- рит.)* Эх, пойти бы с алтыном в котомке, да вязовой дубиной за плечами в разбойнички к Афоньке Попугаю.

В т о р о й м у ж и к. Господин писарь, чего на него сер-

чать. Он во хмелю здорлив. Выпил винца денег на шесть, а по крепости и дешевизне пенника достаточно учиниться шумным.

Первый мужик. Эх, пенник, утешитель русского человека. И стоит дешево, две деньги. А подымные берут алтын с дыма, с погребов да бань по рублю.

Третий мужик. Соль надо бы вольно продавать. В деревнях соль редка. Выше рубля за пуд. Едят без соли, цинжуют и умирают.

Посадница. Роды царские пошли неистовые. Государь с простой шведкой живет, из шведского королевства не выходит. А свою царицу послал в Суздаль с одной только постельницею, в худой карете, на худых лошадях.

Второй помещанка. А что государь лучше жалует иноземцев и добрее до них, нежели до русских, то верно. А довелось мне об этом слышать у городи Архангельского от немца Матиса. Прихаживали к Матису иноземцы и разговаривали то по-немецки, то по-русски: дурак-де русак, не ваш-де государь, а наш. Вам, русским, нет до него дела.

Посадник. Государь немца любит, а царевич немца не любит. Приходил к нему немчина и говорил неведомо какие слова. И царевич за то на нем одежду сжег и его опалил до тела.

Второй помещанин. Слышал, пришли к Кроншлоту царских и шведских девяносто кораблей и просят у его царского величества бою. А буде бою не будет, так чтоб отдал назад царевича. А буде его не отдаст, чтоб отдал изменников, которые его украли.

Первая помещанка *(вздыхает)*. Стало быть, опять война да стражение будет?

Второй помещанин. Ничего не сделаешь. Сам я читать не могу, но грамотей один мне сказывал: была ведомость, шведский флот уж к берегу лифляндскому пристал да транспортировал людей на берег. Велико-то будет худо, если правда. Требуют в цари наследника Алексея Петровича. Государь Петр Алексеевич вроде бы согласен, да у нас в Петербурге не согласен на то Меньшиков с сенаторами. И

войска наши далеко главные. Они друг на друга сердитые, помогать не станут. Великую беду шведы починить могут.

П е р в ы й м у ж и к. Не все то перенять, что по Волге плывет. Много брешут. Мы ж сами и придумываем.

П о с а д н и к. А что сами, мы люди простые, что видим — тем и бредим. Вот царицу свою оставил, а иную поял.

П и с а р ь Б у н и н (*ньяно*). Гляди... Ты к поношению чести высоких особ клонишься... Свяжуть...

С т а р о в е р. Меня-то ладно или его... А ежели он законного наследника русского престола на чепь посадил. Стрельцов всех переказнил за то, что они его еретичества знали. Навешал стрельцов, как полтей, скоро солить будет.

С т а р и к. Дураки вы, блядские дети, что за свои головы не умеете стоять. Когда бунтовал Разин, я ходил с ним. Я еще по старости тряхну. (*К собутельнику.*) Ты, казак, с какой реки?

К а з а к. Молодцы наши с Дона. Пойдем хоть половиной реки, а Москву возьмем, Петербург разорим, да немцев будем рубать и сажать в воду.

А с т р а х а н е ц. Эх, тогда б вам, казакам, с Дона и Терека, как мы в Астрахани поднялись, нас подпереть. Шли б мы до самой до столицы, до родины его до немецкой, до немецкой слободы, да корень бы весь вывели.

С т а р о в е р. Нам, староверам, велел шапки с рогами носить да кафтаны с козырем на спине. Вот и хоронимся за Соликамском на реке Тагиле. С Керженца бежали. Строим скиты в лесах, гонимы от еретичной веры.

К а з а к. Сказывают, царя дважды хотели убить, да не убьют. Нечистые духи ему помогают.

А с т р а х а н е ц. Против нечистых духов есть святой крест, а против злодея есть литой нож.

С т а р и к - с т р е л е ц. Мы, стрельцы — христиане, а солдаты — басурмане. Первым нам на кол должен попасть царь, потом его сворня. Выбил нас в дождь и слякоть. Чем на Тереке татар рубать, лучше нам в Москве да Петербурге бояр рубать. Не одни стрельцы пропадю плачут на царские семена. Вона он, бесовский-то образ. (*Показывает на порт-*

рет Петра). Тьфу! (Плюет.)

С т а р а я м е щ а н к а. Не в царя дело-то, в боярах. Государя у нас бояре изведут, а посла и царицу всеконечно изведут. Великий же князь мал. Стоять некому. И будет у нас великое смятение.

С т а р о в е р. У нас законный наследник имеется, Алексей Петрович, народный заступник.

С т а р а я м е щ а н к а. А он немощствует. Сказывали мне-то проезжие молебщики, в Риге его видали.

П е р в ы й м у ж и к. Все-то ты врешь, что государь немощствует... Пускай его умрет. Государь ведь не бессмертен, воля Божия придет, умрет. А уже тогда-то царицу я за себя возьму. *(Смеется.)*

С т а р а я м е щ а н к а. Дурак ты, дурак, сам-то ты все врешь...

П е р в ы й м у ж и к. А что за беда. И государь Петр Алексеевич врет.

П и с а р ь Б у н и н. За многие злые слова, касающиеся до превысокой чести его величества...

П е р в ы й м у ж и к. Гляди, присарь, на доносчика первый кнут.

С т а р а я м е щ а н к а. Сказывают, бояре хотят всю царскую фамилию извести, а Россию разделить на четыре четверти. Разве же государь толщину убавит, сиречь бояр, то, пожалуй, не лучше ли будет. А то много при нем толщины, и изведут его свои.

П и с а р ь Б у н и н. Поубавить толстых, гворишь? Эй, баба, не намек ли на Петра Андреевича Толстого, первенствующего члена его величества Тайной канцелярии? Гляди, как бы тебя за такое не сожгли.

П е р в ы й м у ж и к. Пей, присарь, угощайся. *(Наливает ему. Вместе выпивают. Мужик запеваёт, писарь подхватывает.)*

Как и стал Ваня говорить жене:

Тыними с меня шелков пояс

С позолоченым на нем ключиком.

Отпри жена кован сундук.

Уж ты вынь отоль золотой казны,
Ты дари, жена, молодого палача,
Чтоб молодой палач легче наказывал.

К у п е ц (*второму купцу*). Как перевел государь торговлю с Белого моря на Балтийское, так русское купечество в разорении.

В т о р о й к у п е ц. Однако, Петербург взял верх над Архангельском.

П е р в ы й к у п е ц. Петербург-то вверх, да мы-то вниз. Вельможи и боярство не ставят купечество ни в яичную скорлупу. Все указы, да выемки, да запреты. Без клейма фискала своим товаром располагать не можем. Да все: тем не торговать, с тем не торговать. В Хиву свинец да порох не продавай, железными гвоздями да скобами не торгуй, полы портят, русским платьем не торгую под угрозой ссылки. Всюду образцы, чучела повесили, чтоб русского человека в венгерский кафтан вырядить да с кудрями. Кто такое платье выдумал, чтоб самого того повесили, брадобрейца. Ты за свою бороду сколько платишь?

В т о р о й к у п е ц. Шестьдесят рублей в год.

П е р в ы й к у п е ц. Что так дешево? Я сто плачу.

В т о р о й к у п е ц. У тебя борода купеческая, а у меня рядовая торговая. (*К второму крестьянину.*) Ты, мужик, за свою бороду сколько платишь?

В т о р о й м у ж и к. Мы бороду даром носим. Только при въезде в город да при выезде из города по копейке платим.

П е р в ы й м у ж и к. Зелено вино, да закусочка слегка спотухла... За что ж копейку-то платить?.. Все неправда... По казенному расчету у нас двory лучший, середний и молодой. Да молодой платит больше лучшего.

В т о р о й м у ж и к. Мы люди приборные, а двory расписали по неприборным, которые и бороны-то не видели.

Т р е т ь и й м у ж и к (*стараясь перекричать*). Имеем пятьдесят восемь десятин ржаной пашни. У меня отцина да у него отцина... Шабры мы...

В т о р о й м у ж и к. Шабры-то, шабры... А суседи? А подсуседники? Да все на одно ржаное поле.

Т р е т и й м у ж и к (*кричит*). Различать надобно пашни, которые в тягле, или в диком поле. Которая пашня окладная, которая не окладная.

В т о р о й м у ж и к. Пожиточные крестьяне-горланы с себя убавили. Стали жить с полвыти. На средних переключали. А те свои доли на младших переключали, сами же пашни пахут на пустошах.

Т р е т и й м у ж и к (*кричит*). Платить надобно с живота!

П е р в ы й м у ж и к. Если нынешний царь Петр станет долго жить, он нас всех переведет. И как его еще никто не убил. Едет рано и поздно по ночам, малолюдством.

В т о р о й м у ж и к. Не царь, обморок мирской. Как его Бог нам на царство послал, так и светлы дни не видели. Отдыху нет нашему брату. А сыновей выволок на службу в Балтийский флот.

Т р е т и й м у ж и к. Крестьяне все измучены. Высылают на службу с подводами, да с нас же берут сухари.

Д о л г о р у к и й (*Плееру*). Сколько уж было штрафований, а говоруны не унимаются. Жажда толков и новостей распространяется среди простолюдинов, недовольство повсюду, да кто его подберет? Думали, царевич подберет, но оказался он слаб и труслив.

П л е е р. Да, мы в Европе тоже излишне надеялись на принца Алексея. Слышал я, что он помещен в доме подле дворца государева. Здоров ли?

Д о л г о р у к и й. Носится общая молва, что царевич помешался в уме и пьет безмерно.

П л е е р. Отрекся ли он добровольно?

Д о л г о р у к и й. Царевич был принужден к отречению. Долго жил в Твери, сказавшись больным, и в Москву не ехал. Но принужден был приехать на тайный совет в Москву, где в то время находился двор. Царевич отрекся от престола в большом аудиенц зале кремлевского дворца при

духовенстве, министрах и других высших лицах. Петр объявил, что царевич действовал против славы и чести народа российского. В Кремле при том стояли три батальона лейб-гвардии с заряженными ружьями. Царевич был приведен без шпаги, как арестант. Он упал к ногам Петра, признал себя во всем виновным и со слезами просил прощения и помилования. Петр вышел с ним в ближайшую комнату, и там царевич открыл главных сообщников своих.

П л е р. Напрасно царевич надеется. Не пощадит его царь Петр. Страшный, грубый человек. В нем жестокость русского барина сочетается с грубостью голландского матроса. Только тем от прежних московских деспотов и отличается. Недавно в посольском приказе плюнул в лицо голландскому послу, слова которого показались ему дерзкими. Посла гольштинского двора ударил кулаком по спине.

Д о л г о р у к и й. Тем более нас, русских, не щадит, даже и ближних царедворцев. Меньшикову разбил до крови нос за то, что пошел танцевать, не отстегнув шпаги. Дочери вице-канцлера Шафирова, которая отказалась пить водку, крикнул: "Злая жидовка, я научу тебя слушаться." И надавал пощечин. Старому князю Голицину, который отказался есть огуречный салат, потому что тот полит уксусом, велел уксус насильно влить в рот. Но становится день ото дня невыносимей, и счастлив тот, кто не должен постоянно находиться подле него.

П л е р. Даже и в Турции такого нет. Каково его происхождение? Я слышал разное.

Д о л г о р у к и й. По матери своей — Нарышкиной — считают его чешского происхождения из рода Нарисци. Однако татарин Нарыш из свиты Ивана Грозного более верен. И с отцом не все ясно. Года с три тому назад был я царю собутыльником в доме Тихона Стрешнева. Выпив чрезмерно, Петр указал на Мусина-Пушкина да говорит: "Этот вот знает, по крайней мере, что он сын моего отца, но от кого же я сам? Уж не от тебя ли, Тихон Стрешнев? Ну, говори, не бойся". Да как ухватит Стрешнева за горло: „Говори, не то задую". Стрешнев захрипел да взмолился: "Батюшка, смилуйся. Я не знаю, что тебе сказать". *(Долгорукий и Плеер смеются.)*

В кабаке становится все более шумно. Слышны крики и хохот. Иные уже валяются.

Посадский (*кричит первому мужику*). Ты как крестишься?! Как пальцы слагаешь?

Первый мужик. Как хошь крестись. Я крещусь хоть так, хоть сяк. В том силы нет, хоть кулаком крестись.

Посадский. А вот я тебя кулаком! (*Дерутся. Вокруг подзадоривают дерущихся. Валятся лавки, падает посуда со столов. Сидевший до того молча в дальнем конце кабака человек, который в одиночестве пил водку за отдельным столиком, вскакивает.*)

Габриель (*дрожа от гнева*). Вы ничего не знаете, и у вас все варвары! Собаки! Собаки! Гундсфоты!

Посадский. Это Еремка-немец. Портняжка, пьяница. Ты, Еремка, народу не груби. Народ тебя побьет.

Габриель. Врешь, врешь, собака. Я не есть Еремей, я есть Габриель.

Второй мужик. Православные христиане, вот кого бить надобно, а вы меж собой.

Народ подступает к Габриелю. Тот отбивается.

Габриель (*кричит*). Я вам сделаю, как мой Бог жив, так я вам отомщу. Мужики, свиньи, собаки! Добро, собаки, я вам заплачу!

Габриеля бьют. Подходит Долгорукий.

Долгорукий. Оставьте его.

Первый мужик. Так ведь он, барин, немчин этот, иноземец, нас, русских, всех обозвал смердовичами. Его в острог надобно.

Долгорукий. Я его сам спрошу. Вот, возьми на водку.

Долгорукий дает деньги первому мужику. Народ расходится

по своим местам. Габриель садится за стол Долгорукова и Плеера.

П о с а д с к и й. Я в комедиальной хороmine, в анбаре комедиальном представление видел про дурацких персон. Про Петрушку, про жену Петрушки Маланью Пеллагеевну, про цыгана, про доктора, про квартального, про немца и про собаку. *(Смеется.)*

П о с а д н и ц а. Да еще про арапку и татарина. *(Смеется.)* Изобрази, Терентич, повесели народ.

Т р е т и й м у ж и к. Изобрази. Уважь народ.

П о с а д с к и й *(меняя голос то под немца, то под Петрушку).* Немец! Дойч, черт бы тебя побрал! Как ты сюда попал? Вас? Я, я, я, я... Ты да я, да нас с тобой двое. *(Народ смеется.)* Да ты говори не по-вороньи, а по-ярославски... Вас? Квас... Пошел вон от нас, мы не хотим знать вас. *(Народ смеется.)* Немец ударяет Петрушку палкой. Петрушка немца убивает. *(Народ смеется.)*

П л е е р *(Габриелю).* Вы немец?

Г а б р и е л ь *(утирая слезы и кровь с лица).* Родом я швед. Я из здешних мест, из шведского города Ниешанц. Когда пришли сюда казаки, татары, калмыки, башкиры, кучи пепла остались от красивого города. Жители, которых не зарезали, бежали в Выборг. Моя жена и дети тоже бежали. Кто сам не бежал, тех прогнали. Меня взяли в плен и послали строить Петербург на месте Ниешанца. Не русские мужики, а мы, шведские пленные, строили Петербург. Русские мужики землю копали, а мы прокладывали улицы, мостили их камнем, строили набережные, сажали деревья.

П л е е р. Оттого Петербург не похож на иные русские города. Петербург напоминает Стокгольм.

Г а б р и е л ь. Много шведов умерло от голода и болезней. Я ноги отморозил и грудь простудил. Да нашелся милостивец, купецкий человек, взял меня в приказчики... Не угостите ли водкой? *(Плеер наливает ему. Габриель выпивает.)* Взял да прогнал из-за пьянства моего. Пить здесь привычился, поскольку иного удовольствия не имею. Теперь живу тем, что зарабатываю портняжным делом... Имею просьбу,

господа. Не передадите ли письмо жене моей в Финляндию, в город Сердобол. *(Дрожащими руками достает письмо из бокового кармана)*. Я всегда ношу письмо с собой в ожидании случая. Русские вскрывают письма иноземцев в почтовых конторах. *(Плеер берет письмо.)* Благодарю вас, господа, благодарю. *(Встает, отходит, но затем возвращается и садится.)* Еще хочу спросить, господа: отчего Европа так терпима к московскому рабству? Отчего она не объединится? Христианские государства не должны пропускать русские корабли в море.

П л е е р. Возьмите кошелек. Здесь сто дукатов. *(Протягивает кошелек.)*

Г а б р и е л ь *(берет кошелек)*. Благодарю вас, благодарю. *(Кланяется и уходит.)*

В кабаке входит нищий.

Н и щ и й. Народ русский, кто ваш государь?

В т о р о й м у ж и к. А ты-то кто? Пошто спрашиваешь?

Т р е т и й м у ж и к. Гляди, похож.

В т о р о й м у ж и к. На кого похож? *(К нищему.)*

Ты на кого похож?

Н и щ и й. Водки сперва налей. *(Ему наливают водки, он выпивает.)* Отец мой царь. На царство посадил в грузинской земле. Потом служил в Преображенском полку енералом.

П о с а д с к и й. Да я ж его знаю. Он уже давно ходит. Восемь лет, как осамозбродился и в самозбродстве сжег свой дом.

П е р в ы й м у ж и к *(замахивается на нищего.)* Ах ты, гангрена!

В т о р о й м у ж и к *(удерживает руку первого мужика)*. Погоди, не этот, так иной явится. Слышал я, царевич в Пскове объявился, в Печерском монастыре. Скрывается под личиной монаха. Может, не сегодня, так завтра явится в нищем облике народ русский поднимать.

П о с а д с к и й. Какой это царь. Это турок. Ест говядину

в среду и пятницу и заставляет себе готовить лягушек. Прогнал жену и живет с чужеземкой.

П о с а д с к а я. С ливонской курвой живет. Я слыхивала, он ей при первом свидании дукат заплатил.

П е р в ы й м у ж и к. Встать бы на царя Петра всем народом и возвопить. Хорошо бы за это постоять. Хоть бы и умереть.

В т о р о й м у ж и к. Эх, куда уж там. Народ наш как на конце ножа живет. В какую сторону свалится, в такую и пойдет.

Т р е т ь и й м у ж и к (*пьяный, лежа на земле*). А казамерские татары вместо "ура" "урат" кричат. (*Смеется.*)

Музыканты играют и поют.

М у з ы к а н т ы. Пойду во зеленый сад.

Нащиплю я хмелю ярого.

Накурю вина зеленого.

Напою мужа хмельного.

Положу среди двора.

Обложу его соломою, соломою

гречишною.

Кое-кто подпеваает, кое-кто пускается в пляс.

ЗАНАВЕС

Сцена 12

Петербург. Комнаты фрейлины Марии Гамильтон. Ненастный, дождливый вечер. Мария бледная, с растрепанными волосами лежит на кровати. Рядом с ней сидит ее горничная, Катерина Терновская.

М а р и я. Ох, мочи нет, лихорадит меня, ломает каждую косточку.

К а т е р и н а (*встревоженно*). Может, рудометку позвать, барыня, чтоб рожками из головы руду отметала.

М а р и я (*стонет*). Согрей-ка лучше воды. Да за мужем своим пошли, Саввой Терновским.

К а т е р и н а. Барыня, так ведь муж мой, Савва Терновский, помер уж месяца три тому. Я могу другого моего мужа кликнуть, конюха Василия Семенова.

М а р и я. Кликни, да поскорей. *(Стонет.)*

Входит экономка Анна Кремер с судками и ставит судки на стол.

А н н а. Госпожа, Марья Даниловна, принесла вам из придворной кухни есть и пить.

М а р и я. Есть не хочу. Аппетита не имею. А пить хочу.

А н н а. Вот сбитень малиновый на белом меду. *(Подает сбитень.)*

М а р и я *(жадно пьет)*. За то, что ходите за мной во время моих тяжелых болезней, подарю вам, девки, гостинцев. Тебе, Анна, в награду за службу дам два жемчуги, да серьги с бурмитскими зернами, да чепчик парчевый. Тебе, Катерина, пять яхонтов, да две юбки, коломянковые.

К а т е р и н а. Спаси вас Бог, барыня, за вашу доброту.

А н н а. Благодарю вас, госпожа.

М а р и я. Ты, Анна, сама скоро госпожей станешь. Ты уж государя любимицей сделалась, слыхала я. И государыня к тебе добра. *(К Катерине.)* Пойди, пойди, куда я сказала. *(Катерина уходит.)* О чем же ты, Анна, с государем беседуешь?

А н н а. Государь обещал мне освободить из заточения братьев моих, Готлиба и Манфреда, которые, как и я, под Нарвой в плен взяты.

М а р и я. Обещал — исполнит. Тебя не обманет. Ты красавица, умна, умеешь снискать доверие и держаться при дворе, наконец, ты женщина бесчувствительная... Будешь придворной дамой. Ты, кажись, сегодня приглашена в собрание танцевальное?

А н н а. Приглашена, госпожа.

М а р и я. Мои алмазы одень.

А н н а. Да ведь вы больны, госпожа. Как же пойду?

М а р и я. Ничего, минет. *(Стонет.)*

А н н а. Худо вам, Марья Даниловна?

М а р и я. Месячное у меня не ко времени, да такое сильное.

К а т е р и н а. Барыня, скоро он явится.

А н н а. Госпожа, тут счета пришли. Коровницам за молоко четырнадцать рублей тридцать один грош четыре деньги. Швейке Сигре-Сисель двадцать три рубли восемь грошей и две деньги.

М а р и я. Возьмешь в сундуке, заплатишь. *(Стонет.)* Завтра заплатишь... Иди, иди, на меня не гляди, за мной Катерина ходить будет.

А н н а. Спокойной вам ночи, Марья Даниловна. *(Уходит.)*

М а р и я *(стонет)*. Еле спровадила... Ох, мочи нет... Волнами идет, то отпустит, то приступит. Тело жидкое... Согрей воды, Катерина.

Входит конюх Василий Семенов.

С е м е н о в. Бог помочь, барыня. Звали?

М а р и я *(стонет)*. Звала... Поднеси ему водки, Катерина. *(Поднимается с постели, закутавшись в одеяла, шатаясь идет в другую комнату.)* Ветер-то какой. Быть наводнению. Нева многих погубит. *(Стонет.)* Дверь запири входную... Поди, Семенов, запири дверь на засов. А ты, Катерина Екимовна с Василием здесь побудете... Ежели не кликну. *(Уходит в другую комнату, оставив дверь приоткрытой. Стоны оттуда становятся все сильнее и сильнее, переходят в плач и вой. Возвращается Семенов, заперев дверь.)*

К а т е р и н а *(дрожа прижимается к Семенову)*. Ох, Вася, ох, сдается мне, барыня родинами мучается. *(Из-за дверей особенно сильный крик Марии и следом слышен крик ребенка. Катерина подбегает к приоткрытым дверям. Крик ребенка обрывается, возникает вновь и снова обрывается.)* Ох, Вася, барыня на судно села и сидя младенца опустила в судно. *(Плачет.)* Слышала я, судно стукнуло... Слышала я, младенец вскричал.

С е м е н о в. Тише, Катя, не дрожи ты так.

К а т е р и н а (*плачет*). Как не дрожать... Барыня младенца того руками своими, засунув младенцу тому палец в рот, задавила... Приподняла младенца и придавила... Господи Боже. (*Крестится, плачет. Бежит к двери, кричит.*) Что вы, Мария Даниловна делаете? (*Мария, шатаясь, появляется на пороге с завернутым в кровавое полотенце трупиком.*) Что вы, барыня, сделали?

М а р и я (*тихо, почти шепотом*) Я и сама не знаю.

К а т е р и н а (*плача*). Зачем вы, барыня, младенца придавили?

М а р и я. Молчи. Дьявол ли тебя спрашивает. Возьми, Катерина, с полотенцем, отнеси куда-нибудь и брось.

К а т е р и н а (*плача*). Не смею я этого сделать.

М а р и я. Коль ты не смеешь, то муж твой, Семенов. (*К Семенову.*) Пожалуй, сего мертвого младенца брось куда-нибудь... Да молчите вы... Я вас как нищих разыскала, а вы меня не хотите слушаться.

С е м е н о в. Надо бы в кулек положить. Сделай, Катерина, кулек из салфетки. Ежели барыня добрая, то и прислуга должна подсоблять и удерживаться от извету.

Катерина делает кулек и укладывает туда завернутого в полотенце младенца. Отдает Семенову. Тот выходит.

К а т е р и н а (*плача обнимает за плечи так же плачущую Марию и помогает ей лечь в постель*). Кто был тот младенец?

М а р и я. Мальчик был.

З а н а в е с

Сцена 13

Петербург. Комната фрейлины Марии Гамильтон. Солнечный день. Мария, еще бледная, но нарядно одетая, сидит на диванчике рядом с Орловым. Катерина хлопочет по хозяйству.

М а р и я. Катерина, поди свари кофе, чтоб угостить Ивана Михайловича. (*Катерина уходит.*) Рада я, Иван, что ты при-

ехал. Скучала по тебе. *(Обнимает и целует его.)* Ты уж постарайся, Иван, теперь возле меня побыть.

О р л о в. Это уж как государь посмотрит. Ездил я в Петель по поручению государя, да, может, вскоре в Москву поеду. Знаешь ведь, розыск идет по делу царевича. Наш государь в беспокойстве, а тем паче слуги его. *(Смотрит на Марию.)* Ты, Марьюшка, красива стала, но бледна. *(Целует ее.)*

Слышал я по приезду, что ты чуть было не умерла. Что с тобой сделалось?

М а р и я. Бок у меня болел. Также и месячное пришло. Худо мне было, Ваня. Я уж и мальчика посылала спытать, приехал ли.

О р л о в *(глядя на Марию)*. Вижу, слаба ты стала, Марьюшка.

М а р и я. Малехонько было не уходилась. Вдруг схватило. Сидела я у девок, сиречь у фрейлин, и после насилу привели меня в палату. И месячное вдруг хлынуло из меня ведром.

О р л о в. А ну, поглядь на меня, Марья, поглядь мне в очи. Марья, ходят слухи, что в летнем огороде у фонтана нашли мертвого подкидыша. И говорят иные, что это дитя Гамильтон. Как это на тебя говорят, что ты родила ребенка и убила?

М а р и я *(плачет)*. Для того-то ты пришел, Ваня. Я тебя ждала, а ты пришел не повидать меня, а распытать. Разве бы тебе я не сказала о родах и убийстве? Ведаешь ты и сам, какая большая охотница я до ребят. Разве не могла я содержать в тайне ребенка? Ведь ты ведаешь, меня здесь никто не любит, оттого и брешут.

О р л о в *(вставая с дивана и расхаживая по комнате)*. Я, Марья, напротив, подозреваю, что ты любима слишком многими, более, чем нужно для тебя, а паче для меня. Семен Алебардыев, говорят, да Александр, подьячий, да Семен Маврин жили с тобой в любовной связи, как я. А Родион Кошелев говаривал — она со мной брюхо сделала.

М а р и я. Эх, Ваня, ты же знаешь, какие слухи и сплетни ходят при дворе меж денщиками, фрейлинами, служанками,

дамами придворными... И на тебя говорят, что ты с иными девицами, с фрейлинами и дамами. Они нас ревнуют, Ваня. А с иной стороны, те денщики, пажи и камер-юнкеры, которые за мной хотели волочиться, желают рассорить меня с тобой. А что Кошелев говорил, так я на него челом бить буду, жалобу подам. Кошелев тебе, видать, говаривал, что я ребенка убила?

О р л о в. Не Кошелев. Кошелев, напротив, говаривал, что у тебя от множества сотрудников не могло быть ребят и мертвый подкидыш от прочих фрейлин или дам. Однако иные все же твердят, что найденный при уборке мусора у фонтана ребенок – твой.

М а р и я *(плачет)*. Пусть гром меня поразит, пусть Бог накажет, пусть рука отсохнет, которой крещусь. Я ведь не одна была, как у меня месячное появилось.

О р л о в. Марьюшка, я тебе, может, поверю, одначе в застенке у Толстого божбе не верят. Там дыбе верят да кнуту. Государь вскоре в Москву едет упражняться в гражданских делах, поскольку следствие и суд будут над сыном, да над первой женой, да над сестрами, да над многими вельможами и именитыми женщинами. Оговаривается людей все больше и больше, надзор пытливый за всем и каждым, в онное ужасное время преступление такое, хоть и не политическое, не может остаться в тайне. Потому еще раз спрашиваю тебя, Марья. Скажи без божбы и глядя мне в очи – детоубийца ты, али нет?

М а р и я *(тихо)*. Умилосердья, Ваня, не пытай меня. Я уже не помню, что говорю.

О р л о в *(кричит)*. Проклятая враговка! Я за тебя на дыбе висеть не хочу.

Орлов уходит. Мария валится на диван, охватив голову руками, заливаясь слезами. Входит Катерина с кофием.

К а т е р и н а *(ставит кофий на стол)*. Барыня, видать, вновь повздорили с Иваном Михайловичем. Уж не побил ли он вас, как прежде бивал? *(Мария, не отвечая, продолжает плакать. Катерина вздыхает.)* Видно, правду пишет календарь.

Сей год более к болезням, нежели к здравью склонен, а особливо зима и весна. Спаси и помилуй, Господи Иисусе
(Крестится.)

З а н а в е с

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

КОЛОДНИЧЬИ ПАЛАТЫ

Сцена 14

Москва. Пыточный застенок Преображенской канцелярии. Слышны крики и стоны пытаемых из соседних камер, свист кнутов, звон железа. За столом Петр, Толстой и царевич Алексей, который сидит рядом с отцом. На столе лежит кипа бумаг, приговоры и пыточные записи. Тут же на столе бутылки водки и закуски.

П е т р (к Толстому). Петр Андреевич, уж который приговор смотрю. Пьяным обычаем ты их что ли подписываешь. Из дела не видно, почему этому наказание строже, а тому легче. (Рвет бумагу.) Этот наказан батогами, этот бит кнутом и освобожден, этому вырваны ноздри и сослан на каторгу. А тяжесть преступления, как я вижу, у всех одина. Уложение имеется, а ты судишь по произволу.

Т о л с т о й. Уложение имеется, государь, да не все в нем растолковано. К примеру, можно ли богохульников к исповеди допускать перед смертной казнью? Послал запрос в синод, месяц уж не отвечают. И как, государь, приговор исполнить, со священником али нет?

П е т р. Читай воинский артикул, там указано и по казням и по пыткам.

Т о л с т о й. Читал, государь, да не нашел ничего.

П е т р. Дурно читал. Я сам целую главу написал по пыткам и расспросам с пристрастием. Часть вторая, глава шестая. (К Шапскому.) Феофилакт, Кикин готов к допросу?

Ш а п с к и й. Еще в изумлении, государь. Палач молодой, персты злодея в тиски заклал, да свинтил чрезмерно.

П е т р (*сердито*). Сколько раз говаривал и собственно-ручно показывал, как пытать надобно. Надлежит палачу и судье при пытке быть осторожны, чтоб тело, которое пытают, истязанием не озлобить и сделать нечувствительным. Ты, Феофилакт, мне розыск портишь. Розыск мне надобно с Кикина начинать. (*К Толстому.*) Что имеется помимо розыска заговорщиков?

Т о л с т о й. Всякое, государь. Разбойников взяли. Али монаха-книгописца. В нарушение указа писал, запершись, имел в келье бумагу и книг множество. Ходил по торгам, читал книги мужикам.

П е т р. Как звать книгописца?

Т о л с т о й. Селивестр Книги, которые он в келье содержал, в синод отправлены. Феофан Прокопович смотрел. Тридцать четыре из них отданы в духовную академию, пятьдесят четыре в университет, сто шесть сожжено.

П е т р. Пришли монаха, посмотрю на него.

Т о л с т о й (*палачам*). Монаха-книгописца сюда.

А л е к с е й (*дрожащей рукой наливает в стакан водки, выпивает*). Книги смутить могут, особливо людей слабых... И меня книги смутили... Да Бог помог, батюшка-государь мой, Бог помог... Надо бы лишь Афросиньюшке моей в Берлин пасс, не мешкая, отправить, чтоб получа онный, не мешкая, ко мне ехала с новорожденным. Петр Андреевич, я ей письмо хочу написать, что уж все позади. Меня ото всего уволили, и батюшка-государь милость проявил, чтоб нам с Афросиньюшкой позволено было жить в деревне. (*Снова дрожащей рукой наливает стакан и выпивает.*)

Т о л с т о й. Напишите, напишите, царевич, ваше величество. Да еще напишите, чтоб не верила до своего приезда ведомостям о вас, а верила только письмам вашим, понеже в немецких ведомостях много неправды пишут.

А л е к с е й. Напишу, Петр Андреевич, напишу, как вы советуете.

Т о л с т о й. А я от себя напишу Афросинье Федоровне, что ждем ее в своем отечестве. Дай Боже, государыню, Афросинью Федоровну, нам купно при вас, государь-царевич, видеть.

П е т р. Вот иные говорят, что ты, Алексей, с сей бездельной работной девкой жил незаконно еще при жене своей, принцессе Шарлотте.

А л е к с е й. Лгут на меня, государь-батюшка. Лгут. *(Снова наливает стакан.)*

П е т р *(отнимает у Алексея стакан)*. Вечером напьешься. Сейчас тебе свидетелем быть друзьям твоим — заговорщикам.

А л е к с е й. Соблазнительям и губителям моим. Они моей жизнью играли, заради своего честолюбия. Вот Петр Андреевич мне верит.

П е т р *(усмехнувшись)*. Ну и выбрал же ты себе зон, заступника.

Т о л с т о й. Вы, государь, ко мне несправедливы. Аль не верите мне?

П е т р *(хлопает Толстого ладонью по лысине)*. Эх, голова, голова, кабы не была так умна, не держаться б тебе на шее.

Т о л с т о й. Не сомневайтесь, государь, голова моя крепко на шее держится и вам верна.

П е т р. Помню, помню, как ты в стрелецком бунте против меня шел. Однако ныне заслуги твои, верно, велики. И думаю, я тебя в графское звание возвести, да деревень, у заговорщиков конфискованных, подарить.

Т о л с т о й. Нижайше кланяюсь, государь. У Авраама Лопухина в Мещере деревни хороши, да в Тульской губернии Ясная Поляна.

П е т р. Дарю тебе. Станешь графом Толстым из Ясной Поляны, и дети, и внуки, и правнуки твои будут графья Толстые.

Вводят Селивестра. Ряса его разорвана, руки связаны, на лице запекшаяся кровь.

П е т р. Ты кто?

С е л и в е с т р. Книгописец, государь.

П е т р. Тебе известен указ, что писать, запершись, вос-

прещено, дабы не распространялись подметные письма. И без разрешения лицам не государственного звания бумагу иметь воспрещено.

С е л и в е с т р. Я, государь, к подметным письмам интереса не имею. Более читал книги духовные и много уведал от сых светлых писаний.

П е т р. Ты Нестора читал?

С е л и в е с т р. Читал. Да и записал кое-что из Нестора на поллиста.

П е т р. И я молодым читал, да писал. Вот ныне времени читать и писать духовное не имю. А у тебя время имеется, да не то пишешь, не то читаешь. Ходишь по торгам и мужику книжки читаешь. Служить надобно новой России, а не мужику ленивому, который на соломе валяется да на солнце греется. Ежели ты публицист, то и пиши для государя, для отечества, поскольку публицист есть доноситель государю. Вот публицист Посошков, крестьянский сын, верно пишет мне, что надобно из мужика да посадского делать среднего чина людей, без коей новой России не устоять перед Европою. У нас для дела людей не хватает, а густая масса людей лишних... Работают не в пользу отечества и государя. Поди, книгописец, подумай о словах моих.

Т о л с т о й. Так куда его, государь? Я уж присудил его к отсечению головы за писание книг.

П е т р. Слышал ведь, я его думать послал. Чем же он думать будет? Возьми у него подписку о неразглашении, раз уж он побывал у тебя в гостях. *(К Селивестру.)* Дашь расписку: ежели я впредь какие непристойные слова буду говорить али писать, то по учинению жестокого наказания сослан буду на каторгу, на вечную работу, или учинена мне будет смертная казнь.

Слышны новые стоны и крики. Шапский пронесит горящий веник. Слышен крик, вой, стон, и два палача проволакивают под руки пытаемого.

П е т р. Запомнил, книгописец, смысл поучения моего?

С е л и в е с т р . . Не хуже поучений Эзопуса, государь.
(Застеночный подъячий протягивает ему бумагу. Селивестр

расписывается на ней дрожащей рукой.) Известно вашему величеству онное дерзновенное состояние, слабость необузданного языка, который иногда с разумом не согласуется.

П е т р . Куда пойдешь ныне, книгописец.

С е л и в е с т р . Ежи позвольте, в Киев на богомолье.

П е т р . Нет, в Киев не пойдешь. Выпишем-ка мы тебе прогонные, да поезжай-ка ты за караулом в ссылку, в архангелогорскую провинцию, на Пусто-озеро. А вовсе по такому делу освобождать нельзя. Оттого в народе зловредье будет. (Селивестра уводят.) Если б, Толстой, мы лучше за людьми надзор имели, да больше поучали, меньше пришлось бы кнут мочалить, да топор тупить. Вот вчера вечером подали мне обстоятельную записку. Верный мой человек узнал об одном тайном сходбище, разведал о людях, составляющих общество. Я вечером перед сном прочитал донос и пометил крестиками, кого первоочередно брать. (Петр роется в кармане сюртука.) Куда ж бумага подевалась? (Начинает сердиться.) Помню, уложил донос в карман. Кто меня вчера раздевал? Кто дежурил? Поспелов, кто вчера дежурил?

П о с п е л о в . Орлов, государь.

П е т р . Именно, Орлов. Немедля позвать.

П о с п е л о в . Здесь его нет, государь.

П е т р (гневно). Разыскать гуляку. Не впервой, едва засну, как он с дневальства отправляется к приятелям и гуляет всю ночь. Уж ныне я его проучу, уж за бумагу сполна спрошу. Помню, велел сюртук с бумагой в кармане мне под подушку покласть, а проснулся — сюртук на стуле.

Ш а п с к и й . Государь, Кикин от изумления в ум пришел.

П е т р . Давай к допросу. (К Толстому.) Особ, которые к пытке приводятся, надобно по разному рассмотреть. Твердых, бесстыдных и худых людей надобно пытать жесточее. Те же, кто деликатного тела и честные суть люди, легче. И буде такой пытки довольно, то не надлежит судье его приводить к большому истязанию.

Вводят Кикина. Он неузнаваем. С почерневшим лицом, с всклокоченными, слипшимися от крови волосами.

Т о л с т о й (к Шапскому) Что говорил?

Ш а п с к и й. На огне говорил то же, что и на духу.

К и к и н (с трудом шевеля губами). Взят ли князь Михайло Долгорукий?

Т о л с т о й. Ты за себя будь в ответе.

К и к и н. Нас истяжут, а Долгоруких царевич ради фамилии закрыл.

А л е к с е й. Ты, Кикин, не вертись. А кто мне советовал, что клубок не гвоздем будет пробит и мочно его снять?

К и к и н. Сего не говаривал.

А л е к с е й. Врешь — говаривал. Меня против батюшки-государя подбивал... Говаривал... А?.. Врешь... Говаривал...

К и к и н. Я говаривал, мне к тебе часто ездить невозможно. От двора батюшки в том на меня подозрение. Говаривал мне царевич, когда Бог изволит, что будет монархом, тогда меня чести удовольствует. Я же отвечал: служил и служу государю Петру Алексеичу. Царевичу говаривал: отец ваш не хочет, чтоб вы были наследником одним именем, но самим делом.

А л е к с е й. Врешь, Кикин... Петр Алексеич, пытаться его надобно до трех раз, чтоб правду говорил... Горячими угольями пытаться...

Т о л с т о й. Успокойтесь, царевич. Правду он скажет. Кикин, какой ради причины так давно зачато думать, чтоб уехать царевичу от отечества.

К и к и н. Как могу памятовать о том, доношу истинно. Когда повелено ехать царевичу в немецкие земли, тогда мне он говаривал, что рад той посылке. Я спросил: для чего рад? Сказал, что будет жить там, как хочет.

П е т р. А к венскому двору ездил ли ты, чтоб царевичу путь показать? Про Францию не советовал ли, чтоб идти в то время во Францию?

К и к и н. То явная немилость. Про Францию говорил я слова царевича, который неоднократно сетовал: напрасно-де я сюда приехал, сиречь в Россию назад. А что клубок не

прибит, не говаривал. Перед отъездом был царевич у меня на квартире и, выпив водки, пошел от меня. А мне приказал, чтоб не ходил к нему на квартиру. То знатно, для своей девки сделал. Царевич ко мне давно начал быть немилостив. А ежели мне готовить царевичу место в Вене, то сие было бы глупее всякого скота.

А л е к с е й (*кричит*). Батюшка-государы! Кикин мне говаривал, что есть замешание в армии, которое обретается в Маклебургской земле, а именно, в гвардии, где большая часть шляхты. Что б вас, государь, говорит, убить, а царицу сослать.

К и к и н. Какую мне на царевича надежду полагать? А что ему на меня по немилости своей говорить, тому есть явные причины. Первое, что я от него задолгое время отстал. Второе, за доношение мое на него Петру Андреевичу. Ежели б он был надобен, я б на него не доносил. Что поздно повинную свою написал, только в том виноват.

Вводят слуг, Ивана Большого Афанасьева, Ивана Малого Афанасьева и Якова Носова. Все со следами пыток, в рваных лохмотьях, в ручных и ножных кандалах.

Т о л с т о й. Иван Большой Афанасьев, что сказывал тебе царевич про свой отъезд?

И в а н Б о л ь ш о й. Велел мне убрать, что с ним надобно в путь против прежнего, да стал плакать: как мне оставить Афросинью и где ей быть. Не скажешь ли кому, что буду говорить. Я-де не к батюшке поеду, а к цесарю или в Рим. Только-де у меня про это ты знаешь, да Кикин. Для меня он в Вену проведовать поехал.

Т о л с т о й. Кикин, верно ли Иван Афанасьев говорит?

К и к и н. Врет, лакей. Я еще до отъезда государева в Амстердам доносил государыне-императрице, и если б в то время по тому моему доношению повелено было освидетельствовать, тогда ж намеренье царевича стало б явно.

П е т р (*в гневе*). Ты государыню в свое темное воровство не впутывай твоими мазепиными речами.

А л е к с е й. Письмо обманное писано мной по совету

Кикина. А нарощно писано из Корольца, чтоб не признали, что по совету Кикина. Он же мне советовал писать о побеге моем князю Михайле Долгорукому, а отдать ему, Кикину. Буде на него суснет, то объявит письмо и скажет, что письмо перенял.

П е т р. Ну-ка, Феофилакт, сполосни-ка вора Алексашку Кикина в трех огнях, аки в трех водах.

Ш а п с к и й. Любо, любо! *(Два палача хватают Кикина, а Шапский горящим веником опаливает ему спину. Кикин кричит и падает.)* В другой раз в изумление пришел, государь.

П е т р. Волоките его, пока болезнь минет, что паки и паки пытатъ. *(К Толстому.)* На всех ямах учредить караулы. Никого не пропускать без подорожной за моей подписью, либо подписью сената. Вижу я, заговор широко пошел и знатных немало вовлечено. Что Долгорукий?

Т о л с т о й. Думаю, сослать его надобно. С австрийским резидентом Плеером виделся тайно и клеветнические доношения помогал составлять.

П е т р. Сказать смерть, а потом учинить наказание — в ссылку. Сослать в Соли-Камской. *(К застеночному подъячему, ведущему запись.)* В провожатые Михайле Долгорукому дать четыре солдата. И жить ему тамо, как и прочие ссыльные. От Петербурга до Соли-Камска дать под него шесть подвод. На корм в дорожный проезд выдать ему из взятых у него золотых червонных пятьдесят золотых, а чем ему будучи в Соли-Камске питаться, учинить определение в Сенате *(К Толстому.)* Как Галицыны?

Т о л с т о й. Супруга князя Галицина, родная дочь старого князя Прозоровского привезена вчера была в Преображенское, как вы, государь, велели. На пыточном дворе, в кругу сотни солдат положена на землю с обнаженной спиной и очень больно высечена батогами.

П е т р. Знатные фамилии думали, что я до них не достану. Хвост кнута длиннее хвоста бесовского.

Подводят Ивана Малого.

Т о л с т о й. Иван Малый Афанасьев, получал ли ты письма с дороги от царевича?

И в а н М а л ы й. Получал из Нитавы да Мамеля. Писано азбуки. Циферные письма.

Т о л с т о й. Кому отдавал?

И в а н М а л ы й. Кикину да Спасскому протопопу Якову Игнатьеву. Мне письмо было, звал меня царевич к себе.

А л е к с е й. Тебя, Иван Малый, видать, мало кнутом хлестали, что лжешь.

И в а н М а л ы й. Нет, звали, ваше величество. Чтоб ехать за ним не медля и настигал бы в Гданьске. А буде до Гданьска не настужешь, оставлю-де у почтместера письмо, на которое городы, куды тебе за мной следовать в Прусы. Велел за банковские деньги, за восемь тысяч рублей взять из сибирского приказа товарами, мехами и икрой, чтоб продать в немецкой земле.

Т о л с т о й. А кто тебя о царевиче спрашивал?

И в а н М а л ы й. Князь Василий Володимирович, да Михайла Васильевич, да Иван Нарышкин. Говаривали, это хорошо, что в цесарии обретается и цесаря держится. Цесарь его-де к отцу никаким образом не отдаст. Слава Богу, говаривали, царевич в хорошем охронении обретается. Кикин, как слышал о возвращении царевича, говаривал мне: куда-нибудь скрыться. Я ему сказал: не знаю, куды без пасса ехать.

И в а н Б о л ь ш о й. А как узнали господин Кикин, что царевич сюды едет, называли господина Толстого Иудю, что он царевича подпоил и подманул.

Я к о в Н о с о в. Мне царевич говаривал, что Петербург не долго за нами будет.

П е т р. Довольно. Всех увести, вновь пытаться.

Слуг уводят.

А л е к с е й. Батюшка, се Вяземский все мутил. Лакеев подучал. Вяземский да Кикин, главных два заговорщика, меня к бунту подбивали.

Т о л с т о й. Шапский, Вяземский где?

Ш а п с к и й. Еще на дыбе висит. Покаместь ни в чем не сознался.

П е т р. Давай вперед Вяземского сестрицу мою, царевну Марью Алексеевну.

Вводят царевну Марью Алексеевну.

М а р ь я А л е к с е е в н а. Братец мой, Петр Алексеевич, здравствуй многие лета. Устал ты лицом. Видать, много имеешь огорчений. *(К Алексею.)* Говаривала я тебе, говаривала — утешай отца и будь ему послушен. Говаривала.

П е т р *(Алексею)*. Что говорила тебе царевна в Либау?

А л е к с е й. Про видения мне говорила, будто ты опять мать мою, Евдокию, царицею возьмешь. Да про государыню Екатерину Алексеевну говаривала, что от нее зло мне да детям моим, да матери моей. Что ты де ею хвалишься, она тебе не родная.

М а р ь я А л е к с е е в н а. Про видения сказывала не мое, а новгородского владыки. А какое видение видел владыка, того не упомяну. А про государыню, Екатерину Алексеевну, того не говаривала. А говаривала прежде многожды, чтоб он, царевич, государыне о своем пострижении бил челом. Она де у отца сделает. А что не мать родная, то все ведают. Мне было для чего ему-то говорить.

Т о л с т о й. Ваше величество, царевна Марья Алексеевна, имели ли вы связи с Суздадем?

М а р ь я А л е к с е е в н а *(беспокойно)*. Которые связи? Говаривала лишь, чтоб мать почитал, а отца утешал и слушал. Алексей отвечал: я того делать не могу. Отец мой долго изволит стоять, а мне нельзя оттого престол иметь.

А л е к с е й. Письма и деньги она в Суздаль посылала и меня к тому принуждала.

М а р ь я А л е к с е е в н а. Неужели ты мыслишь, изменник, перебежавший к иноземному кесарю, что братец мой тебе, никчемному, поверит. Клевете твоей на меня, безвинную.

Т о л с т о й. Письма ваши, царевна Марья Алексеевна, в

Суздаде вынуты в числе прочих. Связи ваши с приверженцами инокини Елены открылись.

М а р ь я А л е к с е е в н а (*падает Петру в ноги*). Припадаю к ногам вашим, прошу милосердия того моего преступления, прошу о прощении, чтоб мне безгодною смертью не умереть.

П е т р (*устало*). Поедешь, сестрица, в Шлиссельбург за крепким караулом. (*Марью Алексеевну уводят.*)

Т о л с т о й. С отправкой в Шлиссельбург надо б повременить, государь. Царевна нужна для допросов по суздальскому розыску.

П е т р. На время розыску оставляю ее в Петербурге, в плац-майорских красных хоромаш с повелением писем ни от нее, ни к ней ни от кого не принимать, никого к ней не допускать, а приносителей писем брать под арест. (*Вводят Вяземского.*) Что, Никифор Кондратьевич, так-то ты берег сына моего, тебе доверенного, от дурных людишек и дурных мыслишек.

А л е к с е й. Когда по погребении крон принцессы я получил от вас, батюшка, письмо и сказал Вяземскому: пишет батюшка, чтоб отрицаться наследства и идти в монастырь, Вяземский говорил: чего ж тебе жаль? Ты в монастырь поди. И избирал монастырь, куда мне идти. И стих из Полтавской службы, где на вас, батюшка, хула, читал мне.

В я з е м с к и й. Нет государич, сами вы читали тот стих, а я ублажал вас, чтоб такого противного и неусмотрительного произношения не было... Весьма опасно и речивисто там было произношено. А учил я его иным стихам в форме возгласения многолетия. (*Поет.*) Вечному и превознесенному отцу отечества Петру Великому, императору слава...

А л е к с е й. Не ханжи, Никифор.

В я з е м с к и й. Это вы, государич, ваше величество ханжили, да водились с попами. Протопопа Якова Игнатова себе в отцы избрали. Говаривал он вам, что есть подлинный отец, а не государь ваш отец. Говаривал многожды. Я же вас иному учил, чтоб вы того не чинили, за что бывал от вас, государич, бит не однажды. Всегда имели на меня гнев, о чем известно каждому.

А л е к с е й. А из книги кесаря римского Барониуша разве не учил против батюшки-государя?

В я з е м с к и й. Государь, обвинение сие явная клевета. Из Барониуша государич выписывал один, и я тем менее мог помогать ему, что книга эта на немецком и на польском языках, которых я не знаю. Хотел мне государич от своего двора отказать, понеже я мешал его общению с дурными людишками, однако не сумел, понеже я назначен был именным указом государя. С тех пор всегда имел государич гнев на меня, был я бит не однажды и искал моей смерти. Как были в Польше, послал меня государич из Торуня через Сандомир, Желкву и Дубню к Москве с письмом, зная, что войска наши из тех мест все выведены, и надеясь, что поляки меня убьют. Посему прошу, государич, меня, яко невинного, освободить. Все затеяно государичем по злобе и ненависти, чтоб меня безвременно умертвить.

П е т р. Эх, Никифор, видно, не злодей ты, а попросту глупый и пустой человек. Моя вина, что назначил тебя в воспитатели к наследнику. Поэтому поедешь в Архангельск без наказания. Хватит с тебя и того, что повисел на дыбе да кнута попробовал.

В я з е м с к и й. К стопам вашим, государь, припадая, кланяюсь. *(Кланяется. Его уводят.)*

П е т р. Пospelов, что, открыли гонцы Орлова?

П о с п е л о в. Государь, Орлов не найден, однако бумага нашлась. *(Протягивает бумагу.)*

П е т р. Где была?

П о с п е л о в. В подкладке вашего сюртука, государь.

П е т р *(рассматривая бумагу)*. Значит, Орлов не вор бумаги. Однако пусть его разыщут. Я желаю сделать гулякденщику внушение. Уж не впервой, как он надобен, так его не найти.

Вводят духовника Якова Игнатова.

Т о л с т о й. Государь, расстрига Яшка низвержен с архи-

рейской кафедры по выписке его преступлений, мной подписанных.

П е т р (*к Алексею*). Поди, зон, да выцелуй ему руки, как прежде выцеловывал.

А л е к с е й. Он мою душу да мое сердце поработил, батюшка. Говаривал, что в народе любят меня и про мое здоровье пьют, называя надеждой российской.

Т о л с т о й. Говорил ли тебе, Яшка, царевич на духовной исповеди, что желает отцу смерти?

И г н а т о в. Говорил.

А л е к с е й. Сии мысли он сам мне внушил. Говаривал: Бог тебя простит, мы все желаем ему смерти.

И г н а т о в. Это спроста говаривал. Хотел царевичу угодить. Сам же так не мыслил.

П е т р (*гневно*). Вот он, тать, бездушник да ябедник. Вот кто по монастырям, храмам, церквам приходским народ наш учит, сам же веры Божьей не имеет, а одно лишь атенство, которое есть у него фундаментом. И все чинит образом святым, под видом агнеца, прикрытый его кожей. Такого-то адского сына ты, Алексей, в отцы себе взял да свояки. Шапский, пытать Яшку еще троекратно. Угольями горячими пытать, чтоб знал, как в аду ему будет, куда вскоре он явится.

Игнатову уволакивают. Вводят Евдокию в монашеском облачении. Она оглядывается, замечает Алексея, кидается к нему. Мать и сын обнимаются.

Е в д о к и я (*плачет*). Олешенька, уж не чаяла увидеть тебя. Погубил ты себя напрасно.

А л е к с е й (*плачет*). Батюшка наш милостив. Батюшка простит. Проси, мать, батюшку о милости к тебе да ко мне.

Е в д о к и я (*Петру*). Вашего величества нижайшая раба, бывшая жена ваша, Авдотья, просит вас за себя и сына своего, Алексея. И ныне надеюсь я на человеколюбные вашего величества щедрости. А я обещаюсь по-прежнему быть инокою и пребывать в иночестве до смерти своей. И буду Бога молить за вас, государя.

Т о л с т о й. Государь, лейб-гвардии Преображенского

полка от бомбардир капитан-поручик Григорий Скорняков-Писарев, посланный мной в Суздальский Покровский монастырь, пришел в келью инокини Елены, никем не видимый. Застал бывшую царицу, ныне инокиню, в мирском платье, в телогрее и повойнике. Сундуки ее также наполнены телогреями и кунтушами разных цветов без всяких признаков чернечной одежды. А под телогреями и кунтушами найдено письмо, которое царица-инокиня едва не вырвала. Дозвольте зачитать?

Петр. Читай.

Толстой (*читает*). Человек ты еще молодой. Первое, искуси себя в посте, в терпении, в послушании, воздержании брошна и пития. А и здесь тебе монастырь. А как придешь достойных лет, в то время исправится твое обещание.

Евдокия. Это, государь, список с моей пометы на челобитную одного мужика, который приходил постричься.

Петр. Воровская твоя оговорка, Авдотья. Как была ты молодой лжива, так лживой и состарилась.

Толстой. Писано это к царевичу, о чем имеются показания монашки Каптелины, чьей рукой писано, да юрода Михайлы Босого, которому сие отнести было поручено.

Петр. Какое обещание царевича должно было исполниться, Авдотья? Молчишь? Запираешься.

Толстой. Кроме того, государь, вынута в Покровском монастыре, в Благовещенской церкви на жертвеннике таблица, в которой инокиня именуется — великая государыня и великая княгиня Евдокия Федоровна, а царевич — великий государь и великий князь всея Руси.

Алексей (*испуганно*). Не знал я того, батюшка, не ведал. Без меня то делали. Я с матерью давно разлучен и туда не ездил.

Вводят Глебова. Он идет с трудом, сильно искалеченный пыткой.

Евдокия (*смотрит на Глебова*). Стешенька... Как тебя всего-то поломали. (*Хочет кинуться к Глебову, но стражники не пускают.*) Сердце мое, Стешенька. Друг мой.

Петр *(в гневе)*. Авдотья, жила ли ты с ним блудно?

Евдокия. Жила. В то время, как он был у рекрутского набору, я с ним жила. И в том я одна виновата. На то я его подговорила.

Толстой. Степан Богданов Глебов, живучи с бывшей царицею блудно, спрашивал ли ты ее, с какой причины она платье чернечное скинула и для какого намеренья, и кто ей в том советовал и обнадеживал и чем обнадеживал? *(Глебов молчит. Толстой к подъячему.)* Пиши — запирается. Степан Глебов, от нее к сыну и от сына к ней писем не переваживал ли, и в бытность твою любовником присылали ли от кого какие письма, и ты их видал ли и в какой силе видал? А ведашь тебе всякую тайну ея надлежит, для того, что с ней жил в крайней любви. *(К подъячему.)* Пиши — запирается. При отъезде царевича в побег с бывшею царицею говорил ли о том, от нее слышал ли, что она про побег сыновий ведаешь, и от кого и через кого? Пиши — запирается. Азбуки цифирные, которые у тебя вынуты, с кем ты по ним списывался, и которые у тебя письма цифирью, от кого и что в них писано? С кем из офицеров гренадерского полка своего переписку имел?

Глебов. Ни в каком заговоре не винюсь и не признаю за собою ничего, кроме блудного дела. *(К Петру.)* Ты, царь, с незаконной женой живешь, а я уж с твоей законной жил. Ты от Авдотьи того не имел, что я получил. И в славянском блудодействии жил, и в елинской кощуни жил. *(Смеется.)*

Алексей *(истерично кричит)*. Батюшка, на кол его надобно садить! Железный кол ему в зад воткнуть, чтоб через кишки прошел и через затылок вышел.

Глебов *(к Алексею)*. А ты, дурак, царевич, вернулся да запродавал всех. Всех, кто на тебя надежду имел, как на русского спасителя. Иуде Толстому поверил. Приехал для того, что отец тебе посулил жениться на Афросинье.

Толстой. Волоките его вон.

Петр *(гневно)*. Привязать его к столбу. Босыми ногами, чтоб стоял на доске с деревянными гвоздями.

Глебов *(вырывается, борется с волокущими его)*

стражниками. Кричит.) Жолв тебе, царевич, не женитьба будет... Напрасно сюда ехал... Голову тебе отсекут... *(Его увлакивают.)*

П е т р *(взволнованно и гневно)*. Надобно учинить ему смертную казнь. Мне Алексея подсказка по нраву. На кол посадить. Да чтоб мучился подольше.

А л е к с е й *(дрожащей рукой наливает стакан водки, выпивает)*. Надобно, батюшка, на колу том скамеечку сделать, чтоб сидеть ему было удобно. Чтоб подолее сидел живьем с колом в кишках. Да шубу и шапку на него надеть, чтоб от мороза не сдох прежде времени. Может, на колу и покается.

П е т р. Ты, Алексей, умен, я это всегда понимал. Хорошим бы ты мог быть наследником мне и отечеству на радость, если б не нрав твой слабый, да окружение твое многолетнее.

Е в д о к и я *(плачет)*. А мне-то куда, государь?

П е т р. Бить бы тебя батоги, как сводниц твоих уж побито, игуменью Покровского монастыря да старицу Каптелину. Но уж лады, поедешь в старую Ладугу, в Ладожский монастырь с карлицею и скарбом.

А л е к с е й *(обнимая Евдокию)*. Хорошо-то как, маманя. Монастырь там хороший, я бывал. Может, поселят тебя в игумениных кельях, а батюшка разрешит, то навещу тебя с радостью. Там городьбы и ворот около монастыря, и никакой крепости нет. Вид там вольный, и с монастырем сим смежны многие дворы поповские, посадские, ямские. А место глухое. Через монастырь лежит дорога, тройки ездят, колокольца звенят. Весело. *(Плачет. Целует Евдокию.)*

Е в д о к и я *(плачет)*. Прощай, Олешенька, прощай. Прости, что ты у меня из пеленок рано вывалился. Если бы близко был, не так бы то и было. *(Ее уводят.)*

А л е к с е й. Батюшка, позволь и мне удалиться, ежели более не потребен.

П е т р *(Толстому)*. Петр Андреевич, потребен тебе еще сегодня царевич?

Т о л с т о й. На сегодня не потребен.

П о с п е л о в *(входит)*. Государь, Орлова разыскали да привезли.

Петр. Что сказано ему?

Поспелов. Сказано, что государь в гневе на него и повелел непременно отыскать.

Петр. Орлова сюда давай, я ему внушение сделаю, а царевича отвезти надобно с дежурным офицером в дом кабинет-секретаря Макарова. А обед ему пусть из придворной кухмистерской привезут.

Алексей. За милость вашу благодарю, батюшка. Позвольте еще на дорогу. *(Наливает водки, выпивает и уходит.)*

Толстой *(просматривая бумаги)*. Государь, спытать еще хотел, куда посылать сеченых баб? К прикладу, бабы Алена Андреевна да Авдотья Кузьмина еще в июне высечены кнутом, и уж сколько месяцев длится переписка, а ссылка их на прядильный двор состояться не может. Бабы эти стары, работать не могут, а кормить их кумпанейщиками от себя без работы не можно. У нас же, в тайной канцелярии после приговору и секуции на них пайка не имеется, и ежели их, государь, вновь не станут принимать, то думаю, освободить с запискою о молчании на волю.

Входит Орлов.

Петр. Погоди, Петр Андреевич, с твоими сечеными бабами. Уж сам, без государя, разберись. *(К Орлову.)* Где гуляка, был, что тебя сыскать не могли? Знаешь, что я на тебя гневен.

Орлов *(падает на колени)*. Виноват, государь, люблю Марьюшку.

Петр *(удивленно)*. Которую Марьюшку?

Орлов. Марью Данилову. Фрейлину Гамильтон.

Петр. Ну-ко, встань с колен, да толком расскажи, давно ль ты ее любишь?

Орлов. Третий год.

Петр. Бывала ли она беременна?

Орлов. Бывала.

Петр. Следовательно, и рожала?

Орлов. Рожала, но мертвых.

П е т р. Видал ли ты их, мертвых?

О р л о в (*с испугом*). Нет, государь, не видал, а от нее сие знал.

П е т р. Незадолго, при очищении нечистот, найден был мертвый младенец, обернутый в дворцовую салфетку. Тогда не могли отыскать матери младенца, иначе из твоих ответов вижу, что убийца ребенка никто другой, как фрейлина Гамильтон. Вновь тебя спрашиваю, Орлов, знал ли ты о сием детоубийстве?

О р л о в (*в страхе*). Нет, государь, не знал.

П е т р. В твою невинность не верю. Отвести его на гауптвахту. (*Орлова хватают и уводят*). Петр Андреевич, над фрейлиною, убийцею нераскаянною, повелеваю учредить уголовный суд со строгим исполнением закона. (*Молча сидит, задумавшись.*) Москва мне, Толстой, опротивела, дышать здесь тяжело. Надо переменить место, отдохнуть, освежиться. В Петербург пора. Петербург мой парадис. Московский розыск кончим, почнем розыск петербургский.

ЗАНАВЕС

Сцена 15

Петербург. Комнаты императрицы Екатерины Алексеевны. Утро. Императрица сидит у окна за маленьким стольцом и штопает чулок. Входит Анна Кремер.

А н н а. Государыня, его величество государь-царевич приехали в сопровождении дежурного офицера для поздравления вашего величества с праздником.

Е к а т е р и н а. Проси Алексея Петровича. (*Прячет штопку в ларец. Встает.*)

А л е к с е й (*входит быстрой нервной походкой с букетиком вербы в руках.*) Катерина Алексеевна, в день светлого праздника, Вербного воскресенья здравствуйте на множество лет. (*Протягивает ей вербу, троекратно с ней целуется.*)

Е к а т е р и н а. Того же и вам желаю как вашего величества дружбноохотная мать.

А л е к с е й (*дрожащим голосом*). Я, ваше величество государыня, зело радовался, получа ведомость о вашем счастливом разрешении, но зело сожалею, что счастья не имел в том времени в Петербурге присутствовать. Я, ваше величество, всеусердно о том поздравляю... Ехал я днями в санях мимо дворца вашего величества, но случая не имел повидать и боялся, явившись самовольно, батюшку прогневать. Но вот праздником пользуясь и приближением Святой недели, хочу, государыня... (*Падает Екатерине в ноги.*) Государыня, живу надеждой увидеться с Афросиньей и жениться на ней, о чем в светлый праздник, канун Пасхи умоляю вас.

Е к а т е р и н а (*растерянно*). Ваше величество, Алексей Петрович, встаньте, прошу вас.

А л е к с е й (*плача*). Матушка, Екатерина Алексеевна, выпросите для меня у батюшки позволения жениться на Афросиньюшке и жить мне в деревне, как батюшка обещал.

Е к а т е р и н а. Алексей Петрович, я не оставлю склонности к вашей особе, в чем можете обнадеженным быть. Встаньте, Алексей Петрович. Сядем у окошка. Или в диванную пойдемте говорить.

А л е к с е й. За вашу ко мне явленную любовь (*плачет*) всеусердно благодарствую. И впредь прошу, не оставляйте меня.

Е к а т е р и н а (*пытается его поднять, тот сопротивляется, прижимается к ее ногам*). Алексей Петрович, живете-то где, в Петербурге?

А л е к с е й. Живу, как живу, государыня. Не жалеюсь. На Адмиралтейском острове. Мне б в деревню.

Е к а т е р и н а. На Адмиралтейском острове — это я уж догадываюсь, где вас расположили. Нет, там вам не место... Однако я говорить не могу, когда вы у меня в ногах валяетесь. (*Алексей мгновенно поднимается.*) Пойдемте сядем у оконца. (*Берет Алексея за руку, подводит к окну. Они садятся. К Анне.*) Напиши от меня гофмейстеру двора, Мошкову, пусть прикажет очистить для царевича двор, где стоял шаутбейнахт. Пусть, что испорчено, велит починить, полы вымыть и вычистить. (*К царевичу.*) Вчерась государь говорил

мне о вас. Ваше дело вызывает в нем беспокойство, и я опасаюсь, как это отразится на его расстроенном здоровье.

А л е к с е й. Катерина Алексеевна, помогите мне и бабушке. Только вы можете. Бабушка любит и слушает вас. Это ваше заступление за Войноровского, мазепинового племянника, которого в Гамбурге немцы выдали бабушке, помогло, спасло Войноровского от смерти.

Е к а т е р и н а. Алексей Петрович, я сделаю все возможное, но влияние мое не так сильно, чтоб ради меня государь простил политического преступника. Этих людей он карает пуще злодея, татя и убийцы. Войноровский спасен от смерти, но уж много лет пропадает в Якутии. Говорят, оброс, одичал, забыл культурное обхождение и иностранные языки.

А л е к с е й. Да разве государь считает меня государственным преступником?

Е к а т е р и н а. Государь этого не хочет, но при дворе есть вельможные люди, которые этого хотят и которые в том убеждают государя.

А л е к с е й. Знаю, что многие злоковарные вымыслы обо мне говорены и злые люди находятся, которые смерти мне желают, но ныне, услышав о вашем заступничестве, слава Богу, наитежелейший камень от сердца моего отвалился. Ныне я на сердце своем ничего не имею, кроме надежды, что позволят мне дожить жизнь в деревне с Афросиньей. В вашем заступничестве я нуждаюсь, поскольку бабушка мой умный и добрый человек. Он знает, что бабушке моему непослушание, сей грех и стыд причина та, что с младенчества своего жил с мамою и девками, где ни к чему иному не обучался, кроме избяных забав, а более научался ханжить, к чему я от природы склонен. И потом, когда меня от мамы взяли также с теми людьми, которые при мне были, а именно, Никифор Вяземский, да Кикин, да прочие.

Входит Петр, веселый, со свежим от холода лицом. За ним следует негритенок с подносом. На подносе водка и пирог.

П е т р (весело). Катенька, с праздником тебя. *(Целуются.)* И ты, зон, здесь?

А л е к с е й. Приехал поздравить матушку Екатерину Алексеевну с Вербным воскресеньем. И вас, батюшка, от глупины сердца своего, от грешного своего сердца. *(Плачет.)* Злые люди, какие были при мне, такое учинили. Я обвык их слушать и бояться, и они больше отводили от вас, отца моего, в забавы с попами и чернецами и с другими людьми таковыми, в такое я впал, а дела воинские мне обмерзли. К тому моему непотребному обучению великий помощник был мне Александр Кикин, когда при мне случался.

П е т р. За грех прощение, но за злодейство с умыслом — никогда. Так в Писании. Кикин — прежний любимый мой денщик — колесован. Мучения его были медленны, чтоб он чувствовал страдание. Вчера я ехал мимо через Троицкую площадь, Кикин еще был жив на колесе. Он умолял пощадить его и позволить постричься в монастырь. Я нашел его мучения достаточными и велел обезглавить, а голову воткнуть на кол. Это последняя казнь перед Святой неделей. И пытки в застенках до конца Святой недели я велел прекратить. *(Берет из рук негритенка бокал, выпивает, закусывает пирогом.)* Выпей, Алексей. Накануне Святой недели хочу надеяться, что ты, сын мой, не злодей, а человек слабый и иными запутанный. Тут и мой грех имеется, что за тобой не уследил. Да и кто Богу не грешен, кто своей бабушке не внук? Выпьем за Иисуса сладчайшего, который тысячу семьсот пятьдесят один год тому в сей день въехал в Иерусалим, чтоб своей жертвой спасение принести. *(Выпивает. Петр целуется с сыном.)* Пирогом закуси. Не бойся, это русская пища, не итальянская.

А л е к с е й. Славно здесь в России, батюшка. Вчера ледоход смотрел.

П е т р. От Ижоры до новой крепости река протекла. А от новой крепости до Троицкой пристани лед взломало. Ты, Алексей, в какую церковь к обедне поедешь, к Исаакию Долматскому али в Троицу?

А л е к с е й. Куда прикажут, батюшка. Я ведь не сам езжу...

П е т р. На Вербное воскресенье да на Пасху я тебя от

офицеров заберу. Поедешь к обедне и всенощной со мной в Троицу. Я велел сегодня поднять штандарт, а пальбы чтоб не было. Но в светлое Христово воскресенье будут палить из пушек. Когда пойдут кругом церкви со кресты из одиннадцати, да во чтение Святого Евангелия из пятнадцати, а по отпуске литургии из двадцати одной.

А л е к с э й. Я, батюшка, с радостью повсюду с вами буду.

П е т р. А хошь, на свадьбу со мной поедем к английскому инженеру? Человек он нужный, обидеть жалко. Надо поехать.

А л е к с е й. С превеликим удовольствием, батюшка.

Е к а т е р и н а. Петруша, я тебе чулки заштопала. *(До-стает из ларца чулки.)*

П е т р. Ну, спасибо, хозяйюшка моя. *(Целует ее.)* Чулки добрые, жаль выбрасывать.

Е к а т е р и н а. Новые купить бы. И башмаки новые купить. Те, что носишь, уж больно стоптаны. Да завели б, Петруша, экипаж получше. В твоём экипаже не всякий купец решится на улице показаться.

П е т р. К чему такое щегольство, Катеринушка? На свадьбу к иноземцу поедем, возьму экипаж напрокат, у щеголя нашего, прокурора Ягужинского. Он в детские годы свиней пас босой в Литве, ему нынешнее щегольство к лицу. А мне, государю, оно к чему? Простоты бы поболее. Я и лечусь теперь попроще олонецкими мерциальными водами да порошком из желудка да крыльев сороки, и вот уже давно в урине болей не имею. Лекари ж мои придворные — ослы. Я их побил дубинкой и прогнал. Доверить им не можно. Вот лекарь Туленщиков спяна вместо рачьих глаз золотник сулемы больному отвесил, оттого тот и помер. Нет уж, без лекарей лучше.

А л е к с е й. Верно, батюшка, вы лицом посвежели. А я вот сплю дурно.

П е т р. Семя конопляное возьми. Три зерна на ночь. Более возьмешь, помрешь.

Служитель входит.

С л у ж и т е л ь. Господин тайный советник Толстой и майор Румянцев.

П е т р (*обрадованно*). Жду их. Проси.

Входят Толстой и Румянцев. Петр целуется с ними.

Т о л с т о й. С праздником, государь. С праздником, государыня. И вас, царевич.

Е к а т е р и н а. Вас также, господа. Петруша, вы здесь дела обсуждать хотите. Так мы с Алексеем Петровичем пока в буфетную пойдем кофе пить.

А н н а. Господа, поскольку такое счастливое собрание людей мне нужных, позвольте, государь, сказать мою просьбу.

П е т р. Говори, Анна.

А н н а. Бью челом в канун Святой Пасхи с прошением освободить от смерти Марию Даниловну Гамильтон. Преступление ее велико, но убийство сына своего новорожденного можно извинить человеческой слабостью ее, страстью ее и стыдом ее.

Е к а т е р и н а. И я, Петруша, хочу просить за свою несчастную фрейлину. Она уж месяц в кандалах. Не достаточно ли наказание?

П е т р. Катеринушка, но у ней при обыске твои алмазы нашли. И дурные сплетни о тебе пускала.

Е к а т е р и н а. Глупая, несчастная девка. И воровала не для себя, для любовника своего Орлова.

Т о л с т о й. Государь, мне по натуре моей и по должности моей быть к преступлению снисходительным не подобает. Одначе в данном разе я поддерживаю просьбу государыни о милости. Сказано в псалме: аще беззаконие назриши, Господи, кто постоит?

П е т р. Вижу я, что вы все сговорились ходатайствовать. Тогда спросить вас хочу: чей закон есть на такое злодеяние?

Т о л с т о й. Вначале Божий, а потом государев.

П е т р. Что ж именно законы сии повелевают? Не то ли, что: проливая кровь человеческую, да пролиется и его.

А л е к с е й. За детоубийство нет прощения.

П е т р. Да, невинно пролитая кровь вопиет о мщении, и ненаказанное убийство угнетает землю. Я не хочу быть ни Саулом, ни Ахавом, которые, нерассудною милостью закон Божий преступя, погибли и телом, и душою. И если вы, господа, имеете смелость, то возьмите на души свои сие дело, я спорить не буду.

Т о л с т о й. Кто возьмет на себя, государь, дело, на которое у вашего величества нет охоты.

Е к а т е р и н а. Мы с Алексеем Петровичем и с Анной в буфетную пойдем. *(Уходят.)*

Р у м я н ц е в. Государь, тело Глебова, как вы велели, привезено мной из Москвы в Петербург.

Т о л с т о й. Все ли при казни соблюдалось, как велено?

Р у м я н ц е в. Все было исполнено. Привезли Глебова на Красную площадь на санях в шесть лошадей. Его положили на стол и в задний проход воткнули железный кол, который через затылок вышел наружу. Когда Глебов был таким образом посажен на кол, восемь человек отнесли его и водрузили кол на возвышенном месте. Для того, чтоб страдал долее и более, кол имел поперечную перекладину, на которой Глебов сидел, а чтоб не замерзнул, на него надета была шуба и шапка. Посаженный на кол в три часа пополудни, испустил Глебов дух только на другой день к вечеру, в полвосьмого.

П е т р. Покаялся ли Степка?

Р у м я н ц е в. Глебов никакого покаяния не принес. Для исповеди при нем был архимандрит Спасского монастыря Лапотинский, да еромонах Маркел, да священник Анофрий. Только ночью просил Глебов тайно Маркела, чтоб он сподобил его святых тайн.

П е т р. Нераскаянным душу свою извергнул из себя злодей. Будут помнить и иные Глебов кол. Перед Святой неделей казней не проводить. После Святой недели поставим перед дворцом на площади четырехугольный столб из белого камня вышиною где-то около шести локтей с железными шписами. На вершине столпа сделать четырехугольный камень в локте вышиной. На нем положить трупы казненных главных злодеев без голов. Головы воткнуть на шписы.

Труп Глебова посадить в середину, чтоб сидел он как бы в кругу других.

Т о л с т о й. Все в точности исполним, государь. Надо лишь подумать, как с Европой обойтись. Я, государь, с Петром Павловичем Шефировым в согласии, что надобно требовать отзыва из России тех чужеземных резидентов, которые ложно доносят своим государям. К примеру, резидент австрийский Плеер многие лжи о нашем государстве и многие клеветы о особе вашей, и о супруге вашей, и о некоторых подданных наших, и о некоторых комплотах войск наших доносил.

П е т р. Я велю Шефирову написать требование об отзыве и пошлю сам цесарю.

Т о л с т о й. Надобно также, государь, в народе дурное впечатление рассеять по случаю казни архирея Ростовского, коего почитали святым. Потому велел на торгах пустить через шпионов слух, что жестокой казни архирей был подвергнут через ошибку секретаря, которому была поручена экзекуция. Приговор же был не столь жесток.

П е т р. От сих святых старцев и главная отравы в народе. Старцам сиим пора пообщипать перьев и поубавить пуха. Не будут летать скоро, лицемеры. Скажут, что явилась икона-де в лесу или ином месте и явление было, чтоб на том месте монастырь сделать или пустыню. А монастырю без деревень быть нельзя. Древние монахи трудолюбивыми руками себе пищу добывали и нищих от себя питали. Эти же одной рукой крестятся, а обеими все крадут. Какие народу они воспитатели? Народ без воспитания церковного живет, и надобно мне, иные дела оставя, церковные делать. Вот идет Святая неделя, а опасение имею, что вновь будет непотребство да пьянство в народе. Потому велел при крестном ходе все кабаки запирать, велел ежегодно исповедоваться и по праздникам ходить к обедне под опасением штрафа. А также под штрафом стоять в церкви смирно и не разговаривать.

Т о л с т о й. Третьего дня зашел в церковь на Васильевском острове мужик один хмельной, снял с чаши воды святой крышку и прикрыл ею голову. Воду вылил. Наказан кнутом.

П е т р. Плетью надобно за подобное. Про меня брешут, что я антихрист, я же обряды церковные чту и точно соблюдаю, но не соблюдаю постов испросив разрешения на то синода.

Т о л с т о й. Будете ли петь на клиросе, государь, и в какой церкви? Люблю послушать, как вы поете.

П е т р. Да, уж приглашен петь вместе с певчими Исаакия Долматского . Слава Богу, церковное воспитание имею. Могу держаться на клиросе не хуже любого дьячка и прочесть наизусть Евангелие и апостолов. Люблю попеть с добрыми певчими, особливо пасхальные каноны. *(Поет.)* О, любезного, о, сладчайшего гласа... Ноне и певчих-то добрых с трудом сыщешь. Под маской певчих всякий темный люд по монастырям хорониться. Потому велел певчих в монастыри не пускать. Поют и старицы хорошо, лишь бы вера была. А не так, что в церкви поют: спаси от бед, а на паперти деньги на убийства собирают.

Т о л с т о й. Духовенство наше обновления требует, ибо по селам священники так же, как и мужики, темны и невежи.

П е т р. Да и архиереи иные лучше лишь формою. Пугают народ ужасами загробной жизни, а не умеют внушить уважение ни к себе, ни к храму Божьему. Семьсот лет заботятся о спасении души русского народа, а зайдя в избы по деревням, глянь на образа, где на голове надлежит глазам да устам быть, одни точки и образ стал. Потому, указал сделать школу дешевой иконописи, а по иконам смотрение иметь живописцу малороссийскому Ивану Зарудневу.

Входит Екатерина.

Е к а т е р и н а. Петруша, занят ли все? Имею разговор к тебе.

П е т р *(к Толстому и Румянцеву)*. Потерпите, господа? Дела семейные.

Т о л с т о й. Уж как не понять, государь. Потерпим. *(Петр уходит с Екатериной.)* Государыня, заступница, доброе

сердце. А царевич через полученное прощение в животе своем, уверен. *(Тихо.)* Государь намеренье имеет царевича из розыску живым вытащить и на иных отыгаться. Одна надежда нам на девку, которая случай подаст для открытия главных тайностей. Ты, Александр Иванович, должен последить, чтоб девка с обозом аккуратно прибыла.

Р у м я н ц е в. Следят люди мои при ней. Вот черные письма царевича к архиереям и сенату никак не найдем. Видно, спрятала их девка, подороже торговать себя хочет.

Т о л с т о й. Без писем царевич попросту запутанный иными, а не умышленный политический преступник. Жениться на девке царевичу государь не позволит, а в монастырь отправить его может. Подобное же для нас всех и для России новой — смерть, поскольку царевич наследник законный, а здоровье государя слабо стало.

Р у м я н ц е в. Бог поможет. Слава Богу, внутренний огонь открыли да тушим.

Т о л с т о й. Одно мне понятно, царевича живого оставлять нельзя ни в монастыре, ни в ином месте.

Входит Петр, устало садится на стул.

П е т р. Господа, как быть судьей в собственном доме? Боюсь Бога, дабы не погрешить, ибо натурально есть, что люди в своих делах меньше видят, нежели другие. Також и врачи, хотя бы из всех искусней был, то не отважится свою болезнь сам лечить, а призывает других.

Т о л с т о й. Мы, государь, верные слуги ваши, готовы всемерно помочь вам сию страшную болезнь лечить.

П е т р. Чтоб лечить, понять надобно, где она гнездится. Думаю, кабы не монахиня из Суздаля, не монах Яков, не Кикин, не Глебов да прочие, сын мой не дерзнул бы.

Т о л с т о й. Государь, любя вас и государыню вашу и великие дела ваши во благе Российской империи, должен сказать: болезнь в сыне вашем, который дает надежду всем силам враждебным во вне и внутри.

П е т р. Ты мне, Толстой, страшные слова говоришь. Та-

кие слова про сына моего без доказательства говорить не можно.

Р у м я н ц е в. Государь, царевич писал письма, призывающие к бунту духовенство и сенат.

П е т р. Где письма? Такие письма означают для царевича смерть, а я клятвою суда Божия письменно обещал сыну своему прощение.

Т о л с т о й. Вы, государь, обещали прощение, если он истину скажет. А ежели он главную истину скрыл?

П е т р. Тяжко мое положение при страшном выборе. Страдаю, да все за Отечество. Враги пакости мне делают демонские, но Бог знает правду.

Петр садится на стул, опускает голову на руки. Сидит, задумавшись.

ЗАНАВЕС

Сцена 16

Петербург. Церковь Исаакия Долматского. Идет служба.

А р х и е р е й Ф е о ф а н П р о к о п о в и ч. В нынешний пресветлый праздник Воскресения Христова подай, Господи, благочестивому великому государю нашему Петру, отцу Отечества и императору всероссийскому и его благочестивой великой государыне императрице Екатерине Алексеевне и великому князю, наследнику, младенцу Петру Петровичу благоденственное пребывание и мирное житие, здравие же и спасение и во все благое поспешение ныне и вперед будущие многие и несчетные лета, во благополучном пребывании многие лета здравствовать.

Х о р п о е т: Многие лета, многие лета.

Народ становится на колени. Слышна орудийная пальба и колокольный звон.

П о д њ я ч и й Д о к у к и н. Мерзко-то как слышать...

Харкнуть хочется. *(Плюет.)*

М о л я щ и й с я м и р я н и н (*испуганно*). За злые слова и харканье в святом храме сожгут тебя. (*Отходит прочь.*)

Петр выходит на клирос. Певчие поют:
"Бог ище хошет, побеждает естества чин."

Д о к у к и н. Поют певчие нанятые, а государю любо, что его с Богом равняют.

Петр с певчими поет на клиросе.

И животворящей троицы трисвятую песнь припевающе,
Всякое ныне житейское отложим попечение.

Д о к у к и н (*громко*). Я, подъячий Ларион Докукин за невинное отлучение от наследства и изгнание всероссийского, Богом хранимого государя Алексея Петровича, христианской совестью и пресвятым Евангелием не клянусь и животворящего креста Христова не целую!

Т о л с т о й. Берите его!

Д о к у к и н. Народ православный! Соболезную о царевиче Алексее Петровиче! Он от истинной жены, а наследником младенца Петра Петровича за истинного не признаю! Когда Петр Петрович будет царствовать, то сообщится с иноземцами и будет от них православным спона, сиречь — вред. (*Продолжает кричать, отбиваясь от стражников.*) А пришел я с тем явиться, чтоб пострадать за слово Христово! (*Стражники волокут его. Он кричит.*) В том воля Бога моего Иисуса Христа! По воле его святой за истину аз раб Христов Ларион Докукин страдати готов! (*Его уволакивают.*)

П е т р. Фарисеи. Сказано — бойся кваса фарисейского. Христос Спаситель ничего апостолам бояться не велел, а этого велел.

В церкви воцаряется порядок. Вместе с певчими Петр поет.

Царю небесный, утешителю души.

Истины иже везде сы и вся исполняй сокровище благих
И жизни подателю.

Прийди и вселися в мы и отчистини от всякой скверны
И спаси блажие души наши.

Аминь.

З а н а в е с

Сцена 17

Петербург. Застенок тайной канцелярии. Слышны стоны,
крики и удары кнута из соседних казематов.

Т о л с т о й. Государь имею надежду начать розыск девки
Афросиньи Федоровой. Но жду, что скажут лекаря. Имеет ли
силы девка после разрешения от бремени и рождения мертво-
го младенца быть на допросе. Ведь третий день пошел только
сему.

П е т р. Кого родила?

Т о л с т о й. Мертвого мальчика. Обоз шел торопливо,
чтоб поспеть в Россию к ее родам. Видать, растрясло. Живо-
го младенца оставлять за кордоном было нельзя.

П е т р. Знает ли уже царевич?

Т о л с т о й. Нет, государь. Кроме стражи да двух лека-
рей, никто не ведает. Рожала она здесь, в Петропавловской
крепости. Роды были тяжелы. Может, и застудилась дорогой.

П е т р (*задумчиво*). Тяжелое дело. И я, кажись, засту-
дился, тело ломит. Видать, на свадьбе у Мусина-Пушкина за-
студился. Свадьба была на середине реки, против Троицкой
пристани, на фрегате шведском, взятом нами. В ночи, как
всякими фонарями фрегат убирали, видать, и простудился...
Ветренно... И река меня беспокоит. (*Кричит.*) Пospelов!
(*Входит Пospelов.*) Отчего не скоро рапортуют об реке?

П о с п е л о в. Послали письмо с вестовым к коменданту
Шлютенбурга, как вы велели, государь.

П е т р. Пошли еще вестового. Чтоб комендант каждый
день об реке рапортовал, а ежели имеется угроза наводнения,

того-де часу конных к нашему караулу, а наш караул того часу чтоб рапортовал сюда. Прислали ли вымерки?

П о с п е л о в. Вымерки имеются, государь. *(Достаёт бумагу, читает.)* От Санкт-Петербурга, от Петровских ворот до Троицкой пристани по Неве двести пятьдесят сажен. От Троицкой пристани до почтового двора триста сорок семь сажен. От Зимнего двора до конца вымерки четыреста шестьдесят четыре сажени.

П е т р. Ты, Поспелов, можешь идти. *(Поспелов уходит.)* Пока выяснение идет по розыску царевича, надо б заняться делом детоубийцы.

Т о л с т о й *(стражникам)*. Девку Марию Гаментову сюда, да Ивана Орлова, да горничную, Катерину Тарновскую. *(К Петру)*. Вчера дано девке Гамонтовой пять ударов кнутом, на Орлова не показала.

П е т р. Может, он и невиновен, али виновен отчасти. Если в другорядь на Орлова не покажет, сослать его на каторгу без наказания, али вовсе свободить. Как думаешь, Толстой?

Т о л с т о й. Думаю, что на Орлова не показывает – воровская оговорка. Любовника своего выгораживает.

П е т р. От Орлова ли младенец убитый, вот задача. Вот что разыскать надо бы. *(Наливает себе стакан водки, выпивает.)* Что-то знобит меня. Устал я от всего, бросить бы все, да поехать в леса. Едва ли кто из государей сносил столько бед и напастей, как я. От сестры Софьи был гоним до зела. Она была хитра и зла. Монахине, первой жене был несносен – она глупа. Сын меня ненавидит. Он упрям. Петр Андреевич, а мертвого младенца, которым девка Афросинья разрешилась, в спирт покласть надобно, подобно выкидышу маршальши Олсуфьевой. Сдать младенца в спирту в кунсткамеру как научный экспонат, но без обозначения наименования. Я как был в Амстердаме, видел в амстердамской анатомичке кости, жи-лы, мозг, телеса младенческие и как зачинается во чреве дитя. Видел сердце человеческое, легкие и как в почках родится камень. Видел кожу человеческую, выделана в толщину бараньей кожи. Видел пленки, которые на мозгу у человека живут. Вся в жилах, косточки маленькие, будто молоточки,

которые в ушах живут. И нам надобно свою медицину поощрять, а на тебя, Петр Андреевич, мне жалобы пишут, что ты анатомички, в которых студиозы обучаются в московском госпитале на Яузе да здесь в Петербурге, мертвыми телами обделяешь.

Т о л с т о й. Даю, государь, сколько могу. Остальное пусть в богадельнях ищут.

П е т р. Сам ведь знаешь, в богадельнях тела старые да больные, а профессорам медицинской школы тела здоровые нужны. Вот выписал я из Германии доктора Бидлоо, это племянник известного немецкого профессора из Лайдена. Деньги ему плачу великие, а ты, Толстой, науке мешаешь.

Т о л с т о й. Государь, иные тела после казни подлежат сожжению, иные родственники требуют для захоронения, а которые без родственников, отдаем для погребения в убогий дом по православному обычаю.

П е т р. Однако и науку обижать не след.

Вводят Катерину Тарновскую.

Т о л с т о й. Почнем розыск. Катерина Екимова Тарновская, с какого и по какое служила ты у Марьи Гамонтовой?

К а т е р и н а. У Марьи жила года с полтора, с Великого поста.

Т о л с т о й. На прошлом допросе ты показала, как Марья Гамонтова родила над судном, как задушила младенца собственными руками, наконец, как поручила конюху Семенову тело дитяти. Подтверждаешь ли ты эти показания?

К а т е р и н а. Подтверждаю. А с кем Марья того младенца прижила, я не знаю.

Т о л с т о й. Был ли Иван Орлов при родах?

К а т е р и н а. Не было. Был неведомо где, в отлучке.

Т о л с т о й. Получила ли ты от Марьи в подарок краденые вещи и видела ли краденое?

К а т е р и н а. Краденых вещей и собственных Марии у меня ничего не имеется. Только дала мне Мария во всю бытность у нее несколько подарков. Про краденые вещи ничего

не знала, понеже у ней, Марии, в то время была казначейшей девка Анна.

Т о л с т о й *(Петру)*. Надо б допросить казначейшу.

П е т р. Анну Кремер к следствию привлекать не след. Давай Марью на очную ставку.

Вводят Марию Гамильтон. Она сильно изменилась, измученная пыткой.
На руках ее кандалы.

Т о л с т о й. Девка, Марья Гаментова, признаешься ли ты в краже вещей ее величества государыни?

М а р и я *(тихо)*. Будучи при государыне, Екатерине Алексеевне, вещи и золотые червонцы крада, а что чего порознь, не упомню.

Т о л с т о й. А сколько всего? Говори громче, застеночный подъячий не слышит, что записывать.

М а р и я *(громче)*. Все у меня при обыске вынято.

Т о л с т о й. Какое число ея величества государыни червонных роздала ты денщику Ивану Орлову и прочим твоим любовникам?

М а р и я. Ивану Орлову триста червонных из своих вещей. Кроме же его, никому не давала.

Т о л с т о й. С кем прижила ты ребенка?

М а р и я. С Иваном Орловым.

Т о л с т о й. Кто был при родах?

М а р и я *(указывая на Катерину)*. Она была. Того ребенка я не давливала. Родила над судном, который в то судно выпал. И стала беспамятна. И сея женка, Катерина, меня с того судна подняла и положила на постель. И тот ребенок остался у ней, у бабы. И как я пришла в память, тот ребенок был у той женки, которая сказала, что тот ребенок уже умер. И сказав, понесла вон, а где девала, не знаю.

Т о л с т о й. Кто же задавил ребенка?

М а р и я. Она. И она в том виновата.

К а т е р и н а *(кричит)*. Сами, сами задавили, барыня! Как родила над судном, засунула тому младенцу палец в рот и подняла его, младенца, и придавила.

М а р и я. Нет, она задавила.

Т о л с т о й. А для чего горничная твоего ребенка задавила?
М а р и я. Из злобы на меня, что я ей мало подарков давала.

П е т р *(гневно)*. Поднять на виску. Пять ударов. *(Палачи поднимают Марию на дыбу, свистит кнут, Мария кричит и стонет)*. Кто давил ребенка?

М а р и я. Я не давила... Бросила младенца, он ушибся.

П е т р. Еще кнута. *(Свистит кнут.)*

М а р и я *(стонет, кричит, плачет)*. Не давила, государь... Помилуйте, государь.

П е т р *(гневно)*. Встряхнуть дыбу, чтоб кости ее трещали.

Свистит кнут, Мария стонет и плачет все сильнее и вдруг слышится громкий плач младенца. Все застывают, даже палач перестает хлестать.

П е т р. Откуда младенец?

П о с п е л о в. В соседнем каземате фрейлина царевны, Марьи Алексеевны, Жукова, под пыткой на виске родила. Дано ей тридцать ударов, а на котором родила, неизвестно, со счету сбились.

П е т р *(кричит)*. Шапского сюда! *(Хватает за ворот вошедшего Шапского.)* Зверь! Долго ли тебе людей жечь. Слишком заработался. Я ведь велел не пытаться беременных женщин.

М а р и я *(с дыбы плачет и стонет)*. Государь, я мого младенца задавила... Я во всем виновата.

П е т р. Спустить ее с виски. *(Палачи развязывают Марию, она падает.)* Нет тебе, Мария, прощения перед законом Божьим и уголовным, поскольку твое преступление сделано с намерением. *(К Шапскому.)* Ну-ка, Феофилакт, принеси младенца. *(Феофилакт приходит и приносит плачущего младенца, завернутого в кусок тряпки. Петр берет младенца на руки.)* Мальчик... Этот малый будет со временем добрым солдатом. Поспелов, вызвать лекаря, да сдать младенца в приют. Имейте о нем попечение. Я при случае о нем спрошу. *(Отдает младенца Поспелову, который его уносит. Вводят Орлова в кандалах.)*

О р л о в *(падает на колени перед Петром)*. Государь, прошу себе милостивого прощения. Ни о чем я не ведал.

П е т р. Жил ли блудно с Марией?

О р л о в. Блудно с ней жил, а о том, что она младенца родила и бросила, от нее не слыхал. Когда пьян был, то называл ее блядью, называл курвой и бивал, а что младенца родила, не ведал. Слышал лишь, что брюхата была трижды. Двух ребенков она вытравила лекарствами, которые брала от лекаря государева двора. А что воск государыня кушает от угрей, от ее слыхал и государине донес. Потому прошу помилования.

Т о л с т о й. Давала ли тебе девка Марья Гамонтова краденые червонцы и иные краденые вещи?

О р л о в. Дала триста червонных, сказав, что то ее. А что государини, не ведал.

Т о л с т о й *(Марии)*. Правду ли говорит твой любовник?

М а р и я. Правду... У государини вещи крада сама. Орлов о том не ведал.

П е т р. Ведал ли об убийстве дитяти любовник твой, Иван Орлов?

М а р и я. Не ведал.

П е т р. Уведите ее. *(Марию уводят. Она идет с трудом, звеня кандалами.)* Не пытать ее более. До приговору поместить в Трубецком раскате. *(К Орлову.)* Скажи она одно слово против тебя, и был бы ты вздернут на дыбу. Кнут да огонь пошли бы в дело.

О р л о в. Прошу себе помилования, государь. Моя невиновность подтверждена.

П е т р. С твоим помилованием еще погожу, Орлов. *(Орлова уводят.)* Петр Андреевич, приняты ли меры о непропуске за границу? Дабы при нынешнем розыску не ушли кто из тех, которые приличны.

Т о л с т о й. Войска приграничного надо бы поболее. А то пагубство с побегами. Не токмо ныне, да не токмо участники заговору. И ранее, как и ныне, мужики, да посадские, да прочий люд бежит в Литву, в Польшу, даже к магометанам в Турцию.

П е т р. Как же это, русский человек с православной родины своей бежит?

Т о л с т о й. Чернь в волнении. Сей заговор царевича страшен не столько вельможными бунтарями, сколько чернью, которая к нему примкнуть намеревалась. Во многих местах подметные письма явлены в народе. *(Входит Афросинья в сопровождении Румянцева.)* Государыня моя, Афросинья Федоровна. Поздравляю вас, мою государыню, с благополучным выздоровлением. Милостью Божиею все исправилось, как мы с вами желали.

Р у м я н ц е в. Государь, Афросинья Федоровна к очной ставке с царевичем готова.

П е т р *(К Афросинье.)* Вот ты, однако, какова. Рыжа, да ростом мала. Чем сердце сына моего покорила, не пойму.

Р у м я н ц е в. Простите, государь, однако уж на чей вкус.

П е т р. Да уж в этом нет моего, государева, слова. А в ином я слово держу. Смотри, девка, за мной не пропадет.

А ф р о с и н ь я. О том помню, государь.

Вводят царевича.

А л е к с е й. Афросинюшка! Сердце мое! *(Хочет к ней броситься, но стража удерживает его.)* Матушка моя, писал к тебе, как узнал, что ты уже в Риге. Баб тебе в помощь посылал. Как Селебен-то наш?

Т о л с т о й. Отвечайте, Афросинья Федоровна. Кому письма писал из русских ли иль из иноземцев? Сколько раз в Тироле и в Неаполе?

А л е к с е й. Селебен-то наш как, Афросинюшка?

А ф р о с и н ь я. Писал по-русски, писано не в первых днях, но гораздо спустя, как в крепость посадили.

А л е к с е й. Афросинюшка, где наше дитя? Я лишен титула и по обещанию батюшки буду на покое с тобой жить в деревнях.

А ф р о с и н ь я. Также писал к цесарю с жалобами на государя. К цесарю писал жалобы многожды. Сказывал мне, что в войске бунт, и когда слышал о смущении в Маклебургии, тогда о том радовался и всегда желал наследства. Для того и ушел, чтоб ему жить в покое, доколе отец жив будет. И на

следства он, царевич, весьма желал и пострижения отнюдь не хотел.

Т о л с т о й. На кого царевич надежду имел?

А ф р о с и н ь я. Надежду имел на сенаторей. Говорил: чаю-де сенаты и не сделают, что хочет батюшка.

П е т р (Алексею). Верно ли, имел надежду на сенат?

А л е к с е й (тихо). Я имел надежду на тех, кто старину русскую любит. (Плачет.)

А ф р о с и н ь я. Он говаривал мне, что хочет ехать в некие вольные города. Едучи из Гданьска, не упомяну, в каком городе бранденбургском, что подле моря, подвыпив, говорил мне, да тем, что были при мне: армия да гвардия моя будет. Вся от Европы граница моя будет. А когда господин Толстой приехал в Неаполь царевич хотел из цесарской провинции уехать к Папе Римскому, я его удержала.

Т о л с т о й. Афросинья Федоровна, скажите про письма.

А ф р о с и н ь я. В фортеции Неапольской отдал мне царевич письма черные и велел онные сжечь, однако ж я не сожгла, в постель спрятала и в обозе привезла.

Алексей вскрикивает и закрывает лицо руками.

Т о л с т о й. Вот письма, государь. (Протягивает письма.)

А ф р о с и н ь я. А писал царевич, чтоб в Петербурхе их подметывать, а иные архиреям подавать.

Т о л с т о й. Государь, письма случай подают для открытия главных тайностей заговора.

П е т р (Алексею). Когда слышал, будто бунт в Маклебургии, в войсках и радовался, то чаю не без намеренья было пристать к онным бунтовщикам?

А л е к с е й (устало). Когда б прислали ко мне, то я б к ним поехал. А без присылки не имел намеренья.

Т о л с т о й. Государь, все сказано. Перед вами, государь, не сын неспособный, бежавший от принуждения к деятельности и возвратившийся, чтоб жить в деревне с женщиной, которую полюбил. Нет, государь, перед вами наследник престола, хорошо знающий свои права и требующий их. Он рас-

считывает на сочувствие многих, прислушивается к слухам, имеющим целью гибель отца, готовый воспользоваться возмущением, если б даже отец еще был жив, лишь бы возмущающиеся были сильны. Готовый даже возмутить чернь. Но того мало, государь. В письмах к сенаторам и духовенству программа деятельности по занятию престола уже начерчена. Близкие к вам люди будут заменены другими, все пойдет на оборот, все, что стоило вам, государь, таких трудов, все из-за чего вы, государь, подвергались таким бедствиям и наконец получили силу и славу для себя и государства. Все будет низвергнуто. И, конечно, не будет пощады государине Екатерине Алексеевне и детям ее.

П е т р *(Алексею)*. Я поклялся сохранить тебе жизнь, но не я, а ты нарушил клятву, утаив наиважнейшие дела и особливо замысел свой бунтарский против нас.

А л е к с е й *(падает в ноги, плачет)*. Милости прошу, милости, батюшка.

П е т р. Кающимся и повинующимся милосердие. Однако ныне, когда выставлена неполнота и неправильность твоих прежних показаний, уж не я, отец, а суд и закон государства российского пусть о тебе позаботится. Я, Алексей, хотел тебе блага, а ты был всегдашний мой противник. *(К Толстому.)* Одеть на него железа и отвести в крепость.

А л е к с е й *(кричит)*. Меня в крепость, а сына моего куда? Младенца Селебена куда? В спирт? Наследника русского престола в спирт! *(Алексея уводят.)*

П е т р. Потерял я сына. А всему виной бородачи, старцы да попы. В них корень зла. Отец мой имел дело с одним бородачом-патриархом, а я с тысячью. Ой, бородачи. Бог-сердцевед судья вероломцам. Когда б не они, Алексей не дерзнул на такое неслыханное зло. *(К Афросинье.)* А ты-то, девка, отчего с ним поехала?

А ф р о с и н ь я. Меня взял он обманом. Сказал, чтоб проводила до Риги, оттуды взял с собой, сказав мне и людям, которые со мной были, что ему велено ехать тайно в Вену для деланья альянса против турка и чтоб тайно жить и чтоб не сведал турок.

Р у м я н ц е в. Государь, ежели б не Афросинья, то не знаю, что бы и делали. От Папы Римского царевича бы не взять.

П е т р. Афросинью освободить.

А ф р о с и н ь я. Слезно благодарствую, государь.

Т о л с т о й. Надо б в приговоре указать, что девке Афросинее Федоровой за правое сказание по государеву милосердию живот дарован и в монастырь послана на вечное покаяние. Она ж может жить в деревне и ежели замуж пойдет, то получит из казны приданое. Для сокрытия облик ее изменить, указав высокого роста и толстогубой. Изменить также имя ей и фамилию.

А ф р о с и н ь я. Я б, государь, не хотела б вам более докучать, только сказать еще хотела: у царевича по деревням раскольники живут и любят его. А подпив, царевич многожды матерно лаял вас, государь.

П е т р. Ладно уж, иди. *(Афросинья уходит с солдатом.)* Александр Иванович, помимо майора гвардии и деревень, отнятых у бунтовщиков, получишь Андреевский орден, о чем сегодня же отпишу сенату. Также и тебя, Петр Андреевич, награжу орденом, помимо графского титула, чина тайного советника и деревень. Девиз на Андреевском ордене: за веру и верность. Оба сегодня вы девизу подстать за такую великую службу не токмо мне, но паче Отечеству в привезении по рождению сына моего, а по делу злодея и губителя отца и Отечества. *(Петр обнимается и целуется с Толстым и Румянцевым.)*

ЗАНАВЕС

Сцена 18

Петербург. Тайная канцелярия. Застенок Трубецкого раската. Истерзанный пыткой Алексей висит на дыбе, растянутый. Руки его в хомуте, и хомут на веревке привязан к верхней перекладине, ноги связаны ремнем и привязаны к поперечному столбу. Тут же Шапский и иные палачи. Допрос ведут Петр и Толстой.

Т о л с т о й. Когда имел надежду на чернь, не посылал ли кого у черни?

А л е к с е й (*стонет*). Письма писал... Говаривал про тягости народные. А чтоб про бунт, того не бывало.

Т о л с т о й. Что говорил с Иваном Афанасьевым да с иными лакеями, то было еще до отлучения от наследства?

А л е к с е й. То говаривал пьяный. О тягостях народных. Что не стерпя что-нибудь сделают. Как-де народ терпит тягости.

П е т р. Когда слышал, будто бунт в Маклебургии, то радовался?

А л е к с е й. Радовался... Чаял, быть присылке по смерти вашей, для того, что писано — хотели вас убить. А чтоб живого вас отлучить, не чаял.

П е т р. Если б сильны были бунтовщики, и при живом поехал бы?

А л е к с е й. Если б сильны, то бы мог и поехать.

П е т р. Как писал ты в сенат и к архиреям, чтоб тебя они оставили ныне, то слово "ныне" в какую меру дважды написал?

А л е к с е й. То описался. Что объявил, больше не знаю.

П е т р. Спытай его, Феофилакт.

Ш а п с к и й. Сколько, государь?

П е т р. Пока не скажет.

Шапский хлещет Алексея кнутом по спине, по ребрам, по ногам.

А л е к с е й (*крича от боли*). Писал "ныне", чтоб за меня больше стали в народе. Чтоб онные письма были явлены в люди. Чтоб меня не оставили "ныне..." Чтоб когда онное в людях явлено, что как-нибудь вступились за меня. Прошением или угрозами за меня вступились.

Т о л с т о й (*Петру*). Государь, подъячий принес на подпись приговор по девке Марии Гаментовой.

П е т р (*к Шапскому*). Пытай его, пытай. (*К Толстому*.) Пусть читает.

Шапский бьет Алексея кнутом, тот воет и стонет.

П о д ъ я ч и й. Великий государь, император Петр Алексе-

евич, вся великая, малая и белая России самодержец, будучи в канцелярии Тайных разыскных дел, указал: девку Марию Гаментову, что она с Иваном Орловым жила блудно и была того брюхата трижды и двух ребенков лекарствами вытравила, а третьего удавила и отбросила, за такое душегубство, также за то, что у государини Екатерины Алексеевны крада алмазные вещи и золотые червонцы, в чем она с двух розысков повинилась, а также повинилась и в детоубийстве своем, казнить смертью. А бабе Катерине, которая о последнем ее ребенке, как она, Мария, родила и удавила, видела и по ее прошению того ребенка с мужем своим мертвого отбросила, а о том не доносила, в чем учинилась с нею сообщницей, вместо смертной казни учинить жестокое наказание: бить кнутом и сослать на прядильный двор на год.

Т о л с т о й. Ивану Орлову что будем учинять, государь?

П е т р. Ивану Орлову еще допрос чинить будем. *(Подписывает приговор. Подъячий уходит.)* Феофилакт, что царевич говорит?

Ш а п с к и й. Пардону просит, государь.

П е т р. Ты, я вижу, Феофилакт, бьешь жалеючи. Али неумел стал? Палач должен знать свою профессию и пользоваться своим инструментом, как и иной служащий государю и отечеству. Али опасешься того и рассуждаешь, что питанный сын мой? Несмотря на лицо, сделай правду.

Т о л с т о й. Государь, имеются сведения о сношениях царевича со Швецией. Посредством Понятовского собирався вступить в заговор с Карлом Двенадцатым. Хотел говорить о помощи и о возврате назад Швеции Петербурга и Лифляндии.

П е т р. Русской кровью политую землю шведу вертать хотел... Нут-ко Феофилакт, дай-ко мне. *(Берет у Шапского кнут и начинает с размаху бить Алексея, все более впадая в ярость.)* Пардону просишь? Ноне будет пардон не в пардон.

Ш а п с к и й. Уже хрипит, государь.

П е т р. *(Бьет с размаху).* Ничего... Кнут не архангел, души не имеет. Нут-ко, принеси мне веник.

Палачи приносят горящий веник. Петр хватает веник и приставляет его

к иссеченной кнутом, кровоточащей спине Алексея. Алексей воет и визжит по-животному и тут же замолкает.

Ш а п с к и й. В изумление пришел.

З а н а в е с

Сцена 19

Петербург. Комнаты Петра. С залитым слезами лицом, стоя на коленях, Петр в домашнем халате молится перед иконой Богоматери.

П е т р. Ты, милосердная, Пречистая Дева, Ты, Услышительница. Ты принимаешь на Свои руки и людей, которым нет возврата к благой жизни. Прими, помилуй и спаси меня. Да судит мя милосердный Бог и помилует пред праведным судом Своим.

Входит Екатерина и Феофан Прокопович.

Е к а т е р и н а *(утирая слезы)*. Петруша.

П е т р *(не слыша, молится)*. Святой Боже, святой крепкий, святой бессмертный, помилуй нас. *(Плачет.)*

Е к а т е р и н а. Петруша, Феофан Прокопович приехал, как ты просил.

П е т р *(словно очнувшись, встает с колен и быстро подходит к Феофану)*. Святой отец, уж осьмой день ежедневно молюсь я на коленях с горькими слезами, прося Бога внушить мне мысли, согласные с моей честью и с благом народа и государства.

Ф е о ф а н. Государь, мы все с превеликою тоскою зрим, как печаль вашего императорского величества ваше императорское здравие коротает.

Е к а т е р и н а. Поговори со святым отцом, Петруша. Я вас оставлю одних.

П е т р. Которое время?

Е к а т е р и н а. Уж первый час ночи.

П е т р. Как приедет Толстой с офицерами, сразу докладывать мне. *(Екатерина уходит.)* Святой отец, страх и трепет

объял меня, на душу мою налегли тяжкие помышления. Как поведать вам сии страшные тайны.

Ф е о ф а н. Вижу, государь, сердце ваше, сердце пресветлого монарха зело тяжкое с той поры, как своевольный царевич по привозе в заключении.

П е т р. Да, тяжело моему родительскому сердцу знать, что смертный приговор сыну уже готов. Верховный суд постановил — казнь смертью без всякой пощады. *(Берет приговор и читает.)* "Царевич не хотел получить наследство по кончине отца прямою и от Бога определенною дорогою, а намерен овладеть престолом через бунтовщиков, через чужестранную цесарскую помощь и иноземные войска с разорением всего государства, при животе государя отца своего. Весь свой умысел и многих несогласных с ним людей таил до последнего розыска. Подвергаем, впрочем, наш приговор в самодержавную власть".

Ф е о ф а н. По здравому рассуждению, государь, и по христианской совести такой наследник достоин смерти. Явно, умысел бунтовой против отца и государя, через коварные вымыслы и надежду на чернь.

П е т р. Все то понимаю. Надобно выбирать — или они, или мы. Или преобразованная Россия, или видеть Россию в руках человека, который будет истреблять память о преобразованиях. Надобно выбирать. Среднего быть не может, ибо заявлено, что кlobук не гвоздем будет прибит к голове. Но как, святой отче, как казнить родного сына. *(Плачет.)* Где силы взять, отче?

Ф е о ф а н. В Священном Писании, государь. Там истинное наставление и рассуждение, какого наказания сие богомерзкое и авессаломовому прикладу уподобляющееся намеренье сына вашего. Потому, немало можна поискать от Священного Писания образцов и статей сему делу приличных. Отцегругатель, сын Ноев, проклят был от отца и рабом брату своему осужден. Аще, кто злоречит отцу своему и матери своей, смертью да умрет. То же и сам Христос вспоминает у Матфея во главе пятнадцать и у Марка во главе семь. И в притчах Со-

ломоновых сказано: злословящий отца или мать угашает светильник свой. Сам Христос повиновался отцу своему мнимому Иосифу и матери своей, как указано у Луки во главе второй.

П е т р. Сия икона Богоматери, перед которой молюсь, была со мной под Полтавою. Карл Двенадцатый громил тогда земли русские, и к кому, как не к Ней обратиться было. Перед началом сражения повелел я носить сей образ Богоматери в полки, и сам, со слезами молил царицу Небесную о победе, которая должна была решить судьбу России. Тогда молитва бы моя была услышана. Услышит ли теперь молитву мою Заступница русских? Ныне также Полтавское сражение должен вести я в сердце моем, ибо наследник — есть будущая Россия.

Ф е о ф а н. Правда у вас, государь. Совесть ваша остается чистой в дни страшного испытания. Да и впервой ли подобное? Вспомните, что и византийский император Константин Великий казнил сына своего за измену.

П е т р. Пока жив разрушитель, дух мой спокоен не может быть. Тем более, с чужим войском намеревался он в Россию идти и так о престоле отеческом мыслить. Потому велел я, чтоб виновного судили не яко царского сына, а яко подданного.

Входит Екатерина.

Е к а т е р и н а. Петруша, Петр Андреевич с офицерами.

Входят Толстой, Румянцев и Мещерский.

Т о л с т о й. Всемилостивейший государь. Только вернулись мы из крепости, где прочитали осужденному приговор.

П е т р. Что царевич?

Т о л с т о й. Едва царевич о смертной казни услышал, то зело побледнел и пошатнулся, так что мы едва успели его под руки схватить и тем от падения долу избавить. Мы уложили царевича на кровать и поручили его слугам и лекарю.

Одним лишь едва успокоили, что приговор Верховного суда еще вашим величеством не утвержден.

П е т р. Сколько слуг при нем?

Т о л с т о й. Постельничий, да мастер гардеробный, да мастер кухонный. Иные при переводе царевича из дому в крепость все отобраны.

П е т р. Возьмешь и этих.

Т о л с т о й. Понял, государь. Надобно крепостному караулу трех-четыре солдат мне, чтоб с теми солдатами всех челядинцев якобы к допросу в коллегию отправить и там тайно под стражею задержать.

П е т р. Начальнику стражи велишь отойти от наружных дверей каземата царевича, вместе с иною стражею, якобы стук оружия недужному царевичу беспокойство творит и вредоносен может быть.

Т о л с т о й. Понял, государь.

П е т р (к *Феофану*). Благослови меня, святой отче.

Ф е о ф а н. Государи благий, помыслил ли ты, да не каяться будешь?

П е т р. Злу, отче святой, мера грехов его преисполнилась, и всякое милосердие от сего часу в тяжкий грех нам будет пред Богом и пред славным отечеством нашим. Благослови меня, владыко, на указ зело тяжкий моему родительскому сердцу и моли всеблагого Бога, да простит мое окаянство.

Ф е о ф а н (*молится и благословляет*). Да будет воля твоя, пресветлый государь. Твори, яко же пошлет тебе на разум сердцевед Бог.

П е т р (*подойдя к Толстому и офицерам*). Слуги мои верные, во многих обстоятельствах испытанные. Се час наступил, да великую мне и государству моему услугу сделаете. Онный зловредный Алексей, его же сыном и царевичем срамлюсь звати, призрев клятву, пред Богом данную, скрыл от нас большую часть преступлений и общенников. Суд верховный российский, яко вы ведаете, праведно творя и на многие законы гражданские и от Святого Писания указуя, его, царевича, достойно к понесению смертной казни судил.

Яко человек и яко отец, я болезную о нем сердцем, но яко справедливый государь знаю, что нетерпимо отечеству несчастия от моего сердолюбия, и должен я ответ строгий дать Богу, на царство меня помазавшего и на престол Российской державы посадивший. Того ради, слуги мои верные, спешно идите к одру преступного Алексея и казните его смертью, яко же подобает казнить изменников государю и отечеству. Не хочу поругать царскую кровь всенародной казнью к радости черни, но да свершится сей предел тихо и неслышно, якобы ему умерша от естества, предназначенного смертью. Идите исполните то, что хочет законный ваш государь и изволит Бог. В Его державе мы все есмь.

Т о л с т о й. Всемилостивейший государь, веление ваше исполним.

Р у м я н ц е в. Я чту вас, государь, яко величайшего моего благотворца и сделаю все, что вы велите. Надо быть камнем или какою иною бездушною вещью, что от благодарствия вам, государь, отречься.

П е т р. Где Анна? *(Входит Анна Кремер.)* Анна, поедешь с сими господами в крепость. Когда совершится, тебя позовут. Ты омоешь тело царевича, нарядишь его и уложишь в гроб.

А н н а. Сделаю, государь, как вы велите.

П е т р. Что сотворите ныне ночью, что увидите очами своими и услышите ушами, сохраните глубоко в сердцах своих, никому не поведавая о том из живущих на земле.

Т о л с т о й. Сохраним тайну государеву даже ценой живота своего.

Феофан крестит их и благословляет. Анна Кремер, Толстой и офицеры уходят.

П е т р. Верховному служению государству я приношу в жертву своего сына.

Уходит в боковую дверь, поддерживаемый Екатериной и Феофаном.

З а н а в е с

Сцена 20

П е т е р б у р г. Камера Петропавловской крепости. Мария Гайтон, закованная в цепи ручные и ножные, ходит в полутьме по коридору. Звучит перезвон колоколов.

М а р и я. Третий час ночи. Колокола бьют в церкви святых апостолов Петра и Павла. Какая страшная тоска от колокольной прелюдии. Как терзает душу. Сейчас разыграют прелюдию, и будут часы бить. *(Слышны крики часовых.)* Звон церковных колоколов, унылый бой часов, крики часовых да мой голос — вот и все звуки. *(Плачет.)* Одна надежда на милость государя и на доброе сердце государини. Надежда на помилование не оставляет меня. Ведь и святая Магдалина была грешница. И святая мученица Иулиана грех искупила. *(Подходит к окну.)* Вчера суббота была, память мученицы Иулианы. В природе все так весело и чудно. Роскошная Нева, тепло, радостно... Апостол Павел глаголит, что плоть против духа восстает. И звезды небесные силы свои и в душу и в тело вливают. Так в книгах писано. Отсюда и войны и злодейства. У множества человек плоть более перемогает. Того ради случается, когда хотение телесное исполняется, война и душегубства, того ради удавила я мальчика своего. *(Слышен скрежет ключа.)* Кто это ко мне ночью? Не помилованье ли? *(Дверь камеры открывается. На пороге стоит сержант с горящей лучиной в руках. Рядом с ним закованный в кандалы Орлов.)*

О р л о в. Марьюшка, государиня милостиво дозволила наше свидание.

М а р и я. Ваня! *(Бросается к нему, они обнимаются, гремя кандалами.)* Был ли тебе приговор, Ваня?

О р л о в. Приговору мне не было. Хотели меня за караулом на Котлин остров послать, однако пока отменили. А тебя, Марьюшка, пытали ли вдругорядь?

М а р и я. Не бойся, Ваня, про тебя ничего не сказала. А пытать меня более не будут. Мне сон снился, вещий голос в неясном образе то ли ангела, то ли святого сказал — не бойся, тебя бить более не станут.

Орлов. Я ничего не ведал про твое детоубийство.

Мария. И я не ведала, Ваня. А ведали про то лишь звезды небесные. Они всему виной. Небесные призраки в дела мирские втручение имеют.

Орлов. Эх, Марьюшка, ведь звезды небесные батогом не высечешь, на дыбу не поднимешь, голову не отсечешь.

Мария. Однако должно быть смягчение наказанию, потому как положение при детоубийстве женщины есть необыкновенное, и часто она, терзаемая стыдом, страхом, угрызениями совести и изнуренная телесными страданиями, почти лишается рассудка, следственно, покушается на ужасное преступление без ясного об онном перед собою сознания.

Орлов. Ты, Марьюшка, такое не говори, за такое не помилуют. Ты кайся и проси государя и государиню, а более ничего не говори.

В коридоре слышен шум шагов.

Сержант. Свидание окончено.

Мария и Орлов плача обнимаются. Сержант уводит Орлова и запирает дверь.

Мария. Летняя ночь уже к концу. *(Подходит к окну.)* На Васильевском острове уже пробуждение. По каналу вон барки плывут. *(Бой часов.)* В Голландии часы звонят от механизма, здесь же в колокола бьют приставленные люди. Как была на колокольне — видела. Тоска какая. Отчего Европа не вступится за меня? Я осуждена несправедливо здесь, в дикой России. Мой сородич — герцог Норманский. Наш фамильный герб старинной фамилии Гамильтонов из Англии и Шотландии. Меня же наказывают здесь телесно через палачей. Но государиня добра ко мне. После аресту я ехала из Москвы не с колодниками, в отдельной повозке в штате государини. *(Звяканье ключа в замке.)* Снова кто-то. Сегодня ночь необыкновенная. Будет, будет помилование от государя. *(Входит Анна Кремер со свечой.)* Анна! Тебя прислала государиня?

А н н а. Марья Даниловна, я пришла успокоить вас и сообщить, что хлопоты о вашем помиловании не кончены. Прежде всего государиня хлопочет.

М а р и я. Я виновна, что крада у нее, поскольку, как камер-фрейлина денежного жалованья в месяц сто рублей получала, не многи более карлиц, музыкантов и хайдуков. А от любовников по скупости их подарков не имела... Ты, Анна, пленная, мы ж, Гамильтоны, сами приехали сюда, наслышавшись легенд о русском дворе и русских любимцах счастья... Вот оно, мое счастье. Я слышала, ты, Анна, уже особа доверенная. Скажи мне, отчего государь так суров ко мне? Что причина строгости государя к женщине, которая пыткой и самым ужасным заключением в кандалах достаточно уж наказана за свое злодеяние.

А н н а. Строгость государя прямо вытекает из желания неуклонно выполнять закон.

М а р и я. Всегда ли выполнял государь закон? Ведь во многих случаях он уступал просьбам государини, приближенных вельмож, а то и шута, даже любимой собаки, на ошейнике которой догадывались привязать челобитную о помиловании.

А н н а. Марья Даниловна, надо надеяться до последнего момента. Были случаи, когда и на эшафоте государь шепчет на ухо палачу, чтоб ударил топором мимо шеи, по колоде.

М а р и я. На казнь свою наряжусь я в платье шелковое, белое с черными лентами. Любимое платье государя. Красива ли я еще, Анна?

А н н а. Красивы, Марья Даниловна.

М а р и я. В белом шелковом платье и широкой белой шляпе взойду я на эшафот в последней надежде, что если хлопоты не помогли, то, может, мое погребальное кокетство произведет впечатление на монарха. *(Слышны шаги идущих мимо камеры людей.)* Что это? Кто это идет?

А н н а. Караул сменяют.

М а р и я. Нет, караул так не ходит. Я шаги караула знаю. Куда это идут? Страшно-то как... Страшно... Страшно-то как. *(Слышна прелюдия колоколов. Бьют часы.)*;

ЗАНАВЕС

Сцена 21

Камера царевича Алексея. Полутьма освещена лишь горящей перед образами лампадой. Царевич спит, сбросив одеяло, полуобнаженный, вскрикивает и стонет во сне. Открывается дверь камеры, тихо входят Толстой, Румянцев и Мещерский. Останавливаются и смотрят на царевича.

Т о л с т о й (*шепотом*). Стонет царевич, разметавши одежды, якобы от некоего страшного видения.

Р у м я н ц е в (*шепотом*). И вправду недужен вельми. Потому, выслушав приговор, святого причастия сподобился из страха не умереть, не покаядшись в грехах.

Т о л с т о й (*шепотом*). Однако лекарь говорил — здравие ныне далеко лучше стало и к совершенному выздоровлению надежду крепкую подает. Потому сам собой и не умрет.

М е щ е р с к и й (*шепотом, с дрожью в голосе*). Господа, не лучше ли его мирного покою не нарушати? Не лучше ли его во сне смерти придати и тем от лютого мучения избавити?

Т о л с т о й. Лучше бы. Одначе совесть на душу налегла, да не умрет без молитвы. Так что укрепимся силами. (*Подходит и тихо толкает царевича в плечо.*) Ваше царское величество. (*Царевич стонет сильнее.*) Ваше царское величество, восстаньте.

М е щ е р с к и й (*в страхе*). Очеса открывает.

Алексей поднимается и садится на постели. Смотрит, недоумевая и ничего не говоря.

Т о л с т о й. Государь-царевич. По суду знатнейших людей земли русской ты приговорен к смертной казни за многие измены государю, родителю твоему, и отечеству. А мы, по его императорского величества указу, пришли к тебе суд исполнить. Того ради молитвою и покаяднием приготовься к

твоему исходу, ибо время жизни твоей уже близко есть к концу своему.

А л е к с е й (*вскакивает с воплями и плачем, бежит к двери*). Душегубство! Люди добрые! Народ! Убивают! *(Борется у двери с Мещерским. Мещерский отталкивает царевича на середину камеры.)*

Т о л с т о й. Не возымеешь ты успеха из крика того. Готовься к смерти, как подобает царскому сыну.

А л е к с е й (*падает на пол с плачем*). Горе мне, бедному, горе мне, от царской крови рожденному! Не лучше ли мне родиться от последнего подданного.

Т о л с т о й. Утешься. Государь яко отец простил тебе все погрешения и будет молиться о душе твоей. Но яко государь-монарх он измен твоих и клятв нарушения простить не мог, боясь в некое злоключение отечество свое повергнуть через то. Того для, отвергши вопли и слезы, единых баб свойства, прими удел твой, яко же подобает мужу царской крови и сотвори последнюю молитву об отпущении грехов своих.

А л е к с е й (*плачет и кричит*). Нет, не отец он мне, не батюшка мой! Детоубийца! Детоубийца! Не отец он народа русского! Мучитель! Детоубийца! Всю Россию измордовал, замучил! Детоубийца!

Т о л с т о й. Видим, молиться ты не хочешь. Берите его, господа, под руки, ставьте на колени. *(Румянцев и Мещерский хватают Алексея и после короткой борьбы ставят на колени.)* Один кто из вас говорите за него молитву.

М е щ е р с к и й (*в страхе*). Говори ты, Румянцев. У меня язык не идет.

Р у м я н ц е в. И я запинаясь.

Т о л с т о й. Скорей, господа, говорите.

Р у м я н ц е в. Господи, в руки Твои передаю дух мой.

А л е к с е й (*кричит и плачет*). Господа, пустите меня, молю, пустите, стану государем, всех помилую да одарю... Афросиньюшка, матушка моя, зачем покинула меня... Селебена, мальчика нашего удавила и отбросила. *(Плачет.)* Мальчика нашего в спирт покладут...

М е щ е р с к и й. Что говорит, разобрать нельзя. Разума

помрачение случилось.

Т о л с т о й *(нетерпеливо)*. Скорей, господа.

Р у м я н ц е в. Господи, упокой душу раба твоего Алексея в селении праведных, презирая погрешения его, яко человеколюбец.

Т о л с т о й. Вали его на ложницу спиной! *(Все трое валят Алексея на постель.)* От возглавия два пуховика бери... Румянцев! Главу накрывай ему! Главу! За ноги держать... Мещерский, за ноги! Пригнетай!

А л е к с е й *(вырвав голову из-под подушек)*. А-а-а! А-а-а! О-о-о!

Т о л с т о й. Пригнетай *(Давят подушками.)*

М е щ е р с к и й *(дрожащим голосом)*. Все... Будя... Движения рук и ног утихли.

Т о л с т о й *(прикладывая ухо к груди Алексея)*. Сердце биться перестало.

Р у м я н ц е в *(дрожащим голосом)*. Скоро сделалось, ради его немощи.

Т о л с т о й. Царевич Алексей Петрович с сего света в вечную жизнь переселился. Уложим тело царевича, яко бы спящего, и помолимся Богу о душе.

Толстой, Румянцев и Мещерский подходят к образам, перед которыми горит лампада, и молятся: Святой Боже, святой крепкий, святой бессмертный, помилуй нас.

Р у м я н ц е в. Я, господа, во многих сражениях бывал, но такого страха николи не терпел.

Т о л с т о й. Господин Мещерский, поди покличь госпожу Кремер. *(Мещерский выходит.)* Ты, Румянцев, с Мещерским здесь останетесь, чтоб кто-либо из сторонних сюда не вошел, а же к Петру Алексеевичу с донесением о кончине царевича поеду. Петр Алексеевич велел сразу ехать и будить в случае надобности. Но думаю, он не спит, дожидается.

Р у м я н ц е в. Час который?

Т о л с т о й. Светает. Видать, пятый. *(Входят Анна и Ме-*

щерский, неся гроб.) Госпожа Кремер, тело царевичево совместно с офицерами опрятайте и к погребению изготовьте. Облеките в светлые царские одежды.

А н н а. Гроб из плохих досок. Подобаает ли царскому сыну?

Т о л с т о й. Гроб для погребения иной готовят, дубовый, черным бархатом обтянутый. Пока же в сей кладите. Простой, чтоб подозрения не было. Пока смерть царевича не объявят, заказали у плотника для иного арестанта.

А н н а (*подходит к телу царевича, укрытому с головой одеялом*). Ежели голова отрублена, чтоб приставить во гробе, надо бы шею шейным платком обвязать.

Т о л с т о й. Голова цела, одначе лицо синее. Белил бы положить надобно.

А н н а. Ежели задушен, то и шея синяя. Все одно, шейный платок надобно.

Т о л с т о й. Приступайте, господа. В седьмом часу, когда колокол церкви Петра и Павла возвестит о кончине царевича, чтоб он был обряжен и лежал в гробу.

З а н а в е с

Сцена 22

Петербург. Соборная церковь Петра и Павла в Петропавловской крепости. За цепью солдат-преображенцев толпится народ разного чина и сословия. Тут же иностранные дипломаты и иностранцы.

П о с а д с к и й (*мужику*). Три дня, пока тело царевичево отпевали в церкви Пресвятая и Живоначальные Троицы, я там бывал. Ныне же, как узнал, что погребение будет в церкви святых апостолов Петра и Павла да дозволено будет всякого чина людям, кто желает, приходить ко гробу его, царевича, и видеть тело его и с онным прощаться, сюды поспешил.

М у ж и к. Я тоже любитель похорон царствующих особ, особливо, когда войско в окончание дает по батальному залф.

Г а н о в е р с к и й п о с л а н н и к (*к Шефирову*). Господин Шефиров, от имени гановерского двора и от имени иностранных резидентов при русском дворе, хотел бы узнать о смерти принца Алексея.

Ш е ф и р о в. Я, господа, специально послан к вам от чужеземной коллегии по указу государя, чтоб пресечь неверные и противоречивые слухи при дворе, в народе и среди иностранцев. Все так учинилось. После того, как царевичу был прочитан смертный приговор, вынесенный сенатом за многие измены и политические преступления против государя и отечества, от сильного волнения последовал с царевичем апоплексический удар.

Г а н о в е р с к и й п о с л а н н и к. Был ли смертный приговор утвержден императором?

Ш е ф и р о в. Нет, господа. Смертный приговор государем утвержден не был, и я имею сведения, что государь намеревался царевича помиловать, заменив смерть ссылкой в монастырь. Но когда вестник объявил, что царевич не переживет вечера и желает говорить с отцом, его величество отправился к умирающему царевичу, который, увидав своего отца, со слезами сказал, что виноват перед Богом и государем, не надеется освободиться от болезни и молит снять с него проклятие, простить его преступления, благословить его и молиться за душу его. Его императорское величество не мог не заплакать, дал ему благословение и прощение и, заливаясь слезами, удалился. Едва он сел в шлюпку, чтоб отъехать от крепости, как прибыл новый вестник с сообщением, что Бог принял душу царевича.

Г а н о в е р с к и й п о с л а н н и к. От имени гановерского двора выражаю свою благодарность за разъяснение. (*Шефиров откланивается и уходит.*)

Плеер (*прусскому резиденту*). Я опасаясь, чтоб письмо мое не было вскрыто в здешней канцелярии и обнаружилось совсем не то, что здесь обнародовано и напечатано. Носится тайная молва, что принц погиб от меча или топора. (*Шенотом.*) Сам царь отрубил ему голову.

П р у с с к и й р е з и д е н т. Известия о смерти царевича

очень различны. Возможно, действительно, после объявления смертного приговора он пришел в такой ужас, что с ним сделался удар и он скончался. Но очень немногие считают, что его смерть естественна.

Г о л л а н д с к и й п о с л а н н и к. Опасно объявить, что думают. Мне, как и вам, господин Плеер, запрещен проезд ко двору, потому что мы слишком смело говорили, и обоим нам грозит отзыв по требованию русского правительства.

П р у с с к и й р е з и д е н т. Что сообщили вы генеральным штатам о смерти принца?

Г о л л а н д с к и й п о с л а н н и к. Я сообщил, что он умер от растворения жил.

Ф р а н ц у з с к и й п о с л а н н и к. У меня, господа, абсолютно достоверные сведения. Принц скончался около пяти часов вечера от яда. К жене моей ходит француженка, мадам Ренбер, которая живет с семьей своей при крепости, следя за чистотой белья и прочего. Повар и челядинцы принцевы, по приказу коменданта, отняли у нее кухню и готовили на ней пищу принцу, и она часто видела, как принц кушал. Однако в тот день был караул, и никого мимо не пропускали. Она говорила дочери: может быть, принц слишком болен, что никого не пропускают. И видела она, что кушанья назад принесены. „Что за яства“, — спросила она. „Со стола принца принесли“, — ответил лакей. А утром следующим пекли у нее в доме пироги, и хлебник сказал: „Пироги печены для поминания. Принц умер“.

П р у с с к и й п о с л а н н и к. Но почему вы знаете, что именно от яда?

Ф р а н ц у з с к и й п о с л а н н и к. Мадам Ренбер была в гостях у жены аптекаря Бера, когда пришел к ней лекарь-француз и сказал, что его послал комендант крепости, чтоб заказать крепкое питье, потому что принц очень болен. Услышав такое, Бер побледнел, затрепетал и был в большом замешательстве. Мадам Ренбер так удивилась, что спросила, что с ним сделалось. Он ничего не мог ответить. Меж тем, пришел сам комендант, почти в таком же состоянии, как и аптекарь, и объявил, что надобно поспешить, потому что принц очень болен от удара паралича. Аптекарь вручил ему серебря-

ный стакан с крышкой, который комендант понес к принцу, всю дорогу шатаясь, как пьяный. Когда лекарь-француз вернулся, принц уже был в конвульсиях и после жестоких страданий около пяти часов пополудни скончался. По императорскому повелению внутренности из трупа были вынуты.

П р у с с к и й п о с л а н н и к. Пойдемте, господа, скоро церемония погребения. *(Уходят.)*

Народ, толпящийся за цепью солдат, перешептывается. Многие плачут.

С т а р у х а. По государини-царицы наговору, государь царевича своими руками забил кнутом до смерти. А наговорила она, государиня-царица так: как тебя не станет, мне от твоего сына и житья не будет. А государь, послушав ее, бил его, царевича, своими руками кнутом, оттого он, царевич, и умер.

Ж е н щ и н а. Царица Екатерина Алексеевна Бог знает какого роду. Мыла сорочки с чухонками. По ее наговору и царевич умер.

М о л о д о й ч е л о в е к в к а р т у з е. Не так было. В Петербурге государь собрал сенат, архиереев и других многих людей. В ту палату вошел царевич, не снял шапку перед государем и сказал: что мне, государь-батюшка, с тобой судиться. Я завсегда перед тобой виноват. И пошел вон. А государь молвил: смотрите, отцы святые, так ли дети отцов почитают. И, приехав в свой дом, царевича бил дубинкой. От тех побоев царевич умер.

М у ж и к (крестится). Вынос во гробе тела его, царевича, к погребению. *(Слышно пение, и появляется процессия. Впереди несут икону, за иконою певчие, потом духовенство.)* Перед гробом дьяконы и протодьяконы с кадилами...

П о с а д с к и й. Гроб отверзен, а сзади доску несут.

Плач. Многие из народа становятся на колени и кланяются гробу.

С т а р и к. Не его, царевича, несут. Солдата беглого несут, которого после казни в царский гроб поклали.

Ж е н щ и н а. А где же царевич?

С т а р и к. Слышал я, жив царевич и идет с силою своей против царского войска под Киев.

М у ж и к (*умиленно*). За гробом царевича изволит высокою своею особою идти его императорское величество и ее величество во скорби.

Петр и Екатерина проходят в трауре со скорбными лицами. За ними следуют вельможи и прочие знатные господа. Гроб устанавливают на возвышении.

Д ь я к о н. Сейчас духовная церемония будет. Надгробное пение к погребению. Сейчас запоют стих: зряще мя безгласна... (*Хор поет.*) Гляди, епископ Карельский и Ладожский Аарон отпевает. (*Крестится и подпевает.*)

П о д ь я ч и й. Погребать будут царевича близ супруги его, принцессы прусской, которая от аборту скончалась.

С т а р у х а (*сердито*). Ну, народ, в церкви, как на торге. Помолиться не дадут, окаянные.

Звучат хор и молитва.

М у ж и к (*умиленно*). Государь и государыня изволят с телом царевичевым прощаться и онное целовать.

П о с а д с к и й. Послея господа министры и прочие персоны пойдут, а послея уж иному народу разрешат тело царевичево в руку целовать. Ткнусь-ка поближе. (*Протискивается вперед.*)

Под пение хора длинная процессия движется мимо открытого гроба, и каждый целует царевича в руку. Проходят Плеер и прусский посланник.

П р у с с к и й п о с л а н н и к. Голова принца несколько прикрыта, а шея обвязана платком со складками, как бы для бритья. И щеки набелены.

П л е е р. Теперь главное, кто наследник. Объявленный наследник еще младенец и слаб здоровьем. А сам император Петр тоже весьма болен. От барона Остермана известия, что диктует своему кабинет-секретарю Макарову политическое завещание.

П р у с с к и й п о с л а н н и к . Что ж в том завещании?

П л е е р . План по будущему завоеванию Российской империей господства в мире.

П р у с с к и й п о с л а н н и к . Правда ли?

П л е е р . Барон Остерман обещал добыть отрывки.

П р у с с к и й п о с л а н н и к . Тише, Толстой идет. *(К Толстому.)* Господин Толстой, надо ли объявлять в посольствах траур?

Т о л с т о й . Никакого траура не будет, потому что царевич умер как преступник.

Двигается мимо гроба царевича процессия. Звучит хор.

З а н а в е с

Сцена 23

Петербург. Прядильный двор суконной фабрики. За ткацким станками женщины, некоторые с вырванными ноздрями. Есть пожилые, есть и молодые, хорошенькие. Ткачихи ткут, сидя вдоль стены одна подле другой, все одеты одинаково в белые юбки и белые камзолы, обшитые зелеными лентами. При криках: "Государь! Государь!" — все встают. Входит Петр в сопровождении шумной свиты. Впереди идет барабанщик и бьет в барабан, за ним певчие поют: „Бог ище хочет, побеждает естества чин. Аллилуйя“.

П е т р *(с веселым красным лицом)*. Аллилуйя! *(Протягивает руку назад, негритенок подает ему полный бокал водки.)*

К о м п а н е й щ и к С к о б е е в *(подбегает и кланяется)*. Милости просим, государь.

П е т р . Не кланяйся мне, братец, я к вам от Бога поставлен, и должность моя — смотреть, чтоб недостойному не дать, а у достойного не отнять. Если уж кланяться хочешь, то кланяйся гостю нашему, его величеству герцогу Гольштинскому, жениху моей дочери Анны, да Расскажи, что здесь у тебя да как.

Герцог. O, die Spinnerin.

Компанейщик Скобеев (к герцогу). Ваше величество, фамилию имею Скобеев, компанейщик-интересант, аренду фабрику от управления казенных фабрик.

Герцог. Das Spinhaus...Русская девка хороша. (Смеется.)

Скобеев. Имею, ваше величество, в шпингаусе сто пятьдесят ткацких станков. За станками все русские, здесь и в иных комнатах. Делаем не только грубые полотна и камку, но и тонкие, как голландские и китайские.

Петр. На прокорм работниц сколько идет?

Скобеев. Четыреста рублей в месяц, государь.

Петр (к герцогу). Вот, стараюсь из мужика капиталиста сделать. Даю им дворянские привилегии, а многие предприятия лопают, капитал расхищают. Казенные деньги по зарукавьям плывут, с законом, как в карты, играют.

Скобеев. Мы, государь, как можем трудимся. Прошлый год на Северной Двине торговый дом открыли.

Петр. Трудись, братец, трудись. Ежели б нашу Россию трудиться научить. Европа где позади уж была б. Видишь, братец, у меня на руках мозоли, у меня, у императора российского. А все для того, чтоб показать вам пример и хотя бы на старость видеть себе достойных помощников и слуг отечества.

Крики: "Слава государю!" По знаку Скобеева ткачихи встают и начинают петь.

Ткачихи.

Как во городе во Санкт-Петербурге
На проезжей славной улице
Напротив двора гостиного
У Скобеева да на фабрике
Среди двора да широкого
Как стояла да светла светлица,
Как сидела тут красна девица
Душа Аннушка полотна ткала.

Петр. Замужние среди них имеются?

С к о б е е в. Так точно, государь. Замужним женщинам для отличия я велел одеть шапки, сделанные из золотой и серебряной парчи и обшитые галуном. А незамужние девушки простоволосы. Вон та, с балалайкой, служила семь лет в драгунах... Поклонись государю. (*Драгунша кланяется.*) А запевала — это Пушкина.

П е т р. Которая Пушкина? Федора Матвеевича дочь? Бунтовщика казненного?

С к о б е е в. Нет, государь, Александра Петровича Пушкина дочь. Преображенского капитанармуса. Казнокрада.

Т о л с т о й. У сего Пушкина в Болдино сделали выемку, нашли под половицами коробки сибирского да китайского золота. Хотели покруче осудить, да Мусин-Пушкин хлопотал, дальний родственник.

Хор (поет):

Как съезжались полотна смотреть.
Приезжали к ней добры молодцы.
Что же знала красна девица,
Как пришел ее родной батюшка.
Красна девица испугалась,
Полотна ткати помешалась.

П е т р (*весело*). Дуню давай. (*И запекает.*) Оставалась девица у молодца ночевать. Снявши платье спать ложилась на тесовую кровать.

Х о р. Ночуй, Дуня, ночуй, Дуня, ночуй, Дуня, у меня...

Начинается пляска. Петр пляшет с Анной Кремер.

П е т р. Ты, Анна, заслужила награду. Хочешь быть гофрейлиной императрицы или гофмейстериною царевны Анны Петровны, невесты герцога?

А н н а. Государь, хочу оставить двор, уехать в Нарву и жить там с братьями моими по возвращении их из заточения. А на наградные деньги куплю себе небольшую вотчину в Рижском округе.

П е т р. Жаль мне тебя, Анна, отпускать, умна ты да красива, но отказать тебе не могу. *(Целует ее.)*

Подходит Шефиров.

Ш е ф и р о в. Государь, здоровья желаю.

П е т р. Здравствуй, Петр Павлович.

Ш е ф и р о в. Я тут, государь, с посланником китайского богдыхана. Интерес имеет к нашему полотняному делу.

П е т р. Конкуренцию русского товара китайскому изучает. Ладно уж, пусть глядит. С Пежином дела устраивать надо, с Пежином давно у нас не ладится.

Ш е ф и р о в. Уж верно, государь, не ладится. Грамоту нашу снова вернули и посланнику объявили выговор.

П е т р. Чего ж?

Ш е ф и р о в. Оттого, что в грамоте ваше имя и титул, государь, написано прежде, а богдыханово после.

П е т р. Напиши в грамоте только титул богдыханов, а я подпишу вовсе без титула.

Ш е ф и р о в. Посланника нашего, поручика Измайлова менять надобно. Вести себя не может. Китайцы на него постоянно жалобы пишут. К примеру, сообщают мне, что когда богдыхан в беседе спросил нашего посланника, учился ли он астрономии, тот ответил, что учился. А когда богдыхан спросил об одной звездочке, которая называется "Золотой гвоздь", то поручик Измайлов ответил очень грубо: я на небе не бывал и имен звездам не знаю.

П е т р. Вот негодник. *(Смеется.)* Я научу таких негодников вести себя с китайцами учтиво. Ты, Петр Павлович, с китайцами завтра ко мне заезжай с утра. Обо многом переговорить надобно. Чтoб наших изменников выдали, которые через Амур в Китай бежали, да чтoб богдыхан приказал своим купчинам выслать нам серебра доброго пуд по тысяче, чтoб купчины покупали бы у нас всякие русские и немецкие товары, какие им годны и в китайском государстве, чтoб дать место под православную церковь, которая будет выстроена русской казной... Однако надобно одновременно способ-

ствовать и проникновению в Китай иезуитства, но тайным путем, через Сибирь. В России же деятельность иезуитства всячески пресечь. О том у меня с тобой да с Петром Андреевичем будет особый разговор.

Ш е ф и р о в. Государь, не переговорите ли сейчас пару слов с китайцами. Китаец просил.

П е т р. Давай его сюда.

Шефилов уходит и возвращается с китайским посланником.

К и т а й с к и й п о с л а н н и к (кланяется). Поклон белому царю от великого богдыхана Кгнанг-си, что по-русски значит — всеобщий покой.

П е т р. Покой означает мир. Как вы в царствующем граде Пежине хотите с нами мира и покоя?

К и т а й с к и й п о с л а н н и к (улыбается). Белый царь, из-за чего нам ссориться? Россия государство холодное, дальнее. Если б богдыхан послал свои войска, то все померзли бы. И хотя бы чем-нибудь овладели, какая в том прибыль? А наша страна жаркая, и если русский белый царь пошлет против нас свои войска, то могут напрасно помереть, потому что к жаре непривычны. И хотя бы завладели чем-нибудь — не велика прибыль, потому что в обоих государствах земли множество.

П е т р. Верно говоришь. Завтра ко мне приезжай для подробностей. А ныне веселись с нами, да гляди, как мы живем, как крепнем. *(Шефилов с китайским посланником отходят.)* Можно ли было представить, друзья мои, еще двадцать лет назад, как мы стоим ныне в Европе и Азии? В свободное время, друзья мои, люблю я подумать да помечтать. И так, мечтая, сделал я недавно гравюру, поскольку изучал гравировальное дело. Гравюра изображает торжество христианской религии над мусульманской. Ангел с крестом и пальмой в руках попирает полулуние и турецкие бунчуги. Будет, будет вновь православный крест в Царьграде над Софией, а турок прогоним в пески, откуда они родом. Будет, будет православная Россия третьим Римом, владычицей мировой. Ибо, как сказано в святом псаломе Давидовом: не-

честивые будут истреблены из града Господня. *(Петр вместе с хором поет торжественный псалом.)*

Благословите Господе все ангелы Его,
Крепкие силой, исполняющие силы Его,
Повинуясь гласу слова Его,
Благословите, Господи, все воинства Его.
Служители Его, исполняющие волю Его.

Петр берет бокал у негритенка, чокается с герцогом и с Толстым.

П е т р. Доброе вино.

Г е р ц о г. Бургундское.

П е т р *(выливает недопитое вино и разбивает бокал)*.
Я велел французского вина мне не подавать, понеже французский король враг наш и интригует против нас в союзе с турецким султаном. Ну-ка, принесите мне ту палку. *(Скобеев приносит палку. Петр бьет ею негритенка.)* Еще раз, арапка, французского подашь, плетьюми высеку.

С к о б е е в. Извольте, государь, испить нашей браги, русского хмельного напитка. *(Подает ковш с брагой.)*

П е т р *(выпивает)*. Вот питье, которое против моей натуры не идет. Давай русскую!

Х о р *(поет)* :

Мне сухие-то сучечки бока наломали,
Мне ползучие муравли ножки целовали...

П е т р *(кричит весело)*. Смотри мне, кумпанейщик, надобно так поставить дело, чтоб через пять лет не покупать для нашего войска мундирного сукна заморского!

С к о б е е в. Быть тому, государь... Ежели, государь, изволите и ежели изволит его высочество герцог, Пушкину да драгуншу вместо мужского партнеру я заставлю проплясать употребительную у здешних крестьян свадебную пляску, которая очень замысловата, но не отличается грацией по причине непристойности движений.

П е т р *(переводит герцогу по-немецки. Герцог смеется и согласно кивает головой)*. Пусть пляшут.

По знаку Скобеева хор запеваёт:

Парень-паренечек, миленький дружок,
сшей-ка мне баш-
мачки из желтого песочка.

Девушка-девушка, сама красавица,
напряди мне дратвы из дож-
девых капель.

Парень-паренечек, миленький дружок,
сшей-ка мне платье
из макового цвета.

Девушка-девушка, сама красавица,
напряди мне ниток из белого
снега.

Под эту песню Пушкина и девушка-драгун начинают плясать, следуя одна за другой и делая друг другу знаки лицом, головой, всем корпусом и руками. Потом Пушкина жестами делает объяснение в любви девушке-драгуну, которая, однако, старается избегать ее до тех пор, пока Пушкина перестает ее завлекать, как бы утомившись. Тогда девушка-драгун начинает ухаживать за Пушкиной и с трудом заставляет ее принять в знак любви носовой платок. После этого Пушкина ложится на спину и закрывает лицо платком. Девушка-драгун продолжает плясать вокруг с разными ужимками, то пытаюсь поцеловать, то приподнимая юбку Пушкиной. Потом вдруг девушка-драгун обрывает пляску и убегает. Музыка и хор затихают.

Петр (который наблюдал с большим интересом, разочарованно). Уж и все?

Скобеев. Прощения прошу, государь. (Идет вслед за убежавшей девушкой-драгуну и начинает её выговаривать сердито, потом возвращается.) Прощения прошу, государь, девушка, которая представляет парня, из стыда не хочет закончить пляску.

Петр. Не беда, мой арапчонок закончит. (Делает знак негритенку, тот выбегает в круг и под музыку и пение, со смешными ужимками проплясав два раза вокруг лежащей Пушкиной, вдруг вскакивает на нее и несколькими движениями заканчивает пляску.) Ей, арапка, обрадовал, повеселил Петрушку Алексева.

Герцог (смеется). Таких движений нельзя было ждать от ребенка.

Петр. Поди сюда, арапка. (Целует его.) Поди, Пушкина

сюда. Милую тебя да отца твоего Александра Петровича и возвращаю вам вотчину вашу, Болдино, отписаную в казну. А тебе, арапка, в награду даю палку, которой я тебя побил. Храни ее, да помни милость государеву да надейся на иные милости. *(Пушкина и негритенок целуют Петру руку со слезами на глазах.)*

Т о л с т о й. Радостно служить государю, который в один момент и побьет и помилует.

П е т р. Сердцу моему весело прощать вину виноватому, да жаль, как государь ни в какую силу не могу я поступать таким образом во многих случаях. Знаю, что меня считают тираном. Иностранцы говорят, что я повелеваю рабами. Это неправда, не знают всех обстоятельств. Я повелеваю подданными, повинующимися моим указам. Эти указы содержат в себе пользу, а не вред. Недоброхоты мои и отечества, конечно, недовольны. Невежество и упрямство всегда ополчались на меня с той поры, как задумал я вести полезные перемены и исправить грубые нравы. Вот кто настоящие тираны, а не я. Я не усугубляю рабства, обуздывая озорство упрямых, смягчая дубовые сердца, не жестокосердствую, переодевая подданных в новое платье, заводя порядок в войске и гражданстве и приучая к людскости, не тиранствую, когда правосудие осуждает злодея на смерть. Пускай злость клеветает, совесть моя чиста. Бог мне судья. Неправые толки в свете разносит ветер.

Т о л с т о й (с бокалом). Желая, чтоб Господь Бог даровал великому государю здравие Моисеева, леты, веку его равные, силу Самсонову, мир Соломонов, обладание Августово, славу Александрову.

Крики: „Ура! Слава государю!“

П е т р. Да уж. слава Богу, тягостный суд по делу царицы позади.

Г е р ц о г. Первое время после смерти принца в европейских дворах ходили разные слухи, однако ныне общее мнение все более склоняется в идею, что несчастный принц мало имел рассудка, обнаружил свой стыд, слабость и буйство. Когда же

стали известны многие подробности по его смерти, принц весьма уменьшился в глазах Европы, и многие находят даже оправдание ненависти вашего величества к своему недостойному наследнику.

П е т р. Тут ошибаются. Ненависти с моей стороны не было никакой. С моей стороны был лишь долг, который повелевал мне казнить опасного политического преступника. Но по счастливым обстоятельствам всемогущий Бог собственной волею пресек сына нашего, Алексея, живот за его преступления против государства. Случилась жестокая болезнь, подобная апоплексии. Он чисто исповедался и признался во всех преступлениях против нас со многими покаянными слезами, а раскаяние нам принеся, прощение просил, которое мы ему по христианской и родительской должности дали. И так он жизнь свою христиански кончил.

Т о л с т о й. Ваше величество государь, как вы повелели в знак полнейшего торжества над внутренним врагом, художник заготовил эскиз медали, которую следует по сему случаю выбить. С лицевой стороны медали будет портрет ваш с надписью: „Петр Великий, император России“. На обороте же изображена корона, лежащая на высокой горе. Из облаков выходит солнце и освещает корону. Надпись полукругом: „Величество Твое всегда ясно“.

П е т р. Хорошо задумано. Корона на высокой горе, а тучи уже минули. Карл Двенадцатый убит в Норвегии под Фредерихале картечью, и смерть его я оплакал. Сын мой, Алексей, умер Божьей волей, и смерть его я тоже оплакал.

Т о л с т о й. Дай Боже нам, государь, очи ваши видеть в твердом камне, в Петербурге, и так же при вас веселиться. Весна пришла, государь.

П е т р. Пусть войдет. *(Входят плечистые румяные молодцы.)* Здорово, Весна.

М о л о д ц ы *(хором)*. Желаем здравствовать, государь.

П е т р *(к герцогу)*. Весна — именуются свистуны, мастера высвистывать по-птичьи. На весенних свадьбах да на прочих весенних праздниках они птичьим высвистом являют Весну. Из каких мест, молодцы?

М о л о д е ц. Все тверские, государь. Хор тверских ямщиков-свистунов.

П е т р. Починайте, братцы. Зовите Весну. *(Тверские ямщики выстраиваются и начинают птичий свист с переливами.)* Трудный год минул, весна пришла, а корона моя высоко. А что не так, Бог мне простит. Вывод народа слабого, бедного, мало кому известного в историю — вот мое оправдание. *(К Толстому.)* В курантах и в иных грамотах печатают — государство наше — Московское, а не Российское. Извольте пресечь. Чтоб печатали не Московское государство, а Российская империя.

Вспыхивает фейерверк. Крики: „Любо! Любо! Слава государю!“

П е т р. Я жгу фейерверки, чтоб и на праздниках приучить народ к военному огню. В военном огне мы родились и уж с военным огнем нам жить.

З а н а в е с

Сцена 24

Петербург. Троицкая площадь. Утро. В ожидании казни собралась толпа. Эшафот окружен цепью солдат. На эшафоте палач Феофилакт Шапский и подручный его, молодой палач, которые в ожидании привоза преступников пьют из бутылок вино. Тут же орудия их труда — топоры и кнуты. Рядом каменный столб со шпиками, на которые воткнуты головы казненных. Среди них можно узнать головы Кикина, духовника царевича Якова Игнатова, суздальского архимандрита Диосифея, богомола Михайлы Босого, слуг царевича обоих Афанасьевых, Якова Носова. На вершине столба посажен труп Глебова. В толпе слышны разговоры.

П е р в ы й з е в а к а. Погода ветреная, утро туманное. *(Зевает и ежится.)* Как стало рассветать, я уж здесь, чтоб место занять. Кого сегодня казнить будут?

В т о р о й з е в а к а. Шведскую графиню.

Иностранец. Ya, ya, schwedische Fraulin.

Второй зевака. Вот и немец подтверждает, а они ноне на Руси все лучше нашего понимают.

Третий зевака. Графиню вчера по указанию императора батогами наказали. А донес на нее Меньшиков.

Четвертый зевака. Не шведскую графиню казнить будут, а фрейлину императрицы Гамильтон, которая вела распутную жизнь и кидала своих младенцев в колодезь.

Пятый зевака. Нет, резала. Меньшиков предложил сделать обыск в ее сундуках. Стали рыться, нашли окровавленное белье.

Старуха. В прежние времена, при Алексее Михайловиче, таковых преступниц за погубление детей живых закапывали в землю по титьки и оттапывали ногами, отчего умирали того же дня али на другой.

Второй зевака. Неужто голову графини, как вон эти, посадят на шпиз?

Шестой зевака. Ни в коей мере. Фрейлина необыкновенная красавица, и голову ее положат в спиртус, да выставят в кунсткамере на вечные времена, чтоб во все времена могли видеть, какие красавицы рождаются на Руси.

Барин. Что за нелепости ты рассказываешь? Как можно, чтоб такой великий и правосудный государь, как Петр Алексеевич, поступил так с невинною красавицею. Эта придворная особа разрешилась от бремени и из желания скрыть свой стыд убила ребенка, что и было открыто. Суд приговорил ее к смертной казни.

Шестой зевака. Я, почтенный господин, лишь в том смысле говорю, что бальзамирование в спиртусах курьезов доставляет много увеселений.

Первый зевака. Эти, которые на шписах головы гниют, все царевича слуги. Сам же царевич умер от кровавого пострела.

Второй зевака. Осужденных из крепости привели.

На эшафот поднимаются Мария Гамильтон, Орлов и Катерина. Все в кандалах. Гамильтон несмотря на холод одета в роскошное белое

шелковое платье с черными лентами и широкополую белую шляпу.

Ч е т в е р т ы й з е в а к а (*восхищенно*). И верно, красавица.

В т о р о й з е в а к а. Государь не замедлил приездом.

Появляется Петр в сопровождении Толстого и секретаря тайной канцелярии.

С е к р е т а р ь. Можно починать, государь?

П е т р. Почнем с Орлова. Иван Михайлов Орлов, последний раз тебя спрашиваю, ведал ли ты о детоубийстве, совершенном твоей любовницей? Ты стоишь на эшафоте и в самое ближайшее время можешь предстать перед лицом Божиим.

О р л о в (*дрожа от страха*). Государь, как перед лицом Божиим говорю — не ведал.

П е т р. Помысли, Орлов, если ведал, то покайся бы чистосердечно. Потому, согрешить есть дело человеческое, а не признаться в грехе есть дело дьявольское. Покайся, и я тебя прощу. Вот тебе мое слово.

И н о с т р а н е ц (*другому иностранцу, тихо*). Император и принцу Алексею дал слово, когда выманивал его из Неаполя. А как исполнены эти клятвы?

П е т р. Подумал, Орлов?

О р л о в. Не ведал, государь.

П е т р (*к Марии*). Стоя на эшафоте и готовясь предстать пред лицо Господа, скажи — ведал твой любовник о твоём душегубстве?

М а р и я (*тихо*). Не ведал, государь.

П е т р (*к Орлову*). Ну, ежели ты и виновен, то так как нет тому точных доказательств, да судит тебя Бог, а я должен, наконец, положиться на твои клятвы. (*К Толстому.*) Орлова освободить, понеже он о том, что девка Мария Гамонтова была от него брюхата и душегубство детям своим чинила, не ведал, о чем она, девка на розыске показала. (*Орлов, громко плача, бросается на колени перед Петром и целует его башмаки.*) Я не Бог, Орлов, мне такое поклонение не потребно. Я и простому народу запретил падать передо мной на колени

да зимой снимать передо мной шапку. Какое же различие между Богом и государем, когда воздавать будут равное обоим почтение. Менее низости, более усердия в службе и верности ко мне и государству. *(К Толстому.)* Снять с него железа, обрить и одеть в новый гвардейский мундир. *(К Орлову.)* Жалую тебя поручиком гвардии.

С о л д а т ы: Ура!

Н а р о д. Слава государю!

Тут же у эшафота Орлова обнимают и поздравляют товарищи по полку.

П е т р *(секретарю)*. Начинай исполнение приговора.

С е к р е т а р ь. Девка Мария Гамонтова да баба Катерина. Петр Алексеевич, вся великая малая и белая Руси самодержец указал за тебя, Мария, вины, что ты жила блудно и была оттого брюхата трижды и двух ребенков лекарствами из себя вытравила, а третьего родила, удавила и отбросила, в чем ты во всем с розысков винилась, за такое твое душегубство — казнить смертью, а тебе, баба Катерина, что ты о последнем ее ребенке, как она родила и удавила, ведала и о том не доносила, в чем учинилась ты с нею сообщницею, учинить наказание — бить кнутом и сослать на прядильный двор на десять лет. Император и самодержец России Петр Первый. Петербург. Марта четырнадцатого, года 1719.

Вдруг раздается крик, и шутиха, Аксинья Трофимовна, бородастая уродка, пезет на эшафот, плача и причитая.

А к с и н ь я. Пощади, государь, пощади Марьюшку. *(К Шапскому.)* Феофилакт, не руби Марьюшку, меня руби. *(Кладет голову на колоду рядом с топором.)*

П е р в ы й з е в а к а. Это дура смехотворствует. В иных случаях государь сам осыпает преступника на эшафоте упреками, насмешками да бранью, а здесь дуру подговорил.

А к с и н ь я. Государь, не казни Марьюшку. А я песенку спою... Ай-ли-лю-ли-лю-ли-ли... А увидел он чужого мужика, а чужого мужика на жоне своей. А он зарвел. А мужик

побежал. *(Плачет. Народ вокруг смеется.)*

П е т р. Поди прочь, дура, кто тебе велел смехотворствовать?

А к с и н ь я. Государь, не казни Марьюшку, мою постыльную жизнь возьми.

П е т р *(сбрасывает Аксинию с эшафота)*. В Пустоозерье дуру отправить, в острог.

Народ смеется. Младший палач привязывает Катерину к столбу и начинает хлестать ее кнутом. Катерина кричит и стонет. Петр подходит к Марии и целует ее.

М а р и я *(трепеща от ужаса)*. Пощадите, государь.

П е т р *(тихо)*. Орлова ли младенца ты удавила, Мария, али иного кого?

М а р и я *(тихо)*. Вашего младенца удавила, государь... Сына вашего удавила. *(Петр молчит, опустив голову.)* Пощадите, государь.

П е т р. Прощай, Мария. Без нарушения Божественных и государственных законов не могу я спасти тебя от смерти. Итак, прими казнь и верь, что Бог простит тебя в грехах твоих, помолись только Ему с раскаянием и верою.

Мария падает на колени и с жаром начинает молиться. Петр что-то шепчет на ухо палачу Феофилакту Шапскому.

П е р в ы й з е в а к а *(со слезами)*. Государь изрек все-милостивейшее прощение.

Петр отворачивается. Сверкает топор, и голова Марии скатывается на помост. Петр за волосы поднимает голову и целует ее.

П е т р. Господа, публика, поскольку считаю себя сведущим в анатомии, почитаю своим долгом показать и объяснить присутствующим различные части на голове. *(Держа голову за волосы, показывает пальцами называемые части.)* Мозговой череп с мозговым пузырем. Лицевой череп. Рот, где содержатся язык, слюнные железы, перепонки, элементы, отделения, связки, соки, сосуды. Скуловая мышца. Мышца

смеха. Сонная артерия. Слезная артерия. Семь шейных позвонков. Адамово яблоко отсечено. *(Опять целует мертвую голову, затем бросает голову на помост, крестится и уходит в сопровождении Толстого и прочей свиты. Народ начинает расходиться.)*

А к с и н ь я *(всхлипывая, утирает свое мокрое от слез бородатое лицо)*. Выйму землю из-под следа государева, сделаю из земли той отравленное зелье, чем извести государя насмерть, солью то зелье в кувшин, пойду, посмотрю, где ходит государь, чтоб вылить из кувшина в след государев, в ступню государеву. Зелье то красно, точно кровь. Если волю в ступню, государь жить не будет и трех часов. *(Уходит.)*

Служитель поднимает с помоста голову Марии, укладывает ее в банку со спиртом и уносит.

З а н а в е с

Сцена 25

Петербург. Улица. Звонят колокола. Множество разночинного народа. Общая тревога. Повсюду слышен плач. Выходят два странника, бедно одетых с котомками. В одном страннике с трудом можно узнать постаревшего, исхудавшего монаха Селивестра второй Артемий, его товарищ по острогу.

С е л и в е с т р. Нечто учинилось. Ко времени мы с тобой, Артемий, в Петербург наведались.

А р т е м и й. Спытать надобно. *(К плачущему прохожему.)* Человек добрый, чего учинилось?

Прохожий *(плачет)*. Ужас народный. *(Проходит.)*

А р т е м и й. Да что ужас-то?

Проходит плачущий народ. Вопят женщины.

М е щ а н к а. Что теперь будет с нами? Вопль, вой, крик, плач по всем церквам и соборам.

С е л и в е с т р. *(к другому прохожему)*. Здравствуй, человек добрый. Странники мы издалека. Ничего не знаем, что приключилось.

В т о р о й п р о х о ж и й (*плачет*). Наш император, Петр Алексеевич, скончался. Синод, сенат и генералитет уже к верному служению ее величества государыне подписались. Смотрите, манифесты приколачивают к воротам.

А р т е м и й (*Селивестру*). Издох... Исчез... Черт его взял.

С е л и в е с т р. Молчи, Артемий, забыл уж Мезенский острог.

А р т е м и й. Мертвого его не боюсь! А тебе, Селивестр нет чести в твоём совете. Сколько наших товарищей на Мезенской каторге в вечной мерзлоте, сколько скелетов во ржавых кандалах.

С е л и в е с т р. Молчи, Артемий. Порядок нынешний по прежним указам.

А р т е м и й. Чьи указы были? Кто указы писал, тот издох. И указы те его пропали, теперь все сызнова пойдет.

У прибитого к воротам манифеста толпится народ. Один читает по складам вслух: "Февраля двадцать восьмого, года тысяча семьсот двадцать пятого... кончина императору случилась от запору жестокой каменной болезни..."

П е р в ы й и з н а р о д а. Упала сильная рука.

В т о р о й и з н а р о д а. Как-никак, но поддерживал порядок. Что ж дальше будет?

Ж е н щ и н а. На нем был ряд положен, на нем все держалось.

М у ж и к. Видел я великого монарха, когда на Ладогеканале работал. Вот царь, так царь. Даром хлеб не ел. Пуще мужика работал.

М а с т е р о в о й (*плачет*). И-эх... Не было у государя прямых радетелей. Все судьи были.

М у ж и к. Верно, пособников у него было маловато. Он на гору сам десять тянул, а под гору миллионы тянули. Как же дело споро будет?

М а с т е р о в о й. Имели мы, русские, государя доброго, многомыслимого и беспокойного. Кто чтит правду, поймет. Петр Алексеевич, великий самодержец, был русскому народу оборона.

А р т е м и й (*кричит*). Дураки вы, по ком тужите!? По

мироеду! Весь мир перевел добрых голов, только на него, кутилку, перевода не было. Ан, есть. Выходит, и его голова на нитке держалась. Лгал, да пропал. Пропал, пропал проклятый еретик.

Первый из народа. Ах ты, проклятый, такие речи говоришь. За такие речи секут кнутом, да в ссылку.

Артемий. Врешь, нет более его прав.

Второй из народа. Дурак, ноне уж государя не стало, а государственные законы не оставят, а по государе кто не тужит, разве какой раскольник.

Артемий (кричит). Проклятию предаю покойника вашего! И чтоб его телу сквозь землю провалиться.

Третий из народа. Бейте его. Голову ему отсечь мало.

Артемия валят на землю и начинают бить. Подходит новый народ.

Мещанин. За что бьют?

Второй из народа. Бранил покойного государя.

Мещанин. Ну так бейте его хорошенько.

Селивестр (кланяется народу). Православные, имейте милость к убогому. Вне ума он. Я у него поводырем. Ходим Христа ради.

Народ расступается.

Мещанин. Ежели бесноватый, хай на чеппи сидит. Не зачем над скорбями народа насмехаться.

Селивестр поднимает с земли плачущего Артемия.

Первый из народа. Так-то оно лучше. Чем смеяться ему, пусть поплачет с иными.

Посадский. А вы откель движитесь?

Селивестр. С Пустоозерья. Возле Печоры жили, в ставерстах от Ледового моря.

Второй мужик. Далеко. Слыхивал, там и пахотной-то земли нет, один лишь тундряной, звериный и морской промысел.

С е л и в е с т р. Мы каторжные, там камень били да мерзлоту долбили.

М е щ а н к а. И у меня там сродственники. Скажи, не слышал ли, будет ли послабление для штрафованных в прошедшее царство?

С е л и в е с т р. Облегчение судьбы будет, хоть и не каждому, по обычаю сменять наказанных кончившегося царствования новыми ссыльными царствования наступившего.

Идет манифестация. Несут портреты Петра, Екатерины и хоругви. Впереди Феофан Прокопович с крестом. Звонят колокола.

Ф е о ф а н. Россияне, что сие есть?! До чего мы дожили, россияне?! Петра Великого погребаем. Но, оставляя нас, разрушением тела своего, дух свой оставил нам.

Крики из манифестации: "За государя и отечество! За императора нашего!"

В т о р о й м у ж и к (*глядя на проходящую манифестацию. Тихо*). Имперетор. Много он народу перетер.

Проходит несколько придворных. Среди них Толстой и Мусин-Пушкин

Т о л с т о й (*утирает слезы*). Пятьдесят три года государю было. Мог бы жить долго, если б не натура. Такой деятельности никто не выдержит.

М у с и н - П у ш к и н. Одно утешает, Петр Великий оставил сей суетной свет и все свои мысли теперь обратил к Богу.

Т о л с т о й. Да, теперь государь в покое, а два дня мучился и кричал от жестоких болей. Лекаря пустили кровь, она была густа и тяжела. Потом обессилел от лекарств, лишь стонал. По просьбе императрицы ему дали микстуру для утешения.

М у с и н - П у ш к и н. Сейчас долго стоял я у гроба и смотрел. Меня поразило выражение бледного лица на фоне красной подушки. Верхняя часть лица запечатлена величавым

спокойствием. Мысли нет более, но выражение ее осталось. Такой красоты я не видел никогда. А в нижней части лица жизнь еще как будто не застыла. Уста сжаты гневом и скорбью. Они как будто дрожат.

Т о л с т о й. Этот человек дал нам право на историю и едва не один заявил наше историческое призвание. (*Проходят, беседуя.*)

С е л и в е с т р. Петр начинается с буквы — покой. Однако, веревка делает из мирной литеры виселицу.

М е щ а н к а. Так будет ли теперь народу облегчение, понять не могу?

В т о р о й м у ж и к. Будет, когда камень почнет плавать, а хмель почнет тонуть.

Слышен звук барабана. Проходит гвардия.

С о л д а т ы (поют):

Сенат вздумал взбунтоваться, царя-батюшку убить.

Расположился на это охфицера подкупить.

В непоказанное время царя требуют в сенат.

Царь не долго собирался, кафтан военный надевал.

Кафтан военный надевал, ворона коня седлал.

Ворона коня седлал, ко сенату подъезжал.

Да вы, здорово, часовые, сенаторски сторожа.

Сенаторски сторожа, не прошел ли князь сюда?

Они друг на друга посмотрели и сказали: не прошел.

Да из них один солдат черным глазиком повел.

Царь на это рассердился, часовых всех порубил.

Часовых всех порубил, трое двери проломил.

П е р в ы й и з н а р о д а (осторожно). Гвардия идет государыне присягать.

Крик: „Всепросветлейшей и державнейшей великой государыне нашей императрице Екатерине Алексеевне, самодержице всероссийской, слава!“ Крики: “Слава! Слава! Ура”.

Команда: “Примкнуть баганеты! Распустить штандарты! Барабан!” Лязг металла, звук барабана. Идет гвардия, ошетинившись штыками.

С е л и в е с т р. Императора Петра Первого не стало, да
страх его остался.

Звонят колокола. Слышны пушечные выстрелы.
Народ криками приветствует новую власть.

З а н а в е с

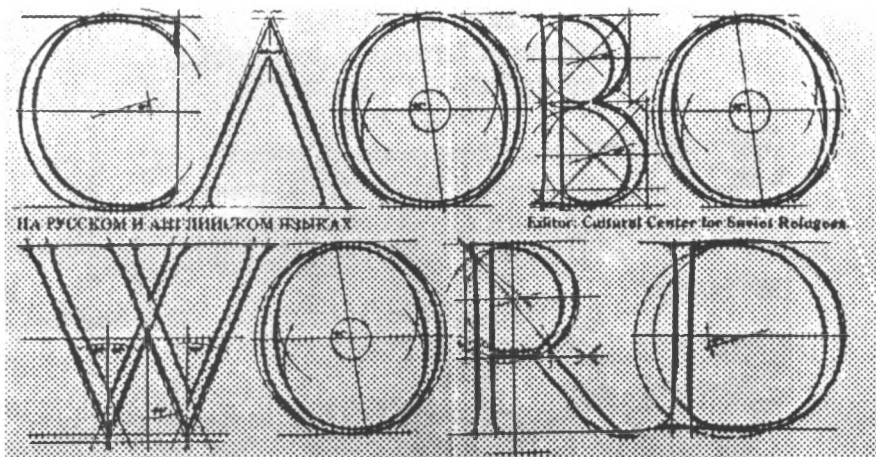
Окончено – декабрь 1985 г.
Западный Берлин

СОДЕРЖАНИЕ

Споры о Достоевском	5
Бердичев	111
Детоубийца	257

Демократическое издание
Литература, искусство, общественные проблемы
Издатель —
Центр Культуры
эмигрантов из Советского Союза

на русском и английском языках

“WORD”
Liberal publication: literature, arts, social problems.
Editor: Cultural Center for Soviet Refugees.
Russian and English Language

CULTURAL CENTER FOR SOVIET REFUGEES
139 E. 33 STREET
BOX 155 (9M)
New York, N. Y. 10016

ИЗДАТЕЛЬСТВО
ЦЕНТРА КУЛЬТУРЫ ЭМИГРАНТОВ
ИЗ СОВЕТСКОГО СОЮЗА
"С Л О В О"

Ирина Ратушинская

Я доживу

Стихи

Заказы направлять по адресу:
CULTURAL CENTER
FOR SOVIET REFUGEES
139 East 33 St. # 9M (BOX 155)
New York, N. Y. 10016

ИЗДАТЕЛЬСТВО
ЦЕНТРА КУЛЬТУРЫ ЭМИГРАНТОВ
ИЗ СОВЕТСКОГО СОЮЗА
"С Л О В О"

в ближайшее время выпускает в свет

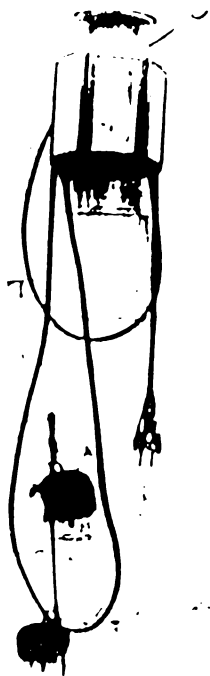
книгу: NOT JUST BRODSKY

Russian Culture in Portraits and Anecdotes

Marianna Volkov

Text by Sergei Dovlatov

NOT JUST BRODSKY

Заказы направлять по адресу:

CULTURAL CENTER

FOR SOVIET REFUGEES

139 East 33 St. # 9M (BOX 155)

New York, N. Y. 10016

ИЗДАТЕЛЬСТВО
ЦЕНТРА КУЛЬТУРЫ ЭМИГРАНТОВ
ИЗ СОВЕТСКОГО СОЮЗА
"С Л О В О"

в ближайшее время выпускает в свет
книгу Давида Зильбермана
"И ТЫ ЭТО ВИДЕЛ"

Автор составил книгу из записанных им
рассказов евреев, чудом выживших во
время немецкой оккупации Латвии

300 страниц, цена 15 долл.

Заказы направлять по адресу:
CULTURAL CENTER
FOR SOVIET REFUGEES
139 East 33 St. # 9M (BOX 155)
New York, N. Y. 10016

Фридрих Горенштейн — родился в 1932 г. в Киеве. Окончил сценарные курсы. В 1962 году опубликовал в журнале "Юность" рассказ "Дом с башней". В 1972 году по сценарию Горенштейна Андрей Тарковский снял фильм "Солярис". По сценариям Горенштейна поставлено восемь фильмов, в том числе три телевизионных. Однако ни одного прозаического произведения после 1962 г. в России опубликовано не было. С 70-х годов произведения Горенштейна начинают систематически публиковаться на Западе в журналах: "22" (Израиль), "Время и мы" (Нью-Йорк), "Континент" (Париж), "Слово" (Нью-Йорк). Они переведены на французский, английский и ряд других языков. Наиболее крупные книги, изданные за рубежом: "Псалом" и "Искупление"